Алексей БЫЧКОВ

МОСКОВИЯ

ЛЕГЕНДЫ И МИФЫ

НОВИНКА!!!

«НЕТРАДИЦИОННАЯ» ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 94(367)
ББК 63.3(2)45
Б95

Компьютерный дизайн
Сергеев А. С.

Подписано в печать 6.12.04. Формат 84×108 1/32.
Усл. печ. л. 26,04. Тираж 5000 экз. Заказ № 3514.
Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры
Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.000577.02.04 от 03.02.2004 г.

Бычков, А. А.
Б95 Московия / Алексей Бычков. — М.: Олимп: АСТ: Астрель, 2005. — 491,[5] с.

ISBN 5-17-028038-6 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-7390-1479-4 (ООО «Агентство «КРПА Олимп»)
ISBN 5-271-10871-6 (ООО «Издательство Астрель»)

Вы уверены, что знаете историю России? И можете точно сказать, сколько лет этому государству? Алексей Бычков утверждает, что многое, принятое в официальной исторической науке за истину, не является таковой. Автор, опираясь на летописи, документы, архивные записи и свидетельства современников, делает попытку разобраться в том, что же в действительности происходило на территории России с древнейших времен до **XVII** века.

Как появилась Россия? Как складывалась русская нация? Когда возникло православие на Руси? Ответы на все эти вопросы вы найдете в «Московии»...

УДК 94(367)
ББК 63.3(2)45

ISBN 5-17-028038-6 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-7390-1479-4 (ООО «Агентство «КРПА Олимп»)
ISBN 5-271-10871-6 (ООО «Издательство Астрель»)

© ООО «Агентство «КРПА Олимп», 2004
ООформление. ООО «Издательства АСТ», 2004

Вместо предисловия

Перед вами необычная книга. В ней предпринята попытка разобраться в том, что же в действительности происходило на территории России с древнейших времен до XVII века. Вы узнаете из нее о том, как складывалась русская нация, а также о странностях той истории Руси, которая нам известна из школьного курса.

В последнее время часто говорят, что подлинную историю мира не знает никто — она писалась разными людьми и всегда по-разному. Поэтому любую историческую книгу мы можем воспринимать только как повод еще раз задуматься: а как же все было на самом деле? «Московия» задает себе и своим читателям неожиданные вопросы: сколько же в действительности лет России? как она появилась и из чего складывалась? что происходило на нашей земле с древности и до воцарения династии Романовых? Неожиданны и ответы, почерпнутые из летописей, документов, архивных записей и свидетельств современников.

Сведения, приведенные в книге, собраны из разрозненных, малоизвестных или вообще неизвестных широкому читателю источников, поэтому написание некоторых имен и названий в тексте может быть различно. Это сделано намеренно — ведь историю нельзя подчинить каким-либо общим правилам, она у каждого своя, и именно в этом — ее ценность.

Где ты, исконно русская земля?

Л. В. Алексеев в книге «Полоцкая земля» (1966) пишет: «Современные данные археологии и топонимики показывают, что в эпоху раннего железа Восточную Европу населяло три крупных группы племен. Первая, ираноязычная, занимала Крымский полуостров, Кубань, Нижний Дон, Нижний Днепр и доходила на севере до водораздела Сейма, Десны и

Карта Центральной России. «Исконно русские земли», с древнейших веков заселенные финноязычным племенем меря и литовскоязычным племенем голядь

Оки... Вторая, финноязычная, группа охватывала все Верхнее Поволжье, бассейн Средней и Нижней Оки, на западе доходила до озера Эзель и оставила так называемую Дьяковскую культуру. Третья, балтоязычная, охватывала все Верхнее Поднепровье, включая Киев, правобережье Сейма, Верхнюю Оку и уходила на запад в Прибалтику».

Топонимика это полностью подтверждает. Правда, надо указать еще одну группу племен — адыгов. Но это ничего не меняет. Славян же здесь изначально не было.

«Каким образом славяне одновременно появляются на громадной территории и притом без каких-либо признаков массового переселения в эти территории нового для них народа?» — так ставит вопрос известный археолог, доктор исторических наук М. И. Артамонов (КСИИМК. № 6. С. 4).

Наши южные предки. О государстве Русь Ясская. Великая Сарматия

На просторах Южной России от Оки и до Кавказских гор и по всей степи от Венгрии и до Монголии с древнейших времен обитали ираноязычные скотоводческие племена, которые у европейцев получили названия скифов, а позднее — сарматов.

Скифы, саки, сакалибы, склавины, савроматы, сарматы, харваты (хорваты), савары, северы, северяне, сербы, сорбы. Все это ираноязычные племена, исконно проживавшие в степной и лесостепной зоне Средней Азии, России, Украины и немного позднее в Венгрии, Моравии, Чехии, Словакии и Восточной Германии.

Известны и другие ираноязычные племена. Аорсы проживали в междуречье Сырдарьи и Амударьи (их главным городом был Хорезм), буртасы и ясы (потомки ясов, осетины, — это те, кто сохранил свой язык, а также восточные украинцы и донские казаки — это те, которые утратили свой природный язык, смешавшись с тюрками и славянами).

Н.А. Маркевич в «Истории Малороссии» (М., 1842. Т. 4. С. 316) пишет, что у казаков было предание, якобы прежде они назывались хазарами[1]. Святослав «подби же под свою область козарей, людей российских же народов».

[1] Говорят, что персы иранцев называли хорзарами, то есть «людьми Хорса». Возможно, хазары — это «хорзары», «хорсовы люди»? — *Здесь и далее, за исключением особо оговоренных случаев, примеч. автора.*

Карта Европейской Сарматии

Буртасы, или бродники[1] — асы, селились на берегах рек и перешли к оседлому образу жизни, занимались в основном торговлей.

Аланы частью вошли в осетинскую нацию, а частью — в русскую, украинскую, чешскую и даже французскую.

Вятичи и радимичи[2] жили в лесной зоне и, рано смешавшись с другими племенами, влились в состав русской нации.

Северяне — саварсы — «черные аорсы» — были переселенцами из Хорезма.

Основная территория российских ясов — государство Русь Ясская (от «рокс-ас» — светлые, степные асы). Ядро этого государства находилось на Северском Донце и на Дону. Именно об этой территории, о Подонье, крайне мало упоминаний в русских летописях, много пишущих о Поволжье, Поднепровье и Подунавье.

[1] Буртасы — фард ас — «речные асы», осетиноязычный народ Поволжья.

[2] Вятичи — от «йетек» — «люди вождя». Радимичи — от «пратамас» — «первые асы».

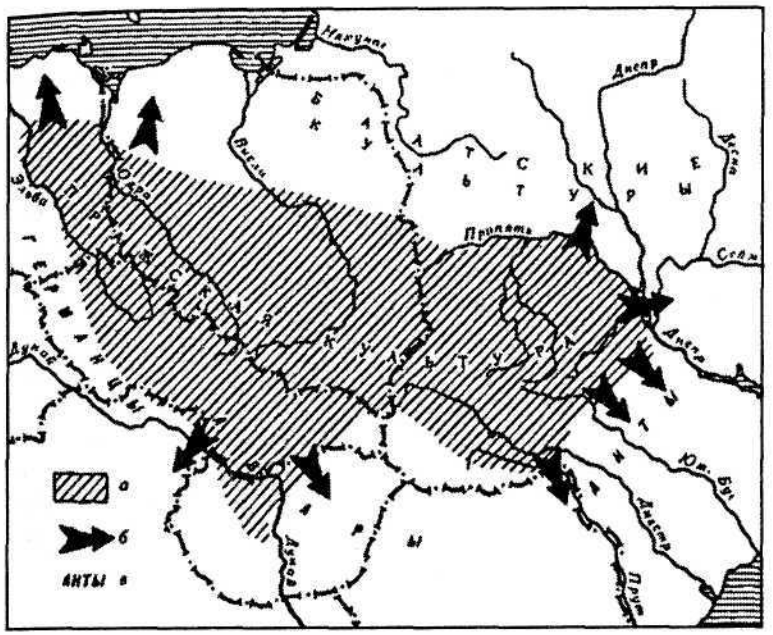
После IV века к вышеуказанным языковым группам добавились племена тюркской группы.

Русь Ясская вместе с Волжской Булгарией и Печенегией, находившейся на правобережье Днепра, входили в союз государств, именуемый Великой Хазарией. Все эти государства то поддерживали друг друга, то воевали, подобно русским княжествам. Тем не менее они явно сознавали свое единство.

Уже возникло тюркское государство, но никаких упоминаний о славянах все еще нет.

Исследователи славянских древностей все чаще обращаются к гипотезе балто-славянской общности для объяснения этнокультурной ситуации в лесостепной и лесной полосе Восточной Европы во второй половине 1-го тыс. до н. э. — первой половине 1-го тыс. н. э. М. Б. Щукин полагает, что процесс «брожения», в результате которого славяне выделились из балто-славянской общности (т.е. перестали быть балтами), начался благодаря этнокультурным «толчкам» —сарматскому на юге и германскому (вельбарскому) на северо-западе балто-славянского мира. Образовался «венетский котел» — напомним, что к венетам Тацита и других античных историков возводил славян остготский историк Иордан (VI в.), а за ним и большинство современных исследователей. Автор предполагает, что это наименование было дано античными авторами тому конгломерату «северных варваров», которые отличались по культуре от хорошо известных римлянам сарматов и германцев. Вероятно, именно продвижение последних способствовало началу дифференциации балтов и славян. А. А. Шахматов предполагал, что балтские предки славян двинулись к Дунаю вслед за готами. Об этой дифференциации могут свидетельствовать и данные этнонимии. Литовцы называли соседних славян (белорусов) «готы», причем в литовском языке это слово приобрело характерное значение: «не владеющий понятной речью». Однако под своим именем славяне стали известны греческим авторам в VI веке на Дунае, и игнорировать этот факт невозможно.

В условиях интенсивных миграционных процессов — Великого переселения народов — и процессов этнического взаимодействия: распространения одних и тех же форм материальной культуры и быта у разных этносов (аккультурация),



Распространение культуры «Прага–Корчак» в третьей четверти 1-го тыс. н. э. (по И. П. Русановой, 1976)

смешения (ассимиляция) — примеры которых являют и зарубинецкая, и Черняховская культуры — определенные этнические границы могли сформироваться лишь при столкновении «переселяющихся» народов с относительно стабильным инокультурным и иноэтничным миром. Для «варваров» Евразии это был мир цивилизации — китайской на Дальнем Востоке, иранской — на Среднем, римской (византийской) — в Восточной Европе.

В последних междисциплинарных исследованиях по этногенезу славян все большее значение в формировании праславянской культуры придается эпохе противостояния славян и Ромейской империи на Дунае. Такая культура сформировалась в юго-западном пограничье балто-славянского мира: славяне выделились из балто-славянской общности, «столкнувшись» с Византией, выйдя, так сказать, из лесов и болот на исторические рубежи. Эта культура получила название

пражской, или «Прага — Корчак», по памятникам, обнаруженным в столице Чехии и под Житомиром; она считается самой ранней достоверно славянской не только потому, что хронологически (VI—VII вв.) «совпадает» с первыми письменными свидетельствами о славянах, но и потому, что археологически прослеживается ее связь с последующими достоверно славянскими «историческими» культурами Средней и Восточной Европы, чего нельзя сказать о предшествующих ей культурах (зарубинецкой, черняховской и др.).

Распространение этой культуры на широких пространствах Центральной и Восточной Европы, от Эльбы и Дуная до Среднего Поднепровья, соответствует данным письменных источников о расселении славян, которое действительно можно назвать демографическим взрывом, но не потому, что больше стало рождаться славян, а потому, что больше стало вливаться иноплеменников в новое этнообразование. Ведь до славян на этих землях кто-то жил. И этот «кто-то» никуда не девался — он стал славянином!

Дунайская прародина

Дунай был для славян не только границей, но и центром, местом начала и завершения самых существенных событий.

Здесь не обойтись без вопроса о том, где славяне «были раньше» и откуда они пришли на Дунай.

Праславянский язык (и праславяне) выделились из *балто-славянского континуума* — этнолингвистической общности славян и балтов (предков латышей, литовцев и пруссов) относительно поздно, в железном веке, и заключительным этапом разделения балтов и праславян был «выход» последних на Дунай: эту концепцию сформулировал еще А.А. Шахматов, ее же разрабатывали В.В. Иванов, В.Н. Топоров и др.

Кто такие «праславяне»? Я лично это плохо понимаю. Ясно, что это еще не славяне. А кто? Балты? Иранцы? Возможно. Есть мнение, что «славяне» от «склавене» — «саковенеды», т. е. как бы «ирано-балты». Население, родственное балтам, но не балты, родственное сакам, но не саки. Саками себя называли сарматские племена. Отсюда саки, скифы, са-

калибы. Слово «сак» означало «лучник», «стрелок из лука». Их потомки, смешавшиеся с венедами, и стали саковенедами, скловенами, славянами.

Великая Сарматия

Великая Сарматия —территория, заселенная ираноязычными племенами, — простиралась от устья Дуная и до Памира. В 370 году из-за гор и пустынь востока нагрянули полчища гуннов (потомками которых были булгары, предки чувашей), из-за которых сарматам пришлось потесниться — часть сарматов вынуждена была перейти в лесостепные районы и превратиться в оседлое население (так как откочевки на юг вместе со стадами стали невозможны, пришлось заготовлять корма для скота на месте), часть ушла в Центральную и Западную Европу[1].

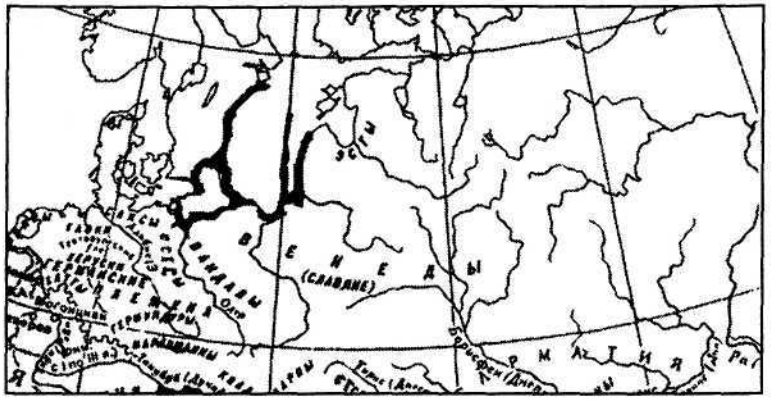
Так в Центральной Европе появились ираноязычные племена: сарматы-харваты (хорваты), сарматы-сервы (сербы), куявы («горцы»), сарматы-роксаланы (русь). В Европе эти племена перемешались с местным населением: кельтами, германцами, даками, балтами. Результатом стало образование нового этноса — славян. А это значит, что славяне — самая молодая из языковых групп индоевропейцев.

Славянский язык — язык балтов, сильно испорченный пришлыми иранцами и смешавшимися с ними фракийцами, иллирийцами, германцами и кельтами, так что искать прародину славян — затея пустая.

Недаром на карте в книге «История Древнего мира» (Учпедгиз, 1952) место расселения славян с I по IV век абсолютно точно совпадает с ареалом распространения балтских племен и балтской топонимики.

Венеды — это балты. Они же названы составителями карты и славянами. Вероятно, балты и славяне — это одно и то же. Однако на этой карте нет четких границ между племенами. Уточняем. На востоке племена венедов жили по реке Москве: это было племя голядь (галинды), говорившее на литовс-

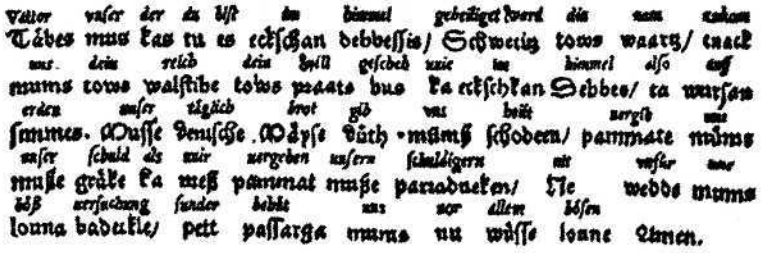
[1] Об этом см. *Бахрах Б.С.* Аланы на Западе. М., 1993.



Фрагмент карты с географическим расположением племен венедов из книги «История Древнего мира» (Учпедгиз, 1952)

ком диалекте. Их топонимика: Ауза (поросшая камышом, камышовая), Чарторый, Чартона, Айбица (Битца). Их современные названия — Яуза, Чертаново, Битца — хорошо знают многие москвичи.

От Москвы граница распространения венедов шла по Оке к Смоленску. Далее к западу жили племена криеве (кривичи), ранее тоже говорившие на одном из диалектов литовского языка. Отсюда граница распространения венедских племен поворачивала к югу, пролегая по правобережью Днепра до реки Рось (чуть южнее Киева). Здесь проживали галинды-древляне, тоже, как показывает топонимика этих мест, племя «литовское». Древлянская топонимика: Раст (Раставица), Расейка (Расавка), Скир (Сквира), Сандрус (Шандра), Узинас



Молитва «Отче наш» на герульском языке с переводом на немецкий. (Bull. historico-phil. 1859. № 16. С. 131)

(Узень), Берзинас (Березина), Акменике (Каменка), Каршис (Корсунка), Пратака (Протока), Ракиталис (Ракитна), Рагоже (Рагозянка), Страутас (Струг). Здесь же Атака, Котлинга, Шовдайка и многие другие балтские топонимы.

Рядом с белорусскими кривичами проживали ятвяги, жемайты, ливы, пруссы и другие прибалтийские племена. И на самом западе их ареала, между Вислой и Одером, жили герулы, часть которых отошла на Балканы, поселясь в районе современного города Белграда. Их язык нам известен. Герулы тоже говорили на одном из диалектов литовского языка.

Топонимика Левобережной Украины в основном ираноязычная, лишь некоторые названия связаны с касогами (адыгами) и тюрками. Так, например, «Псиол» — «псы» по-адыгски означает «река», «вода», а название «Орел» происходит от тюркского «эрель» — «кривой, извилистый».

Топонимика Правобережной Украины ниже Роси — иранская, выше — балтская.

Кодра, Касерка — названия рек фракийские. Лупа, Пинч — иллирийские. Субот — кельтское. А древней славянской топонимики нет.

Все эти названия мы видим лишь на правобережье, где происходило смешение местного балтского субстрата с пришлыми племенами и образование нового «славянского» этноса, в становлении которого участвовали также тюркские и германские племена, топонимика которых также распространена на Украине.

Анты, «окраинные, пограничные» (пеньковская культура), — ираноязычное образование, которое многие считают чуть ли не славянами. Их потомки — сербы, хорваты, тиверцы, уличи, берлядь — наследники жителей подольско-днепровского региона Черняховской культуры. Эта группа сформировалась в позднеримское время на основе ираноязычного населения. Позднее их потомки получили прозвание «тиверцы».

Скифо-сарматское влияние проявляется и в языке (прежде всего в их задненебном фрикативном «h»)[1], и в религии (на-

[1] В частности, о влиянии осетинского языка на украинский писал В.И.Абаев // Проблемы индоевропейского языкознания. М., 1964. С. 90—99.

личие божества солнца Хорса[1], в изображении одноликого Святовита), и в фольклоре: в былинах об Илье Муромце и Владимире Красное Солнышко явно прослеживаются параллели со сказанием о Рустаме и Кей-Кавусе.

В IX веке под напором тюркских кочевников часть тиверцев переселилась в Украинское Закарпатье и в Семиградскую Русь. Их соседи, уличи, в X веке были вытеснены тюрками и переместились в лесостепные области Южного Буга.

Дулебы[2] — пражско-корчакская культура V—VII веков — потомки «пшеворцев». Иордан именно их называет «склавени».

Ареал их распространения — от Верхней Эльбы и Среднего Подунавья до правобережья Киевского Поднепровья. Это территория «пограничных контактов» между венедами-балтами, германцами и сарматами-антами, а также в них влились и представители «культуры карпатских курганов».

В правобережье Днепра, от Роси к верховьям, дулебы ассимилировали местное балтское население, и, смешавшись с ними, эта группа славян стала основой «древнерусской» народности.

На территории от Дона до Волги располагались именьковцы — в VII веке их селения в Поволжье прекращают существовать, что связано с натиском тюркских племен. Они передвигаются на левобережье Днепра (русь ясска), доходят и до Оки, смешиваясь с остатками антов и колочинцами. Именно именьковцев называли «сакалиба».

Русы (русь-ясы) то дружили, то воевали с Хазарией и совершали набеги на салтово-маяцких алан. Для защиты от руси ясской хазары наняли византийцев, которые построили по левобережью Дона крепости, в том числе Саркел (834 г.). Кроме Саркела известны укрепления городищ Алексеевское, Верхнеолыпанское, Верхнесалтовское, Колтуновское, Красное, Маядкое и Мухоудеровское.

За строительство крепостей византийцы получили от хазар крымскую Готию. Так Херсон становится византийской

[1] «Хуарс» означает «добрый, хороший».

[2] «Дулебы» — из германского «daud-laiba», т.е. «наследство умершего».

фемой[1]. Салтовцы (аланы) усилили свои укрепления земляными валами.

Перед захватом Киева Олегом-Игорем северяне, поляне, радимичи платили дань хазарам, стало быть, Хазария все-таки покорила Русь Ясскую (Степную Осетию).

Северянами (северами) назывались выходцы из антских земель, пришедшие на берега речки Сев и Савва и здесь смешавшиеся с верхнедонскими племенами борщевской культуры. Летописи не зафиксировали племенного названия этого народа. В конце X века эти земли были покинуты из-за набегов кочевников и население переселилось в Рязанские земли. Здесь ираноязычные ясы ассимилировались с местным племенем эрзя и стали рязанцами.

Другая ветвь — верхнеокский регион, где пришлые волынцевцы переняли обряд насыпки курганов у местных уроженцев мощинской культуры (VIII—IX вв.). Это уже вятичи. В X веке начинается отлив населения в Донские земли, в бассейн реки Москвы, а в XI веке достигают западных земель Среднего Поочья до устья Прони.

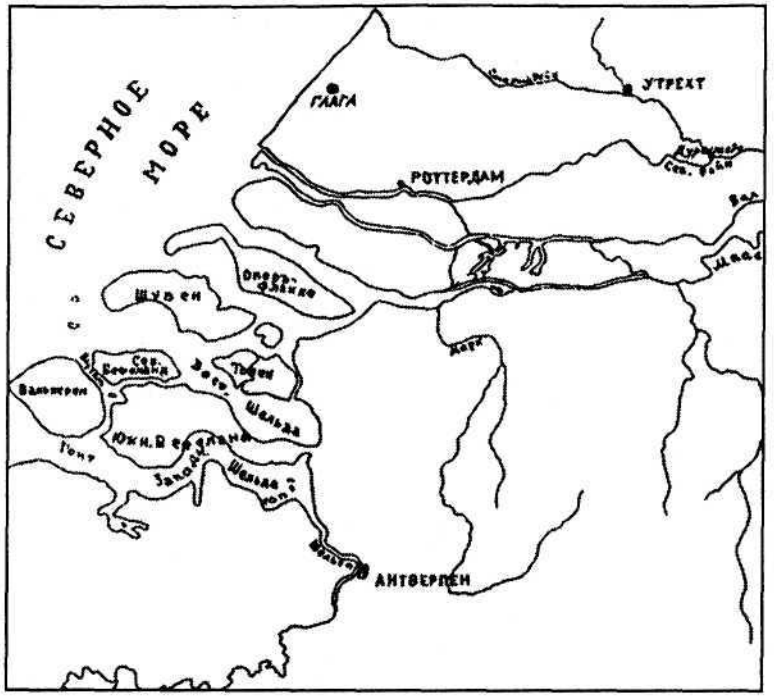
Кто такие славяне и росы и один ли это народ? Чем отличались росы от русов?

Как уже упоминалось, русы изначально были ираноязычными, а росы? Это интересует нас потому, что первые князья, о которых упоминается в летописи, были из росов. Рос, росы — германоязычная этническая группа южного побережья Балтики.

В низовьях реки Шельды еще П.Л. Мухановым выявлена интересная топонимика: деревня Ruysselede, слобода Ros kegem, местечко Roosbecke.

Именно на Шельде и проживали росы, глава же росов имел ставку на острове Валхерн в устье Шельды.

[1] Фемы — военно-административные округа в Византии VII—XII веков, во главе которых стояли стратиги (имели суд, фискальную и военную власть). — *Примеч. ред.*



Карта-схема с древнеросским островом Валхерен и рекой Шельдой

Приведу несколько цитат.

«Росы живут на одном острове среди моря; как в длину, так и в ширину остров простирается на три дня пути. На том острове есть деревья и леса; он со всех сторон окружен морем. Они постоянно занимаются разбоем и знают только одно средство добыть себе пропитание — меч» (Мухаммад ал-Ауфи).

«Росы живут на острове. На коне смелости не проявляют, но храбры в пешем бою. Все свои набеги совершают на кораблях. Носят широкие шаровары и постоянно носят мечи, ибо никому не доверяют — коварство между ними дело обыкновенное» (ибн Русте).

Об острове россов

Страна росов находится на острове, окружность которого равняется трем дням пути, покрыт он лесами и болотами. Росы имеют царя, который зовется Хаган-Рос, он производит набеги на славян. Подъезжают к ним на кораблях, выходят на берег и полонят народ, который потом отправляют к хазарам и болгарам и продают там. Пашен росы не имеют, питаются лишь тем, что добывают в земле славян.

Во второй половине X века арабский географ Муккадеси писал: «Что касается росов, то они живут на острове нездоровом, окруженном озером, и эта крепость защищает их от нападений. Общая их численность достигает 100 000 человек. Нет у них пашен и скота. Страна граничит со страной славян, и они нападают на последних, расхищают их добро, захватывают в плен».

Немецкий писатель О. Фок подтверждает (в начале XIII в.): «Росы живут на острове в море, и они занимаются постоянно разбоем».

Славиния — так Феофилакт Симокатта[1] называет земли к северу от Дуная.

«Славяне, принявшие христианство. Область есть в Руме, жители которой славяне, принявшие христианство. Подать отдают государю Рума. Они зажиточны, и область эта благодатная и безопасная...

Слово об области славян. Это есть область, с востока которой находятся Внутренние Болгары и частью Русь, с юга ее — частью море Кург и частью Рум. С запада и севера ее — пустыни северных пустырей... Они все носят рубашки и наколенники до щиколоток. Они все поклоняются огню... Оружие их щит, дротик и копье. Государя славян называют Самосвит... Зиму всю проводят в ямах и подземельях. У них много крепостей и укреплений...

У них 2 города: Вабнит — первый город с востока славян. Жители несколько похожи на русов. Хурдаб — большой город и местопребывание государя»[2].

---

[1] Феофилакт Симокатта — византийский писатель первой половины VII века. — *Примеч. ред.*

[2] ЗВОРАО. Т. X, в. 1—4, СПб., 1897.

Хурдаб расположен на реке Рута, выходящей из гор, которые на границе между печенегами, венграми и русами[1].

Ибн Русте: «Земля славян — равнина лесистая, в лесах они и живут. Все славяне — огнепоклонники. Хлеб их — просо. Оружие их — дротики, щиты и копья. Глава их зовется Жупанич. Великий князь их— Свиитблк (Святополк). Город его...»

Название города искажено, можно прочесть либо Хорват, либо Морав, либо Градистя. Градище (Велеград) — место обитания Святополка Моравского.

Второй город, возможно, Краков (Хурдаб).

А вот что пишет Абуль Хасан Али ибн Хусейн ал-Масуди (X в.): «Обиталище славян под Козерогом (на севере. *—А.Б.),* откуда они простираются на запад. Они составляют различные племена, между коими бывают войны, и они имеют царей. Некоторые из них исповедуют христианскую веру по несторианскому толку (в другом списке: «по Яковитскому толку». *— А.Б.),* некоторые же не имеют писания, они язычники и ничего не знают о законах. Из этих племен одно имело в древности власть над прочими, его царя называли Маджак, а само племя называлось валинана. Этому племени в древности подчинялись все прочие славянские племена и прочие цари ему повиновались. Затем следует славянское племя астабрана[2], царь которого в настоящее время называется Саклаих».

«Первый из славянских царей есть царь ал-Дир. Он имеет обширные города и многие обитаемые страны; мусульманские купцы прибывают в столицу его государства с разного рода товарами. Подле этого царя из славянских царей живет Аванджа (Ифранджи), имеющий города и обширные области... Затем с этим царем граничит царь Турка. Это племя, красивейшее из славян лицом, по количеству большее, а по силе храбрейшее» (Масуди).

О том, что русы и славяне — народы разные, пишет и Гардизи: «Русы постоянно человек по 100 и по 200 ходят на славян, силой берут у них припасы и этим существуют. Много людей из славян идут туда и служат русам, чтобы через службу обеспечить себе безопасность».

[1] Это соответствует землям Моравии и Словакии.

[2] Астабрана или Вастарана — может быть, «бастарны»?

Согласно с описанием ибн Фадлана (X в.), на Волге славяне, смешавшись с булгарами, дали новую народность — предков современных татар.

В сочинении византийского императора Константина Багрянородного «Об управлении империей» (X в.) приведены названия днепровских порогов по-славянски и по-росски. В первом случае названия действительно звучат по-славянски: хЭссупи (не спи), Островунипрах (Островной порог), Неасыть (Неясыть), Вулнипрах (Волна-порог), Веруцы (Берущий, вертящий или ревущий), Напрези («напереди», либо «напряги», или «на бреге»).

А вот «росские» названия звучат по-шведски: Улворси (холмфорс — «островной порог»), Геландри (гйелланди — «звенящий»), 'Аэйфор — Ээфорр — («всегда стремительный»), Баруфорос (бару-форс — «Волновой порог»), Леанти (лейанди — «смеющийся»), Струкун — «стремнина, теснина».

Стало быть, «росский язык» X века — германский и родствен шведскому и датскому.

Это подтверждает и Лиутпранд Кремонский (X в.): «Греки зовут «руссос» тот народ, который мы называем «нордманнос» по месту жительства».

«Баварский географ» сообщает: «Ruzzi forsderen luidi fresiti» («Руссы — войско которых — народ фризы»).

Сообщение Пруденция, епископа монастыря св. Бертина, о прибывании росов к императору Людовику I Благочестивому в составе посольства византийского императора Феофила. «ВЕРТИНСКИЕ АННАЛЫ». 839 г.

«Пришли также греческие послы, отправленные императором Феофилом, а именно: Феодосий, халкидонский епископ-митрополит, и Феофаний Спафарий и принесли вместе с дарами, достойными императора, письмо. Император с почетом принял их 18 мая в Ингуленгейме. Целью их посольства было утверждение договора и мира, вечной дружбы и любви между обоими императорами и их подданными. Вместе с тем приносилось поздравление и выражалась радость во господе по поводу побед, которые император волею неба одержал,

воюя с чужими народами. Феофил дружески советовал императору и подданным его принести за это благодарность тому, кто дарует всякую победу. Послал он с ними также неких людей, которые говорили, что их, то есть их народ, зовут RHOS, и которых, как они говорили, царь их по имени CHACANUS, отправил к нему (Феофилу. *—Авт.)* ради дружбы. В помянутом письме Феофил просил, чтобы император милостиво дал им возможность воротиться [в свою страну] и охрану по всей своей империи, так как пути, какими они прибыли к нему в Константинополь, шли среди варваров, весьма бесчеловечных и диких племен, и он не желал бы, чтобы они, возвращаясь, подвергались опасности. Тщательно расследовав причину их прибытия, император узнал, что они принадлежат к народности шведской [Sueonum]; считая их скорее разведчиками, по тому царству и нашему, чем искателями дружбы. Людовик решил задержать их у себя, чтобы можно было достоверно выяснить, с добрыми ли намерениями они пришли туда или нет; и он поспешил сообщить Феофилу через помянутых послов и письмом также и о том, что он их из любви к нему охотно принял; и если они окажутся людьми вполне благожелательными, а также представится возможность им безопасно вернуться на родину, то они будут туда отправлены с охраною; в противном же случае они с посланными будут направлены к его особе, с тем чтобы он сам решил, что с таковыми надлежит сделать».

На том основании, что в «Вертинских анналах» имя царя росов произносится как «Хаган», историки вывели заключение, что это тюркское слово, означающее «хакан», «каган». Но вывод этот вовсе ни на чем не основан. Хаган, Хаген — весьма распространенное скандинавское имя, означающее «Одноглазый».

В поэме начала X века анонимного автора «Widsith» («Дальний странник») герой посещает владыку островных ругов Хагена. Вот что писали по поводу ошибки прочтения имени «Одноглазый» как тюркского титула франки.

Письмо франкского императора Людовика II (855—875) **византийскому императору Василию I** (867—886):

«Sed nec hoc ammiracione caret, quod asserit, principem Arabum Protosimbolum dici, cum in voluminibus nostris nichil

tale repperitur, et vestri codices modo Architon, modo Regem vel alio quolibet vocabulo nuncuparent. Verum nos omnibus licteris scripturas sacras preferimus, que per David non protosimbolos, sed reges Arabum et Saba proficere cinfitentur. Chaganum vero nos prelatum Avaram, non Gazanorum aut Nortmannorum nuncupari repperimus, neque principem Vulgari, sed regem vem dominus Vulgarum».

Перевод: «Но достойно удивления твое утверждение, будто государь арабов зовется «протосимвол», хотя в наших кодексах нет ничего подобного, да и ваши именуют его то «архонт», то «царь», то другим каким-либо именем. Мы же перед всей ученостью отдаем предпочтение Священному Писанию, которое устами Давида удостоверяет, что у арабов и сабейцев были не протосимволы, а цари. В латинских кодексах именование «хаган» встречается по отношению к главе авар, а не хазар или норманнов, по отношению же к болгарам не государь, а царь, либо господин болгар».

У русских имя Хаган закрепилось в форме «Якун». Отсюда наши «Якунины» — «потомки Одноглазого».

Итак, ясно, что племя росов, а следовательно, и росские князья — всего лишь шведские пираты с острова Валхерн (ныне — Нидерланды). Остров Валхерн в настоящее время соединен с материком, так как проливы между островами в устье Шельды были засыпаны.

Первые наши князья-«вожди» со своими дружинами жили сами по себе, а племена, им подвластные, — сами по себе. При «вождизме» ватаги вооруженных дружинников кочевали по стране, собирая дань, предаваясь пирушкам. При такой системе в государстве столица как таковая вовсе не нужна.

Поэтому когда мы говорим о столице Древнерусского государства до времен Ярослава Мудрого — это просто перенос более поздних представлений в глубь веков. При Игоре, Олеге или Святославе в Киевской Руси не было никакой столицы. Ни Киевской, ни Новгородской. Ведь столица нужна лишь централизованному государству **с** развитыми экономическими отношениями между регионами. А какие отношения связывали радимичей и северян, древлян и полян? И всех их, вместе взятых, с новгородцами? Все они жили на полном самообеспечении.

Но продолжим копаться в Истории.

Арабский историк и географ Якуби (IX в.) сообщает о нападении на Севилью в 229 г.х. (844 г.) «кораблей народа Магогов, который называется ал-Рус». Далее известно, что в 844—845 годах «прибыли к эмиру Абд-ар-Рахману послы норманнского короля и стали просить у него мира после того, как норманны, выйдя из Севильи, напали на его земли, потерпели там поражение и потеряли своего флотоводца» (Хенинг. 1961. С. 177).

В 844 году Людовик нападает на бодричей и в одной из кровопролитных битв с франками гибнет Гостомысл, легендарный предводитель новгородских словен, первый их князь.

В 845 году (по сведениям Historiae Francorum Seriotems) «Горик, король норманнов, отправил в Германию по реке Эльбе 600 кораблей против Людовика». Горику (Рюрику. — *Авт.)* нужен был мир с Севильей, дабы все силы бросить против Людовика на защиту Гостомысла, своего деда, ибо был он сыном шведского конунга и славянки из племени бодричей.

О походе росов на Севилью и посольстве арабов на Валхерн для заключения мира нам и сообщают источники. Только эти сведения к истории России не имеют никакого отношения.

Руссия

«Слово об области Русь и ее городах. Область, с востока которой гора Печенегов (Карпаты), с юга река Рута, с запада славяне, а с севера от нее северные пустыри. Эта область обширная. Жители ее дурного нрава, лукавые, неуживчивые, дерзкие, своевольные и войнолюбивые. Со всеми окружающими их неверными ведут войны и одерживают верх.

...Среди них есть и племя славян, которое им служит. Из более или менее ста локтей кербаса сшивают шаровары и носят, заворачивая выше колена. На голове носят шерстяные шапки, спуская вниз за затылком конец... Куяне — ближайший город русов к мусульманству» (ЗВОРАО. Т. X, в. 1, 4. СПб., 1897).

Стало быть, от Киева к западу — христианство, от Киева к востоку — мусульманство.

«Баварский географ» о стране городов — Гардарики

«Описание городов и областей к северу от Дуная. Те, которые расположены ближе к пределам данаев, зовутся нортабтрецы. Это область, в которой 53 города, поделенных между их князьями. Вильцы — область, в которой 95 городов и 4 меньших области. Линаа — народ, у которого 7 городов. Рядом с ними расположены те, кого называют бетеницами,

смельдингами и морицанами, у которых 11 городов. Поблизости от них находятся те, кого называют хекфельдами, у которых 8 городов. Поблизости от них находится область, зовущаяся сурби, в каковой области много меньших областей, в которых 50 городов. Поблизости от них те, кого называют таламинцы, у которых 14 городов. Бехеймары— область, в которой 15 городов. У мархариев — 11 городов. Вулгарии — огромная область и многочисленный народ, у которого 5 городов, потому что их великое множество и им нет надобности иметь города. Есть народ, который называют мереханами, у них 30 городов. Вот эти области граничат с нашими пределами. Вот кто находится поблизости от их пределов. Остерабтрецы — область, в которой более чем 100 городов. Милоксы — область, в которой 67 городов. Пешнуцы имеют 70 городов. Тадеши имеют более 200 городов. Глопяны — область, в которой 400 городов и более. Свиряны имеют 325 городов Бушаны имеют 231 город. Шиттицы — область, изобилующая народами и весьма укрепленными городами. Штадицы — область, в которой 516 городов и бесчисленный народ. Шеббироссы имеют 90 городов. Унлицы — многочисленный народ, 318 городов. Нериваны имеют 78 городов. Атторосы имеют 148 городов, народ свирепейший. Эптарадицы имеют 263 города. Виллеросы имеют 180 городов. Сабросы имеют 212 городов. Снеталицы имеют 74 города. Атурецаны — имеют 104 города. Хосиросы имеют 250 городов. Лендицы имеют 98 городов. Тафнецы — 257 городов. Сериваны — это королевство столь велико, что из него произошли все славянские народы и ведут, по их словам, свое начало. Пришаны — 70 городов. Велунцаны — 70 городов. Брусы — во всех направлениях больше, чем от Энса до Рейна. Висунбейры. Кациры — 100 городов. Руссы, чье войско свободные фризы. Шеравицы. Луколане, Унгаре. Вишляне. Шленцане-15 городов. Луншицы — 30 городов. Дадошешаны — 20 городов. Мильцане — 30 городов. Бешунцане — 2 города. Верицане — 10 городов... Фраганов —40 городов. Лупигла — 30 городов. Ополины — 20 городов. Голеншицы — 5 городов. Свевы не рождены, а посеяны. Бейры зовутся не баварами, а бойарами, от реки Боя».

В «Комментариях к законам Эдуарда Исповедника» сообщается о пребывании Эдуарда, сына короля Эдмунда Железный Бок (XI в.), при дворе короля «земли ругов, которую мы называем Руссией. Король этой страны, по имени Малескальдус, выслушав и расспросив его, кто он и откуда, с честью держал его у себя».

Английский историк В. Стаббс считает, что Малескальдус— это ободритский князь Готшалк. Русские историки, конечно же, называют Ярослава Мудрого как претендента на имя Малескальдус. Раз Руссия, стало быть, мы.

Часть русских князей вместе со своими землями влились в Германское государство.

Так, еще с 902 года известен князь русский Иосиф, который передал фрейзингенскому епископу местечко Стиввина (современный Steifern). Титул его: «vir venerabilis» *{Weigt H.* Ortsnamenbuch. Wien, 1964—1975. Т. 1. С. 500). А это как к России привязать?

В приписываемом основателю саксонской династии германскому королю Генриху I Птицелову (919—936) «уставе» турниров в Магдебурге среди феодальных владетелей империи называются Bilmarus princeps Russiae, Radebotto dux Russiae, Vinslaus princeps Rugiae.

Немецкий историк Титмар Мерзебургский (975—1018) сообщает, что в Киеве 400 церквей и 8 рынков. Археологи недоумевают, как Титмар мог увидеть в Киеве Днепровском при Владимире несколько сотен церквей и 8 рынков? Места не хватит все это в нашем Киеве поставить. Да, но про наш ли Киев это сказано?

В одной из церковных книг Регенсбурга встречается интересная запись свидетеля: «Hartwik — habitans in regio Ruscie in civitate Chiebe dicta» («Хартвик, живущий в стране Русция в городе Киеве»).

Киевлянин был прихожанином регенсбургской церкви? Нет! Упомянутый в записи Киев — город у устья реки Моравы, ныне в Венгрии (Кёвё). Древняя Руссия — это Паннония и Моравия, а не Украина.

«Что касается до Руссии, то это пространное государство, от врат Праги до врат Киева, великого города, находящегося на границе государства. Это страна гористая и лесистая» (Вениамин бен Иона из Туделы в Наварре, 1160—1173).

Еще Г. Гарткнох отметил, что Руссия, упоминаемая в средневековых документах, — это вовсе не Киевская Русь.

Где же был центр земли Русской при Святославе? Вот слова, приписываемые князю Святославу: «Не любо мне есть в Киеве быти, хочю жити в Преяславци на Дунай, яко то есть середа земли моей, яко ту вся благая сходятся: от грек золото, паволоки, вина и овощеве различныя, из чех же, из угорь сребро и комони, из Руси же скора и воск, мед и челядь».

На Дунае — середина государства, Киев Дунайский — средина мира. Киев же Днепровский — пограничная крепость, дальнее захолустье. Окраина, одним словом. На Дунае же — греки, чехи, угры и русь.

Поверим Святославу, он лучше знал свое собственное отечество.

А «Слово о полку Игореве»? Ведь и в нем говорится о том же: «Венедицы поют славу Святославлю, кают князя Игоря».

Почему венеды (западные славяне-лужичане) прославляют Святослава, если он не их князь? И зачем кают Игоря, раз им нет до него никакого дела?

Венедицы — винды — жители Индии, той, что на реке Одер. Приведем слова «Былины о Дюке Степановиче»:

Да из той ли Галиции с проклятой
Аи со той ли славная с Индии богатой,
С того славного богатого Волин-града,
С Волин-града со индийского.

Заметим еще: сохранилась грамота «Степана Уроша, короля всея русския земли» (1265—1266). Но Урош — сербский король, и Рассией называлась Рашская земля, а не Русь.

А.В. Назаренко в своей статье «Имя «Русь» и его производные в немецких средневековых актах (IX — XIV вв.)» с удивлением констатирует, что сохранилось много сведений о Руси и Киеве, но «характерным примером «археологической немоты» является полное отсутствие монетных находок на торговом пути Киев — Краков — Прага — Регенсбург». Конечно, так и должно было быть, ведь «наш» Киев — пограничное захолустье. Это вовсе не тот Киев, о котором говорят документы. И не та Русь.

Иоанн XIII в 967 году запрещает богослужения на «русском или славянском языке». К кому относился этот запрет? «Киевская Русь» еще не приняла христианства, как нам говорят. «Наша» Русь — нет, а Древняя Русь — да. Непонятно также, об одном или о двух языках идет речь.

Герхард Меркатор, фламандский картограф XVI века, отмечает, что язык рутенов-ранов (славян острова Рюген) «был словенский да виндальский». Снова не ясно, был ли это язык смешанный или один для словен и виндалов?

Далее, «русы с запада нападают на пруссов» —такие слова встречаются в сочинении ибн Якуба.

Но разве днепровские русы могли нападать на пруссов с запада?

А моравские — могли.

В «Дагоме юдекс», документе X века, упоминается местность «Русь», границы которой простираются от Одера до Кракова и до границы с Пруссией.

Комментатор хрониста XI века Адама Бременского утверждал, что польский король Болеслав подчинил себе всю Славонию, Руссию и Пруссию в союзе с Оттоном III. Получается, что почти сразу же после введения князем Владимиром христианства вся Русь была завоевана Болеславом. Если он завоевал не Руссию Среднеевропейскую, а «нашу», то всю историю страны надо переписывать. Если не «нашу», то всеобщую историю надо переделывать. Выбирайте сами!

Приведем сообщение Адама Бременского о городах Волине, Остроградe и Киеве: «Там, где Одра впадает в Скифское море, лежит знаменитейший город Юмна, отличный порт, посещаемый греками и варварами, живущими вокруг. О славе этого города, о котором много всего рассказывают, а часто и неправдоподобное, необходимо поведать кое-что достойное внимания. Юмна — самый большой из всех городов Европы. В нем живут славяне вместе с другими народами, греками и варварами. Даже и прибывающие туда саксы получают равные права с местными жителями, если только, оставаясь там, не выставляют напоказ своей христианской веры. Все в этом городе преданы губительным языческим обрядам. Что же касается нравов и гостеприимства, то нельзя найти народа более честного и радушного. В этом городе, полном товарами всех народов, ничто не представляется роскошным или

редким. Тут имеются и Olla Vulcani, которые местные жители называют «греческим огнем».

Говоря о ведущих к важнейшему прибалтийскому центру путях, Адам Бременский отмечает, что, «пустившись на парусах из Юмны, на четырнадцатый день прибудешь в Острогард, который лежит в Руссии, где столица Киев, соперница Константинопольского скипетра, краса и слава Греции».

Киев — не на Днепре, а в Греции. Остроград же, вероятно, не Новгород, а город Австрии. Путь мог пролегать по Одеру, против течения, почему и понадобились паруса. Под парусами нельзя прибыть в Новгород — река не судоходна.

Жеффрей Геймар сообщает, что сыновья Эдмунда уехали в Данию, а когда датский король Кнут I Великий, завоеватель Англии, решил от них избавиться, то их наставник Вальгар двинулся с ними по морю лишь тремя кораблями и, путешествуя таким образом, всего в пять дней проехал Русию и явился в Венгерскую Землю. (ТОДРЛ. 1935).

В стихотворной хронике середины XII века уточняется, что беглецы, отправившись на кораблях из Дании, за пять дней миновали Руссию и явились затем в Венгрию[1].

Попробуйте из Дании при самом благоприятном ветре проехать через Новгород в Венгрию за полмесяца хотя бы. Другой вопрос, если Руссия находилась между Южной Прибалтикой и Венгрией — тогда надо было только 5—14 дней под парусом идти вверх по Одеру. Затем волок в Дунай. И все. Тогда Киев Адама — это Кёвё на Мораве.

Как ни прискорбно сознавать, но придется признаться, что «исконно русские земли» отнюдь не в России. В России до X века русских вообще не было.

Отступление 1. Спорная глава, объясняющая, как евреи сделали нас русскими

«Каким образом славяне одновременно появляются на громадной территории и притом без каких-либо признаков массового переселения в эти территории нового для них на-

[1] См.: Научный бюллетень. ЛГУ., 1945. № 4. С. 32—33.

рода?» — так ставит вопрос М.И. Артамонов (КСИИМК. № 6. С. 4).

Проблема переселения «сельскохозяйственного» народа весьма непроста. Представьте себе древнего селянина, вырастившего урожай, запасшего сено для скотины и вдруг решившего переселиться за тридевять земель. Посадил он своих родных на телегу, забрал с собою всю утварь, все припасы на год, кур, свиней, коров, сено для скота и по бездорожью, сквозь дремучие леса пробирается на новые «неосвоенные» места, где его никто не ждет. У него нет больше ни дома, ни подготовленной пашни. Где он найдет приют зимой? Так что переселение, особенно массовое, для земледельцев было делом невозможным.

Не было никакого массового переселения. Просто местные восточноевропейские племена постепенно перешли на язык администрации и торговли, ибо начальники (князья и дружинники) были для них чужаками, выходцами из Центральной Европы и Южной Прибалтики, их разговорным койне[1] стал славянский. Этот же язык был и языком торговцев-рахдонитов, большей частью венедов и евреев.

В связи с тем фактом, что шведские бандиты и еврейские торговцы внесли немалую лепту в формирование великого и могучего русского языка, сообщу кое-что и о самих симитах[2]. Назовем эту главу

Антисимитская история. Израиль, Ханаан и Аравия

Единственным великим еврейским государством Средневековья была Хазария. Именно здесь, на территории России и Украины, были иудейские правители, здесь был Великий Израиль.

[1] Койне [koinз] — общий язык, образующийся на основе смешения ряда родственных диалектов и заменяющий их все. — *Примеч. ред.*

[2] Потомки Хама— хамиты, Яфета— яфетиты, Сима— симиты, естественно.

Естественно, что рядом с Израилем находились Ханаан и Аравия.

В еврейских трактатах Средневековья сохранилось довольно много сведений о ханаанском языке. Собрав их, мы получим ханаанско-еврейский словарь. Для удобства читателей из ханаанско-еврейского сделаем ханаанско-русский:

ШНИХ —снег.
МКУМ (макум) — мак.
НЕМЕЦ — Германия.
КРВКИС (коровкис) —жуки, божьи коровки.
АКРИН — крынка, большая деревянная миска.
ПРИНУС (перинус) — перина.
АВМТ — омет, скирда.
БЛАЗИН — блажен, хорошо.
ГИНА — гуня, одежда.
АВГЛИ — угли.
КУБИЛА (кобыла) — вихрь.
ВАИВРШИ (веверицы) — соболь (надо бы: «белки»).
ПИЛТ —плот.
ИГУДИ —ягоды, плоды.
КНУПИ (канупи) — конопля.
ГНУЙ —гной.
ЛУКИТ —локоть.
ВИШ и БИЛХА — насекомые («вошь и блоха»).
КУПИТУ (капыта) — форма башмаков.
ПИУЦИ — пиявки.
ЛИПА —клей.
ПУМИТЛУ — «помело, им выметают комнату».
АВШГ — очаг.
И БУС — «этим словом называют соитие».
ДУБ —дерево, дуб.
БРИТВА — острое орудие, которым можно резать.
КРУГ — круг.
СТРГДА — четвертый день недели, среда.
БУЛКДЛКИ — «волкодлаки, род животных, в которых есть смесь человеческого со звериным».
В ШКОЛЕ — значит «в школе».
ТУЛИКО БУДИ СТАТИ АНМИСА АИ НИПИЦИ — («только будешь стоять на месте, а и не пищи»?)

Надписи на польских монетах еврейским письмом: **«ЛИШКУС КРАЛЬ»** и **«МИШКА КРАЛЬ ПУЛЬСКИ».**

משקא קרל פולסקי

Польская монета с надписью «Мишка краль пульский»

Выходит, ханаанский язык относится к славянской языковой группе. А аравийцами, аравитянами Бену-ль-Асфар называет народы Северо-Западной Европы.

Таким образом, Израиль — это Хазария (территория Древней Руси, Подонье).

Ханаан — Чехия, Словакия, Польша, Западная Украина.

Аравия — Франция, Бельгия и пр.[1]

Стало быть, все библейские народы —европейцы. Кроме египтян. Из земли фараонов евреи переселились в Европу, где и получила развитие вся их история, как о том свидетельствуют греческие предания.

Я долго изучал проблему происхождения симитов и вот что выяснил. Первый человек родился в Москве — это был Адам, прародитель всех людей. Но он не был симитом. Не было еще народностей.

Симиты — это потомки Сима. Они вышли из Египта. Тогда они назывались не симитами (так их назовут позднее), а аборигенами. И бог их первых обучил искусству письма. И стали они единственным цивилизованным народом на земле.

Затем аборигенов бог Сатурн переселил в Беотию к царю Янусу. Так они стали европейцами по желанию божию. Так как только они одни были грамотными, то их начали назначать на должности руководителей, и постепенно власть перешла к ним — остальные народы не любили учиться, а если кто и выучивался, то ведь на их же языке. Книг на иностранных языках они не писали. Кроме того, они же стали банкирами, ибо, поселившись в разных странах как представители власти, умевшие писать, они были к тому же и весьма дружны в отношении друг друга и никогда не обманывали своих лю-

[1] Об этом см.: ЗВОРАО. Т. 14.

Наскальный рисунок из Испании. Всадники с пейсами — безусловно потомки этих самых аборигенов

дей (вели себя не по-человечески — не как мы, истинные христиане). Если наш простой человек ехал за тридевять земель, то должен был везти с собою мешок денег, а другой такой же умник хотел эти деньги взять у него либо силой, либо ловкостью (а попросту украсть либо ограбить — и это правильно, нечего шастать с мешками денег). А еврейский купец ехал себе с паспортом и не вез никаких денег (а зачем же тогда его грабить или убивать?), приезжал за тридевять земель, писал расписку (ныне это называется векселем) и набирал товар, какой хотел. А потом из этой страны другой купец приезжал в его страну и получал от местной общины свои деньги. Не от одного купца, а от всех купцов — круговая порука. Наши ходят — их грабят, ихние ходят — на них даже не глядят. Легко стать Ротшильдом, когда тебя не грабят на каждом углу. Притом эти самые симиты умудрялись вести торговлю между Испанией и Китаем с Индией уже в раннее Средневековье. Мы будем открывать Сибирь при Ермаке Тимофеевиче и считать это крупным географическим достижением, а они на несколько столетий раньше совершают турне по Китаю и Индии. Слава богу, что им эти географические подвиги в заслугу не ставят — они, на свою беду, держали маршруты и сведения о своих делах в секрете, поэтому позже ничего и доказать не могли (или не хотели).

Покорив тюркское племя, евреи преобразовали его земли в Великую империю, сделав в ней официальной иудейскую веру. Эта империя — Хазарский каганат — то государство, из которого впоследствии родится наша Святая Русь. Но в XII веке хазары (предки казаков) изгнали евреев — и Хазария постепенно утратила свое значение.

В Италии аборигенов называли «hiber», т.е. «беженцы» (в русском произношении «хибер» преобразовалось в «гебреи» или просто «евреи»). Проживали они в окрестностях Везувия, но часть племени смешалась с местными жителями и дала начало новому народу — римлянам.

Дальнейшая их история описана в Библии как сорокалетнее странствование по пустыне. Н.А. Морозов в своей работе «Христос» показал, что вся так называемая библейская топонимика есть не что иное, как топонимика Италии, Швейцарии, Австрии и Балканского полуострова. Именно здесь расселялись постепенно евреи.

КНУН — по традиции читаем «Ханаан», но Морозов читает «Генуя» («Г» и «К» в древних алфавитах идентичны. Гласные же в древних алфавитах часто вообще не писались).

ЛБНУН — «Ливан», а почему не «Альбион»?

ПРТ — Ефрат, но гораздо ближе «Прут».

КДШ В-РНЭ — Кадикс-на-Роне (Женева).

горы ХРМУН — «германские горы» (Тироль).

Железный гроб — в г. РВЕ (в Равенне).

И т.д.

«Н. А. Морозов в своем труде «Христос» пишет: «Через сорок лет (со времени бегства из Миц-Рима, т.е. из окрестностей Везувия, 1,3) в первый день одиннадцатого месяца (января) Избавитель сказал народу: «Громовержец, наш бог, говорил нам на горе Опустошителе (Везувии — ХРБ): «Полно вам жить на этой горе (1,6). Отправляйтесь в путь и пойдите (проповедовать единобожие) в родные горы и ко всем соседям в равнинах, горах и долинах, и в Южном крае, и на берегу Генуэзского моря, и на Монбланских горах вплоть до великой реки Прута (Дуная)».

«Но так как мне одному было непосильно улаживать все

ваши затруднения и распри (1,12), то я взял из вас мудрых и известных мужей и сделал их над вами тысяченачальниками, сотниками, пятидесятниками, десятниками и надзирателями. Мы отправились от горы Опустошителя (Везувия, 1,19) и шли по всей этой великой и страшной степи по Флегрейским полям и дошли до Умбрийских гор (ХРЕ-АМРИ), которые даст вам Громовержец, ваш Бог, и дошли до Кадикса-на-Роне».

Здесь автор, по-видимому, называет Кадиксом-на-Роне современную Женеву, так как далее говорит об очень страшных горах.

«Мы повернули в пустыню по дороге к Красному морю, — говорится в главе второй, — и много времени кружились около Чертова хребта (Diablereux в верхнеронской долине за Женевским озером), но Громовержец мне сказал:

«Полно вам обходить эти горы! Обратитесь к северу и идите мимо границы ваших братьев, сынов Эсу, живущих на Чертовом хребте, но не начинайте с ними войны, потому что я отдал им эту гору. Все съестное покупайте у них на серебро».

Из главы 2: «И мы шли мимо наших братьев на пути, идущем по равнине от Айлта и Эцин-Гебра, потом повернулись и пошли но дороге к равнине. Там Громовержец мне сказал: «Не вступай здесь во вражду с жителями, потому что я отдал Эр (Юру) во владение латинам. Прежде жили там амиены (АМИМ), великий и многочисленный народ, высокий, как англы (ЭНКИ — янки).

(ЭНК — корень слова «Англия» (ЭНГ-ЛЕНД).

Они прежде считались рафами (РФА), как и англы; туземцы же называют их амиенами (2,11), а на Чертовой горе прежде жили геры (ХР), но дети Эсу (Рима) прогнали их и поселились вместо них. А теперь идите в долину Зард (ЗРД)».

И мы шли от Кадикса-на-Роне (КДШ В-РНЭ) до долины Зард 38 лет, пока не вымерли все наши совершеннолетние мужчины, сожалевшие о прежней жизни».

Затем автор, позабыв, что он перед тем говорил об амиенцах и энках, опять повторяет буквально то же самое через несколько строк (2,18), и заканчивает так: «Встаньте же и перейдите реку Арно (АРИН), я передаю в ваши руки Сихона (СИХН), царя Козней (ХШБУН), и его землю (по-видимому, Геную).

«Я послал к нему послов из восточной равнины с мирными словами, но он вышел сражаться против нас со всем своим пародом при Иеце. Мы завоевали все его города от Эрера.на берегу Арно, до Холма Свидетельства (ГЛЭД), только к земле Эмов (ЭМУН — вероятно французов, называвших друг друга ami) мы не подходили по прибрежью потока Ивка (ИБК)».

Из главы «Здесь мы повернули назад и пошли по дороге к Васану (до сих пор город Bassano находится в Ломбардии). Но царь этой страны Ог (Эуг) вышел против нас на сражение при Адрии (которая до сих пор существует под этим названием, близ устья реки По, а река По у древних латинских авторов и называется Иорданом — Eridadus — соответственно библейскому начертанию Ирдн и своему имени, среди созвездий). Мы поразили его и завоевали все его многочисленные города, укрепленные высокими стенами, порогами и запорами (Верона, Падуя, Феррара, Болонья, Парма, Модена; нигде не было в средние века столько больших городов), всю Арговскую область (АРГБ), от потока Арно до Германских (ХРМУН) гор (Тироля), которые венецианцы называют ШРИН, а умбры (ЭМ-РИ) называют ШНИР.

Только Ог один остался из всех рафов. И вот гроб его железный, вот он в Равенне (РВЕ) у умбров, длина его девять мужских локтей, а ширина четыре (3,11)» (гробница Теодориха Готского (454 —526), в Равенне). «Желал бы я увидеть и ту добрую землю за Эриданом, Венчанную Гору (Monte Rosa?) и Монблан (ЛБН — белая гора, Албион), но Громовержец разгневался на меня за вас и сказал мне: «Полно! Не говори мне более об этом. Взойди на вершину Пасги (ПСГЕ), подними глаза твои к западу, и к северу, и к югу, и к востоку, и дай наставление Иисусу, потому что он введет народ во владение землею, которую ты увидишь (3,28)».

Затем рассказывается, как Избавитель начал делать наставления тут же в долине около дома Пасги (ПЭУР).

Из главы: «Храните свои души, чтобы не забыть вам о том дне, когда вы стояли перед Громовержцем, вашим богом, у горы Опустошителя (Хориб—horribilis), а **гора горела огнем до самых небес при мраке, облаке и туче,** и говорил вам Громовержец из среды огня, и вы слышали его голос, но не виде-

ли его фигуры (4,11). Он вывел вас оттуда, из Миц-Рима, из железоплавильной печи, чтобы вы были его избранным народом (4,20)».

«Слышал ли какой-нибудь народ голос Громовержца, говорящего из среды огня, и остался ли после того жив? Пытался ли какой-нибудь бог избрать себе народ из среды другого народа знамениями, и чудесами, и испытаниями, и войною, и великими ужасами, как сделал это Громовержец, наш бог, в Миц-Риме перед нашими глазами? С неба дал он слышать вам свой голос и на земле показал вам свой великий огонь, и вы слышали его (громовые) слова посреди огня» (4,36).

«Так, — прибавляет рассказчик,— говорил Избавитель на берегу Эридана, когда его сторонники овладели землею на восток от Эрэра на берегу реки Арно до горы Сиан (ШИАН), т.е. Германской (ХРМУН), и до моря равнины при подошве Пасги» (4,49).

Что же это за море равнины при подошве горы Пасги?

Пасгой названа в Библии вершина какой-то горы Небу (НБУ), имя которой обозначало также и планету Меркурий. Если принять это в астральном смысле, то можно взять созвездие Девы или созвездие Близнецов как астрономические дома Меркурия. Однако, несмотря на всю мою склонность к объяснению загадочных мест Библии астральной символистикой, я не решаюсь здесь прибегнуть к этому способу. Тут все еще дышит грохотом извержения Везувия, и потому я только пробую перенести место действия из Палестины, где все это явно неприемлемо с географической точки зрения, в Италию и ее окрестности.

Я признаю за моим читателем полное право найти что-либо лучше того, что я предложил ему гипотетически в предыдущих строках. «Ищите и найдете», — говорил евангельский учитель, но только искать надо с разумением, а не как попало, иначе можно ткнуть пальцем на карте во что-нибудь не многим лучшее, чем Мертвое море. По отношению к огнедышащей горе, на которой, по словам библейских книг, были произнесены Избавителем в раскатах грома десять заповедей, не может быть другого выбора, как Везувий; город Адрия, куда Избавитель привел беглецов из опустошенной Везувием

цветущей местности, здесь назван прямо; народ умбры назван умры (или эмры), город Бассано к северо-западу от Венеции назван прямо по имени: Вассан. Город Масса (Исх. 17,7), где Моисей извлек воду из скалы ударом своего посоха, существует и теперь к северо-западу от Феррары. Город Реховот, где царствовал Саул над Эдемом (Римом) (Быт. 36, 37) и теперь называется Реджио, к востоку от Пары — библейского Парана (Втор. 33,2 и Чис. 10,12).

Значит, и поток Арно и есть итальянская река Арно, и гора Ливан есть Альбион-Монблан, так как оба слова значат на своих языках одно и то же: Белая гора. Гора Сеир означает Чертова гора, и мы действительно видим в верхнем течении Роны, раньше, чем она впадает в Женевское озеро, Чертовы горы; кроме того, и Флегрейские поля заслуживают такого же имени; и современная река По действительно называется у латинских авторов Иорданом (Эриданом). Остается только отождествить и другие библейские названия с именами, находящимися на современных картах Италии и близких к ней стран».

Если признать, что и эта точка зрения имеет право на существование, то тогда мы получим следующую картину.

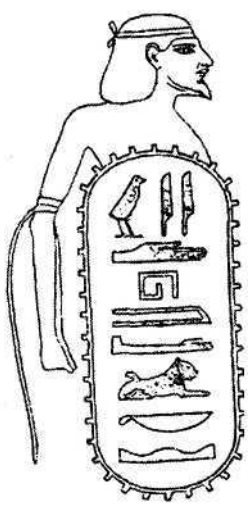
Древнейшим письменным народом были «египетские» аборигены, переселенные Сатурном в окрестности Везувия. Везувий был священной горой для всех: еще бы, грохочет и дым пускает. На его вершине устанавливаются статуи богов. Но жить там небезопасно. В одно из землетрясений статуи повержены. Сохранилась лишь одна статуя бога Алла (Элохима-Аллаха). Отсюда был сделан вывод: этот бог не желает других богов себе в сотоварищи. Но начинается извержение вулкана, и племя по западному берегу Италии устремляется на север. Потому и море отступило при восточных ветрах, что шли по западному побережью Италии — ветер и отлив осушали литораль[1]. Отсюда племя расселилось по всему югу Ев-

[1] Литораль (от лат. litoralis — береговой) — зона морского дна, затопляемая во время прилива и осушаемая при отливе. — *Примеч. ред.*

ропы, создав особо сильные анклавы на Иберийском /еврейском/ полуострове. Можно предположить, что в то время евреи и филистимляне — один и тот же народ (либо близкородственные). Так как только они и были грамотными, то все дела по богослужению, написанию книг, торговле постепенно перешли к ним. Еще бы! Человек берет кусок дерева или коры, царапает его, и бессловесный предмет все в точности передает адресату, находящемуся в другом городе или даже стране. Разве можно противиться таким сильным колдунам, способным заставить разговаривать даже доску? Так еврейский язык стал языком священным. Древнейшие тексты Библии написаны отнюдь не по-славянски и даже не на латыни. Да и сам Христос является сыном еврейки, как нас уверяют наши же попы.

Но наиболее известна страна, руководимая иудеями и оказавшая сильнейшее влияние на нашу историю, это Хазария.

О переселении евреев из Италии от священной горы Везувий (где, как указывает французский географ и социолог Жан Жак Элизе Реклю, Иисус спускался в ад к грешникам) по западному берегу полуострова в Швейцарию и Австрию, затем на Балканы, а оттуда — на Ближний Восток (в Великую Армению) сообщает Священное Писание евреев — Тора. С Ближнего Востока часть еврейского народа переселилась на юг России, образовав Новый Израиль — Хазарию, куда учиться мудрости приезжал сам святой Кирилл, обучившись именно здесь русской грамоте, как о том свидетельствует Русская Церковь. Стоит сравнить еврейскую письменность с глаголицей, и станет ясно: некоторые знаки есть в еврейской письменности, но в греческой их нет.



Изображение иудейского царя на египетской стеле

На Днепре одной из торговых факторий хазарских евреев был город Киев.

Сохранился древнейший киевский документ X века — это так называемое

«Киевское письмо», в котором киевские евреи просят единоверцев Ближнего Востока и Египта оказать материальную помощь пострадавшему, бывшему поручителем за убитого иудея.

ПЕРЕВОД «КИЕВСКОГО ПИСЬМА»

«Тот, кто первый среди самых главных, тот, кто украшен диадемой «Конечный и Первый», тот, кто слышит шепчущий голос и слушает громкую речь и язык. — да хранит их как зеницу (ока своего) и позволит им жить, вознесясь высоко, подобно Нахшону, как первым людям правды, презирающим выгоду, дарующим любовь и доброту, представляющим милостыню, стражей спасения, чей хлеб всегда доступен каждому страннику и прохожему, святым общинам, разбросанным по всем уголкам (мира): да будет воля Владыки Мира (покоя) дать им возможность жить, как корона мира (покоя)! Теперь, наши князья и господа. Мы, община Киева, (этим) сообщаем вам о трудном деле этого (человека) Мар Яакова бен Р. Ханукки, сына (добрых людей). Он был тем, кто дает, а не тем, кто берет, до того времени, пока ему не была предрешена жестокая судьба, и брат его пошел и взял деньги у иноверцев: этот (человек) Яаков стал поручителем. Его брат шел по дороге, и тут пришли разбойники, которые убили его и взяли его деньги. Тогда пришли кредиторы и взяли этого (человека) Яакова. Они наложили железные цепи на его шею и кандалы на его ноги. Он находился в таком положении целый год (... и после...) этого мы поручились за него. Мы заплатили 60 (монет) и теперь еще осталось 40 монет; поэтому мы послали его по святым общинам, чтобы они могли оказать милость ему. И теперь, наши господа, поднимите ваши глаза к небесам и поступите в соответствии с вашим добрым обычаем, вы, кто знает, как велика добродетель милостыни, как милосердие избавляет людей от смерти. Но мы не те, кто предостерегает, а те, кто напоминает, и будет милость для вас перед Владыкой, вашим Богом. Вы будете вкушать ее в этом мире, и ее присутствие останется для мира грядущего. Только будьте сильными и обладайте мужеством добра и не бросайте слова наши себе за спину; и пусть Всесущий благословит вас, и

восстановит Иерусалим в ваши дни, и спасет вас и также нас с вами.

А(минь?) А(минь?) А(минь?) Б(лагословен) Ч(итающий) Э(то).

Авраам Парнас (...]эльбар МАНАС Реувенбар
ГОСТЯТА бар KYBR Коген Самсон
Иуда, по прозвищу SWRTH Ханукка бар Моисей
QWFYN бар Иосиф МАНАР бар Самуил Коген
Иуда бар Исаак Левит Синай бар Симуил
Исаак Парнас

(Приписка руническим письмом по-тюркски: HWQWRWM — «Я прочел (это)».)

Арабский историк и путешественник Масуди в своей работе «Muruj aldahab» (ок. 943-947) сообщает данные о постоянной наемной армии хазарских царей. Командующий этой армией был отмечен титулом «вазир». Приведем перевод отрывка из работы Масуди: «В этой [хазарской] стране мусульмане являются преобладающей [силой], потому что они [составляют] царскую армию. Они известны в этой хазарской стране как *al'arsiya* (Арсийя), и они пришельцы из страны Кваризм. В древние времена, вслед за появлением ислама, появились в их странах засуха и мор, и поэтому они пришли к хазарскому царю *(malik alkazar)*. Они были людьми сильными и смелыми, и хазарский царь полагается на них в своих войсках. Они остались жить в его стране на определенных условиях.

Первым [условием] было то, что они могут открыто исповедовать их религию, иметь мечети и возможность созывать молящихся.

Кроме того, им принадлежала должность вазиров. В настоящее время [как и обычно] вазир один из них. Его имя Ахмад бар Куйа. Далее, когда хазарский царь воюет с мусульманами, они [Арсийя] не должны сражаться с единоверцами. Но они совместно с царем сражаются против всех неверных. Сейчас около 7000 из них скачут с царем, лучники с нагрудниками, шлемами, в кольчугах. Некоторые из них имеют копья, оснащены и вооружены, как мусульмане (копейщики).

Они (Арсийя) имеют также мусульманских судей...

Никто из царей Востока в этой части света не имеет наемной армии, кроме царя хазар.

Все мусульмане в тех странах известны по имени этих людей: *Arsiya*.

Ал-Масуди продолжает далее, что после 300 года (912 г. н.э.) около 500 судов *(markab)* Руси, каждое из которых может нести 100 человек (всего около 50 000 воинов), прибыло ко входу в Керченский пролив, и у хазарского царя попросили разрешения проплыть вниз по его реке и таким образом достичь Каспийского моря. Хазарский царь, не имея собственного военного флота, согласился при условии предоставления ему половины добычи. Русы разграбили Азербайджан, Гил и Дайлам.

Арсийя и другие мусульмане, проживающие в хазарской земле, узнали, что сделали русы и сказали хазарскому царю *(malik alkawr):* «Дай нам возможность [разделаться] с этими людьми. Они напали на земли наших мусульманских братьев и пролили кровь, а также поработили их женщин и детей». Хазарский царь был не в состоянии противостоять им. Он послал (сообщение) к руси о решении мусульман сражаться с ними.

Мусульмане собрались, пошли навстречу им вниз по реке.

Когда они (два войска) встретились, то русы высадились со своих судов.

Мусульман же было 15 000 на конях и с оружием — и (сверх того) с ними были христиане, живущие в городе Атиль. Битва длилась три дня, и Бог помог мусульманам. (Русы) были поражены мечом, убиты и потоплены. Всего убитых мусульманами на берегу хазарской реки насчитывалось 30 000. Только 5000 человек из них бежали и смогли вернуться на суда, достичь другого берега (реки Атиль-Волги), который находится по дороге в страну буртасов».

Из приведенного выше текста ясно, что начальник наемных войск (называемых Арсийя), занимавший пост вазира, был, используя современную терминологию, министром вооруженных сил Хазарии. В его руках была оборона страны — конечно, ее северных и восточных границ — от врагов (нему-

сульман). Поэтому мы можем принять версию, что этот хазарский вазир основал или укрепил гарнизоны на Днепре в качестве меры предосторожности после падения Аварской державы. (Это событие должно было потрясти соседей государства, ведь внезапно исчезло могущественное политическое и экономическое образование, существовавшее в течение почти 250 лет.)

Выше уже было указано, что холм рядом с основной Киевской крепостью, Берестово, в летописях называется «Угорское». Русское слово «угрин» происходит от старой формы **on(o)gur* которая связана с именем хорошо известного кочевого народа оногур *(Оногьг)*. Подобным же образом киевско-русское обозначение «угрин» — «венгр» также произошло из той же самой исходной формы: **onogur*.

Хазары пользовались в быту не «священным» письмом, ивритом, а «степными рунами». Так, на одном из камней Маяцкого городища найдена надпись «Бен Атыф» — «сын милостивого»

И вот иудеи начали торговать с местными племенами. Финны, усвоив от них «славянский» язык, стали говорить по-русски (протяжно, полногласно, окая или акая). Не «млеко», «брег», «драгой», а «молоко», «берег», «дорогой» и т.д. Балты, усваивая новый язык, сохранили свое «дзеньканье» — «дзяды», «дзявчына». Иранцы-асы, перешедшие на славянский, сохранили свое фрикативное «h» вместо взрывного «г». Так из племен трех языковых групп образовались три народа одной языковой группы: русские, белорусы и украинцы. Разное этническое происхождение украинцев и русских сказалось и на характере наций.

Русский историк С.М. Соловьев отмечал: «Различие в характере северного и южного народонаселения обозначается примерно в источниках нашей истории: иностранцы-современники хвалят храбрость дружин южной Руси; они отличались стремительностью в нападениях, но не отличались стойкостью. Противоположные отзывы встречаем о населении северной Руси: оно не любит вообще войны, не отличается стремительностью натиска, но, где нужно стоять крепко, защищаться, там оно неодолимо; здесь, на севере, образовался тот русский воин, которого, по известному выражению, можно убить, но не сдвинуть с места».

[1] Значок «звездочка» перед словом означает предполагаемое восстановленное чтение слова, которое «в живую» до нас не дошло.

Теперь, после рассказа об осетинах и евреях, надо рассказать об еще одном народе, вошедшем в наш этнос. Этот великий и благородный народ — тюрки.

Древние тюрки

В IV — начале VI века этническая группа «тюрк» находилась в подданстве каганата центральноазиатских жуаньжуаней (аваров-обров)[1]. Обитали древние тюрки на южном склоне Алтая и по основной своей, говоря современным языком, производственной специализации были оседлыми рудокопами-шахтерами, железоплавилыциками и кузнецами.

Тюрки, по рассказу византийского посла Зимарха, посетившего в 568 году ставку кагана на Эктаг-Алтае, имели свои рудники и сыродувные горны для плавки руды. Они торговали с другими странами, продавая выплавленные железные крицы. Предлагали они купить их и греческому послу.

Итак, производственная специализация тюрков была чрезвычайно дефицитной и выгодной в условиях Центральной Азии. Дело в том, что в области проживания авар (занимаемой ныне Республикой Монголия) не было, как нет и теперь,

[1] Жуаньжуане = жужане (БСЭ) — союз кочевых племен, обитавших в степях Западной Маньчжурии, Монголии и Туркестана в раннем Средневековье. В середине VI века союз распался.

Авары (обры) — племенной союз главным образом тюркоязычных племен. В середине VI века образовали в бассейне Дуная Аваоский каганат. Считается, что авары — потомки ушедших на Запад жужаней.

месторождений железной и медной руды. Ближайшие месторождения имеются только на Саяно-Алтайском нагорье, где издревле обитали различные тюркоязычные этнические группы.

Ясно, что вся экономика и вооружение армий государства жуаньжуаней, которые владели в ту пору центральноазиатскими просторами, целиком зависела от производительности металлургов-тюрков, обитавших на рудных месторождениях Алтая. Поэтому дань с них авары взимали железом и предметами, из него изготовленными. Особое место занимало производство оружия и конского снаряжения.

Первоначально лишь сто семейств называло себя именем «тюрк», или «тюрк бодун». Первым, кто стал так называться, был Надул-шад из рода Ашина.

При правителе Бумыне тюркская община усилилась и окрепла, и в 533 году тюрки впервые появились на границе с Китаем ради торговли. Так тюрки впервые попали на страницы Истории.

В 545 году к тюркам прибыло посольство от китайского императора. В следующем году состоялось ответное посольство — это означало международное признание.

В это время мимо их селений шли войною на притеснителей-аваров (жуаньжуаней) отряды взбунтовавшегося другого тюркоязычного племени, носящего название «телэ» (числом свыше 50 000 кибиток). Бумын со своим войском сумел остановить их и присоединил орду телэ к своему войску и к своему народу. После этого, «полагаясь на свою силу и многочисленность, он просил брака у жужаньского государя. Но тот послал нарочного с таким ругательным ответом: «Ты, мой плавильщик! Как же ты осмелился сделать такое предложение? « Тогда смелый Бумын попросил невесту из Западного Дома Вэй и получил согласие». И в 551 году Бумын женился на китайской царевне Чан-лэ.

В начале 552 года Бумын разгромил в бою основные силы апаров. Их каган Анахуань покончил жизнь самоубийством, а народ стал разбегаться.

Большие орды аваров (так их стали называть в Европе) бежали на запад и прошли по Причерноморью через Карпаты в Венгрию. Вся степь к северу от Амударьи, Тянь-Шаня и

пустыни Алашань стала принадлежать тюркам. В том же 552 году Бумын возложил на себя титул иль-кагана, а супругу свою возвел в достоинство катун. По неписаным законам того времени, в Великой степи мог быть лишь один каган. Поэтому только после смерти кагана апар и, следовательно, после гибели аварского каганата, в 552 году в Центральной Азии воцарился первый тюркский каган Бумын и его катун. Так возник Первый Тюркский каганат (552—630).

Третий тюркский мухан-каган на западе разбил эфталитов, на востоке прогнал киданьцев, на севере покорил чиков Тувы и привел в трепет все владения, лежащие за Китайской стеной.

Разгромив эфталитов, войска алтайских тюрков вошли в контакт с не менее могучей державой— Ираном. Около 567 года Иран и тюрки поделили по договору Среднюю Азию. Все земли от Амударьи к востоку и северу достались тюркам, а к западу и югу — отошли к Ирану.

Хазары пользовались тюркским руническим письмом, разработанным Маниахом Согдийцем по приказу Истеми-хана для ведения переписки при осуществлении посольства в Византию в 567 году. В ответ к Истеми-хану прибыл в долину реки Юлдуз Земарх. В результате связей с Византией Тюркский каганат принял христианство несторианского толка[1].

Продолжая западный поход в погоне за аварами, тюрки обогнули с севера Каспий и вышли к Северному Кавказу. Византийская империя, с владениями которой тюркские войска столкнулись в Причерноморье, была вынуждена в 576 году сдать им все прикавказские и крымские города бывшего Боспорского царства.

Так в Восточной Европе впервые зазвучала тюркская речь, хотя С. А. Плетнева допускает приход булгар раньше «тюрок» Тюркского каганата. Возможно, что булгары — тюркское племя, пришедшее в Европу еще раньше, вместе с гуннами и уграми[2].

[1] То есть и письменность у тюрок гораздо старше славянской, и христианство приняли на полтысячелетия ранее.

[2] См.: *Плетнева С.* Древние болгары в восточноевропейских степях // Татарская археология 1997. № 1.

Готский воин и гепид. Из книги Westphalen Ernest Joachim, Monumenta inedita rerum Germanorum, Lipsiae, 1740

В 581 году Тюркский каганат разделился на Западный (от Алтая до Крыма) с центром в Семиречье и Восточный (от Алтая до Великой Китайской стены) с центром на реке Орхон. В 630 году оба эти государства распались и на их землях возникли иные государства.

Изгнанные со своей родины авары осели в Центральной Европе. Самым знаменитым аварским ханом был Авитохол, известный в европейской истории под именем Аттила (это германское прозвище означало «батюшка»),

В конце V века, после смерти Аттилы и гибели его державы, в которую составной частью входили и булгары, они, в качестве наемников императора Византии Зенона, воевали с готами и были побеждены последними (481 г.), а семь лет спустя они снова воевали с готами, объединившись с гепидами.

В 514—515 годах они приняли участие в византийской междоусобице на стороне Виталиана, мечтавшего захватить престол. Павел Диакон, автор «Истории лангобардов» под 569 годом поместил рассказ о том, что лангобардский король Альбоин привел из Паннонии в Италию какую-то орду болгар, а в 597 году о болгарах, уже как о подданных аварского кагана, участвовавших в его борьбе с Византией, писал Фео-

филакт Симокатта. Затем они вошли в подчинение к аварам и воевали против Византии.

На развалинах Западнотюркского каганата выросло новое государство —Хазарский каганат, куда входили племена булгар и савир, барсилы, угры и ираноязычные аланы-асы.

Предводитель хазар, считая себя наследником тюркского кагана, взял себе тот же титул. Известно, что он был из могущественного тюркского рода Ашина, остатки которого после междоусобицы отошли к западу и обосновались в Прикаспии. В первые же годы овладения новыми кочевьями им удалось встать во главе формирующегося хазарского объединения. Когда в Восточном Предкавказье складывалась держава Хазар, в Западной части (вокруг Азова и в Прикубанье) возникла Великая Булгария. Ханами Великой Булгарии были представители рода Дуло, того самого, из которого вышел и Аттила. Около 619 года, как сообщает патриарх Никифор, в Константинополь прибыл гуннский правитель Органа, а позже побывал в империи и его племянник — хан Кубрат, будущий объединитель Великой Булгарии. Род Дуло и род Ашина были во враждебных отношениях внутри Западнотюркского каганата, и с распадом каганата оба рода возглавили отдельные образования. Род Дуло стал ориентироваться на Византию, рассчитывая на ее поддержку против хазар Ашина. Кубрат принял крещение и как заложник воспитывался при византийском дворе. Он получил титул патрикия и был весьма образованным по тем временам человеком, проявляя себя сильным и удачливым полководцем и умным политиком.

В состав этих государств вошли и нетюркские народы — угры-мадьяры, аланы-асы, адыги. В это же время к северу от Великой Булгарии (территория Подонья и Северского Донца) появляется еще одно образование — Русьаска (Роксолания).

Когда Аттила умер — ханство его распалось, ибо держалось лишь на авторитете этой сильной личности. Кубрат умирает, оставив после себя пятерых сыновей. По легенде, уже находясь на смертном одре, Кубрат призвал сыновей к себе и велел принести связку гибких прутьев. Затем он приказал каждому попробовать переломить эту связку. Это оказалось невозможным. Но братья легко переломили все прутья по одному. Так хан хотел показать своим детям, что вместе булгары непобедимы.

Говорят, что и Владимир Мономах позже сделал то же самое. К сожалению, примеры не спасают сыновей от раздоров, каждый хочет иметь больше достаточного.

Из сыновей Аттилы более других прославились Баян (Батбай) и Аспарух (Исперих). На них-то, кочевавших в Приазовье, и обрушились хазары. Аспарух бежал со своими людьми в Придунавье, где и основал со своей ордой Первое Болгарское царство, став его ханом. Придя на правобережье Дуная, булгары Аспаруха обнаружили здесь поселения славян, незадолго до этого пришедших сюда и поселившихся здесь среди местных даков. Смешавшись с местным населением, булгары стали новым народом — болгарами.

В 701 году хан Аспарух умер (имя его по-осетински означает «светлая лошадь»). Ему наследовал сын Тервел. Так род Дуло утвердился на болгарском престоле.

В 781 году Византия признала Болгарское государство.

Оставшиеся же на месте орды Баяна сильно пострадали. Частично они перешли в Крым, где позже на их основе возник новый этнос — крымчаки (Черная Булгария). Они вошли в вассальную зависимость от Хазарии, как и ясы Руси (салтово-маяцкая культура). Притом вхождение ясов и савир было мирным.

Часть булгар откочевала на север, в Прикамье, где, осев, они образовали новое вассальное государство — Волжская Болгария. Их прямые потомки — чуваши.

Орда Баяна откочевала на левобережье Днепра. Именно эта орда принесла с собою такие раритеты, как персти с монограммами Органы и Кубрата, найденные у села Малая Перещепина Полтавской области. Здесь они столкнулись с населением черняховской культуры и стали одним из компонентов так называемой пеньковской культуры, т.е. вошли в антский союз.

Народы, населявшие Хазарию, пользовались письменностью. Аланы-ясы имели свою письменность — донские руны. Тюрки (булгары и хазары) — тюркское руническое письмо (кубанские руны). Обе эти системы имеют незначительные отличия как одна от другой, так и от орхонского рунического алфавита.

Хазары-христиане оставили нам памятник церковного зодчества на Днепре у села Вознесенка. Храм был возведен в середине VIII века.

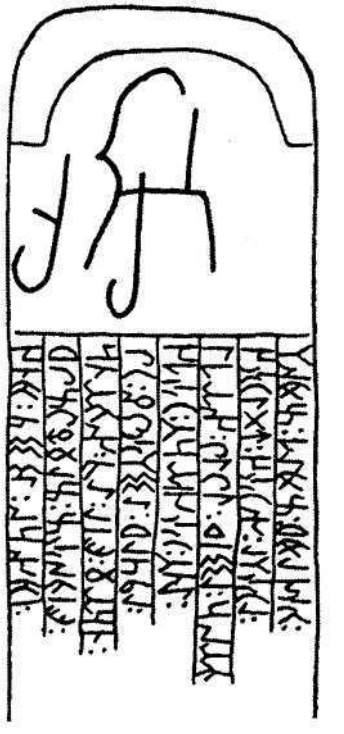
В первые годы IX века хазарский каган и его ближайшее окружение по политическим соображениям приняли иудаизм. Еврейских купцов, связывавших каганат с Востоком и Западом, было во всех торговых городах весьма много. Они в значительной мере способствовали обогащению центральной власти и поэтому пользовались благосклонностью кагана. Народ же в своей массе не воспринял иудаизм, и в Хазарии благополучно уживались мусульманство и христианство, иудаизм и язычество.

Руны		Транскрипция	Руны		Транскрипция
Орхонские	Енисейские		Орхонские	Енисейские	
		a(a)			m
		e			n'
		i i			n²
		ou			ŋ
		öü			nj
		j'			nć ńǵ
		j²			nt nd
		b'			p
		b²			q'
		č ǵ			qi qı
		č²ǵ²			oq uq qo qu
		d'			r'
		d²			r²
		γ'			s'
		g²			s²
		k²			š
		ök ük kö kü			t'
		t'			t²
		t²			z
		ld tt			

Тюркское руническое письмо

В X веке начался закат Хазарии. Вначале хазарский престол захватила русская династия Ольговичей (Олуабасовичи). В Хазарии, как и на Руси, шли постоянные междоусобные распри, что сильно подрывало мощь страны. Конец Хазарскому царству положили монголы, окончательно захватившие степи, вошедшие в Великую Орду. Разгром Хазарии Ордой датируется 1229 годом.

Значение Первого Тюркского каганата для истории современных народов России состоит, в первую очередь, в том, что это государство в течение многих лет служило, так сказать, мостом, соединявшим далекие глубины Азии с Европой. Во-вторых, как уже говорилось, оно впервые вывело из Азии на Северный Кавказ, в Поволжье и Причерноморские степи и закрепило там передовой массив людей — носителей тюркской языковой семьи. В-третьих, вышедшие на арену европейской истории тюркские народности Южной Сибири и Центральной Азии создали культурные оседлые государства, такие как Хазарский каганат, Волжскую Булгарию на Каме и Волге, и Болгарское ханство на Дунае. В-четвертых, став с VI века полноправными участниками восточноевропейской экономической и политической жизни, европейские тюркоязычные народы в течение долгих 14 столетий постоянно укрепляли свое активное взаимодействие со славянскими, финноязычными, кавказскими, романскими и прибалтийскими языковыми общностями.

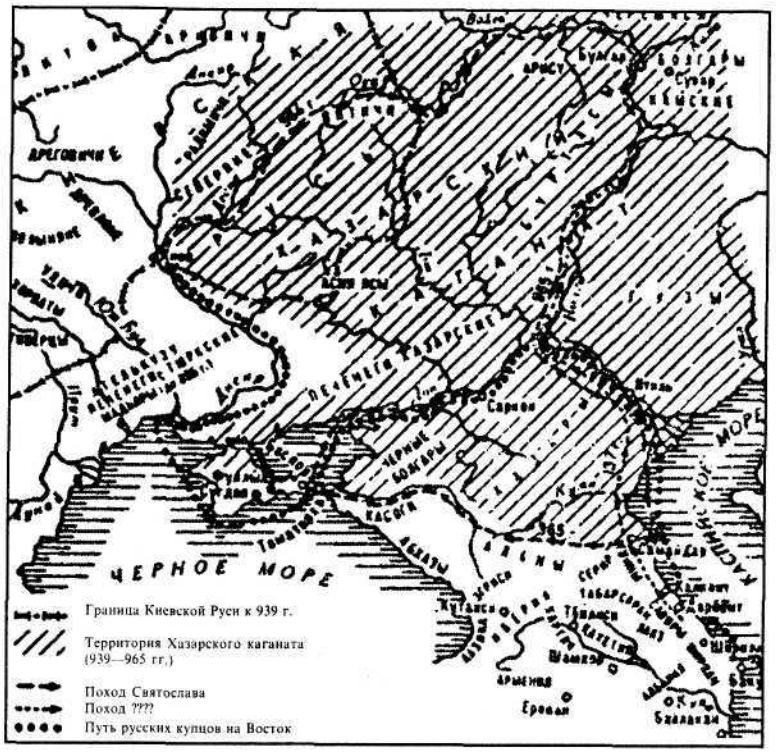


Стела с рунической надписью

Название небольшого племени «тюрк» преобразовалось в политический термин. Тюрками стали называть и другие тюркоязычные народы, вошедшие в Первый Тюркский каганат.

О тюркской рунической письменности

Хазария, которой правила династия русского происхождения Олуабас, была разгромлена монголами и вошла в состав Великой Орды.

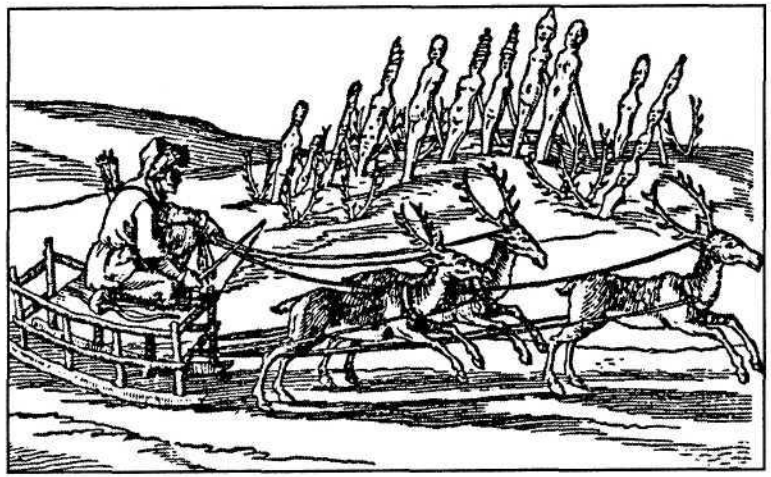


Хазарский каганат в X в.

Еще раз подчеркнем: от Оки до Кавказских гор и от Днепра до Заволжья простирались земли, контролируемые тюркским каганатом Хазария. К северу от Оки проживали финноязычные племена, торговавшие с хазарами через Волжскую Булгарию и получавшие железные клинки для принесения в жертву морю, посылавшему им в обмен китов, моржей и рыбу. Хазары же получали с севера рабов, меха, мед.

Полная идиллия. И первыми нарушили ее шведские бандиты — викинги.

Финноугорские предки северорусского народа

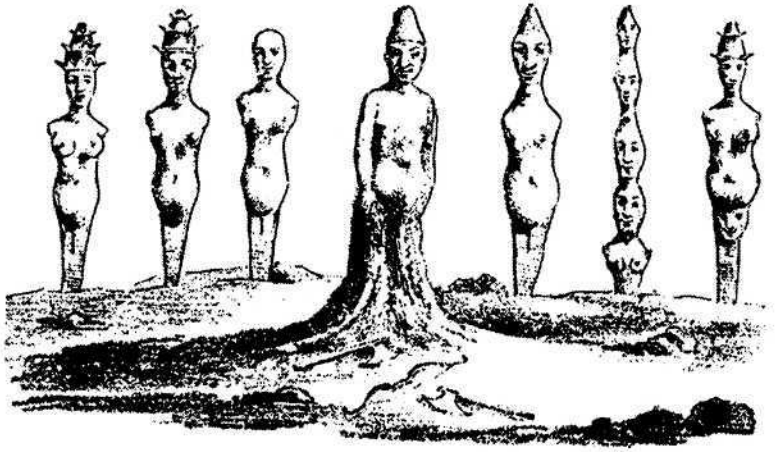


Такими увидели северные племена западноевропейские путешественники

По всему северу нашей родины от Оки и до Северного Ледовитого океана проживали племена охотников, рыболовов и оленеводов, говорящих на языках финноугорской группы. Меря и мурома, эрзя и коми, чудь и весь, самоеды (суомиетти) и карелы, финны и эстонцы — все они поклонялись духам природы, ставили им святилища и приносили жертвы (чаще всего — шкуры добытых на охоте животных).

Рисунок из книги Пьер-Мартин де ля Мартиньера. «Путешествие в Северные страны» (Париж, 1671)

Многие ошибочно полагают, что северные племена были отсталыми дикарями, жившими в лесах и проводившими зиму чуть ли не в берлогах, как медведи. На са-



Святилище на острове Вайгач. В 1827 году это святилище было сожжено миссионерами. Погибли в огне все 420 истуканов, 20 каменных изваяний были сокрушены и сброшены в воду

Надпись на пермском идоле

мом же деле уровень развития северных народов был достаточно высоким. У них были прекрасные мастера по изготовлению изделий из металла, бересты, кожи. Они имели свою письменность и писали книги, в которых излагали легенды о своих предках и богах.

Более того, их княжества ни в чем не уступали другим. Они даже чеканили свои собственные деньги. Качество изготовления пермских монет даже выше более поздних московских.

Как видите, наши северные соседи были ничуть не глупее нас и, будучи язычниками, творили прекрасные вещи и писали книги, в уничтожении которых повинен Стефан Пермский[1].

Прекрасным свидетельством тому являются посох Стефана Пермского и его «Житие».

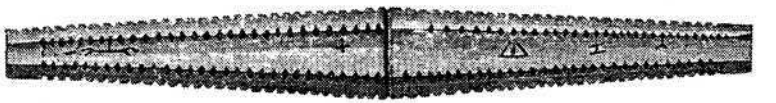
[1] Стефан Пермский (ок. 1345 — 1396) — русский миссионер в землях коми. Первый епископ новой Пермской епархии (1383—1384). *—Примеч. ред.*

Жизнеописание святотатца Стефана Симеоновича, епископа Пермского

Стефан Симеонович родился в городе Устюг.

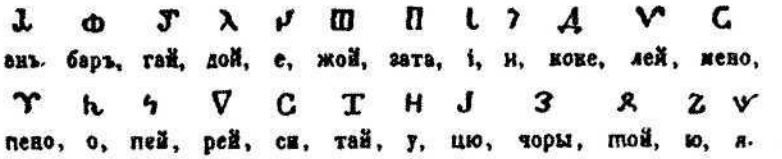
Приняв христианство и заручившись поддержкой московского начальства, он отправился нести Крест Господень жителям Пермской земли. «Но чтобы достойным образом пролить в эту тьму истинный свет познания Бога-Творца мира, новому апостолу нужно было перевести на пермский язык важнейшие священные книги. Стефан основательно изучил этот язык и составил пермскую азбуку».

Так утверждается в «Житиях святых». В примечании же указывается, что «для составления этой азбуки он воспользовался денежными знаками пермян, вырезаемыми на тонких четырехугольных палочках».

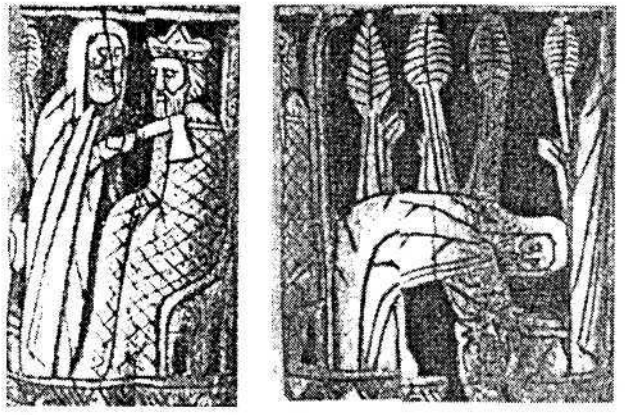


Из всего сказанного вытекает, что знаки какие-то были, а письменности — нет.

Однако сохранился еще один уникальный источник — посох Стефана Пермского с описанием на костяных накладках его подвигов. И текст на посохе гласит, что при крещении пермяки передали Стефану свой «Закон» — книгу, написанную, надо понимать, самими язычниками. Так что пермская грамота — заслуга не святого Стефана, а, скорее всего, языческих волхвов.



Пермская азбука



Стефан топором разрубает статую пермского бога Воипеля, а затем, собрав щепки в кучу, сжигает остатки статуи вместе с храмом

А что же сделал для культуры сам Стефан (нельзя же считать вкладом в культуру уничтожение языческой книги и написание другой, столь же мракобесной, которая к тому же также не сохранилась). А.В. Арциховский в книге «Древнерусские миниатюры как исторический источник» (М., 1944. С. 99) указывает, что на миниатюре № 1143 второго остермановского тома Стефан изображен обучающим грамоте. На рисунке Стефан держит свиток с буквами «АБВГ», значит, художник не знал об изобретении Стефаном какой-либо новой азбуки. Вполне возможно, что пермской азбукой писал не сам Стефан, а его последователи из местных жителей.

До прихода Стефана к пермякам язычники, «творя обычай свой, радовались и веселились в городе своем», как о том повествует Стефану Бес в надписи на посохе (ТОДРЛ. Т. 41).

И вот пришел Стефан, и язычники (вероятно, для ознакомления чужака с их верой) передали ему свой «Закон». Стефан же, считая местных богов не богами, а демонами (т. е. зловредными божествами низшего ранга), решил изрубить их статуи, а храмы сжечь, что он и сделал, когда обнаружил храм их неохраняемым. Запылал костер, и сгорел как сам храм, так и статуи богов.

Прибежавшим же тушить пожар верующим Стефан заявил: «Доколе, о люди, вы не отступитесь от бесовского

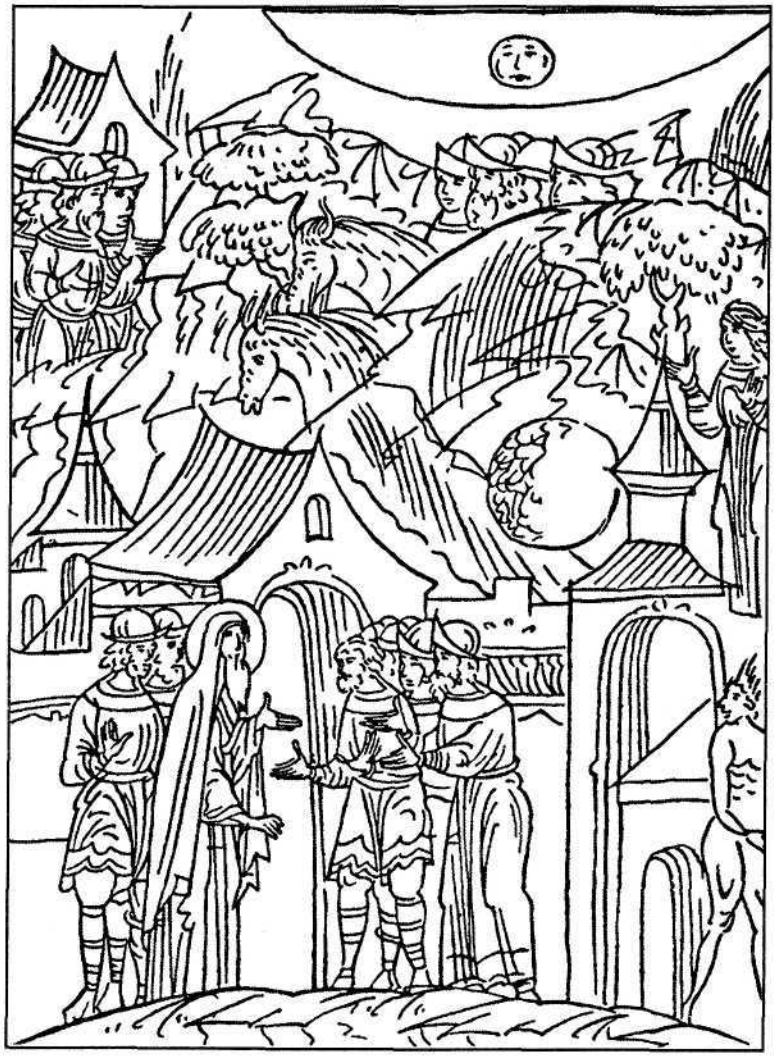
прельщения, чтобы тем избегнуть осуждения и вечного огня? Зачем поклоняетесь идолам и называете их вашими богами, тогда как они ваших же рук дело, и если имеют уста, то все равно не говорят, они имеют уши и ничего не слышат, имеют очи и не видят; ноздри их не обоняют, руки не осязают, ноги не ходят... Они никому не помогают, потому что и себе, когда огонь, сжигая, обращал их в пепел, не могли помочь. Если они действительно боги, то почему они не угасили огонь, не избегли пламени, ничем не наказали поджегшего? Да и может ли что сделать бесчувственное дерево?»

И призвал поклоняться «истинному богу».

И разделилась страна. Одни боялись начальства и хотели преклониться пред новым богом, другие же негодовали на святотатство Стефана. Но ни у кого даже и мысли не возникло проверить теми же методами справедливость его слов — поджечь христианскую церковь и убедиться, затушит ли пожар бог христианский? Ибо уважение к любым богам — черта истинно языческая, атеизм же в то время еще был не в моде.

И принес Стефан в землю Пермскую ненависть — одни подчинились новым порядкам и пошли со Стефаном жечь и уничтожать святилища старых богов, другие же оплакивали дела их рук, и начали пермяки ненавидеть друг друга из-за Христа, последователи которого принесли не мир и спокойствие, а пожары и тлен. Особенно усердствовал в этом сам Стефан. Он ходил повсюду, ссекая топором идолов и сжигая их вместе с дарами неверных. Как уже говорилось, у пермских язычников был обычай приносить своим богам шкуры пойманных на охоте зверей (соболей, куниц, горностаев, ласок, бобров, лисиц, медведей, рысей и других) и вешать их на статуи. Кроме этого, они покрывали идолов сверху лучшими полотнами и обвивали их пеленами.

Все эти дары никто не осмеливался брать, потому что если бы кто-то дерзнул прикоснуться к ним, то человек этот впадал в тяжкую болезнь. Стефан же, не боясь демонической силы, все принесенное в дар идолам собирал в одну кучу вместе с рассеченными им же кумирами, сжигал, обращая в пепел, почитая дары частью бесов. А своему служке, новопросвещенному пермяку Матфею, он приказывал делать из жертвенных полотен и пелен онучи ради бесчестия языческих богов. На



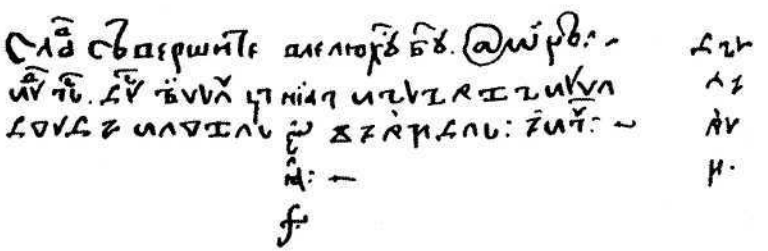
Стефан у пермского языческого храма. Перед храмом пермский идол, которого Стефан считает дьяволом, за храмом — «прокудливая береза», священный камень и Золотая Баба

одной из миниатюр имеется изображение пермского святилища и показано солнце, неугасимый огонь, священный камень, Золотая Баба в красных одеждах и Бес пред храмом.

Рядом с Золотой Бабой стоит священное дерево — «прокудливая береза». Стефан вознамерился срубить и его, но не мог сделать этого за один день. Наутро же он находит дерево невредимым. И все же он решил во что бы то ни стало уничтожить святыню. И пока Стефан рубил березу, он слышал голоса: «Оставь нас, се есть древнее наше пребывание».

Дальнейшее известно из текстов на посохе. Стефан заболел и скончался в Москве. Язычники же возрадовались этому, и многие вернулись к вере отцов. Но многие, как и положено язычникам, приняли в свой пантеон и Христа — пусть будет! Так благодаря святотатцу Стефану у язычников Пермской земли появилось несколько новых богов христианского пантеона.

А что же с пермской письменностью? Некоторое время она была в употреблении.



Приписка Васюка Кылдашева в Номоканоне 1510 года.

Перевод:

«Господи Исус Христос, Сын Божий, помилуй меня грешного человека Васюка. Аминь. Кылдашев».

К середине XVI века стефанова азбука заменяется кириллицей. Ныне это уже история.

Чтение памятника

Наше воспроизведение	Наше чтение
мэзӧсэ исус кристосэ	мзэ исс ксэ ѣ̈нлон
йэнлӧн пии, мылышты	пии мылышты мэно
мэнӧ крэка мортӧс	крэка мортос ваш̇укос:
вас'укӧс. амин'.	ӓмин̇:
кылдас'эв.	кылдаш̇эу

Московский край исконно населяло финноязычное племя меря, практически та же коми-пермяцкая народность. Однако от них нам письменных документов не дошло. Но именно их поселение на Дьяковом городище (в Коломенском, рядом со станцией метро «Каширская») дало название целой культуре финноязычных племен — дьяковская культура. Именно меря — исконно московские люди, а стало быть, предки русского народа, так как именно Московский край был той основой, вокруг которого росло Русское государство и образовывалась русская народность. Можно, пожалуй, расширить ареал до всей Владимиро-Суздальской земли, но и жители древнего Суждаля, как и всей этой земли, тоже были финноязычны, как и тверичане, и муромчане...

Третий век новой эры, Восточная Европа. Север заселен финноязычными племенами. Южнее их в лесной зоне живут племена, говорящие на балтских диалектах. Степь и лесостепь заняты сарматскими племенами — аланами или ясами, говорящими на языках иранской группы (на древнеосетинских диалектах). Кроме них лишь в предгорьях Кавказского хребта и по побережью Азовского моря кочуют адыги, говорящие на языке адыго-абхазской группы.

И никаких славян! Но вот около 950 года на северные земли прибывают из Центральной Европы первые славяне, «приильменьские словене», говорившие на польском «цокающем» диалекте.

Они поселяются на Волхове среди местного чудского (т. е. эстонского) населения и начинают строить город Новгород. Правда, они еще не знают, что возводят именно его. Ведь изначально строится ими небольшое поселение — их самих очень немного. Поселение возникает рядом со шведским (варяжским) городищем, которое называлось по-шведски Хольмгард, т. е. «Город на острове».

Словенский конец строится на одном берегу реки. Меря (они же чудь) строят свое поселение — Неревской (мерянский) конец — на другом. Рядом возводится Людин конец говорящими по-литовски кривичами[1]. Со временем между этими тре-

[1] От балтоязычных кривичей до нас дошли так называемые «нечитаемые» новгородские грамоты.

Строительство Новгородского укрепления (фрагмент иконы)

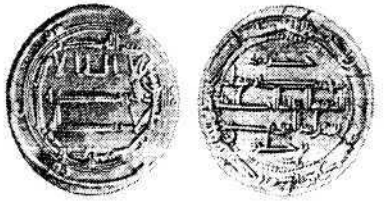
мя поселками будет построена крепость для защиты от врагов. Именно она и будет названа Новгородом, от слов «новый» и «город», что означает «новое огороженное, защищенное стенами место».

Колбягия — Гардарики

Итак, от Оки и до Северного моря, от Швеции и до Урала проживали племена, говорящие на финских диалектах. Вооружены они были луками и копьями. Шведы, основным вооружением которых был топор, прозвали их «кюльфингами».

Kylfingaland, that kollum ver Gardariki, т. е. «Кюльфингаланд, что называется Гардарики».

Кюльфинги (от kylfr — дубина) — «пользующиеся дубиной». На самом деле не дубиной, а копьем (kolfr — копье). Возможно, написание «Кюльфингаланд» употреблено ошибочно вместо «Кольфингаланд». В русских документах встре-



Дирхем с обозначением «Ард ал-Хазар». 223 г.х. Ард ал-Хазар — земля хазар. Стало быть, и Гардарики — это то же самое, но по-шведски, — Ардынское государство. Хазария, а не Россия

чается более точное звучание — Колбягия.

«Гардарики» — слово, состоящее из двух частей: «арда» —земля, страна, вотчина и «рики» — современное германское «рейх» — государство. Ардой называли свое государство хазары. Рики — так государство называли скандинавы.

Читаем у Снорри Стурлусона в «Круге Земном»: «Гардарики. Вот ее главные города: Маромар, Ростова, Сурдалир, Хольмгард, Сюрнес, Гадар, Палтескья, Кенугард (там первым жил Магог, сын Яфета, сына Ноя).

Около Гардарики лежат такие земли: Кирьялы, Ревалы, Тавейсталанд, Вирланд, Эстланд, Ливланд, Курланд, Эрмланд, Пулиналанд и Виндланд — самая западная, кроме Дании».

По имени племени квеннов (финнов) земля их называлась Квенгард, т.е. «земля квеннов», или Квэнугардия. Сведения о северной стране Квэнугардии (Кенугардии) в русской истории часто ошибочно принимают за сведения о Кыян-городе, т. е. Киеве. Если же приписать Киеву эти сведения, то надо будет внести в историю и факт подчинения Кенугардии датскому королю Фротону Фридлейвсону. Фротон, победив гуннов, назначил правителем Кенугардии Унева. Тогда Унев являлся киевским князем![1]

[1] Описание этих событий встречается в трудах датского хрониста Саксона Грамматика (1140—ок. 1208), описавшего в своих книгах европейские события до 1185 года. — *Примеч. ред.*

Те кюльфинги, что жили на побережье моря, промышляли морского зверя. Те, что жили в лесах, охотились на лосей, оленей, медведей. Медведь у них пользовался всеобщим уважением, и ему приносили жертвы, в том числе и человеческие

Уже в VII веке скандинавы начинают проникать в глубь Восточной Европы через Финский залив — Неву — Ладожское озеро. В середине VIII века возникает первое крупное торгово-ремесленное поселение у перехода из Ладожского озера в разветвленную речную систему — город Ладога (др.-сканд. Aldeigjuborg; ныне — Старая Ладога). Название «Альдейгъюборг» взято из финского языка — «Алоде йоки», что по-фински означает «Нижняя река». Так что точный перевод названия города — «На Нижней реке город».

Основана Ладога в 753 году, как сообщают легенды, самим богом Одином.

Появление города знаменовало собой становление международного Балтийско-Волжского пути как продолжения на восток сложившейся к середине 1-го тысячелетия системы торговых коммуникаций, которая связывала центральноевропейский, североморский и балтийский регионы. На протяжении VIII-IX веков этот путь достигает Волжской Булгарии при слиянии Камы и Волги, Хазарского каганата в низовьях Волги и, наконец, Арабского халифата. Торговля со странами халифата имела огромное значение: приток серебра (серебряных монет) явился важнейшей предпосылкой экономического роста как Скандинавских стран, так и Руси.

Балтийско-Волжский путь отмечен поселениями нового типа, которые не связаны с округой и население которых в основном занималось не сельским хозяйством, а ремесленной

деятельностью и вовлекалось в международную торговлю. Значительную часть жителей этих поселений составляли скандинавы. Наиболее важными были поселения на городище около Новгорода (которого в то время еще не существовало), около деревни Тимерёво под Ярославлем, на Сарском городище около Ростова. Эти центры объединили племенные территории. Здесь более интенсивно шли процессы социального взаимодействия, приведшие во второй половине IX века к возникновению раннегосударственного образования в Поволховье и Приильменье, т. е. пришедшие сюда скандинавы стояли у истоков государственного строительства Колбягии (Кюльфингаланда), а позднее и княжеств Новгородского, Смоленского, Суздальского.

Поселившиеся среди финноязычных племен скандинавы по языку были близки росам, которых многие считают чуть ли не исконными славянами.

Интересную идею высказал современный американский историк Прицак.

«Как земледельцы, так и скотоводы на общинном и племенном уровнях самодостаточны. Им ничего не нужно. Они не объединяются ни в города, ни в империи. Чтобы заставить их объединиться, нужно создать у них СПРОС на товары ИМПОРТНОГО производства. Чтобы построить государство, нужен прежде всего торговец. Кем был Само[1]? Профессиональным воином и торговцем. И он организовал первое славянское государство.

Если старшины организовывали лишь родовые поселения, то торговцы нуждались в более крупных образованиях — городах и государствах.

Если торговый караван проходил по чужим территориям, то всегда находились юнаки, готовые его ограбить. При успешном налете к разбогатевшему счастливцу стекались другие юнаки, готовые под его удачливой рукой обогатиться,

[1] Само (? — 658) — основатель первого политического объединения западных славян, так называемого государства Само с центром предположительно в Моравии. Государство распалось после смерти Само. — *Примеч. ред.*

придавая вес и значение предводителю. Такие набеги были не слишком приятны торговцам, и они выбрали меньшее из двух зол — платили одному из таких «счастливцев», для того чтобы его люди контролировали весь торговый путь.

Варяги были речными кочевниками. Почему контроль над торговыми путями выпадал на их долю? Это понятно: кочевники были более мобильны и легки на подъем, оседлым же племенам воевать и путешествовать было не с руки.

Кочевые империи не возникли спонтанно благодаря мифическим подвигам отдельных героев. Они явились результатом обдуманных планов профессиональных, если можно так выразиться, основателей империй, порожденных урбанистической цивилизацией своего времени.

Почему кочевники нападали на оседлое население? Пока не было рынков, они были самодостаточны и не нуждались в земледельцах, и были просто соседями. Но с ростом запросов у предводителей орд нужда в средствах могла пополняться только за счет хозяйства соседей. Но какими бы мирными ни были земледельческие племена — вряд ли они согласились отдавать нажитое тяжелым трудом. И у кочевников было два пути, чтобы заставить их сделать это: либо угрозы (как говорил князь Игорь, «заплати откуп, и не пойду на Константинополь»), либо набег. Еще одним способом добывания средств была торговля рабами, шкурами, медом. Часто все три способа успешно сосуществовали.

Игорь, как и Олег и Святослав, был речным кочевником, не имевшим своего оседлого пристанища.

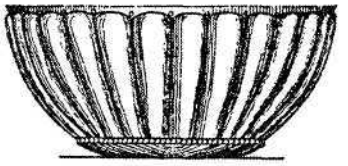
С VIII по X век на Востоке торговцами были китайцы и иранцы, на Западе — евреи, а позже — франки и фризы (росы).

На территории полуоседлых народов торговцы строили фактории, куда местные аборигены приносили свои товары, обменивая их на предметы роскоши. Строились фактории на местах переправ или у главных святилищ. Такими факториями, собственно, и являлись варяжские городища на Волхове и в Поволжье.

Настает время, когда начинается проникновение викингов/варягов с целью грабежа в земли Пермии-Биармии. Биармия — от финского «паря маа»; т. е. «земля позади».

Рядом с Биармией располагалась Квэнугардия, которую некоторые историки незаслуженно называют Киевской землей. Как уже упоминалось выше, Квэнугард — это не Киев, Кыянград, а «земля квеннов, финнов». И расположена она рядом с Йотунхеймом и Биармией. Йотунхейм — страна йотунгов, великанов, она же Ризаланд — северный Урал и Зауралье.

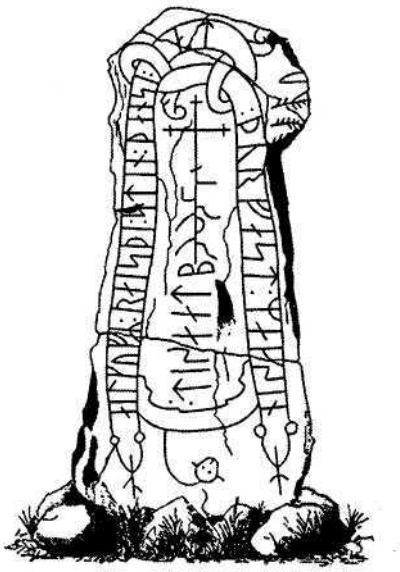
Арабы называли Кэнугардию (землю финнов) Кукийяна, поскольку рядом — гора Кукийя (Урал). Схожесть звучания «Киев» и «Кукийана» тоже нередко приводит к ошибочному выводу: то, что говорится о Приуралье, пытаются понимать как сообщение об Украине. Кукийана и Биармия (племя вису/весь) торговали со Средней Азией еще до образования Хазарского каганата. Здесь находят согдийскую серебряную посуду и изделия индийских ювелиров.



Серебряное хорезмийское блюдо с неизвестной надписью, непохожей на хорезмийское письмо. Вот из-за таких сокровищ скандинавские разбойники и нападали на финнов, карелов и эстонцев

Естественно, что торговые пути из Средней Азии привлекали скандинавов. На рунических камнях последних есть изображения верблюдов, а в их географических трактатах упоминается Хорезм. Не в Грецию рвались викинги (туда было проще добраться морем), а в Азию, страну пряностей, золота, серебра и шелка.

Вначале шведы совершали набеги на финнов, которые, торгуя с хазарами и хорезмийцами через посредничество волжских булгар, получали большое количество серебра. Местные племена были язычниками и всю добычу посвящали своим идолам. Кроме того, в некотором отдалении от поселения находился холм обетов — курган, на который при рождении ребенка или в случае смерти кого-либо из членов селения родственники приносили горсть земли и горсть серебряных монет. Стоило незаметно пробраться на холм — и всё, насыпай серебро в мешок. Не надо трудиться, не надо работать — насыпал мешок денег и гуляй! Правда, если тебя заметят, то придется отбиваться от вооруженных противников, не одобрявших святотатства. Но варяги были неплохими воинами, всегда готовыми к риску.



Скандинавский камень с рунической надписью

Если в земли к югу от Оки «несли цивилизацию» евреи и тюрки, то племена, проживавшие на севере, приобщали к благам цивилизации булгары и шведы.

На Волге уже в IX — X веках жили скандинавы. По археологическим данным, известны их поселения у деревень Тимерёво, Михайловское и Петровское под Ярославлем[1].

Шведы к тому времени были народом письменным, употребляя так называемый футарк (шведские руны). Многие в России считают руны чем-то вроде священных символов, несущих какой-то мистический смысл. Для шведов руны футарка были столь же священны, как и буквы кириллицы для славян. Это было их обычное письмо, рунами они делали заупокойные поминальные надписи на надгробьях своих близких.

Говорят, что изобрели футарк в Готской державе. Затем герулы, переселенные в Швецию, занесли его в скандинавские земли. Герулы (балтское племя) быстро ассимилировались

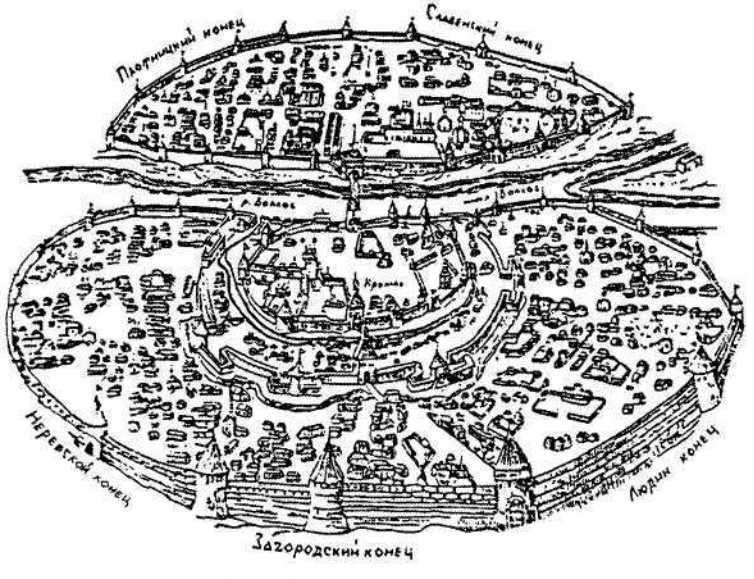
[1] См.: История связи Скандинавии и России IX — X вв. М., 1970.

с местным германоязычным населением, и футарк стал как бы сугубо германской письменностью.

Но вернемся к варягам. Как уже упоминалось, их поселения были на Волхове у Новгорода, у Смоленска (Сюрнес), в Поволжье...

Но наши летописи об этом ничего не сообщают. В них упоминается только Новгород, куда, якобы по просьбе самих новгородцев, была призвана одна дружина руси-варягов. Это уж неверно.

На территории, где впоследствии, в середине X века, будет построен город Новгород, первоначально проживали финноязычные жители, названные в летописях чудью. Чудь ныне зовется эстонцами. И на их территории было поставлено скандинавское городище, которое в 2000 году вошло в границы современного Новгорода. Однако изначально Новгород возводился не на скандинавском городище, а на новом месте, никем не застроенном. При этом заселен он был тремя разными племенными группами. Эта тройственность долго находила отражение в истории и топонимике города.

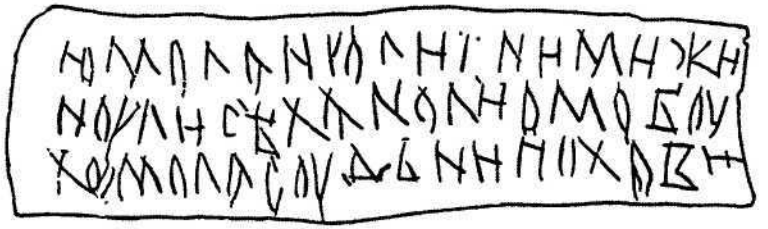


Изначально на этих землях было три отдельных «конца», населенных тремя разноязычными группами. На одном берегу реки Волхов — Словенский конец, где селились выходцы из западнославянских земель (ободриты), говорящие на западнопольском диалекте. Они прибыли, как считают, морем, через Волин и Ладогу.

На другом берегу — Неревской конец, населенный местным финноязычным народом. Рядом с ним — Людин конец, населенный белорусами (кривичами — ославяненными балтами). У них был свой отдельный говор, хоть и весьма близкий к жителям Словенского конца.

Когда между тремя поселениями была воздвигнута крепость, образовавшийся город и был назван Новгородом. Позднее скандинавы называли Новгород Хольмгардом, перенеся на него имя опустевшего древнескандинавского городища, располагавшегося неподалеку. «Островной город», — правда, острова здесь нет, но Хольмгард-Новгород стоит среди болот, так что он действительно мог показаться островом. Из-за того что почва здесь была весьма болотистой, жители постоянно мостили улицы бревнами, благо кругом лес. Сейчас мы можем составить себе довольно полное представление о жизни древних новгородцев. Они сами, не ведая того, помогли нам в этом. Как же это происходило? Прибегнем к нашему воображению. Представим: живут себе люди, скотину держат, мусор выбрасывают на улицу. Лошади ходят — навоз падает на дорогу. Печь топят — золу на улицу высыпают. Пожар произошел — место ровняют, новую избу ставят. Отходы накапливались, и спустя какое-то время по улице даже и проехать нельзя. И вновь мостят улицу бревнами. И так из века в век. А из-за болотистой почвы бревна эти и все, что выбросили наши нерадивые предки, не гниет — консервируется. Таким образом мы и получили уникальный «музей под ногами», раскопки которого позволили нам узнать, как жили эти люди.

Самое ценное, что обнаружили археологи в новгородской земле, — сотни памятников древней письменности, выполненные на бересте, на дереве и металле на славянском и финском, на греческом, латинском и шведском языках.



Прорисовка новгородской берестяной грамоты (XVIII век)

Текст:
ОМОЛАНУОЛИ -10- НИМИЖИ
НОУЛИ СЕ ХАН ОЛИ ОМО БОУ
ЮМАЛА СОУДНИ ИОХОВИ

Перевод: «Божья стрела (молния) 10 имен твоих. Стрела та принадлежит Юмале. Юмала судный направляет»

И хотя заклинание написано в XIII веке, в городе, вроде бы принявшем христианство, оно посвящено языческому богу. Но написано оно тем же алфавитом, что и большинство новгородских грамот, — кириллицей.

Словене тоже были язычниками и держали в красном углу избы статуэтки языческих божков. Иногда вместо целой скульптуры мастер изготовлял лишь символ — так, перед нами «рука с шаром» — символ Сильного Бога.

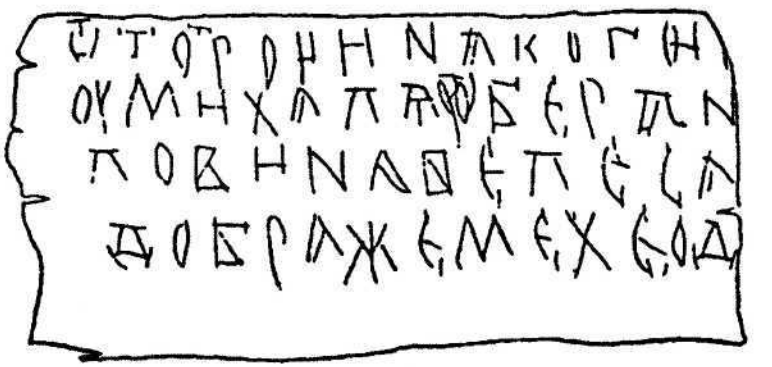
Дошли до нас и памятники письменности и языка дохристианского времени. Здесь представлена развертка новгородского цилиндра (вероятно, цилиндр-печать).

Текст:
МЕЦЪНИЦЪ МЕХЪ ВЪ ТИХЪ МОТЕ ПОЛЪТВЪРЪ.

Предполагаемое чтение:

«Мечнич мех в тых моте(хъ). Полтворь», т. е. «В этих мешках мех принадлежит мечнику».

Текст относится к цокающему диалекту (полонизм), письмо одноеревое (Ь и Ъ не различаются).



Новгородская грамота № 225.
«От Отроцина ко Гю (ргию)...
у Михаля отберан...
лови на Велеса...
добра же мехе од...»

Велес — по-литовски означает «покойник». У ославянившихся кривичей так назывался бог-медведь, лесной господин, хозяин животного мира.

Местные балты, а вслед за ними и кривичи поклонялись и почитали змей, ужей и ящериц. Змея — бог жизни, мудрости и письменности. Убийство змеи каралось смертной казнью

Свинцовая крышечка с молитвой богу Дыю

Но при раскопках были обнаружены не только славянские или финские языческие тексты — был, например, найден текст, посвященный славянскому богу Дыю, но написанный по-гречески, и к тому же неизвестным алфавитом Рису.

Текст читается так: «О АГИОС АГИОС КОУРИОС ДЫЙОС О ПЛИРИС ОУРАНОС КАИ ГИ О ТИА ДОКСИС».

Перевод: «О, свят, свят, святой Дый, о, наполнились небо и земля, о, твоея славой». Длинные «о», вставленные в текст, — вероятнее всего «распевки».

Историю заселения севера России и основания Новгорода рассказывает Яков Рейтенфельс, который прочел это в русских летописях: «У сына Адамова Яфета был внук Скиф, от которого и произошли племена Русской равнины.

Рус. Рисунок из «Титулярника»

В 3085 году от сотворения мира два брата — Словен и Рус — из-за тесноты места своего проживания у Черного Моря (так как людей стало слишком много) отделились от своих братьев Болгара, Комана и Истора и ушли на север.

Пространствовав 14 лет, пришли они, наконец, на озеро Ильмень и здесь волхвование подсказало им обрести родину. И заложен был город, названный в честь старшего брата Словенск Великий на месте, где ныне Новгород Великий. А Рус заложил другой город, по нему названный Старой Русой. С этих пор вновь прибывшие поселяне стали называться уже не сарматами или скифами, но словенами».

3099 год — начало народа русского и обретение родины. Это — от Адама, а до Рождества Христова — 2409 лет.

Так как это точная дата упоминания строительства Новгорода и Старой Русы, то, стало быть, новгородцы вправе справлять праздник пятого тысячелетия существования своего города. Кроме того, летописец твердо знал, что славяне произошли от обрусевших сарматов, т.е. **русские родственны по происхождению осетинам.**

Но вернемся к нашему рассказу. Река, вытекавшая из Ильменя, в то время называлась Мутною. И был у Словена старший сын по имени Волхов, младшего же звали Волховец. Старший же сын Словена Волхов был бесоугодником и чародеем. Чародейством мог превращаться в зверя лютого крокодила, и перекрывал путь по реке Мутной, которая по имени этого чародея стала больше известна как Волхов, и неугодных ему людей пожирал, а иных топил. Поэтому люди, в то время малосведущие, ему жертвы приносили и богом его считали. И в свою честь поставил бесоугодный Волхов городок малый на месте, ныне называемом Перынь, по идолу бога грома Перуна, поставленного на этом месте Добрынею при князе Владимире, приказавшего статую Волхова уничтожить, а статую Перуна, защитника Владимирова, установить.

И приходили сюда словене и поклонялись Волхову-крокодилу как богу рыболовства и мореплавания, и жертвы ему приносили, дабы не топил их корабли и

даровал уловы великие. По окончании дней своих был он погребен на том месте Перыни, и справляли по нему великую языческую тризну и насыпали, по обычаям того времени, курган великий, но спустя три дня просела земля и пожрала мерзкое тело крокодилово, а могила просыпалась на дно Адово — и доныне яма, там оставшаяся, еще не сровнялась с землею.

Настолько сей Волхов-крокодил был во всем противен, что даже когда его статую сбросили в реку, то она поплыла не по течению, а против течения вверх по реке.

К сведению читателей.

Русский крокодил

ЕСЛИ открыть 30-й том Полного собрания русских летописей, то можно найти удивительную запись, помеченную 1582 годом: «В лето изыдоша коркодилы лютии звери из реки и путь затвориша, людей много поядаша, и ужасошася людие и молиша Бога по всей земле; и паки спряташася, а иных избиша».

Вот еще одна запись того времени. Она сделана агентом Английской торговой компании Джеромом Гарсеем. В 1589 году он в очередной раз ехал в Россию и в Польше стал свидетелем невероятного. Он пишет: «Я выехал из Варшавы вечером, переехал через реку, где на берегу лежал ядовитый мертвый крокодил, которому мои люди разорвали брюхо копьями. При этом распространилось такое зловоние, что я был им отравлен и пролежал больной в ближайшей деревне, где встретил такое сочувствие и христианскую помощь, что чудесно поправился...»

Неведомый «крокодил», получивший на этот раз имя «Арзамасский монструз», вновь объявился в России в начале XVIII века. Свидетельство об этом странном событии было обнаружено в архиве города Арзамаса. Вот краткая выдержка из найденного документа: «Лета 1719 июня 4 дня. Была в уезде буря великая, и смерч и град, и многие скоты и всякая живность погибли... И упал с неба змий, Божьим гневом опаленный, и смердел отвратно. И, помня Указ Божьей милостью Государя нашего Всероссийского Петра Алексеевича от лета 1718 о Кунштках море и сбору для ся диковин разных, монструзов и уродов всяких, каменьев небесных и разных чудес, змия сего бросили в бочку с крепким двойным вином...» Подписана бумага земским комиссаром Василием Штыковым.

Сцена охоты — лев нападает на лося. Новгородское граффити

Согласно описанию монстр, упавший с неба, имел четыре короткие лапы и огромную пасть, полную острых зубов. Возможно, где-то в густых тогда еще российских лесах текли реки, в которых оставались таинственные крокодилы, упоминавшиеся в новгородской хронике XVI века.

Последний раз «рептилию» видели в 1871 году в городе Тельши на берегу озера Мастис (Литва) «вблизи бани мещанина Мончинского вода выбросила его (зверя) еще живого».

Кроме крокодилов, путешественники по Белоруссии и Литве часто встречали в домах священных варанов, которых хозяева кормили молоком и цыплятами.

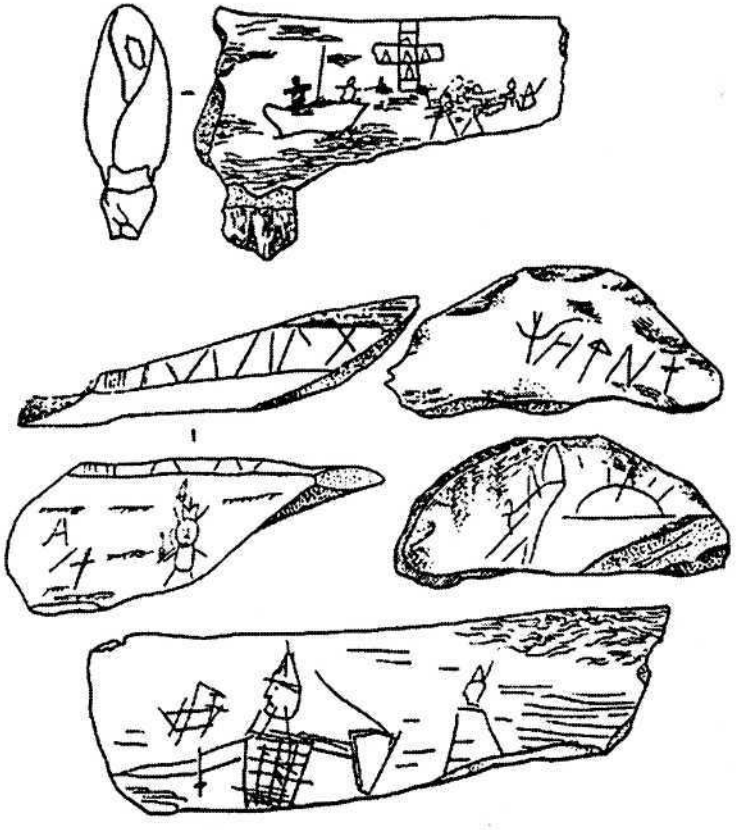
Из крупных хищников, проживавших в наших лесах и полях, упоминаются медведи, львы и тигры.

О поволжских поселениях скандинавов наши летописи молчат, поэтому и мы обойдем их своим вниманием. Раз они были неинтересны нашим предкам, то и нам они ни к чему.

Но город Смоленск в нашей истории присутствует. Городище древнего Смоленска изучено, курганы —тоже. Смоленск у шведов именовался Сюрнес.

Окружающее население — изначально балтское (криеве), но затем с течением времени ославянившееся и ставшее кривичами.

Кривичи имели свою письменность, которую, возможно, переняли от скандинавов.



Полоцко-Витебское порубежье. Масковичи. XII век. Руническая надписи на костях

Недалеко от Смоленска находился и Полоцк (Палтескья), в котором правила шведская династия Рогволодовичей.

Минский археолог Л. В. Дучиц нашла более 120 фрагментов костей с рисунками и надписями. Расшифровкой текстов занималась Е. А. Мельникова. По ее свидетельству, на костях нанесены скандинавские имена.

Вероятнее всего, к XII веку местные шведы уже стали славянами. И речь у них была уже славянской, о чем свидетельствует единственная надпись, представляющая собой краткую фразу

Надпись на этой кости несложно понять: «KHЗ Т».

«Князь это», написал юный знаток древней письменности рядом с изображением воина со щитом.

Согласно русским летописям, жители Новгорода (города, построенного около 950 года) жили очень недружно. Местные аборигены, эстонцы, никак не могли ужиться с пришлыми славянами. И вот, чтобы навести порядок, жители, объединившись, пригласили править ими третейского судью — князя из Голландии, имя которого было Рюрик. (Но здесь обнаруживается хронологическое несоответствие: Рюрик умер лет за 150 до постройки города.) И он прибыл из Голландии в Новгород со всеми своими родственниками. Рюрик прекрасно говорил как по-шведски (ибо сам был германоязычным от рождения), так и по-словенски, ибо на этом языке в то время говорили все племена Восточной Германии (Лужицы) и Польши.

Естественно, языком нового княжества становится словенский, т. е. западнопольский. Сам Рюрик вскоре умирает от старости, и князем становится его сын Игорь, а воеводой — Олег.

Игорь с Олегом захватывают Смоленск и Киев. Так рождается Русское государство... Увы! Все это не соответствует действительности.

Историю России следует начинать с Московии, страны, которая постепенно складывалась на территории Владимиро-Суздальских земель, первоначально заселенных финноязычными племенами. Именно здесь, на Верхней Волге, появляются те княжества, которые, объединившись, дадут нам новую империю — Московию, ставшую затем Россией.

Владимиро-Суздальская земля

В XI—XII веках на территории Верхнего Поволжья возникли небольшие государства — княжества Суздальское, Тверское, Рязанское...

Неизвестно, сколько там всего было княжеств и где проходили их границы. Удивительно, но до сих пор мы так и не имеем атласа карт с указанием границ государств и княжеств по векам от возникновения государства и до сего дня. Даже эта работа оказалась непосильной для нашей науки. Поэтому многие люди (и историки, и автор этих строк в их числе) понятия не имеют, какие вообще княжества существовали на территории России в XI веке.

Некоторые предлагают начинать нашу историю с Московского княжества XVI века. Но тогда мы лишимся многих знаменитых людей нашей истории.

Поэтому я решил начать свой рассказ об истории России с более ранних времен, дабы приписать к нашей истории ве-

ликого и знаменитого полководца Александра Невского, разбившего немецких рыцарей на Эстонском озере (по-старому оно называлось озеро Чудское, где жила «чудь», т. е. эстонцы). Но чтобы поведать об этом подвиге, надо вначале рассказать, откуда взялись эти самые рыцари.

Вернемся в год 1158-й.

Читаем у Нечволодова: «1158 год. В пределах Русской земли появился новый враг.

Этим врагом были немцы.

Ранее уже говорилось о том, что немецкий император Карл Великий еще в VIII веке начал ожесточенную борьбу со храбрыми славянскими племенами, сидевшими в западной части Балтийского побережья. С тех пор немцы были всегда беспощадными врагами славян, причем в середине XII века один из преемников Карла Великого — германский император Конрад Третий объявил крестовый поход на западных славян — бодричей, любичей и поморян, сражавшихся с немцами с величайшим мужеством, но, к сожалению, в конце концов побежденных ими вследствие своей разрозненности.

Затем немцы стали распространять свое влияние еще более к востоку.

Как мы знаем, древние владения по берегам Балтийского моря были заселены различными языческими племенами, частью литовскими (ливы, куры, летты, земигола, или жмудь, и др.), частью финскими (чудь, эсты, водь и пр.); владения эти делились на две половины: северная зависела более или менее от Новгорода, южная — от Полоцка.

Однажды бурей в устье Западной Двины было занесено немецкое торговое судно. Это было в 1158 году. Местные обитатели, ливы, встретили его крайне недружелюбно, но после схватки с немцами, причем победа осталась за последними, ливы стали сговорчивее и начали обменивать свои изделия на их товары; эта мена была произведена с такой выгодой для немцев, купцов города Бремена, что они уже нарочно заходили в устье Двины с товарами и скоро образовали здесь два укрепленных поселка — Укскуль и Дален.

Как известно, римские папы, став светскими государями, усердно разыскивали языческие страны, чтобы насаждать в

них латинство и затем включать в свои владения. Так и папа Александр Третий, узнав о существовании язычников-ливов и об основании немцами в их земле двух поселков, послал сюда искусного проповедника монаха Мейнгарда. Он отправился в Полоцк к местному русскому князю испросить позволение выстроить в Укскуле латинскую церковь и крестить в свою веру язычников-ливов. Тот, очевидно не соображая, какие важные последствия может повести это разрешение, согласился, и Мейнгард стал обращать ливов в латинство.

При этом он стал учить их строить крепкие замки из камня по немецкому образцу, чтобы успешно защищаться в них от врагов. Однако пастве его плохо прививалось христианство.

Видя плохой успех своей проповеди, Мейнгард обратился к папе, прося объявить крестовый поход для проповеди латинства ливам, но не дождался прибытия крестового ополчения и умер в 1193 году. В этом же году датский король Канут Шестой пристал к эстонскому берегу, утвердился здесь и стал силой распространять латинство. Затем прибыл новый епископ на место Мейнгарда, по имени Бартольд, но был так плохо встречен туземцами, что поспешил бежать и вновь обратился к папе, прося скорей объявить крестовый поход. Папа внял его просьбе и объявил отпущение грехов всем, кто отправится с Бартольдом против ливов. Скоро он прибыл со значительным отрядом и высадился в устье Двины; туземцы обратились к нему с таким словом: «Отпусти войско домой и ступай с миром на свое епископство; кто крестился, тех ты можешь принудить оставаться христианами; других убеждай словами, а не палками». Но Бартольд не внял их совету; он самолично принял участие в битве, которая произошла вслед за тем, и был изрублен язычниками. Немцы, однако, победили; они страшно опустошили страну, силой крестили туземцев, определили в ней священников и затем удалились. Но как только они сели на корабли, туземцы тотчас же стали окунаться в Двину, чтобы смыть с себя крещение, и выгнали от себя священников.

Вслед за тем прибыл новый епископ; он привез с собой войско уже на 23 кораблях. Имя его было Альберт Буксгевден. Это был человек исключительного ума и силы воли. Он

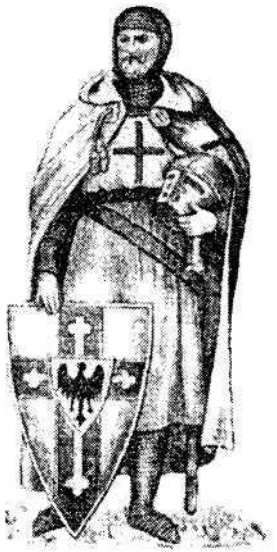
Печать епископа Альберта Буксгевдена

сразу понял, что немцам надо твердо укрепиться в стране ливов, чтобы обратить их в христианство и владеть ими. И вот в 1200 году он закладывает у устья Двины город Ригу и обносит его крепкой стеной; затем он едет в Германию, деятельно набирает там поселенцев для нового города и, наконец, спрашивает разрешение у папы Иннокентия Третьего устроить по образцу бывших в Палестине военное братство, или *орден* воинствующих монахов-рыцарей. Папа вполне одобрил мысль Альберта, и в 1202 году на нашем Балтийском побережье появились рыцари ордена меча; они носили белый плащ с нашитым красным мечом и крестом, вместо которого впоследствии начали нашивать звезду.

Так стали твердой ногой немцы в устье Западной Двины. Полоцкие князья этому не препятствовали. Разделенные на множество мелких княжений, они были постоянно заняты взаимными усобицами и, конечно, не отдавали себе ясного отчета о всей важности утверждения немцев в наших владениях. Впрочем, они делали попытки брать дань с новых пришельцев и взяли ее в 1203 году с жителей Укскуля.

Затем были две попытки со стороны полоцкого князя овладеть Ригой, но обе они не удались; при последней из них, предпринятой во время отсутствия Альберта, который выехал в Германию набирать войско, наши чуть было уже не ворвались в Ригу, но в это время как раз на море показались корабли с войсками, которые вел возвращавшийся Альберт, и полоцкий князь должен был уйти ни с чем. Эта неудача русских нанесла страшный удар всему делу туземцев; они убедились, что сила на стороне немцев, и самые упорные из них поспешили принять латинство.

Конечно, одни полоцкие князья, разъединенные между собой и имея, кроме того, опасного врага в литовцах, не мог-



Немецкий рыцарь ордена меченосцев

ли бороться со сплоченным нашествием немцев, которые с обычной настойчивостью и холодной жестокостью продолжали распространять свои захваты. Скоро захватам этим подверглись и два русских удельных владения по Западной Двине: Кукейнос (Кокенхузен) и Герсик. Это — 1209 год.

Князь Всеволод, чей любимый город Герсик был захвачен рыцарским орденом, отправился вслед за епископом в Ригу, назвал его отцом, всех латинян братьями и просил возвратить ему жену-литовку, захваченную в городе.

На это Альберт поставил условие, чтобы он отдал свое княжество навеки в дар ордену и сидел бы в нем как подручник немцев. Всеволод вынужден был согласиться и дал обещание открывать епископу все замыслы русских и литовцев. Но, вернувшись домой, он, само собой разумеется, стал сближаться с литовцами и возбуждать их против немцев. Тогда последние снова пошли на Герсик и овладели им окончательно, по-видимому, в 1215 году, причем Всеволод был убит.

В 1213 году псковичи изгнали своего князя Владимира, родного брата Мстислава Удалого, за то только, что он выдал свою дочь за брата епископа Альберта.

После этого Владимир отправился в Ригу, служил некоторое время ордену, исполняя обязанности воеводы в одном округе, но затем вернулся в Псков, где стал опять княжить. В 1216 году он участвовал в Липецкой битве, а в 1217 году ему удалось отомстить своим прежним друзьям. Он отправился с псковичами и новгородцами на чудь и подошел к их главному городу Медвежьей Голове или Оденпе. Чудь начала слать к русским с поклоном, а в это время навела немцев, которые совершенно неожиданно напали перед рассветом на стан новгородцев. Те, однако, спохватились и выбили немцев, нанеся

им большие потери, причем в руки Владимира попал его зять, брат Альберта, которого он и отвел в Псков.

Но, разумеется, это был только частный успех, который нисколько не мог поправить русское дело на Балтийском побережье; как мы видели, общей власти над Русской землей не было вовсе, а ближайшие соседи немцев —полоцкие князья и Господин Великий Новгород были ослаблены внутренними распрями. Поэтому только немцы и могли неуклонно подвигаться вперед и прочно захватывать в свои руки древние русские владения.

Наконец, в 1224 году перед ними пало самое старое и самое крепкое русское поселение в Чудской земле, город Юрьев, основанный Ярославом Мудрым. Здесь сидел в это время заклятый враг немцев — Вячеслав или Вячко, который, как мы видели, вынужден был ими покинуть несколько лет перед этим свою вотчину Кукейнос. Конечно, Вячко хорошо помнил свою обиду и не пропускал случая, чтобы нанести из своего Юрьева как можно более зла ненавистным немцам; к нему же стекались все туземцы, недовольные пришельцами. И вот против Вячко собралась вся немецкая сила».

И город был взят. В живых оставили лишь слугу князя, которому немцы дали лошадей и послали в Новгород с вестью о своей победе.

Шведы гораздо ранее немцев основали свои поселения в Северной России, но в XIII веке не могли соперничать с немцами из-за своих внутренних усобиц.

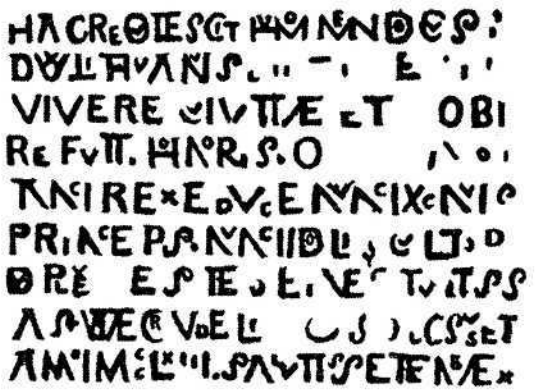
Усобицы потрясали и Польшу. А на Руси, населенной многочисленными разноязычными племенами, они не прекращались никогда. Половцы и мордва, финны и литовцы — русские князья постоянно враждовали с этими племенами.

Самым крупным соседом Руси была Литва.

Многочисленные литовские племена, активно враждовавшие со своими соседями, начали в 1235 году объединяться вокруг одного из своих умнейших князей — Миндовга и уже в 1236 году успели наголову разбить рижских рыцарей, причем великий магистр последних — старец Вольквин — был убит вместе с множеством других рыцарей.

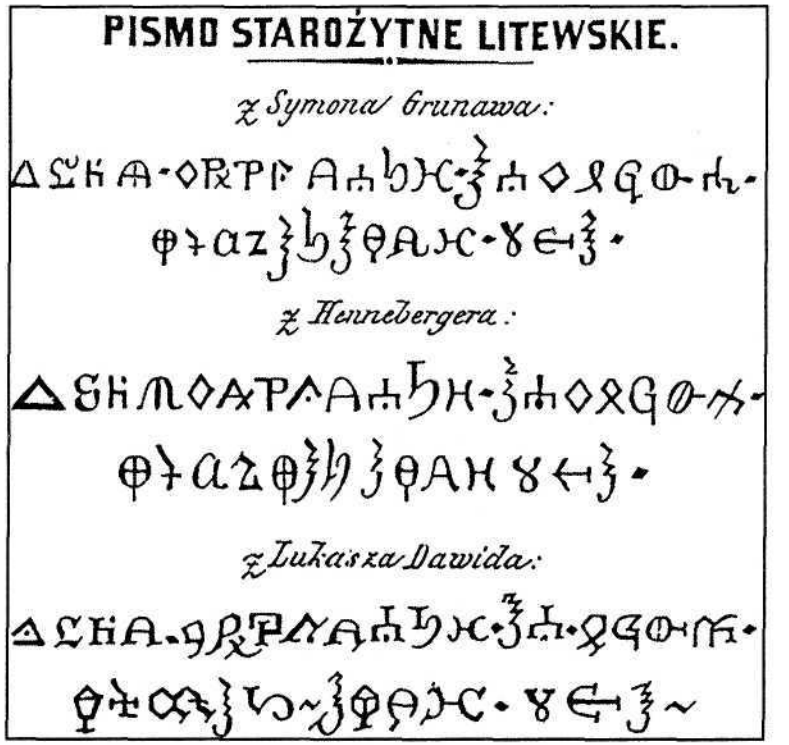
Литовское знамя языческого времени с изображением бога подземного мира Поклуса, бога-громовержца Перкунаса и бога Потримпа, покровителя земледелия

Эта победа литовцев грозила уничтожением всему немецкому делу на Балтийском побережье, примыкавшем к русским владениям.

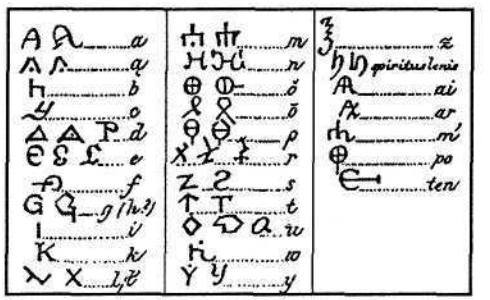


Полустершаяся надпись на могиле великого князя Миндовга (вероятно, надпись была выполнена на латинском языке)

Христианские письмена



Надпись на литовском знамени, скопированная тремя немецкими свидетелями: Симоном Грунау, Хеннебергером и Лукасом Давидом



Литовский алфавит раннехристианского периода (по Нарбутту)

Текст надписи по-литовски с переводом на польский:

Diewai/wardą/amen/. Zmogumi/pruzzoz. Zupan Utenes.
W imie Boskie amen/. Ludu Prussow. Zupan Utenes.

По-русски: «Во имя Бога, аминь. Народа Пруссов жупан Утенес».

Поздняя языческая надпись кириллическим письмом (одноеревая) с именем литовского бога Сотвароса

Святилище Перуна в Ромове

Литовские племена вовсе не были отсталыми некультурными дикарями.

Их храм в Ромове был почитаем и славянами Польши, Литвы и Белоруссии. Главный святитель храма Краве Кривейто (это не имя, а звание) имел непререкаемый авторитет среди окрестных народов.

Яков Рейтенфельс сообщает, что после 1205 года «значительная часть Литвы была подчинена русскими, которым литовцы по известной своей бедности платили дань вениками, т.е. пучками из распускающейся березы, употребляемыми в банях, и которые заставляли литовцев вместо лошадей и быков таскать повозки или плуги».

Но вернемся к немцам.

«К несчастью, однако, другое могущественное немецкое рыцарское братство уже утвердило в это время свое владычество несколько западнее, в стране, заселенной литовским племенем — пруссами. Это был сильный орден немецких или тевтонских рыцарей, которых пригласил сюда из Святой Земли уже известный нам Конрад, князь Мазовецкий, брат и преемник Лешко, чтобы ослабить воинственных пруссов, постоянно на него нападавших.

Ливонские рыцари ордена Меча, терпя поражения от литовцев, стали скоро искать соединения с новоприбывшим тевтонским орденом; тевтонцы вначале отказывали им в этом ввиду плохой нравственности меченосцев; однако в 1237 году, по благословению папы, состоялось слияние обоих орденов, после чего дело немцев успешно пошло вперед.

Во время описанных событий на юге и западе Юрий Всеволодович, следуя примеру отца своего, ретиво занимался приведением в благосостояние своей Суздальской земли и время от времени воевал с мордвой и булгарами, причем с последними он заключил прочный мир.

Так шла жизнь на Русской земле после несчастной битвы на Калке, о которой, кажется, скоро все позабыли. Нет также никаких признаков того, чтобы кем-либо были приняты какие-нибудь меры на случай нового появления татар.

А татары между тем деятельно готовились к новым завоеваниям.

В 1127 году умер страшный Чингиз-хан: семидесятидвухлетнего повелителя Азии зарезала ночью молодая жена одного хана, которую он, по-видимому, силой отнял у мужа, после чего она, боясь казни, сама утопилась в реке.

Существует предание, что незадолго до смерти Чингиз-хан собрал своих сыновей и, раздав каждому по стреле, велел им их разломать, что те, конечно, легко сделали; затем он предложил каждому разломать пучок из нескольких стрел; но на это ни у кого из них не хватило силы. Тогда он им сказал: «Вот видите, если вы все всегда будете действовать сообща, то никто вас не сломит, если же разъединитесь, то вас, как эти стрелы, легко будет сломать поодиночке».

Интересно, помогли ли хоть кому-либо подобные нравоучительные примеры хотя бы в одном государстве?

Монгольское нашествие

А. Нечволодов «Сказания о Земле Русской»: «Глубоко в Азии, у подножий Алтайского и Хинганского хребтов, с незапамятных времен жили многочисленные орды кочевых племен, известных под именем монголов или татар. Уже за двадцать пять веков до Рождества Христова орды эти пришли в столкновение с оседлым населением Китая, и после борьбы, продолжавшейся несколько столетий, китайцы оградили себя, наконец, от своих беспокойных соседей сооружением известной Великой стены, развалины которой сохранились и до настоящего времени.

Монголы в бою. С древнего китайского изображения

После этого монгольские племена объединились, за два века до Рождества Христова, в могущественное государство и распространили свои владения до Каспийского моря, но затем государство их распалось, и монголы продолжали жить отдельными племенами, неоднократно, впрочем, образовывая на непродолжительное время сильные объединения.

В 1155 году у хана одной из монгольских орд родился сын, которого назвали Темучином. Этот Темучин еще ребенком лишился отца, наследовал от него 40 тысяч подвластных семейств и рано испытал все превратности судьбы. При постоянных угрозах со стороны соседей, он рос среди постоянных опасностей и собственным опытом постиг трудную науку жизни.

Скоро Темучин стал питать в своей душе обширнейшие замыслы.

Несомненно, порядки соседнего Китая, страны высокопросвещенной и благоустроенной, были отлично ему известны; в них он заимствовал все, что считал полезным для своих целей в отношении государственного, гражданского и военного устройства.

С другой стороны, Монголия, страна частью степная, частью гористая и лесистая, предоставляла все для удовлетворения страсти Темучина к охоте, которую он считал лучшей школой войны.

Многочисленные табуны лошадей его народа дали Темучину возможность создать превосходную конницу в 30 000 человек, при посредстве которой он стал подчинять себе соседние племена. При этом он быстро обнаружил исключительные дарования как в деле устроения внутреннего управления, так и в области обучения войск военному искусству.

Основными душевными чертами Темучина были безграничная алчность, непреклонная воля и жестокость, ни с чем не сравнимая, но сочетавшаяся при этом с ясным умом, большой образованностью и изумительным знанием людей. Исполинского роста, с широким лбом и длинной бородой, он резко выделялся среди своих подданных.

Когда часть подвластных ему князей задумала было начать против него смуту, то Темучин быстро покончил с ней: он схватил всех непокорных и сварил их в 70 котлах.

«Счастливее всех на земле тот, — любил он говорить, — кто гонит разбитых им неприятелей, грабит их добро, любуется слезами людей, им близких, и целует их жен и дочерей».

Обладая такими особо исключительными свойствами, Темучин не замедлил стать повелителем над всеми монгольскими племенами. Но честолюбие его и алчность отнюдь этим не удовлетворились. Он решил покорить себе весь мир.

В 1206 году Темучин созвал недалеко от истоков рек, образующих Амур, в глубине Монголии так называемый курилтай, или торжественное собрание всех подвластных ему князей и вождей, и приказал одному пророчествующему волхву объявить, что велением неба ему предназначено быть великим ханом всех народов и принять поэтому новое имя — Чингиз-хан.

Затем он стал приводить в исполнение свои замыслы. Его замечательные постановления по военному и гражданскому устройству монголов были изданы в особом своде под названием *Яса*. Этот свод так же свято чтился татарами, как мусульманами составленный Магометом Коран.

В видах предупреждения самовольства, раздоров, междоусобий и насилий и для утверждения порядка и благоустройства подвластные Чингиз-хану монгольские племена получили строго определенные каждому племени пространства земли для пастьбы стад и перекочевок. В каждом племени кибитки или семейства были разделены на десятки, сотни и тысячи, имевшие своих начальников. Воинами считались все способные носить оружие, и поэтому каждый десяток, смотря по надобности, должен был выставлять одного, двух и более воинов, снабжая их продовольствием и всем нужным для похода.

В войсках были такие же подразделения: на десятки, сотни, тысячи и десятки тысяч; последними руководили темники, а подчиненный темнику отряд назывался тьмою; сторожевые же отряды назывались караулами.

Для распределения войск в походе, указания им пути следования и становищ как во время войны, так и на охоте, для которой собиралось огромное число войск, а также для расположения летних и зимних кочевок и для сбора сведений о местности, по которой предстояло двигаться, имелись особо назначенные лица. Особые же лица были для передвижения

запасов продовольствия, снятия станов, хранения военной добычи и правильного раздела ее, для разбора ссор и споров между воинскими чинами и для многих других надобностей.

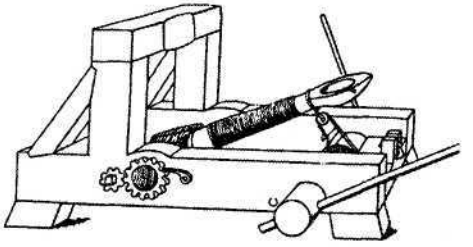
Повеления хана передавались через чинов, состоящих при нем, сперва — десятитысячникам, а от них уже тысячникам и так далее.

Все чины войска, не исключая самых высших, подвергались за ослушание строжайшим наказаниям. Беглецы с поля сражения, если только бегство не было общим, немедленно же все умерщвлялись; если из десятка один или несколько человек попадались в плен, а другие их не выручали, то последние умерщвлялись также. Смертная казнь полагалась и за грабеж неприятеля без разрешения на это.

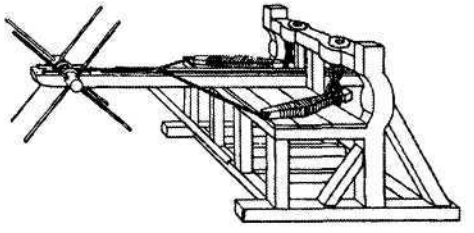
Военная добыча служила главным средством к вознаграждению воинов и заменяла жалованье, которого войска Чингиз-хана вовсе не получали, причем еще сами со своими семействами должны были платить подати лошадьми, скотом и войлоками. Продовольствовались войска во время похода всем забираемым у жителей или стадами, которые гнали за

собой; в случае же недостатка припасов питались кореньями и зернами, отыскиваемыми в ямах, в которых они хранились; наконец, устраивались в больших размерах охоты, которые служили и военным упражнением, потому что во время охот соблюдались все военные правила и предосторожности. Ели татары решительно все, так как Чингиз-хан запретил считать что-либо нечистым, говоря, что в природе все чисто. Покоренные ими народы сохранили предание, что при нужде монголы не гнушались и мясом своих пленных, а будучи осажденными, ели в случае крайности и своих же татар по жребию.

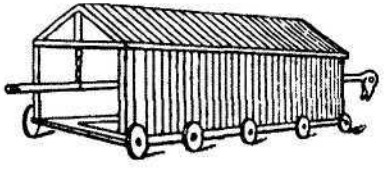
Вооружение монгол состояло из луков и стрел, секир, копий с крючьями для стаскивания неприятеля с седел, кривых сабель, кожаных или железных шлемов, лат и щитов. Каждый воин



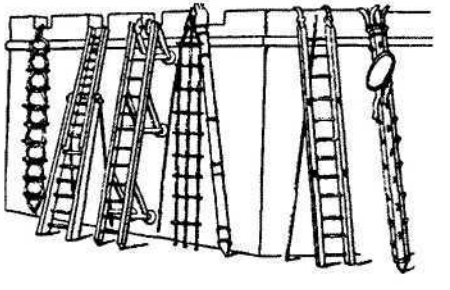
Камнемет или баллиста



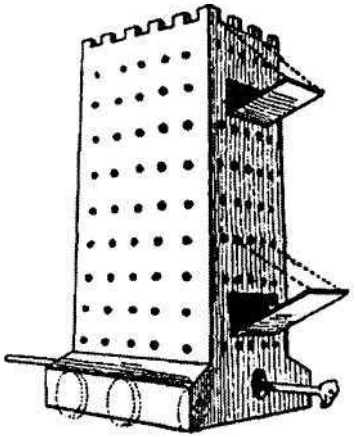
Лук-самострел или катапульта



Таран



Осадные лестницы

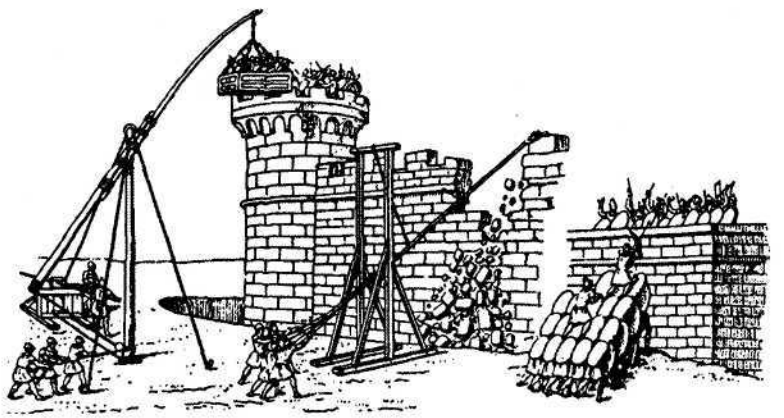


Подвижная башня, или гуляй-город

обязан был иметь пилку для острения стрел и копий, шило, иглы, нитки из жил животных, кожаные мешки или турсуки для возки вещей и веревки для таскания осадных орудий.

Этими орудиями были: пороки, или тараны, для разбития стен, подвижные башни, или гуляй-города, в которых находились воины, различные метательные орудия — камнеметы и громадные луки-самострелы, лестницы для влезания на стены и всевозможные другие приспособления, употреблявшиеся при взятии городов, в чем татары были весьма искусны. При надобности они заготовляли по нескольку тысяч таких приспособлений и орудий.

Умели татары также производить наводнения, отводить воду и устраивать большие подкопы под землей; знали они и



Различные приспособления для взятия города. Эти орудия и приспособления были совершенно одинаковы с употреблявшимися древними греками и римлянами, у которых осадное искусство было доведено до высокой степени совершенства

употребление зажигательных составов и особых горшков с нефтью — «греческого огня», которым закидывались осажденные города с целью вызвать пожары; при этом имеются сведения, что, для того чтобы «греческий огонь» распространял свое действие сильнее, татары иногда предварительно метали в огромном количестве жир с убитых врагов, а затем на него уже горшки с нефтью.

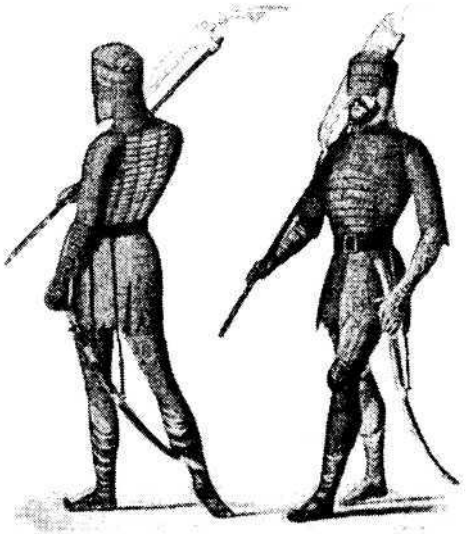
Войско состояло из конницы — легкой и тяжелой.

Первая назначалась для охраны, разведывания неприятеля и преследования, а вторая для нанесения решительных ударов. Каждый татарин с детства приучался ездить верхом и в походе должен был иметь по нескольку лошадей.

Для боя монголы строились в несколько линий, имея всегда позади особую часть, так называемый резерв, для нанесения окончательного удара. В передних линиях ставились войска союзников или покоренных народов, а в последующих — свои. Бой начинали издали — сильной и меткой стрельбой из луков, а сблизившись с противником, татары стремительно кидались на него, стараясь охватить с обоих крыльев, для чего растягивали свои линии вправо и влево. Если татары встречали сильный отпор, то притворно отступали, производя при этом сильную стрельбу, а коль скоро замечали, что привели неприятеля в расстройство, то внезапно переходили в наступление, старались его окружить со всех сторон и сильным и дружным ударом наносили ему окончательное поражение. Вообще они старались сначала обмануть противника разными хитростями, а потом уже одолеть силой оружия. После победы они немедленно пускались преследовать разбитого врага легкой конницей и избивали всех до единого.

В бою войска управлялись при посредстве труб или разного рода флагов и производили боевые движения с необыкновенной легкостью и быстротой. Начальники же войск следили за ходом боя издали и управляли им большей частью при посредстве особых посыльных; при этом они следили также, чтобы воины, отдельно бежавшие с поля сражения, тут же предавались смерти.

Встречая по пути сильно укрепленный город, татары опустошали прежде всего его окрестности, чтобы лишить жителей продовольствия; затем старались выманить войско, в нем



Вооружение татарского воина

находившееся, в чистое поле и разбить его там. Если же этого не удавалось, то весь город окружался изгородями или даже валами со рвами, чтобы отрезать ему всякое сообщение с остальным миром. Затем приступали к осадным работам, причем их производили окрестные жители или военнопленные. Этих же людей пускали в первую голову и на приступ; сами же татары шли позади, как бы подталкивая их и беспощадно предавая смерти всех бегущих. Таким образом, они брали города, так сказать, покоренными ими народами; свои же войска они щадили.

При этом они прибегали ко всякого рода военным хитростям, обманам, угрозам и не скупились на щедрые обещания. Завладев же городом приступом, нечаянным нападением, лестью или предательством, у татар положено было ненарушаемым правило: отобрав себе нужное количество сильных и здоровых мужчин в рабы, а также искусных мастеров и ремесленников, остальных жителей, не разбирая ни пола, ни возраста, истреблять всех до единого. Этим они достигали того, что в своем тылу не имели городов с недовольным населением, для усмирения которого необходимо было бы оставлять свои войска.

Перед началом войны Чингиз-хан всегда обстоятельно узнавал о свойствах местности, количестве жителей, составе войск, величине имеющихся продовольственных припасов и о внутреннем состоянии тех стран, на которые собирался напасть; он заводил в них тайные связи и склонял путем подкупа недовольных вступать на свою службу; необходимые же

ему сведения он собирал посредством посольств, торговых сношений и лазутчиков.

Война решалась на курултае, или торжественном собрании всех важнейших лиц государства; здесь определялся как состав войск, нужных для похода, так и места их сбора, пути следования и прочее. Затем все распоряжения быстро передавались по стране посредством почты, устроенной Чингиз-ханом во всех значительных местах своих владений.

Когда все было готово к походу, Чингиз-хан предлагал государю неприятельской страны — коротко, но ясно и грозно — либо покориться ему безусловно, либо лишиться всего без исключения. В первом случае покорившийся был обязан дать заложников, допустить исчисление своего народа, принять монгольских правителей и давать десятую часть с произведений земли, десятую голову со скота каждого наименования и десятого отрока и девицу со своего населения. Если же согласия на покорение не изъявлялось, то Чингиз-хан немедленно открывал войну вторжением в неприятельский край с нескольких сторон сразу, чем приводил противника в недоумение, где ему следует встретиться с главными силами монголов, тем более что легкие татарские отряды шли далеко впереди своих главных сил и, широко расходясь по стране, составляли как бы завесу для своих войск, двигавшихся позади.

Широкие реки нимало не останавливали монголов; они переплывали их, держась за хвосты лошадей и привязав себе вокруг тела оружие и кожаные мешки, наполненные воздухом.

Поход свой Чингиз-хан начинал обычно осенью, когда лошади и верблюды его после летней пастьбы были в хорошем теле.

Опустошение неприятельской страны и истребление ее жителей, носивших оружие, составляло одно из главных военных правил Чингиз-хана; в захваченных же городах, как мы уже говорили, умерщвлялись поголовно все, кроме лиц, необходимых для службы самим же татарам; кроме того, Чингиз-хан щадил и духовенство, рассчитывая этим иметь его на своей стороне для влияния на оставшееся в живых население; все же знатные пленники, так называемые лучшие люди, избивались обычно без малейшей пощады. Вообще о пощаде

Чингиз-хан выражался, что она имеет только одно неизменное следствие: вызывать сожаление о том, что была оказана.

Таково было военное устройство и военное дело у монголов, обязанных этим исключительно одному только человеку — Чингиз-хану.

Правда, сами монголы как нельзя более соответствовали всем порядкам, заведенным у них Чингиз-ханом, и не было ни одного народа в мире, который отличался бы таким послушанием и уважением к начальникам своим, как татары, говорили все видевшие их современники. Воздержание и терпение их были чрезвычайны; случится день-два не поесть — ничего; поют и играют, как будто сытно пообедали; легко переносили они также холод и жар. Кроме того, будучи от природы крайне нечистоплотными, они легко же мирились и со всей обстановкой войны, порой весьма неприглядной. Татары были ласковы и приветливы друг к другу, но зато необычайно свирепы, гневливы, лживы и коварны по отношению к другим; все они были, конечно, врожденные убийцы. Татарские женщины и девушки пользовались уважением и влиянием; на них лежали все хозяйственные заботы, но вместе с тем все они отлично ездили верхом и носили лук и стрелы; при этом многие из них отличались большим сквернословием. Жен татарин мог иметь столько, сколько был в состоянии прокормить, причем женились, не разбирая родства, не беря за себя только собственную мать, дочь и сестру от родной матери. Жили татары в круглых юртах, сделанных из хвороста и тонких жердей и покрытых войлоком; юрты эти обыкновенно легко разбирались для похода или же возились на телегах как есть. Юрты были всегда открыты и не запирались, так как между своими татары не воровали.

Татары признавали существование единого бога, но ему не молились, а приносили жертвы идолам, помещаемым против входа в юрту; обожали солнце, луну и звезды, верили в заклинания и были вообще очень суеверны; но к религиям покоренных ими народов относились безразлично.

Таковы были подданные Чингиз-хану монголы.

Они стали быстро доставлять ему ряд блестящих побед; скоро он покорил Китай, взял и разгромил столицу его Пекин и, заключив с китайским императором мир в 1211 году,

двинулся на запад против могущественной магометанской державы Хорезмийской, объединявшей собой владения хивинские, бухарские и большую часть персидских.

Осада Самарканда Чингиз-ханом. Из Джагатайской (татарской) рукописи XVI века

Здесь, в густонаселенной и высокообразованной стране, покрытой обширнейшими цветущими городами, произошел ряд кровопролитных сражений, сопровождавшихся столь губительным опустошением, что страна эта уже никогда впоследствии не могла достигнуть своего былого цветущего состояния.

Чингиз-хан, по обыкновению, двинулся на Хорезм с огромными полчищами своих татар. Когда он подошел к городу Самарканду, в котором находилось одних войск до 100 тысяч человек, то жители хотели соорудить вокруг него новые рвы; но их повелитель храбрый султан хорезмийский послал им сказать, чтобы они избавили себя от напрасного труда, так как монголов столько, что они одними своими кнутами наполнят все рвы.

Скоро Самарканд, Хива, Термез, Балх обратились в груды трупов и развалин, а города эти были по своим размерам таковы, что в одном только Балхе было 200 бань для странников и 1200 мечетей.

Через три года Хорезм был окончательно покорен и опустошен от реки Инда до берегов Каспийского и Аральского морей. Все это было совершено полководцами Чингиз-хана;

сам же он оставался большей частью в Самарканде и устраивал в его окрестностях замечательные охоты. Целые народы были собираемы для того, чтобы сгонять сотни тысяч диких зверей, которых убивал и пожирал Чингиз-хан со своими придворными. Наряду с этим он усердно знакомился с бытом покоренных им народов и часто беседовал с их учеными и мудрецами.

Покорив Хорезм, Чингиз-хан собрал большой курултай, на котором показался во всем блеске своей славы. Торжество происходило на громадной равнине, и хотя местность имела 49 верст в окружности, но едва могла вместить одни только шатры всех прибывших князей.

Во время описанных охот и торжеств Чингиз-хан не переставал деятельно готовиться и к дальнейшим своим походам.

Еще в 1220 году, осаждая Самарканд, он послал своих полководцев Чжебе и Субутая с 30 тысячами конницы захватить бежавшего хорезмийского султана Магомета, который после многих бедствий и скитаний укрылся на одном из островов Каспийского моря и умер в такой крайности, что не во что было завернуть его тело; при этом перед самой смертью он имел горе узнать, что семья его взята татарами, все сыновья убиты, а дочери отданы победителям.

Преследуя несчастного Магомета, Чжебе и Субутай, обогнув с юга Каспийское море и не отыскав его, двинулись через Персию в Грузию, разоряя все по пути. Храбрые грузины, следуя заветам своей великой царицы Тамары, смело встретили врага, но были наголову разбиты под Тифлисом; затем они вышли еще раз против татар и были еще раз разбиты; после этого татары, взяв Дербент, стали переходить через Кавказский хребет для дальнейшего своего движения к северу. Это было в 1223 году.

Здесь татары были встречены местными ясскими и другими воинственными горскими племенами, пригласившими себе в союзники половцев. Положение татар, окруженных со всех сторон неприятелем в неприступных горах, стало отчаянным. Но им пришла на выручку обычная бесчестность половцев. Они жадно склонились на дары, предложенные им татарами, и вероломно покинули своих союзников, после чего татары разбили последних, а затем двинулись вслед за половцами,

расходившимися без всяких предосторожностей по своим кочевьям, и наголову разгромили и их.

Тогда половцы, в ужасе уходя от шедших за ними следом татар, кинулись за помощью к русским.

И вот к Мстиславу Удалому, сидевшему в это время в Галиче, неожиданно прибежал тесть, половецкий хан Котян, и стал усиленно просить о помощи против татар, о которых никто ничего не знал на Руси.

Мстислав Удалой, конечно, согласился, и скоро по его приглашению в Киеве состоялся большой княжеский съезд для решения вопроса об общем походе против нового неслыханного врага. Половцы усиленно задаривали князей конями, верблюдами, буйволами и невольницами; они говорили: «Если не поможете нам, то сегодня мы будем иссечены, а завтра вы».

На съезд собрались трое старших князей — Мстислав Романович Киевский, Мстислав Мстиславович Галицкий, бывший душой съезда, и Мстислав Святославович Черниговский, а также много младших князей; в числе последних были Мстислав Ярославович Пересопницкий, по прозванию Немой, Всеволод Мстиславович — сын киевского князя, Михаил — сын покойного князя Всеволода Чермного и Даниил Романович Волынский; брата же его Василька, за молодостью лет, не было. Не было также и великого князя Юрия Всеволодовича Суздальского; но на решение съезда он прислал свое согласие.

После продолжительного обсуждения съезд постановил: «Лучше нам принять татар на чужой земле, чем на своей». Затем все стали деятельно готовиться к большому общему походу. Войска собралось очень много. Выступили и все божьи люди — 70 богатырей, приведенных в Киев Александром Поповичем. Конница шла степью, а пехота спускалась по Днепру на ладьях. Судов было столько, что по ним можно было пройти пешком с одного берега Днепра на другой. Галицкие воины и часть волынских спустились по Днестру, переплыли Черное море и поднялись по Днепру до порогов, где ожидали соединения с остальными.

Шел отряд и от Юрия Суздальского. Его вел Василько, сын покойного старшего брата Константина; но отряд этот несколько опоздал в своем движении и не успел соединиться с остальными нашими силами.

Проведав про поход русских, татары прислали нашим князьям послов, которые держали такое слово: «Слышали мы, что вы пошли против нас, послушавшись половцев, а мы вашей земли не занимали, ни городов ваших, ни сел, на вас не приходили; пришли мы попущением Божьим на холопей своих и конюхов, на поганых половцев, а с вами нам нет войны; если половцы бегут к вам, то вы бейте их оттуда и добро их себе берите; слышали мы, что они и вам много зла делают, потому же и мы их отсюда били». Русские этим словам веры не дали, а самих послов перебили. Когда войска наши стояли на Днепре, не доходя Олешья, то татары прислали новых послов, которые объявили: «Если вы послушались половцев, послов наших перебили и все идете против нас, то ступайте, пусть Бог нас рассудит, а мы вас ничем не трогаем». На этот раз послы были отпущены живыми.

Когда собрались все полки русские и половецкие, то Мстислав Удалой с тысячей человек перешел Днепр и обратил в бегство татарских сторожей, причем было захвачено несколько людей, выданных половцам на смерть.

После этого все князья переправились через Днепр; скоро дали знать, что появились татары осматривать наши ладьи. Даниил Романович с половцами поскакал их смотреть. Вернувшись в стан, все стали рассуждать о татарах; большинство склонялось к мнению, что враг не страшен, даже хуже половцев, но опытный галицкий воевода Юрий Домамерич утверждал, что они добрые воины. А между тем татары все отходили назад; стрельцы наши встретили их тыловые отряды в половецком поле, победили их и, захватив много скота, пригнали его к своим полкам. Ободренные этим успехом, русские продвигались все дальше и дальше вперед и, наконец, дошли до реки Калки, впадающей в Азовское море. Здесь был встречен опять небольшой татарский отряд и был отогнан нами.

Тогда Мстислав Удалой, идя в сторожах, приказал Даниилу Галицкому перейти реку, а вслед за ним перешел ее и сам, послав вперед половцев с их вождем Яруном; прочим же князьям об этом движении не было дано знать, и они стали станом. Последнее было сделано Мстиславом Удалым, как говорит летописец, чтобы одному одержать победу, так как у него была ссора с Мстиславом Киевским; но возможно и другое объяснение: идя далеко впереди в сторожах, Мстислав, может быть, и не мог своевременно известить киевского князя о появлении противника, потому что не успел он с Даниилом Романовичем перейти реку, как сейчас же появилось огромное количество татар, готовых к бою. Это было 16 июня 1224 года.

Завидя врага, двадцатитрехлетний Даниил Романович, в сердце которого с детства глубоко запали слова Писания: «Медляй на брань страшливу душу имать», разгорячил своего коня, вынесся вперед и первый врубился в татарские ряды; скоро он был ранен в грудь, но сильный своей молодостью и воодушевленный боем, он не заметил раны и продолжал рубиться с врагами, бешено на него наседавшими со всех сторон; «бе бо дерз и храбор, от главы и до ног его не бе на нем порока», — примечает летописец по этому поводу.

Видя опасность, в которую попал Даниил, двоюродный дядя его, любивший доблестного племянника своего как родного сына, князь Мстислав Немой кидается ему на выручку. С другой стороны храбрейший князь Олег Курский наносит страшные удары татарам. Конечно, и наши славные богатыри показывают чудеса храбрости. Битва делается все ожесточеннее и ожесточеннее. Уже победа, по-видимому, могла склониться на нашу сторону. Но вдруг побежали презренные половцы и стали топтать станы остальных князей, которые не успели еще построить полки для боя. Это решило дело в пользу татар. Скоро они нещадно начинают избивать полки Мстислава Удалого и Даниила, конечно, окружив их со всех сторон после бегства половцев.

Поражение русских было такое, какого не бывало еще от начала Русской земли. Мстислав Удалой, Даниил Романович и немногие из бывших в сечи успели бежать в направлении к западу; при этом, только нагнувшись к речке, чтобы напиться воды, Даниил заметил свою рану. Доблестные же наши богатыри все до единого сложили свои головы.

Видя бедственное положение части нашего войска, дравшегося под начальством Удалого и Даниила, князь Мстислав Киевский с зятем своим Андреем и князем Александром Дубровицким по неизвестным причинам не двинулся с места; он стоял на горе над самой Калкой и оградился здесь со всех сторон кольями.

Татары, направив часть своих сил для преследования бегущих, другой частью осадили Мстислава Киевского, который успешно отбивался от них три дня, пока дело не решило предательство. Вместе с татарами были и *бродники,* православные обитатели низовьев Дона. Воевода этих бродников, Плоскиня, целовал крест Мстиславу и другим князьям, что если они сдадутся, то татары их не убьют, а отпустят на выкуп.

Князья поверили, сдались и были задавлены: татары подложили их под доски, на которые сели обедать.

Шестеро других князей погибли во время бегства к Днепру, и между ними князь Мстислав Черниговский с сыном. Мстиславу же Удалому с Даниилом Романовичем удалось с большим трудом уйти за Днепр. Вообще вернулись домой не более одной десятой части ходивших на Калку.

Татары преследовали до Новгорода-Святополчского (на Переяславской земле), после чего вернулись назад. Жители русских городов и сел, лежавших на их пути, выходили им навстречу, но все были убиваемы. «Погибло бесчисленное множество людей», — говорит летописец.

Так произошло первое знакомство русских людей с татарами, но об этом племени надо рассказать подробнее.

Империя потомков Девы Марии

Чингиз-хан. Портрет выполнен неизвестным китайским художником

Перед нами прекрасный портрет Темучина. Но есть основания считать, что данный портрет весьма недостоверен. Китайский художник сделал Чингиз-хана китайцем. Европеец нарисовал бы его иначе.

Портрет одного и того же человека —хромого Тимура.

Первый выполнен китайским художником, второй — иранским, третий — восстановлен по черепу.

Как видите, каждый художник привносит немножко и от себя.

Поэтому к портрету Чингиз-хана надо отнестись скептически. Китайский художник просто никогда не видел европейца и не мог представить себе человека с «немонгольскими» глазами.

Чингиз-хан описывается европеоидом с голубыми глазами и большой бородой.

Чингиз-хан. Старинный китайский рисунок

Китайский рисунок, изображающий арийцев. Так выглядели, по свидетельству китайских художников, наши предки, древние арийцы

«АЛТАН ТОБЧИ» — «Золотое сказание»[1] — сообщает родословную монгол и Чингиз-хана: От Шакьямуни родился Рахулла, который принял духовный сан, и род его пресекся[2].

Сарба-хаган, сын Гусала-хана, царя Магадийского в Индии, имел 5 сыновей. Младший из них от природы имел синеголубые волосы, ноги и руки с перепонками и глаза, мигающие снизу вверх. Его бросили в медном ящике в Ганг. Некий старец выловил ящик и спас удивительного младенца.

[1] «Алтан тобчи» (букв. — золотая пуговица, золотой свод) — монгольская летопись XVII века, исторический и литературный памятник. Воспроизводит данные более древних летописей, не дошедших до нас. — *Примеч. ред.*

[2] Рухала (Рух Алла) — Дух Божий (так в старину на Руси назывался Иисус. См. молитву у Афанасия Никитина: «...Иса Рух Оалло...»).

Киргизы утверждали, что Чингиз-хан родился от девицы не от мужа, был положен в сундук и пущен по реке. Его вынула пери и воспитала. Но киргизы могли ошибаться. Монголы ничего не говорят о пери. Киргизы, возможно, перепутали Чингиз-хана с сыном Сарба-хагана.

В 16 лет чудесно спасшийся стал первым царем Тибета и получил имя Кудзун-Сандалиту-Хаган, т.е. «имеющий престол на шее», ибо несли его на шее, а было это у горы Шамба.

У него родился сын — Эркин-Дологан-Кумун-Сандалиту-Хан.

Его сыном был Айдулха Арбай-Сандалиту-Хан.

Его сыном был Гуа-Собин-Морин-Сандалиту-Хан.

Его сыном был Далай-Субин-Ару-Алтан-Сандалиту-Хан, у которого было три сына: Борочо, Шубугучи, Бурте-Чоно.

Из-за вражды Бурте-Чоно ушел из Тибета на север через озеро Тэнгин в страну Зуд, где женился на Гуа-Марал («Красавица-Оленуха»). Они и стали родоначальниками народа монголов.

Потомки Бурте-Чоно и Гуа-Марал — предки Чингиса: Будай-цаган, Тэмучин, Хорицал-Мэрген, Укджам-Богурал, Сали-галдзагу, Екэ-Нидун, Сам-Сочи, Буритай-Мэрген и младший — Торголчин-Баян.

Торголчин-Баян, женатый на Борокчин-Гуа, имел два сына, чьи имена: Дува-Сохор, у которого был один глаз посредине лба, и Добо-Мерген.

Добо-Мерген встретил Алан-Гоа («Аланскую Красавицу»), дочь Барагучин-Гуа, жены хори-тумэтского Сурултай-Мергена.

Добо-Мерген взял ее в жены, и она родила ему двух сыновей: Бугу-Хатаги и Бугучи-Сальджита. А после смерти своего мужа она родила еще троих сыновей: Бектера, Белгетея и Бодонцара.

Алан-Гоа утверждала: «Месяц в виде мальчика входил в мою юрту. Погладив живот мой, он выходил, превращаясь в рыжую лысую собаку. Поэтому я считаю, что дети родились по велению неба».

И это правда. Дети всегда рождаются по велению свыше.

Сказание о Дубин-Баяне и Алан-Гоа

В этом сказании говорится про Алан-Гоа — так монголы называли на своем языке Деву Марию — «аланская красавица». В сказании Афродитиана тоже указывается, что Иисуса родила иранская богиня Ира от бога солнца Ярилы. Алан-Гоа, оставшись без мужа, сидела в уединении, и вдруг какой-то свет вошел через окно шатра и вселился в ее чрево, и она родила в свое время без содействия мужа. Затем родился второй, а потом и третий сын.

Алан-Гоа свидетельствует: «Во сне я каждую ночь видела призрак с голубыми глазами, который приходил тихонько ко мне и возвращался опять от меня. Всякое другое мнение ложно, и эти младенцы, родившиеся без отца, родились чудесным образом. Когда они вырастут, станут государями и ханами, и будут свидетельствовать вам и другим народам справедливость моего отзыва».

Так как ее потомки — Чингисиды — действительно стали государями и ханами, сомневаться в ее словах нет никаких оснований.

По преданию, эти трое, родившиеся от Солнца либо Духа Святого, суть: Букан-Кики, Бусеки-Салджи и Бузенджер-Кан.

Бузенджер-Кан был третьим сыном Алан-Гоа, ему покорились тюркские цари, признав его ханом. Он был предком Чингиз-хана.

Бузенджер-Кан имел двух сыновей: Буку и Буктая.

Сын Буктая Начин женился на монголке и остался в ее доме. Сын же Букая — Дутум-Менен — взял в супруги Мунулуну и имел девять сыновей. Мать и восемь сыновей были убиты в стычке, а младший, Кайду, остался жив.

У Кайду было 3 сына: Байзенгкур, Черке-Лингкум и Чаучин. Сын Байзенгкура — Тюмене-Каак — имел от двух жен девять сыновей.

От первой: Чаксу, Барим-Шир, Качули, Семеркачиун, Байтгелги.

От второй: Кабголь-Хан, Дурбаян, Безенчер-Дукелат и Чинтабай.

У Кабголь-Хана были сыновья: Угин-Беркак, Бертам-Бе-

гадер, Кутукту-Менгер, Кедан-Бегадер, Кутла-Кан, Будак-Утчегин.

У Кутла-Кана голос был слышен за семью холмами, а рука была похожа на лапу медведя.

Предком же Чингиза был Бертам-Бегадер. У того было четыре сына: Мунгду-Киан, Негун-Тайши, Йесугай-Бегадер и Дарити-Утчегин.

Потомки Йесугай-Бегадера отличались от прочих соплеменников голубыми глазами и светло-русыми волосами, и это было признаком их божественности.

Главной супругой Йесугай-Бегадера была Угез-Кучин, называемая так же Улун-Эге, имевшая четырех сыновей:

Темучина[1], получившего в 50 лет почетное прозвище Чингиз-хан.

Чучи-Касара (Джучи) — что переводится как «Лев-Кесарь».

Качиуна.

Темугу-Утчегина.

От другой жены: Билгу-нуяна.

Йесугай-Бегадер вел войну с татарскими государями — Темучином-Угой и Кур-Бутой. Улун-Эге в это время была беременна. Когда он возвратился с победой, жена родила мальчика с куском запекшейся крови в правой руке. Отец дал ему имя побежденного хана, назвав Темучином.

Рассказывают, что Чингиз-хан имел 500 жен и наложниц.

Говорят, что он решил объединить в единую империю все народы, почитающие Деву Марию, и что он считал ее своей пра-пра-пра...бабкой.

В «Тайной истории татаро-монгол» («Мэн-да Бей-лу») говорится, что татарская нация по большей части низкорослая, с плоскими лицами, волос на бороде и в усах мало. И только нынешний татарский повелитель Тэмучжен —огромного роста, с широким лбом, длинной бородой, и отличается мужеством. Теперь он государь, основатель царства и величается «Чингис Хуан-Ди».

Насколько прав был Чингиз-хан, считая себя потомком Девы Марии и равным Иисусу, судить трудно, но эта его вера

[1] Темучин — первое имя Чингиз-хана.

сильно повлияла на его отношение (и отношение его потомков) к христианской церкви, считающей Деву Марию божественной девой. Церковь, обожествлявшая его прародительницу, была под охраной и защитой монгольских ханов. Поэтому при захвате Руси церкви и монастыри не уничтожались, а, наоборот, получали пожертвования и привилегии. Заметьте, татарское иго — период расцвета русской культуры, активного строительства церквей и монастырей и экономического подъема северной Руси.

Рабы под игом золотом кроют купола строившихся каменных храмов! Откуда бы такая роскошь? А от них, от татар!

Но вернемся к монгольским племенам.

Петровский в статье «О христианстве в Туркестане»[1] обращает внимание на то, что «три киргизские орды и поныне носят названия алчин, аргын и усунь».

Об усунях Янь Ши-гу (VII в.) сообщает: «Усуньцы обликом весьма отличны от других иностранцев Западного края. Ныне тюрки с голубыми глазами и рыжими бородами, похожие на обезьян, суть потомки их». Так что рыжебородый голубоглазый Тимучин был потомком европеоидного племени усунь — иранцы, которые, проживая среди тюркских племен, перешли на тюркский язык и назывались татарами.

Религиозная политика Великой Орды

Первая статья «Конституции Чингиз-хана» — Ясы — гласила: «Повелеваем всем веровать во Единого Бога, Творца Неба и земли, единого подателя богатства и бедности, жизни и смерти по Его воле, обладающего всемогуществом во всех делах».

Христианство в самых разных своих формах постепенно проникало в Азию, и темп этого проникновения был, пожалуй, не ниже, чем в Европе, особенно если принять во внимание величину азиатских территорий, населенных разными народами.

[1] ЗВОРАО. Т. 8. С. 150.

Й. Л. Мошемий[1] сообщает, что христианство проникает на земли тюрок и монголов уже с V века. Сирийско-несторианские могилы в Семиречье встречаются десятками.

В стране кимаков имелась скала, на которой были видны следы ног и колен человека, положившего здесь земной поклон, следы ног ребенка и ослиных копыт. Гузы приписывали эти следы Иисусу и поклонялись им.

4 мая хорезмийские христиане, по словам Бируни, справляли «праздник роз» (в церковь приносили свежие розы): по преданию, Богородица в этот день поднесла розу матери Иоанна Крестителя[2].

В VI веке несториане не без успеха проповедовали свою веру среди тюрок-кочевников. Феофилакт Симокатта указывал, что в 591 году тюрки, захваченные в плен при Балярате, имели на лбах татуировки в виде креста и объявляли, что это сделано по совету христиан, живших в их среде, чтобы избежать моровой язвы[3].

В 635 году несторианство проникло и в Китай. В 1009 году несторианство приняли кереиты.

Сохранились названия христианских племен Орды: уйгуры, кереиты, онгуты, тангуты, кара-китаи (кидани), найманы, меркиты, карлуки, канглы, гузы, басмалы, чигили и другие.

В 1261 году учреждена Сарайская православная епископская кафедра.

В Семиречье в XIV веке было армянское духовенство, и не только там. Например, в Болгаре сохранилось 150 погребений 1308, 1321 и 1335 годов с эпитафиями на армянском языке.

Нет ничего удивительного в том, что отношение в Орде к христианам самого различного толка было более чем терпимым. Иначе и быть не могло, ведь сам хан Батый был христианином. Его сын — хан Сартак — был священником христианской общины. Но, исповедуя христианство, имел шесть жен.

Так как торговля в Орде велась мусульманскими купцами, ислам постепенно приобретал все большее политическое влияние. В 1312—1313 годах Узбек-хан объявил ислам государственной религией Великой Орды. Царевичи, отказавшиеся отречься от веры отцов, были казнены'.

Оставшиеся в живых несториане, не пожелавшие менять религию, перешли на службу к русским князьям.

Монгольская элита «покровительствовала» и армяно-григорианской церкви, освободив ее от налогов и податей. Армяне участвовали в походе против Багдадского халифата на стороне монголов, и Багдадский халифат был разгромлен.

В 1395 году православный татарин Аслан основал в Кафе монастырь Святого Георгия. Имеется ордынская монета с изображением святого Георгия, покровителя монгольского воинства.

Ханские ярлыки предоставляли русским митрополитам существенные привилегии и экономические льготы, освобождая их от податей и налогов, а также от притеснения князей. Оскорбление веры и церкви предписывалось карать смертью. Естественно, русская церковь была на стороне татар. Недаром когда Дмитрий Донской хотел поднять оружие против Мамая, святой Сергий Радонежский советовал ему обратиться к Мамаю с покорностью. Ведь, пока Русь была под пятой Орды, на землях русских вознеслись к небу каменные монастыри и храмы с золотыми куполами. Что такое монастыри? Это место, где монголы, получившие увечья, доживали в покое свой век в доме для одиноких инвалидов, благодаря Бога. А рядом разрасталась слобода — поселение, освобожденное от налогов в казну, обязанное кормить инвалидов. Монголы разоряют Европу и Азию, а богатеет Московский край.

Правда, надо признать, что монголы были на удивление веротерпимыми и умными. Веротерпимость была необходима для сохранения социального, политического и религиозного мира в таком многонациональном государстве, как Улус Джучи, государство, которое мы почему-то стали называть Золотой Ордой.

[1] *MoshemiiJ.L,* Historia Tatarorum Ecclesiastia. Helmstadi, 1741.

[2] *Бартольд В.В.* Собр. соч.: В 2 т. Т. 2. Ч. 2. С. 285—286.

[3] См.: *Симокатта Феофилакт.* История. 1957. С. 130—131.

[1] См.: *Бартольд В.В.* Т. 1. С. 569.

Монгольская империя была многонациональна. Поэтому в Великой Орде мирно уживались христианство-несторианство с исламом и буддизмом, при сохранении пережитков шаманизма (двоеверие — нормальное условие развития религиозного сознания). Чем татары хуже нас, которые верят в бесов и колдовство спустя столетия после принятия христианства? Включите телевизор и посмотрите, кого раньше увидите? Колдуна и ясновидящую или доктора наук?

Сведения самих несториан об истории своей церкви вообще отличаются противоречивостью и неопределенностью. Основание митрополий в Герате, Самарканде и Китае одни приписывают патриарху Салибзахе (701/02—729/30), другие — Шиле (504), третьи — Ахею (411 —415/16). Из списка восточносирийских епископов, изданного Гуиди, видно, что в Герате уже в 430 г. был епископ, в 588 г. — митрополит.

Для распространения христианства среди среднеазиатских народов, не подчиненных арабам, больше всего, по-видимому, было сделано при патриархе Тимофее (780—819). Миссионер Субхальешу, посланный им в прикаспийские области, отправился оттуда в глубь Средней Азии и дошел до Китая. Как известно, в Китае уже с 636 года была несторианская община, основанная А-ло-бэнем. Если верить сирийцам, патриарх Тимофей получал письма от тюркского хакана и других царей, обращенных им в христианство.

Воин

Чтобы составить себе мнение о том, каково могло быть культурное значение христианства в Средней Азии, рассмотрим вкратце главнейшие черты сирийской церкви.

В конце V века сасаниды покровительствовали несторианам и посредством военной силы содействовали распространению несторианства среди персидских христиан. Преобладание несториан в Персии закончилось вместе с преобладанием яковитов в Византии. Император Юстиниан I (483—565) возродил постановления Халкедонского собора и изгнал яковитов; с тех пор персидские цари не имели причин притеснять их. Перевес в зависимости от различных обстоятельств переходил то на сторону яковитов, то на сторону несториан; в Средней Азии яковитские епископы появляются только со времени патриарха Маруфы (624—649), который назначил епископов в Седжестан и Герат. Последние следы православия в Персии исчезли при Хосрое II (590—628). Только после арабского завоевания православные (мелькиты) снова получили доступ в Персию и Среднюю Азию; впоследствии, во время Бируни (?—1048), мы находим православного митрополита в Мерве. Борьба между различными вероисповеданиями продолжалась и в период арабского господства. Арабы большей частью принимали сторону несториан; при несторианском патриархе Сабаръешу III (1062—1072) халифатом было постановлено, чтобы епископы яковитов и мелькитов подчинялись несторианскому католикосу и исполняли его эдикты; но в то же время несториане находились под более строгим контролем правительства, чем другие христиане; с 987 года католикос (даже вопреки желанию епископов) утверждался и поддерживался халифом. Только в 1142 году произошло примирение между католикосом Эбедъешу III и мафрианом Дионисием, прекратившее раздоры между несторианами и яковитами; с тех пор главы обеих церквей при каждом удобном случае оказывали друг другу знаки уважения. И в монгольский период несториане терпи-

Хан

Татарин-карахалк

мостью по отношению к христианским вероисповеданиям резко отличались от католиков.

Благодаря покровительству, которое несторианские министры и сам монгольский хан Гуюк (1246—1248) оказывали христианам (очевидно, независимо от вероисповедания), к монгольскому двору стекалось духовенство различных наций[1].

Знал ли Чингиз-хан монгольский язык

МОНГОЛИЯ населена была племенами различных языковых групп: маньчжурами, монголами и тюрками.

В X—XII веках монголы и татары были родственными племенами, говорившими на одном языке, имевшими одинаковые обычаи и внешний вид.

Монгольский язык и монгольские племена существовали издавна, но не назывались именем «монголы»[2].

Древние монголы — племя тунгусо-маньчжурское, жившее в IX—X веках среди монголоязычных племен, ассимилированное ими, но передавшее им свое имя. Татары — тюркоязычное племя, по некоторым сведениям, иранского происхождения.

В XI—XII веках образовалось государство Хамаг-Монгол-Улус («Государство всех монголов»), но в XII веке оно распалось. В 80-е годы XII века Темучин возглавил борьбу за восстановление монгольского государства. Возможно, термин «монголы» был принят Чингиз-ханом лишь потому, что раньше существовало государство монголов, побеждавшее соседей. Принятие имени — акт государственной преемственности, и не более того.

Само же слово «монгол» означает человек племени «мон». Тот же корень имеют такие племена, как ман-си, ма(н)-дьяр, мань-джур. Корень «мань», «монь» — означает на финноугорских диалектах «понимающий человеческую речь», «умеющий говорить на понятном языке».

Придя в Поволжье, монголо-татары быстро растворились в массе кипчаков, здесь проживавших. Уже в XIV веке в Орде сложился тюркский (кипчакский) литературный язык, который становится при Берке-хане официальным языком Орды. Ярлыки Тохтамыша написаны не на монгольском, а на тюркском (кипчакском). В XIV веке монгольский язык исчез из обихода.

[1] См.: *Бартольд В. В.* Т. 2. Ч. 2. С. 275—276.

[2] *Васильев В. П.* История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII вв. // Труды Восточного отд. Императорского Арх. Общ. Ч. 4. СПб., 1859.

Образование Империи

Темучин

Родился Темучин в январе 1167 года. Когда ему исполнилось девять лет, Есугей Багатур, его отец, решил начать переговоры о его помолвке, лишая сына возможности в должное время похитить невесту, как сделал некогда он сам. С этой целью сын и отец направились в путешествие к родным Оэлун, матери Темучина, принадлежавшим к племени олконоутов. На своем пути они встретили Даи-Сецена, рыцаря племени унгират, ветвью которого были олконоуты. Оказалось, что у него есть дочь по имени Бортэ, славящаяся своей красотой. Отцы симпатизировали друг другу, так же относились и к детям, поэтому соглашение вскоре было заключено. Мальчик Темучин, будущий зять Даи-Сецена, должен был остаться, согласно древнему монгольскому обычаю, в его лагере.

Довольный этим соглашением, Есугей отправился домой один. На пути он встретил татар и был приглашен ими посетить их пир. Отказ противоречил бы степному этикету, и Есугей присоединился к кутежу, несмотря на традиционную кровную вражду между его родом и татарами. Продолжив после этого путь домой, он почувствовал себя плохо и понял, что коварные татары подмешали яд в его напиток. Он умер несколько дней спустя после своего возвращения (около 1177 г., если принять, что Темучин родился в 1167 г.).

Следуя наказу, данному Есугеем перед смертью, Мунлик, которого он назначил опекуном своей семьи, призвал Темучина домой. Мать мальчика Оэлун была храброй женщиной и попыталась удержать род под своей властью, но эта задача оказалась для нее непосильной, поскольку родня мужа не согласилась подчиняться ей. Через некоторое время все родичи и вассалы Есугея, включая клан тайчжиутов, покинули лагерь Оэлун, уведя большинство ее скота. Даже Мунлик покинул ее. Оэлун осталась без всякой помощи с пятью детьми (три сына кроме старшего — Темучина и дочь), с другой женой своего мужа, с ее детьми и малым количеством служанок. Годы трудностей и обездоленности начались для семьи Есугея, но дух Оэлун не был сломлен. Ей стоило огромного труда научить Темучина всему, что касалось славного прошлого его рода. Мальчик жадно слушал и запоминал все древние предания. Однако невзгоды семьи не завершились на этом. На их лагерь напали тайчжиуты, их бывшие союзники. Темучин был взят в плен, но ему удалось бежать. Он считал, что это произошло с помощью небесных сил.

Прошло несколько лет. Мальчик быстро мужал, становился воином. Когда какие-то неизвестные люди украли восемь из девяти коней семьи, Темучин поехал за ними на единственном оставшемся коне и с помощью другого юноши, встреченного им по пути, смог вернуть назад лошадей. Его новый друг решил присоединиться к семье Темучина в качестве военного сотоварища. Его звали Богурчи; позднее он стал одним из выдающихся предводителей в армии Чингиз-хана. Этот первый успех, сколь бы незначительным он ни казался, дал Темучину почувствовать собственную силу. Ему, вероятно, в это время было восемнадцать лет. Даи-Сецен сдержал слово, данное отцу Темучина, и вскоре в его лагере состоялась свадьба. Затем Темучин привел Бортэ в свою палатку. Ее приданое включало ценное соболье одеяние, что было неслыханной роскошью в бедном доме Темучина. Эта богатая одежда помогла ему начать свою «политическую карьеру». Взяв меха с собой, он появился при дворе Тогрул-хана, властителя могущественного племени кераитов. В лучшие дни Есугея он и Тогрул стали названными братьями *(анда)*. Теперь Темучин пришел с подарком — меховым одеянием — к своему назва-

ному дяде, к которому обратился как к «отцу». Тогрул благородно пообещал юноше свое покровительство (ок. 1185 г.).

Заручившись поддержкой одного из могущественнейших монгольских правителей и став, таким образом, его вассалом, Темучин обрел определенный статус в феодальном обществе. В любом случае он уже не был столь беспомощен, как ранее, или, по крайней мере, так ему казалось. В жизни рыцаря степей много опасностей. Вскоре после поездки к Тогрулу на лагерь Темучина напали меркиты (что явилось следствием затяжной мести за похищение Есугеем невесты меркитского воина 20 лет назад). Исходя из того что нападавших было слишком много, Темучин не стал защищать свой лагерь и, оставив жену, поскакал с немногими соратниками к близлежащей горе Буркан, которая принадлежала роду Борджигинов и почиталась священной. Тем временем Бортэ была взята меркитами в плен. Получив сведения, что нападавшие направились домой, Темучин поблагодарил гору за спасение своей жизни, сняв пояс и шапку в знак повиновения Небу, и, после молитвы и девятикратного коленопреклонения, совершил возлияние кумысом. После этого он направился к Тогрул-хану с просьбой помочь вызволить его жену. При дворе хана он встретил друга детства Джамуху, теперь уже выдающегося воина Джамуху-Сецена. Они стали названными братьями, и Джамуха и Тогрул договорились наказать меркитов. Атака была удачной, меркиты были разбиты, и Бортэ воссоединилась со своим мужем. В плену ее принудили стать любовницей одного из захватчиков. Это не погасило привязанность Темучина к ней, видимо, он понимал, что ему следует винить в случившемся прежде всего себя. Однако когда она родила первого сына, названного ими Джучи, Темучин не был уверен, что ребенок от него, и никогда не заботился о нем.

В кампании против меркитов Темучин проявил значительную доблесть и тем самым обрел много друзей. Фактически это было начало его карьеры. Обратив внимание на хорошие отношения Темучина с Тогрул-ханом и его дружбу с Джамухой, многие его сородичи, которые ушли после смерти Есугея, теперь проявили готовность признать лидерство Темучина. Вскоре Темучин стал столь же сильным предводителем, как и его отец. В качестве вассала Тогрул-хана Темучин вошел в политику и вмешивался в межплеменные войны, в которых он показал себя не только выдающимся полководцем, но также и тонким дипломатом. Благодаря активной роли агентов империи Цзинь в монгольских делах, Темучин установил контакты с китайцами и многое постиг в их дипломатии, что значительно помогло ему впоследствии в его отношениях с Китаем.

Основной принцип степной политики был достаточно прост: если одно из племен становилось слишком сильным, другие племена объединялись против него. Многообразие союзов объяснялось значительным числом межклановых отношений, единством или разладом родов в одном и том же племени, а также дружбой или соперничеством вождей. Вассальная зависимость и лояльность одному сюзерену или названому брату длились до тех пор, пока казались политически полезными обеим сторонам, и до того, пока дружба не омрачалась обидой. В этом мобильном феодальном обществе любой вассал по обычаю имел право бросить вызов своему сюзерену и предложить свои услуги другому. Поэтому даже если племенной вождь преуспевал в создании большого ханства, его власть никогда не была тверда, сформированное им государство могло распасться так же быстро, как было основано. Игра могла идти до бесконечности и шла до тех пор, пока Чингиз-хан не поменял правила.

Первым шагом Темучина было установление твердой связи с Джамухой. Они объединили силы и жили единым лагерем в течение полутора лет. Затем их отношения стали натянутыми, и в конечном итоге они решили расстаться. Согласно «Тайной истории», именно Бортэ посоветовала Темучину разделить лагерь с Джамухой. Конфликт между ним и Темучином был столкновением между двумя лидерами, стремившимися к власти. Предположительно, Джамуха, который был уже хорошо известным воином во времена, когда Темучин только появился при дворе Тогрул-хана, рассматривал себя в качестве естественного лидера этого союза. Очевидно, Темучин не мог долго терпеть такое положение дел.

Новость о разрыве между двумя предводителями породила много шума среди родичей и вассалов каждого. Сразу же стало ясно, что некоторые из них находились более под влия-

нием личности Темучина, нежели Джамухи. Многие влиятельные предводители родов решили следовать за Темучином, а не за Джамухой. Среди них был один дядя Темучина и несколько других вождей родов, связанных с Борджигинами. Один из них, Корчи, принадлежавший к клану баарин, заявил, что видел сон, в котором Великий Дух открыл ему высокую судьбу Темучина. Соответственно, собрание родовых вождей при дворе Темучина провозгласило его своим ханом, заявило о верности и обещало ему лучшую часть добычи от будущих походов. «Тайная история» сообщает, что именно тогда они дали своему новому хану имя Чингиз.

Сюзерен Темучина, Тогрул-хан, был вовремя проинформирован о решении вождей монгольских родов. Тогрул казался довольным честью, возданной его вассалу, и подтвердил результаты выборов. Вскоре после этого, поддерживаемые династией Цзинь, Тогрул и Темучин предприняли кампанию против татар. Темучин, естественно, благосклонно отнесся к возможности отомстить за смерть своего отца. Татары были побеждены, и в знак признания победы правительство Цзинь даровало Тогрулу титул «ван» (царь), а Темучину — «джохури» (региональный ответственный за пограничные территории). С этого времени Тогрул-хан был известен как Ван-хан. Что же касается Темучина, то дарованный ему титул был слишком скромен, чтобы хвастаться им.

Тем временем Джамуха сумел собрать впечатляющее количество вассалов и родичей и предъявил свои претензии на руководство племенем, в результате чего был провозглашен своими последователями Гур-ханом. Ван-хан и Темучин решили сразу же ответить на этот вызов и повели своих воинов против Джамухи. Силы последнего были недостаточными, и он вынужден был спешно бежать. Осознав собственную силу, Темучин решил действовать самостоятельно. Сначала он наказал тайчжиутов за их предыдущее предательство. Затем подчинил себе остатки татар. Две татарские красавицы, Есуи и Есугэн, стали его женами. Этот успех резко повысил престиж Темучина. Ван-хана стали одолевать сомнения относительно намерений его названого сына. Тем не менее он попросил Темучина присоединиться к готовящейся кампании против находящегося на крайнем западе монгольского племени найманов, чья сила в тот период нарастала, и Темучин ответил согласием. Но когда поход начался, Ван-хан изменил свои планы и повернул назад, не известив своего союзника. Темучин едва ускользнул из западни. В качестве возмещения он попросил руки дочери Ван-хана. Однако Тогрул отказал ему, заявив, что не может выдать дочь за своего слугу. И два властителя порвали дипломатические отношения.

В последовавшей вслед за этими событиями войне Темучин использовал в основном хитрость. Ван-хан, захваченный врасплох, когда Чингиз появился со своими воинами в лагере кераитов, бежал к найманам и был ими убит, а кераиты поклялись в верности Темучину. Последний готовился к кампании против найманов, чей хан оскорбил его, дав прибежище Джамухе. В этот период он начал проводить важнейшие реформы в организации армии. Чтобы не дать возможности будущим врагам застать его врасплох, как он захватил Ван-хана. Темучин создал специальное подразделение для охраны своего лагеря днем и ночью. Оно состояло из 80 ночных и 70 дневных стражников, в дополнение был организован полк из 1000 багатуров под командованием вождя джелаиров, одного из родов, который присоединился к Темучину сразу после его разрыва с Джамухой. Вся армия была разделена на подразделения по тысячам, сотням и десяткам.

Когда реорганизация войска была завершена, Темучин был готов к битве с найманами, не только одним из наиболее сильных монгольских племен, но также и одним из наиболее цивилизованных. Соседи уйгуров, они пользовались их алфавитом, который основывался на согдийском алфавите, коренящемся, в свою очередь, в сирийском. У найманского хана были даже государственный секретарь и государственная печать.

Прежде чем приказать своим воинам двинуться на найманов, Темучин освятил свое родовое знамя. Найманы были разбиты в 1204 году, их хан погиб в битве, лишь его сын Кучлук сумел скрыться со своей свитой. Он бежал первоначально на Алтай, но, не чувствуя там себя в безопасности, позднее перебрался в страну Кара-Кидан. Это была ветвь тех киданов, которые после низложения чжурчжэнями (Цзинь) в 1125 году империи Кидан (Ляо) в Северном Китае направи-

лись на запад и преуспели в создании царства в Трансоксании и районе Хотан Китайского Туркестана (Синьцзян). Тем временем найманы, оставшись без предводителя, подчинились власти Темучина. Темучин вслед за этим напал на своих старых недругов меркитов и разгромил их. Меркитская красавица Кулан стала его четвертой женой. Вскоре соперник Темучина Джамуха, которому удалось бежать из плена во время поражения найманов, был схвачен своим бывшим вассалом и доставлен к Темучину. Последний приговорил его к смерти, но, помня о прежней дружбе, разрешил ему умереть, «не проливая крови». По верованию монголов, душа человека находится в его крови; убить его, не пролив крови, почиталось благом для его души. Эта милость обычно даровалась членам царских семей, виновным в предательстве, и в исключительных случаях другим высокопоставленным преступникам. Согласно приказу Темучина, кости Джамухи с полагающимися почестями были помещены в специальный гроб.

Чингиз

В 1206 году вблизи истоков реки Онон состоялся Великий курултай, на котором Темучин был провозглашен императором (каганом) и принял новое имя — Чингиз.

Получив абсолютные полномочия, Чингиз организовал армию, разбив ее на десятки, сотни, тысячи и тумены (десятки тысяч). Всего войско насчитывало 95 000 воинов.

Из каждой тысячи были выбраны лучшие воины в императорскую гвардию, а так как тысячи набирались по племенам и родам, то в гвардии были представлены все роды Монгольской империи. При этом даже рядовой гвардеец считался выше любого армейского тысяцкого. Гвардия несла постоянную службу при императоре, находясь на полном казенном содержании.

Завершив реорганизацию армии, в 1211 году Чингиз начал военные действия против Китая, закончившиеся взятием Пекина в 1215 году. Под его контроль попали Северный Китай и Маньчжурия. У Чингиза появились опытные советники и инженеры. При нем (еще до завоевания Китая) уйгурская

письменность стала официальной монгольской письменностью. Уйгур Тата Тунга придумал, как писать по-монгольски уйгурским письмом. С приобретением китайских советников и развитием письменной культуры монголы становились все более и более значимой нацией.

Знамя Чингиз-хана

Оставив в Китае для дальнейшего его покорения своего военачальника Мухали, Чингиз обратил свое внимание на кара-китаев, живущих к западу от Монголии. Через торговцев (которые, конечно же, по совместительству всегда служили в качестве информаторов) стало известно, что Кучлук, бежавший при разгроме найманов, захватил власть у кара-китаев и перешел из христианства в буддизм, попытавшись подавить христианство и ислам. Тем самым он вызвал против себя недовольство большей части населения.

Против Кучлука был послан Джэбэ-нойон с двумя туменами (20 000 воинов).

Темучин считал себя потомком Аланской красавицы — Девы Марии (а стало быть, родственником Иисуса Христа), что не могло не отразиться на вере его в свою великую судьбу.

«Именно религия Чингиз-хана более всего заслуживает нашего восторга и аплодисментов... Религия Чингисхана есть система чистого теизма и совершенной терпимости» (Э. Гиббон[1]).

Такое отношение к вере принесло свои плоды. Как только Джэбэ оказался на территории врага, он немедленно объявил о свободе вероисповеданий, что принесло ему поддержку большей части местного населения. Кучлук был молниеносно разгромлен и убит.

Так империя монголов вошла в соприкосновение с пределами Хорезма.

---

[1] Эдуард Гиббон — английский историк XVIII века. *—Примеч. ред.*

Хорезм, расположенный в бассейне нижнего течения Амударьи, является древнейшим культурным районом мира. Высокий уровень развития сельского хозяйства объясняется наличием остроумной ирригационной системы. Ремесла и производства процветали в этом регионе с незапамятных времен. Не менее важной была роль Хорезма в международной торговле. Находясь на пересечении путей между Китаем и странами Средиземноморья, между Индией и южной Русью, Хорезм был местом встречи торговых караванов с востока и запада, севера и юга. Он может быть назван «островом оседлой цивилизации в море степей и пустынь». Коренное население Хорезма имело иранские корни. В IX и X веках страна процветала под просвещенной властью династии Саманидов. Однако начиная с X века царство Саманидов находилось под постоянным и нарастающим давлением федерации тюркских племен, известных как огузы. Исторически государство огузов было частью Тюркского каганата, который существовал с VI до VIII века.

Этнически огузы представляли собою смесь тюрков и иранцев (алан). В середине XI века ветвь огузов, называемых по имени своего вождя сельджуками, обосновалась в Хорезме и в Персии. Позднее сельджуки вторглись в Малую Азию, но — постепенно — утратили свой контроль над Ближним Востоком. Одним из центров оппозиции сельджукам был Хорезм. Начиная с 1117 года этот район управлялся посланным губернатором Кутбеддином Мухаммедом, происходившим из турецких наемников, которые обычно рекрутировались из рабов. Ему удалось основать династию способных правителей; находясь первоначально под сельджукским сюзеренитетом, они в конечном итоге стали самостоятельными и приняли старый персидский титул — шах. Город Ургенч в нижнем течении Амударьи стал столицей их империи. В последней четверти XII века Бухара и Северная Персия были присоединены к Хорезму. В период между 1206 и 1215 годами Хорезм-шах Мухаммед II завоевал южную часть Персии, а также Афганистан. Теперь ему предстояло встретиться с Чингиз-ханом, и в этом конфликте он окажется не на высоте. Хотя империя Мухаммеда II была обширной и процветающей, она не отличалась прочностью и была раздираема внутренними

противоречиями. Для населения вновь порабощенных персидских провинций Хорезм-шах был чужаком; в целом в империи его иранские подданные не особо смешивались с тюрками. Что касается религии, то большинство населения империи были мусульманами, но существовал вечный конфликт между шиитской и суннитской доктринами, и различные шиитские секты вносили свою лепту в это противостояние. Крестьянство роптало под бременем налогов; купцы ненавидели продажных городских наместников и проклинали их за отсутствие безопасности на дорогах. Не существовало в империи и единой армии. Владельцы поместий командовали подразделениями ополченцев, рекрутированными из арендаторов их земельных участков. Эти войска были обучены плохо. Туркменские соплеменники были храбры и воинственны, но недисциплинированны; гвардейцы шаха канглы (кипчаки) оказались деморализованы; армейские техники, занятые катапультами и другими военными механизмами, проявляли компетентность, но их подразделение не было органично соединено с остальной армией. Кроме того, дом шаха погряз в интригах. Его мать, амбициозная и энергичная женщина канглийского происхождения, часто вмешивалась в планы своего сына и подогревала его сомнения относительно самого способного из сыновей, Джалал ад-Дина, чья популярность среди населения росла так же быстро, как падал престиж его отца. Ситуацию ухудшало и то, что отсутствие у шаха чувства такта привело его к ссоре с некоторыми из главных священнослужителей.

От хорезмских купцов, которые торговали с уйгурами и китайцами, Хорезм-шах узнал о завоевании Чингиз-ханом Северного Китая. Он решил отправить посольство монгольскому правителю якобы для того, чтобы принести поздравления. Истинной же целью посольства была оценка военной мощи монголов. Чингиз-хан великодушно встретил послов и торговцев и в знак ответа послал своих представителей и торговый караван в Туркестан. Дипломатическая миссия, как и караван, состояла в основном из хорезмских и бухарских купцов, подданных Мухаммеда II, которые стремились расширить торговлю с Дальним Востоком и согласились стать агентами Чингиз-хана. Достигнув границ Хорезмской империи,

караван остановился в городе Отрар, на берегу реки Сырдарьи; отсюда посланцы направились в Ургенч, чтобы добиться приема у шаха. Шах согласился побеседовать с ними, но одновременно губернатор Отрара (предположительно, действуя согласно секретному приказу шаха) приказал убить купцов Чингиз-хана и забрать их товары. Когда монгольский правитель получил известие об этих событиях, он послал представителя к Мухаммеду, требуя выдачи ему губернатора Отрара. Мухаммед не только отказался это сделать, но и приказал убить монгольского посланника. Сопровождающий посланника получил разрешение вернуться в Монголию, но только после того, как его борода будет обрита, что почиталось тяжким оскорблением. У Чингиз-хана теперь не оставалось выбора. Он срочно созвал курултай, на котором были рассмотрены и приняты к исполнению все необходимые планы кампании (1218). Предположительно, на этом собрании были систематизированы и одобрены в виде письменно зафиксированного кодекса, Великой Ясы, законы Монгольской империи.

Монгольская кампания против империи Хорезм-шаха была подготовлена столь же тщательно, как и против Китая. Джэбэ, без сомнения, мог дать полезный совет на основе своего рейда в близлежащую страну Кара-Кидань. В дополнение принималась во внимание вся информация о Туркестане, исходившая от мусульманских купцов, уйгуров и иных источников. В любом случае, как показали последующие события, Чингиз-хан был склонен переоценивать силу Хорезм-шаха. Чтобы увеличить свою армию, он отправил посланника к правителю тангутов с просьбой о дополнительных войсках. Ответ был далеко не дружелюбен: «Коли у Тебя нет достаточного количества войск, Ты не достоин быть ханом». Это было не что иное, как оскорбление. Однако, со своей обычной сдержанностью, Чингиз-хан решил отложить наказание тангутов до окончания туркестанской войны. Концентрация монгольской армии в Северной Джунгарии была завершена весной 1219 года. Основная армия состояла из 100 000 всадников. Значительное число воинов Чингиз-хана были ветеранами китайской кампании, которая также послужила отличной школой для его полководцев. Войска Хорезм-шаха насчитывали около 300 000, но большинство его воинов были значительно хуже подготовлены. Кроме того, у Мухаммеда II не было полководческого дара. Многие из его подданных скорее приветствовали бы назначение Джалал ад-Дина как верховного главнокомандующего, но, как уже говорилось, Мухаммед не доверял своему сыну, опасаясь, что в случае победы он придет к власти.

В сложившихся обстоятельствах Мухаммед одобрил план, который озадачил как его современников, так и большинство историков. Вместо концентрации своей армии для отражения нападения монголов он распылил войска, разместив значительную их часть в больших укрепленных городах, подобных Отрару, Бухаре и Самарканду; лишь перед некоторыми соединениями хорезмской армии была поставлена задача обеспечения коммуникаций между гарнизонами городов и полевого маневрирования. Тем временем были отданы приказания наместникам Персии собрать там резервную армию. План войны Мухаммеда мог базироваться на его оценке информации относительно китайской кампании Чингиз-хана, переданной ему послами, которых он направил к Чингиз-хану еще до разрыва между двумя властителями. До этого времени монголам не удалось взять штурмом ни одной крепости. Если таковы были расчеты стратегии Мухаммеда, то он жестоко просчитался. Чингиз-хан имел теперь в распоряжении множество китайских военных инженеров, готовых ему помочь. Неясно, были ли некоторые орудия осады, подобные катапультам, привезены из Китая, или все они строились непосредственно на месте мусульманскими техниками под руководством китайцев. Фактом является лишь то, что эти машины использовались во многих случаях. Когда не применялось никаких машин, монголы использовали элементарные приспособления и тактику при осаде укрепленных городов, подобных Отрару и Бухаре, например заполнение рвов грязью и камнями или постройку осадных конструкций для штурма стен. Предположительно, этими работами руководили китайские инженеры или же обученные ими монголы. Военнопленные и призванные для отбывания воинской повинности местные жители использовались в качестве рабочей силы. Во многих случаях их первыми посылали на штурм стен, большинство погибало, но это мало беспокоило монголов.

Осенью 1219 года войска Чингиз-хана появились у стен Отрара. Оставив несколько туменов для осады этого города, монгольский хан направился прямо к Бухаре с избранным войском. На его пути многие малые селения сдавались без боя, избегая таким образом уничтожения. Монголы приказывали в каждом случае срыть городские стены; в целом население не беспокоили, но оно должно было поставить должное количество работников и заплатить умеренную контрибуцию. Власти Великого города Бухары, тем не менее, решили защищать город. Лишь после того как гарнизон попытался прорвать кольцо осады и погиб в бою, Бухара сдалась. Группа воинов, запершись во внутреннем замке, продолжала сопротивление в течение еще 12 дней, до тех пор пока большинство из них не было убито. Когда все закончилось, Чингиз-хан приказал населению покинуть город и оставить в нем все свое имущество. Торговцев и ремесленников заставили работать на победителей. Другие люди были предоставлены своей судьбе, и, согласно некоторым источникам, большинство из них погибло. Город был отдан на разграбление солдатам, в результате чего он сгорел (1220 г.).

Бухара стала примером для других городов, которые не желали покориться без борьбы. Когда пал Отрар, его наместник, виновный в убийстве посланцев Чингисхана, был захвачен живым и скончался после мучительных пыток. Вскоре и Самарканд также был взят монголами. Потеряв таким образом основные свои крепости и лучшие войска, Хорезм-шах и его сын бежали на юг. Различие в характерах отца и сына стало теперь очевидным. Мухаммед думал лишь о собственной безопасности, которая, как он надеялся, была ему обеспечена на острове в Каспийском море. Джалал ад-Дин, напротив, хотел продолжить сопротивление и по прибытии в Газни (Афганистан) сразу же начал собирать новую армию. Два монгольских тумена, возглавляемые соответственно Джэбэ и Субэдэем, были посланы на юг, чтобы захватить беглого шаха. Потеряв из виду Мухаммеда, монгольский «экспедиционный корпус» завоевал территорию вдоль южного берега Каспийского моря и достиг Азербайджана, наиболее западной провинции государства Хорезм-шаха. Оба полководца попросили теперь разрешения Чингиз-хана двинуться теперь на север

через Кавказ, чтобы провести разведку «западных стран». Чингиз-хан одобрил их планы. В результате был совершен дерзкий рейд на Южную Русь в 1220—1223 годах, в ходе которого русским было нанесено тяжкое поражение в битве на Калке. Военные операции основных монгольских армий в 1220—1221 годах имели двойную задачу: захват столицы Хорезма — Ургенча — и разгром вновь сформированной армии Джалал ад-Дина. Против последнего Чингиз-хан сначала послал тумен под командованием своего сводного брата Шиги-Хутуху, верховного судьи. Но его войска были разбиты Джалал ад-Дином, что стало единственной неудачей монголов в ходе туркестанской кампании. Затем Чингиз-хан, осознав серьезность ситуации, в сопровождении самого младшего из сыновей повел главные силы своей армии против хорезмского принца. Джалал ад-Дин вначале отступил, но принял битву на берегах верхнего Инда. Здесь его армия была разбита, а его жены и дети захвачены монголами. Сам же он кинулся со своим конем в бурную реку, переплыл на другой берег и скрылся по суше, добравшись в конечном итоге до Дели. В течение некоторого времени Чингиз-хан, очевидно, взвешивал возможности продолжения военной кампании, продвижения далее на юг и завоевания Индии. Но в результате сам великий хан и его советники поняли все трудности этого предприятия, в особенности преодоления высоких горных цепей. Среди противников кампании был и Елюй Чуцай, главный советник хана. В конце концов монгольский хан решил оставить эту идею и повернул свою армию назад.

Тем временем три его сына — Джучи, Чагатай и Угэдэй, — которым было приказано захватить Ургенч, преуспели в этом после некоторой задержки, объясняемой ссорой Джучи с двумя другими братьями. В качестве выполнения части осадных операций монголы разрушили главную дамбу на Амударье над городом, чем нанесли невосполнимый ущерб всей системе ирригации и, в итоге, хорезмскому сельскому хозяйству.

Тем временем предпринимались меры для восстановления порядка. Во вновь завоеванной стране была введена новая система налогообложения под компетентным руководством местных торговцев, один из которых, Махмуд Ялавач, вошел в число наиболее доверенных советников Чингиз-хана. Лю-

дям была дана возможность заниматься мирным трудом, дороги были очищены от грабителей. Итак, после того как начальный период ужасного разрушения миновал, страна не только возвратилась к нормальной жизни, но даже получила лучшую, чем ранее, администрацию. Тем не менее прошло много времени, прежде чем ирригационная система Хорезма была восстановлена.

Чингиз-хан вернулся в Монголию в 1225 году. Теперь он был готов к тому, чтобы наказать тангутов за их отказ помочь ему в туркестанской кампании. Но ему некуда было торопиться, поскольку он знал, что рано или поздно уничтожит тангутов. Он уделял много времени совершенствованию «инфраструктуры» своего государства. Уже имеющиеся административные институты теперь надо было приспосабливать к контролю огромного покоренного мира и того, что еще предстояло покорить. Осенью 1226 года Чингиз-хан двинулся на тангутов. Тангутские города пали один за другим, и монголы уже праздновали победу. Но еще до завершения кампании Чингиз-хан был ранен при падении с коня и умер. Согласно указанию Чингиз-хана, смерть его хранилась в секрете. Об этом надлежало заботиться его младшему сыну Толую, который сопровождал отца в туркестанской войне и в этой кампании и который принял на себя командование войсками, ведущими боевые действия. Только когда сопротивление тангутов было окончательно сломлено, скорбную весть объявили друзьям и врагам. Тело Чингиз-хана привезли в Монголию. Место захоронения было сохранено в тайне; согласно некоторым источникам, он был похоронен в лесах горы Буркан.

Способность Чингиз-хана назначать нужного человека на соответствующую должность во многом способствовала успеху его предприятий как в военных кампаниях, так и в организации империи. Сам Чингиз-хан всегда ценил помощь, оказанную ему его полководцами, дипломатами и чиновниками, и щедро вознаграждал их. И все же неоспорима его ведущая роль во всех важных военных и политических решениях, принятых в период его правления. Не подлежит сомнению талант Чингиз-хана умело координировать деятельность своих подчиненных. Можно уверенно сказать, что как военный предводитель и государственный деятель он имел широкий кругозор и обладал чувством реальности.

Перед смертью Чингиз-хан выделил каждому из своих сыновей от первой жены, Бортэ, часть империи. Толуй, как младший сын, получил ядро владений рода Борджигинов — центральную и западную часть Монголии, Чагатай получил территорию бывшего царства Кара-Кидан, имеющую центром бассейн реки Или. Джунгария, включая и район верхнего Иртыша, стала владением третьего сына — Угэдэя. Наконец, вновь завоеванный регион к северу от Аральского моря (сегодняшний Казахстан) был отдан старшему сыну — Джучи; после смерти Джучи (о чем Чингиз-хан был извещен незадолго до своей собственной кончины) регион перешел к его второму сыну — Бату (в литературе закрепилось русифицированное «Батый»).

В дополнение к полученному улусу каждый сын Чингиз-хана принял командование над частью монгольской армии. Толуй получил львиную долю: 101 тысячу войск из 129 тысяч. Но чтобы не подрывать единства империи, раздел войск должен был произойти лишь в период междуцарствия, до выбора курултаем нового великого хана. Регентом был назначен Толуй.

Все монгольские вожди пришли к согласию, что только сын Чингисхана может занять трон; курултай должен был лишь сделать выбор между ними. Следует отметить в этой связи, что, хотя Толуй и был любимцем своего отца, Чингисхан незадолго до смерти назначил в качестве своего преемника Угэдэя, поскольку, по его мнению, Угэдэй был более способен к управлению империей, нежели три других сына. Регент, очевидно, не хотел оказывать какое-либо давление на родовых вождей и дал им достаточно времени для рассмотрения кандидатов. Курултай, на котором должно быть принято решение, собрался в 1229 году. Многие из его членов готовы были отдать предпочтение Толую. Последний, однако, отказался от выдвижения своей кандидатуры, и великим ханом единогласно избрали Угэдэя. Новый правитель полностью разделял идеи своего отца относительно универсальной империи и отнесся к этой задаче со всей серьезностью. Под его

властью монгольское государство обратилось от старых привычек степного владычества к новым административным системам. В этом плане очень характерна история, изложенная в китайском повествовании о монгольской династии. После завоевания Северного Китая один монгольский вельможа старой школы предложил Угэдэю уничтожить народ Северного Китая, стереть с лица земли города и деревни, а всю территорию Северного Китая превратить в пастбища. Никакой выгоды, рассуждал он, для монголов в существовании северных китайцев нет. Выступив против этого варварского плана, Елюй Чуцай ввел Угэдэя в тонкости извлечения выгоды из некочевых подданных Монгольской империи путем введения налогов и сборов с торговли и производства, использования железорудных и иных залежей природных полезных ископаемых. Он сулил большие доходы в деньгах, тканях и рисе. К счастью для китайцев — и для самих монголов.

Угэдэй принял программу Елюя Чуцая и тем самым заложил прочную основу для будущего управления Монгольской империи.

Угэдэй прибегал также к советам своего «госсекретаря» уйгура Чинкая и мусульманского торговца Махмуда Ялавача. Прислушиваясь к их мнению, он приложил огромные усилия для развития и улучшения административных институтов и усиления власти императора во внутренних и внешних делах. Он действовал в строгом взаимодействии с Чагатаем, с которым, как со своим наиболее старшим по возрасту братом, он консультировался по всем важным делам.

До завоевания какой-либо новой страны следовало восстановить ослабевшее монгольское владычество в Китае и Персии. После смерти Мухали в 1223 году монгольское наступление в Китае замедлилось, и в 1228 году началось контрнаступление противника. Из Персии монголы ушли еще до кончины Чингиз-хана; Джалал ад-Дин, который вернулся из Дели при первой же возможности, был признан султаном персидскими вельможами и городами. Угэдэя более заботила ситуация в Китае, нежели персидские дела; и, соответственно, главная монгольская армия под командованием Толуя была послана против государства и династии Цзинь. Чтобы гарантировать успех кампании, Угэдэй заключил соглашение с им-

перией Сун в Южном Китае. Сун изъявила желание послать военный контингент против Цзинь с условием, что после победы монголы отдадут им бывшую провинцию Цзинь Хэнань. Во взаимодействии с династией Сун монголы завершили завоевание государства Цзинь к 1234 году.

Толуй умер до окончания кампании.

Одновременно с основным наступлением в Китае монгольские войска были посланы против Кореи и Персии. Корея признала сюзеренитет монголов в 1231 году. Три монгольских тумена под командованием Чормаган-Нойона вошли в Персию в 1230 г. К несчастью, султан Джалал ад-Дин не предвидел грядущего наступления монголов на его государство, и вместо подготовки к последней битве с монголами он погрузился в передневосточную политику, стремясь увеличить свои владения за счет Ирака, Северной Сирии и Грузии. Единственным результатом этого было его столкновение со всеми западными соседями и потеря «друзей», когда монголы появились в Азербайджане, где располагалась полевая ставка султана. Хоть и застигнутый врасплох, Джалал ад-Дин вновь сумел бежать. Но его попытка организовать новую армию провалилась. Оставленный большинством сторонников и преданный собственным визирем, султан на своем пути к Анатолии был вновь окружен монголами и снова бежал. Направился к горам Курдистана, где и был убит в 1231 году разбойниками, которые даже не знали, кем он был. Одним из последствий поражения Джалал ад-Дина стало распыление остатков туркменских (огузских) войск. Многие туркменские роды последовали за Джалал ад-Дином в его первом бегстве перед монгольским наступлением. После возвращения султана из Дели в Персию они собрались, чтобы оказать ему поддержку. Теперь они вновь оказались без вождя. Некоторые из них решили вернуться в Туркестан и признать сюзеренитет монголов. Другие предпочли эмигрировать на запад, в Сирию и Малую Азию. Среди последних было около 500 семей во главе с Ертогрулом. Этой группе удалось получить покровительство сельджукского султана; Ертогрул стал вассалом султана и получил землю близ Сугута во Фригии, недалеко от византийских границ. Хотя этот эпизод выглядел незначительным в то время, он оказался главным фактором в буду-

щей истории Ближнего Востока: сын Ертогрула Осман в конце концов стал основателем Османской империи.

Более крупная группа туркменских воинов, обычно обозначаемых как «хорезмцы», двинулась в Ирак и предложила свои услуги местным мусульманским правителям. Деморализованные и недисциплинированные, они, тем не менее, не упускали ни единого шанса разорить близлежащие районы.

В Монголии же в 1235 году был созван курултай. На этом историческом собрании монгольские вожди решили предпринять четыре наступательные кампании одновременно: две на Дальнем Востоке — против Кореи, которая восстала после первого завоевания, и против империи Сун в Южном Китае; на Ближнем Востоке — против Ирака, Сирии, Транскавказа и сельджукского султана в Малой Азии; и на западе — против Европы.

Лучшие монгольские войска были направлены на Корею и Европу; подкрепление было послано и Чормаган-Нойону на Ближний Восток. Большинство воинов армии, которую планировалось использовать в Южном Китае, было рекрутировано из чжурчжэней и северокитайцев, бывших подданных династии Цзинь. Война с Южным Китаем стала неизбежной после отказа Угэдэя передать династии Сун провинцию Хэнань, как было предусмотрено договором. Три армии под предводительством монголов вторглись в Южный Китай, но после короткого первоначального успеха вынуждены были отступить; военные действия приняли затяжной характер, и это положение не менялось на протяжении последних лет правления Угэдэя. Монголы одержали убедительную победу в Корее, где сопротивление было сломлено после нескольких тяжелых сражений (1241).

Хотя монгольские силы на Ближнем Востоке под командованием Чормаган-Нойона и смогли восстановить контроль империи над Северной Персией, они оказались недостаточными для кампании против Багдадского халифата в Ираке. Монголы, тем не менее, преуспели в завоевании Грузии, Азербайджана и Армении. Грузия, разграбленная монголами в 1220—1221 годах и еще раз Джалал ад-Дином в 1226 году, стала монгольским протекторатом в 1239 году. Монголы теперь были в состоянии подготовиться к атаке на владения сельджукских султанов в Малой Азии, хотя никакого общего наступления на сельджуков в период правления Угэдэя осуществлено не было.

Именно в западном направлении при Угэдэе монголы достигли наиболее значительных успехов. «Западные земли» рассматривались ими как территория потенциального расширения улуса Джучи. Его второй сын и наследник Бату (по-русски — Батый) был назначен главнокомандующим войсками на западе. Было, однако, очевидно, что сил Бату недостаточно для выполнения этой задачи. При распределении монгольских войск между своим сыновьями Чингисхан отдал под командование Джучи 4000 монгольских воинов. А Бату получил властные полномочия для создания новых армейских подразделений из туркменских племен и иных тюрков, что проживали в его улусе. Лояльность тюрков нуждалась в проверке, и в любом случае, даже усиленная тюрками, региональная армия Бату не была достаточно сильной для завоевания запада. Поэтому Угэдэй приказал, чтобы все улусы Монгольской империи посылали свои войска на помощь Бату. Западная кампания, таким образом, стала общемонгольским делом.

Бату стал во главе совета князей, представлявших всех потомков Чингиз-хана. Среди них выделялись сыновья Угэдэя Гуюк и Кадан, сын Толуя Мункэ, а также Байдар и Бури — соответственно сын и внук Чагатая. Каждый привел с собой значительный контингент отборных монгольских войск. В то время как Бату являлся формальным главнокомандующим, один из наилучших и наиболее опытных монгольских военачальников — Субэдэй был назначен, в современном понимании, начальником штаба. Субэдэй хорошо знал русский театр военных действий по опыту своих прежних рейдов на Русь в 1222—1223 годах. Несмотря на то что территории, подлежащие контролю и гарнизонному обеспечению, были огромны, в ходе вторжения сила полевой армии Бату составляла не более 50 тысяч человек.

Кампания была столь же хорошо подготовлена, как любой из классических походов Чингиз-хана. Разведчики и шпионы заранее собрали необходимую информацию. Было решено, что булгары и другие народы восточной окраины Руси по течению Волги, равно как кипчаки (половцы) и иные племена

Нижнего Поволжья и Нижнего Дона должны быть разбиты в первую очередь, с тем чтобы обеспечить надежные коммуникации и тылы армий, действующих на Руси. Большинство из этих целей было успешно достигнуто в течение двух лет (1236—1237). В то время как Мункэ отвечал за кампанию против куманов, Бату при поддержке Субэдэя предпринял завоевание государства волжских булгар, чья столица — Великий Булгар — была уничтожена в 1237 году. Осенью того же года основная армия Бату пересекла Волгу в булгарском регионе.

Следует отметить в данной связи, что, хотя первый рейд монголов в 1222—1223 годах был направлен против Южной Руси, на этот раз Субэдэй решил завоевать вначале Северо-восточную Русь. Поскольку Субэдэй намеревался продолжить поход далеко на запад, в киевские земли и затем в Венгрию, он должен был обеспечить безопасность своего северного фланга для будущих операций. Таким образом, поражение северорусских князей явилось бы предпосылкой для дальнейшей западной экспансии. Как это ни кажется парадоксальным современному читателю, особенно если вспомнить, что пришлось вытерпеть армиям Наполеона и Гитлера от русского «генерала Зимы», Субэдэй рекомендовал зиму как наилучший период военных операций в Северной Руси. Дело в том, что в Монголии зима сурова, и монголы привычны к морозам; кроме того, они были хорошо защищены от холода своими меховыми одеждами. Монгольские кони также не боялись крепких морозов и, когда снег не был слишком глубоким, умели находить под ним листья или жнивье. Основным преимуществом зимней кампании было то, что многочисленные реки и озера Северной Руси были покрыты льдом, что очень облегчало операции захватчиков.

Хотя русские знали о монгольском походе на волжских булгар, они не оценили всю серьезность ситуации, возможно предполагая, что монголов несколько задержит сопротивление булгар. Поэтому, когда Бату пересек Волгу, русские не были готовы достойно его встретить. Вместо того чтобы направиться прямо к городу Владимиру, монголы прежде всего напали на Рязань в среднем течении Оки. Город пал 21 декабря 1237 года. Отсюда они направились на Москву. Хотя Москва не была еще главным русским городом, его центральное

местоположение делало его важной целью для Субэдэя. Взяв Москву, которую он сжег, Субэдэй не только блокировал Владимир, но и стал угрожать всему русскому Северу, включая богатый Великий Новгород, финансовую основу могущества великого князя Юрия II.

Великому князю ничего не оставалось, как отступить на север со своею свитой, чтобы организовать сопротивление на Верхней Волге. Надеясь на силу фортификационных сооружений своей столицы, города Владимира, князь оставил там свою жену и двух сыновей с довольно большим гарнизоном, очевидно полагая, что город выдержит осаду до тех пор, пока он освободит его с новой армией, которую он планировал собрать на севере. Юрий устроил свою ставку на берегу реки Сить, притока Мологи, которая, в свою очередь, является притоком Волги. Проанализировав ситуацию, Субэдэй послал свой авангард на север для наблюдения за движением русских войск и повел основную армию на Владимир. После шестидневной осады город был взят штурмом 8 февраля 1238 года и все, кто уцелел, были убиты, включая семью великого князя. Затем Владимир был разрушен. Монголы сразу же двинулись к реке Сить. Перехитрив русских, они атаковали армию великого князя с различных направлений. Русские были разбиты, а Юрий II погиб в битве 4 марта. Дорога к Новгороду была теперь открыта для монголов. Они остановились за 100 километров до своей цели, и после тщательного анализа сложившейся обстановки предводитель монголов решил повернуть назад, испугавшись наступления весенней оттепели, которая могла сделать дороги непроходимыми. Вместо того чтобы возвращаться прежним путем — через районы, где уже все города, источники питания и фуража были уничтожены, — монгольская армия направилась прямо на юг. Грабя боярские поместья и деревни на своем пути, они, очевидно, обходили города, избегая каких-либо столкновений, которые могли замедлить их марш. С одним, однако, исключением. Маленький городок Козельск в современной Калужской области, который находился на их пути, отказался сдаться. Убежденные, что штурм не займет много времени, монголы решили взять его. Но они просчитались. Осада Козельска длилась семь недель и закончилась лишь тогда, когда все его защит-

ники были убиты. После этого монголы двинулись на юго-восток к бассейну Нижнего Дона. Здесь армия получила значительную передышку, в которой очень нуждались и люди, и кони. Богатый источник пополнения поголовья лошадей составляли кони, захваченные у половцев вместе с табунами, которые монголы гнали из Казахстана.

В течение 1239 года монголами предпринимались лишь малые военные операции. Мункэ завоевал значительную часть аланов и черкесов в северокавказском регионе; Бату вынудил большую часть половцев в конечном итоге признать власть монголов. Однако около 40 тысяч половцев под предводительством хана Котяна предпочли эмигрировать в Венгрию. За ними последовали многие аланы (ясы) региона Донца.

Около 1240 года армии Бату, отдохнувшие и получившие пополнение, были готовы возобновить свой поход на запад. Летом этого года монголы захватили и разорили города Переяславль и Чернигов. Затем Мункэ, который, очевидно, командовал авангардом, послал эмиссаров в Киев с требованием подчиниться. Киев в это время управлялся наместником, назначенным князем Даниилом Галицким. В городе существовала группа, которую мы бы теперь назвали «партией умиротворения». Чтобы предупредить какие-либо действия с ее стороны, киевские власти приказали убить посланника Мункэ. Это стало проклятием для города. Вскоре монголы были у ворот, и, после нескольких дней отчаянного сопротивления, 6 декабря 1240 года город был взят штурмом. Большинство выживших были убиты, а город разрушен. Многие мелкие князья и сельские общины современной Правобережной Украины признали власть захватчиков и согласились «обрабатывать землю для монголов», т. е. поставлять просо и иные сельскохозяйственные продукты, в которых монголы нуждались.

Но многие из западнорусских князей предпочли искать убежища в Венгрии и Польше, что дало Бату повод, если таковой вообще был ему нужен, напасть на эти две страны. Бату также протестовал против решения венгерского короля Белы IV предоставить убежище хану Котяну и его половцам. Основным объектом интереса монголов в Венгрии было то, что она представляла собою самую западную точку степной

зоны и могла служить отличной базой для монгольской кавалерии в любой из ее будущих операций в Центральной Европе. Кроме того, сами мадьяры когда-то были кочевниками, а история их происхождения тесно связана с тюрками, что делало возможным их участие в монгольско-тюркском союзе.

Монголы не имели непосредственного интереса в Польше, но стратегия Субэдэя требовала похода на эту страну, чтобы устранить потенциальную угрозу монгольскому правому флангу в его операции против Венгрии. Итак, к концу года не только Центральная, но и Западная Европа оказалась под угрозой нашествия монголов.

«Татаровя»

Польский историк Ян Длугош так описал битву поляков с татарами: «Татарский знаменосец с громадным знаменем, на котором была громадная греческая ХИ (так: Х), а на верхушке древка изображено мрачное черное лицо с длинной бородой, начал с пением потрясать головой этого изображения. Тут из нее тучей пошел на поляков ужасный дым с нестерпимой вонью, так что они стали задыхаться, обессилели и не смогли больше биться».

Древнее знамя с изображением Всемилостивейшего Спаса, под которым, по преданию, стоял Иоанн IV Васильевич при взятии Казани в 1552 году, хранится в Московской Оружейной палате

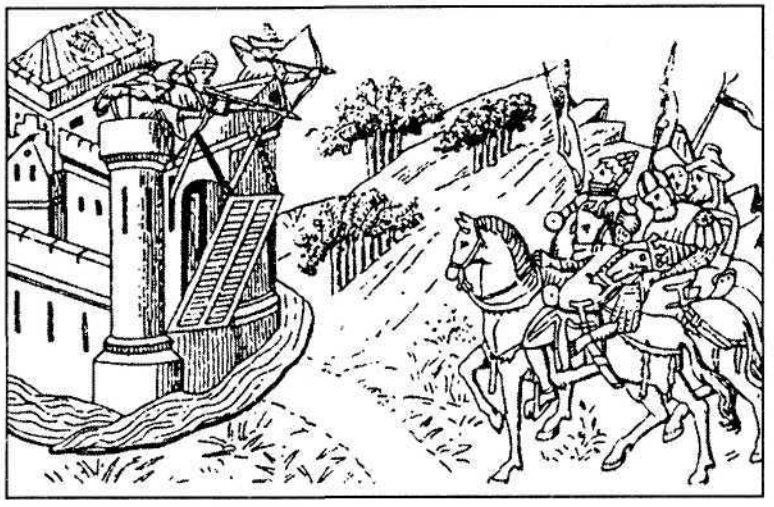
Из Кодекса Ядвиги (1353). Монгольское войско под знаменем с Нерукотворным Спасом нападает на город Лигнице

Сильно ли это описание татарского знамени разнится от знамени Ивана Грозного? И «голова», и буква «Х». Стало быть, это татарское знамя было захвачено Грозным при взятии Казани.

Города при Чингиз-хане (в Монголии) были не только военно-административными центрами, но и средоточием ремесел и торговли.

Анализ памятников градостроительства в Монгольском государстве дает возможность сделать вывод: уровень градостроительства и архитектуры был весьма высок, как и качество металлообработки, в частности в военно-прикладном аспекте. Гранитные скульптуры драконов были украшением Кондуйского дворца. Авторы этих произведений искусства были местными мастерами (затем этот «стиль драконов» был заимствован китайскими ваятелями).

В XIII—XIV веках территория Китая ограничивалось Великой стеной, а огромные пространства к северу и западу от стены были заселены тюркоязычными, монголоязычными и тунгусоязычными племенами.



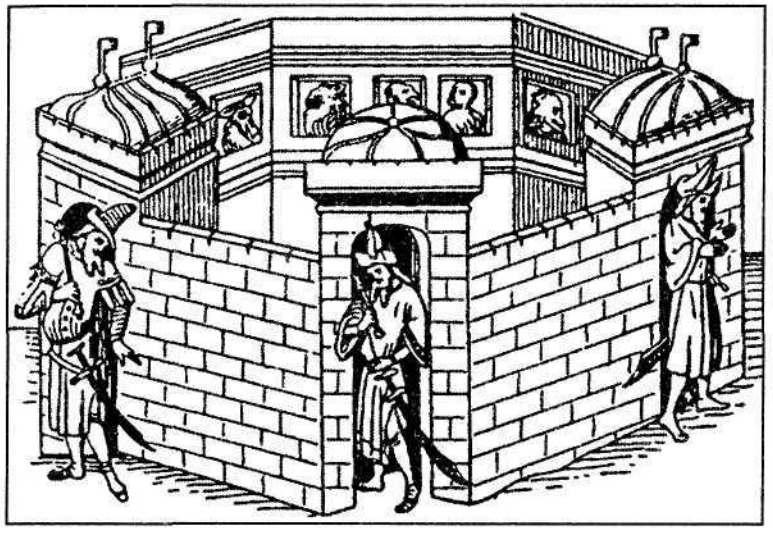
Смерть Чингиз-хана. Миниатюра из средневековой рукописи книги Марко Поло. Как видите, Чингиз-хан был убит в бою, а не зарезан женщиной, как о том ошибочно сообщал Нечволодов

Одним из древнейших известных исторических монголоязычных племен являются кидани (китаи). Империя Ляо — киданьская империя, оказавшая большое влияние на культуру других монголоязычных племен. Именно кидали оказали влияние на Халху и Джунгарию, основали кара-китайское государство.

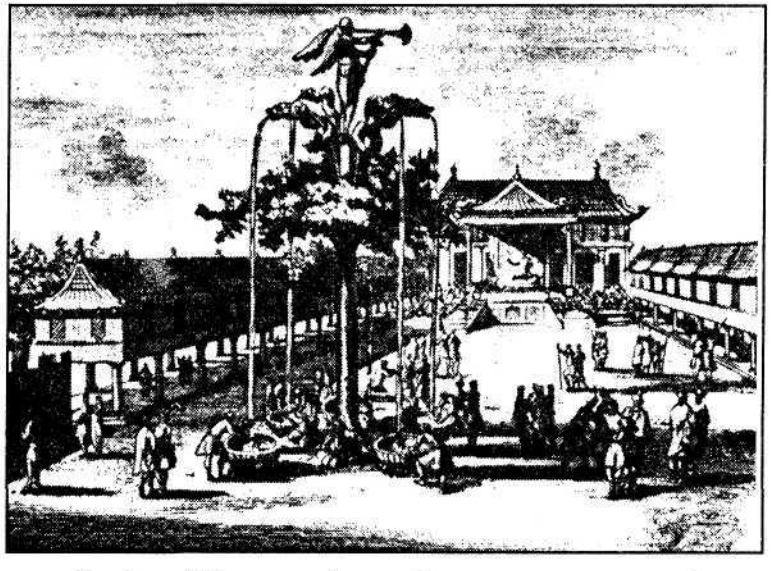
Так что считать монголов Темучина первобытными дикарями нет никаких оснований. Они были наследниками этой культуры, так же как и культуры древних тюрок и Уйгурского каганата, причем все три культуры имели свою собственную письменность.

При этом тюркоязычное население Монгольской империи было по большей части христианами-несторианами, хотя при деде Чингиз-хана в Монголию проник и буддизм, но считали ли монголы его отдельной религией или одним из вариантов христианства, трудно сказать. Правда, судя по многим монгольским источникам, создается представление об общности этих религий.

Напомним, что Чингиз-хан (по его собственному мнению)



Дворец в Ханбалыке (Пекин). Миниатюра из Марко Поло



Серебряный фонтан во дворце Мункэ-хана, сооруженный французским мастером Гильомом Буше

был потомком выходца из Тибета, чуть ли не буддийского святого, и Девы Марии, т.е. он — как потомок Марии — родственник Иисуса и наследник буддийского священника — возможно, образ Будды вообще не воспринимался как не-Христос.

Раскопки показали, что на далеком монгольском севере города существовали уже в X веке и что они не моложе Пскова и Новгорода.

Уйгурский каганат IX века. Уже строятся укрепленные города. На обширных пространствах появились пашни, расцвели сады. Столица уйгурского царства Орду-Балык (развалины Хара-Балгас) на реке Орхон по богатству и неприступной мощи огромной цитадели могла поспорить с крупнейшими центрами раннесредневекового Востока[1].

Рюрик еще не прибыл в Ладогу, а в Монголии уже существовало великое государство.

После 1211 года, спустя 4—5 лет после завоевания Монгольского Алтая, была создана колония ремесленников из 10 тысяч человек, которые построили город, названный Чингай-балгасун, по имени кереита Чингая, сподвижника Чингиз-хана, впоследствии министра великого хана Угэдэя.

На территории современной Тувы было создано большое количество поселений хлебопашцев. Эти города и поселения не были окружены стеной[2].

Города строились из камня и обожженного кирпича. На кладбищах стояли аллеи каменных изваяний людей, львов и баранов.

Вокруг храмов и дворцов стояли каменные черепахи, на панцире которых устанавливали каменные скрижали с текстами.

---

[1] См: *Киселев СЕ.* Древние города Монголии // Советская Археология. 1957. № 2. С. 93—95.

[2] Марко Поло писал об этом: «...а городам не позволяется иметь стены и ворота, дабы не могли препятствовать вступлению войск... Так взнузданные народы остаются спокойными и не возмущаются».

* * *

Отступление, помогающее лучше ознакомиться с татарами и отношением к ним наших предков

Об отношении татар к наукам

В хадисах пророка Мухаммада говорится: «Приобретение знаний есть обязанность каждого мусульманина и каждой мусульманки». Можно подумать, что пророк записал в своей Книге монгольский принцип отношения к наукам. Так, был найден горшок с надписью по-монгольски:

Таkы кӧрк кішіга білік häм hӱнäр
Јулуг` нанны біліккä äр.

Перевод:

«Красота для человека — знание и искусство. Душу свою в жертву должен принести в обмен за знание человек».

Слова эти написаны на вазе, найденной в Сарайчике.

* * *

На камне изображен лук с разорванной тетивой и сломанной стрелой. Ниже — надпись кириллицей: **СИБАН SШИ И IE**

Ниже изображены голова человека, голова лошади и седло.

Чтение:

ШИБАН 6750 (1242) **И(юля) 19** (15+4).

Камень на могиле Шейбани-хана (Виленский край. Шейбак-поле) был обнаружен на месте боя с монголами

Еще совсем недавно монголы напали на Русь, а в их войске уже преданные им русские. Хан погиб, все бегут. Но какой-то русский прячется, выжидает, возвращается к месту гибели господина и хоронит его, рискуя

жизнью, ставит каменное изваяние хану, выбив надпись на русском языке!

Хорошо бы найти хоть один памятник русскому князю, поставленный преданным ему слугой! Я такого не знаю.

Татары

Термин «татаро-монгольское иго», означающий власть Великой Орды над Россией, в русских летописях не встречается. Наши предки об иге не догадывались. По-видимому, термин «татарское иго» впервые стали употреблять в польской исторической литературе конца XIV века. Впервые термин «татарское иго» использовал в своей хронике Матвей Меховский, профессор Краковского университета[1].

У В.Н. Татищева в «Истории Российской с самых древних времен» нет никакого упоминания об иге.

Термин же «татаро-монгольское иго» впервые употребил в 1817 году Христофор Крузе, чья книга была переведена и на русский язык *(Крузе Х.* Атлас и таблицы для обозрения истории всех европейских земель и государств от первого их народонаселения до наших времен. СПб., 1845. Таб. 20).

«Татарское иго» — военный союз Великой Орды и Руси.

Русские летописи не знают термин «монголы», но «татаровя». Позже термин «татары» закрепился за народами разного происхождения, притом необязательно тюркскими.

Жители Казани вплоть до конца XVII века именовались болгарами или казанцами. Позже всех мусульман стали именовать татарами: казанские татары, ногайские татары, черкасские татары и т. д. И лишь в XVIII веке за жителями Казанского края закрепилось название «татары». Сами же татары приняли это наименование лишь на рубеже XIX и XX столетий[2].

Вячеслав-Али Полосин писал: «До монгольского ига христианская мифология не имела всеобщего успеха, базируясь в основном в городах, при дружинах князей. В христианском

[1] См.: *Меховский М.* Трактат о двух Сарматиях. М.; Л., 1936. С. 26.

[2] См.: *Малое Н.М., Малышев А.Б., Ракушин А.И.* Религия в Золотой Орде. 1998.

Татары (миниатюра XIV в.). Обратите внимание, это европеоиды с окладистыми бородами

постулате «Нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены» (Рим. 13:1) монголы увидели возможность уничтожения русского народовластия и легитимизацию колониальной власти богдыхана. Поэтому они ревностно способствовали тотальной христианизации русского населения: за годы их ига количество монастырей удвоилось. Печать Чингиз-хана гласила: «Бог — на небе, Хан — Могущество Бога на земле. Печать Владыки человечества». Требовалось лишь в текстах молитв вместо монгольского слова «богдыхан» или просто «хан» читать римское «царь», и вот в монашеских летописях ханы Орды именуются «царями», а церковь молилась об угнетателях русского народа как о данной от Бога власти (в XX веке та же схема была применена к большевикам в период жестоких гонений на верующих). И князь, и православный митрополит стали наместниками языческого властителя — «Владыки человечества».

Москва, входившая во Владимирско-Суздальский улус («белое ханство»), была возвышена богдыханом за особые заслуги московских князей в деле массового истребления русских людей, восставших против ига монголов. Князь избивал не только жителей других удельных княжеств, например

Тверского, но и своего собственного. Ханский ярлык был платой за геноцид русского народа, и именно поэтому у московской власти в период становления ее собственной государственности сформировался и закрепился на века и доныне архетип жестокого, *не семейного, не родственного,* а колониального отношения к своему народу: тысячами, миллионами русских людей можно легко пожертвовать ради слепого повиновения, ради утопической идеи или просто самодержавной прихоти».

Русь

Эренжен Хара-Даван пишет: «До прихода монголов многочисленные русские... княжества... фактически не составляли одного государства, а к населявшим их племенам славянского происхождения было неприменимо название единого русского народа. Влиянием монгольского владычества эти княжества и племена были слиты воедино, образовав сначала Московское царство, а впоследствии Российскую империю.

Монголы... не могли допустить обилия мелких владетелей, живущих за счет народа и хаоса, их нескончаемых распрей, подрывавших экономическое благосостояние подданных и лишавших страну безопасности сообщений, а потому, естественно, поощряли образование сильной власти московского великого князя, которая могла бы держать в повиновении и постепенно поглощать удельные княжества. Этот принцип создания единовластия казался им для данного случая более целесообразным, чем хорошо известное и проверенное временем китайское правило: «Разделяй и властвуй». Таким образом, монголы приступили к «собиранию» Руси (подобно своему государству) ради водворения в стране порядка, законности и благосостояния. В результате... они дали покоренной стране основные элементы будущей московской государственности: самодержавие (ханат), централизм, крепостничество»[1].

[1] *Хара-Даван Э.* Чингис-хан как полководец и его наследие. Элиста, 1991.

«Удельные князья, — пишет историк С. Ф. Платонов, — если бы были предоставлены вполне сами себе, разнесли бы свою Русь на бессвязные, вечно враждующие удельные лоскутья, но, к счастью, княжества тогдашней северной Руси были не самостоятельные владения, а даннические «улусы» татар, их князья звались холопами *«вольного царя»,* как величали у нас ордынского хана. Власть этого хана давала единство мельчавшим и взаимно отчуждавшимся вотчинным углам русских князей. Гроза ханского гнева сдерживала «забияк». Хан был верховным арбитром русских князей...»

Всюду мы видели строгую соподчиненность в административно-политическом отношении, от воина или простолюдина до князей и темников, а от последних до наместника или удельного хана и до Великого императора, ниспосланного Богом на землю. Вот почему русское самодержавие не имеет себе повторения на Западе и было так близко и понятно монгольскому ханату.

Монгольское завоевание способствовало превращению Руси городской и вечевой в Россию сельскую и княжескую. Монгольское владычество помогло северному князю — слуге ханскому — сделаться полновластным хозяином своего удела — Московского улуса.

Местный князь был подчинен во всем удельному хану, а последний — Великому богдыхану. Конечно, из местных ставился во главе более лояльный; таковыми как раз оказались московские князья, начиная с Ивана Калиты... Хан поручил Калите наказать тверского князя за восстание, что и было исполнено и за что Калита и получил в 1328 году великокняжеский престол».

«Империя Великих монголов представляет собой Мировую-империю-в-Процессе-Становления» (Г. В. Вернадский).

Русские княжества и шведы

В 1240 году шведы и тевтонские рыцари посчитали, что настал подходящий момент для нашествия на Русь. В это время они были вовлечены в христианизацию мечом и крестом

Александр Ярославич Невский (1252—1268)

языческих народов — финнов и карелов к северу от Финского залива, леттов и эстонцев к югу от него. Очевидно, они тогда рассчитывали на слабость северорусских городов — Новгорода и Пскова. Хотя ни один из городов не был уничтожен монголами, оба временно были лишены какой-либо помощи от разоренного Великого княжества Владимирского.

Итак, в июле 1240 года шведы, под предводительством могущественного ярла Биргера появились в устье Невы в попытке преградить новгородцам выход в море. Прежде чем они смогли двинуться дальше, молодой новгородский князь Александр, племянник Юрия II, привел свою маленькую, но сильную армию к Неве и нанес тяжелое поражение шведам. Последние потеряли значительную часть своих сил, и лишь немногие, включая самого Биргера, сумели уплыть в Финляндию. После этой победы князь Александр стал известен как Невский. Все это произошло примерно во время захвата монголами Чернигова.

Пока происходили эти события, ливонские рыцари в том же 1240 году направили свои усилия против Пскова, но не добились решающего успеха.

Тем временем монголы напали на Польшу и Силезию, и тевтонский орден, с которым были связаны ливонские рыцари, вынужден был внять призывам герцога Силезского о помощи и повернуть свои войска от Пскова. 9 апреля 1241 года монгольский передовой корпус нанес удар по объединенной польско-германской армии близ Лигница в Силезии. Согласно польскому историку Матвею из Мичова, победившие монголы отрезали одно ухо у каждого вражеского трупа, найденного ими на поле сражения; было собрано девять больших мешков ушей. Еще до этого главная монгольская армия пересекла Карпаты и вошла в Венгрию. 11 апреля Бату и Субэдэй разбили венгров у слияния рек Тисы и Солоны. Затем западный экспедиционный корпус монгольской армии повернул от Силезии на юг, к Богемии и Моравии. Следуя приказу о скорейшем движении в Венгрию, эти силы не могли терять время на осаду городов. Они разделились на несколько маленьких отрядов и грабили страну по мере продвижения. Богемский король Вацлав отбросил одну из этих орд при Кладно, что укрепило чешский моральный дух, но не оказало влияния на монгольскую стратегию. В противовес широко распространенной легенде, в Моравии не было решительных битв; через неделю или две все отряды Орды пересекли ее территорию.

В то время как монголы оставались в Венгрии в течение лета 1241 года, разоряя несчастную страну, король Бела IV пытался организовать сопротивление в Хорватии. Из Загреба он посылал отчаянные послания папе, Фридриху II и другим правителям, умоляя о срочной помощи.

Еще до обращения Белы западные нации получили просьбы о помощи из Польши и Богемии.

Но Бела не получил сколько-нибудь существенной помощи с запада, зато имел место «крестовый поход» тевтонских рыцарей против Пскова и Новгорода. Несмотря на свои потери в битве при Лигнице, тевтонский орден мог теперь поддержать ливонский натиск. Псков был взят в 1241 году, и в марте 1242 года рыцари двинулись против Новгорода. Но князь Александр встретил и разбил их на льду Чудского озера в знаменитом Ледовом побоище 5 апреля 1242 года.

Деловое побоище и его трактовка[1]

Какова же может быть в настоящее время трактовка Ледового побоища? Дают ли результаты, полученные на основе экспедиционных изысканий, возможность, кроме определения

[1] См.: *Караева Г. Н.* Ледовое побоище. 1242 г. М.; Л., 1966.

места битвы, уточнить и дополнить те ее описания, которые до настоящего времени были опубликованы?

Из Новгородской первой летописи старшего и младшего изводов мы знаем, что:

1) изгнав немцев из Пскова, князь Александр Ярославич «поиде на чюдь. И яко быша на земли, пусти полк в зажития», т. е. вторгся в пределы владений Ливонского ордена;

2) Домаш Твердиславич и Кербет были выдвинуты вперед для разведки; «у моста» они встретили немцев и вступили с ними в бой; Домаш был убит, а его отряд разбит; остатки отряда прибежали к Александру Ярославичу;

3) узнав о том, что отряд Домаша разбит, князь Александр Ярославич «въспятися на озеро», т. е. отступил обратно на озеро;

4) «Немци же и чюдь поидоша по них», т. е. стали его преследовать.

Об этом же ливонская «Рифмованная хроника» рассказывает так:

1) князь Александр ворвался «в землю братьев», имея при себе войско из Суздаля и лучников;

2) вторжение сопровождалось пожарами и уводом населения в полон;

3) узнав об этом, епископ сразу же направил своих воинов в состав рыцарского войска, чтобы вступить в борьбу с русскими;

4) рыцарское войско быстро изготовилось и выступило в поход.

Ледовое побоище. Обстановка перед началом битвы

О столкновении с отрядом Домаша и Кербета ливонская «Рифмованная хроника» не упоминает. Можно предполагать поэтому, что оно не было по своим размерам значительным.

Из сопоставления этих двух источников можно видеть, что:

а) Александр Ярославич, вторгнувшись по владения Ливонского ордена, «пусти полк весь в зажития», т. е. разместил находившееся при нем войско по населенным пунктам, не углубляясь далеко в рыцарские земли;

б) вперед, по-видимому, в сторону Дорпата, был выслан в конную разведку отряд Домаша и Кербета;

в) говоря о составе русского войска, совершившего нападение, ливонский хронист употребляет выражение «her von Susdal», что может быть понято как дружина Александра Ярославича и лучники, т. е. легкая пехота из Суздаля;

г) вторжение русского войска вызвало сильную тревогу в Дорпате; для отпора ему были мобилизованы все силы ордена, вплоть до епископских копьеносцев;

д) рыцарское войско быстро собралось и выступило против русских;

е) оно встретило отряд Домаша и Кербета и разбило его; остатки отряда «к князю прибегоша в полк»;

ж) узнав о приближении рыцарей, князь Александр Ярославич отступил обратно на озеро.

О последующих событиях Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов сообщает:

1) Александр Ярославич «поставиша полкъ на Чюдьскомь озере, на Узмени, у Воронья камени», т. е. построил войско в боевой порядок для встречи врага;

2) «...и наехаша на полкъ Немци и Чюдь и прошибошася свиньею сквозь полкъ» — рыцари в сопровождении пехоты атаковали русское войско и своим компактным боевым построением «свинья» прорвали его строй;

3) произошла «сеча ту велика Нъмцемь и Чюди», т. е. ожесточенный бой, в котором рыцари и находившаяся с ними пехота из прибалтийских племен подверглись избиению; «немци ту падоша, а Чюдь даша плеща», — сообщает летопись;

4) «и, гоняче, биша их на 7-ми верстъ по леду до Суболичьского берега» — битва закончилась избиением бегущих

по льду на протяжении семи верст до противоположного Суболичского берега.

Это свидетельство русского летописца очень интересно сопоставить с записью, сделанной ливонским хронистом. В «Рифмованной хронике» читаем:

1) в начале битвы было видно, как войско рыцарей, подавив стрелков, проникло в расположение русского войска, т. е. первый успех был на стороне рыцарей;

2) затем завязалась ожесточенная сеча — «был слышен звон мечей и видно было, как рассекались шлемы. С обеих сторон убитые падали на траву»;

3) «wer in der brudere her was, die wurden ummeringet gar» — это свидетельство врага о полном окружении всех, кто находился в рядах рыцарского войска, существенным образом дополняет русские летописные источники.

Далее ливонская хроника сообщает, что рыцари дрались очень хорошо, но были перебиты.

Как видим, описание Ледового побоища в Новгородской первой летописи старшего и младшего изводов в целом ряде моментов совпадает со свидетельством ливонской «Рифмованной хроники». Учитывая, что авторы этих первоисточников не только не знали друг друга, но и не были знакомы с текстами сделанных ими записей, следует исключить возможность какого-либо заимствования. Это заставляет отнестись к обоим источникам с доверием. Как же протекала битва, если сопоставить русский летописный текст с «Рифмованной хроникой» ливонского хрониста? Очевидно, так:

а) местоположение поля сражения в хронике совпадает с местом, указанным в летописи; отсутствие упоминания о Воронье Камне вполне понятно, так как ливонцы, естественно, о нем не знали;

б) в обоих источниках упомянуто о первоначальном успехе, который был одержан рыцарским войском;

в) в обоих источниках говорится в дальнейшем об ожесточенной сече, в ходе которой, видимо, успех перешел на сторону русского войска;

г) большой интерес представляет свидетельство «Рифмованной хроники» об окружении рыцарского войска; поскольку это войско было в основном конным, трудно предположить, что окружение его могло быть произведено силами только русской пехоты. Гораздо вероятнее, что это было осуществлено с участием конницы, т. е. дружины Александра Ярославича, его брата Андрея и др.;

д) оба источника одинаково свидетельствуют далее о том, что немецкие рыцари дрались стойко, но были перебиты;

е) русская летопись дополняет это последнее сообщение о бегстве «чюди», т. е. пехоты рыцарского войска, и преследовании, которому она подверглась на ледяной поверхности Узмени.

Однако, потеряв в бою около 400 человек, Александр Невский не мог продолжать набег на Эстонские земли и вынужден был возвратиться вначале в Псков, а затем в Новгород.

Ледовое побоище 1242 г.

Наиболее обстоятельный и подробный рассказ о Ледовом побоище находится в Новгородской первой летописи старшего извода.

«В лето 6750. Пойде князь Олександр с Новгородци и с братом Андреем и с Низовци на Чюдьскую землю на Немци и зая вси пути и до Пльскова. И изгони князь Пльсков, иэъима Немци и Чюдь, и, сковавъ, поточи в Новъгород, а сам пойде на Чюдь, И яко быша на земли, пусти полк всь в зажития, а Домаш Твердиславич и Кербет быша в розгоне, и усретоша я Немци и Чюдь у моста, и бишася ту. И убиша ту Домаша, брата посаднича, мужа честна, и инех с ним избиша, а инех руками изъимаша, а инии к князю прибегоша в полк. Князь

же въспятися на озеро, Немци же и Чюдь поидоша по них. Узрев же князь Олександр и Новгородци, поставиша полк на Чюдьском озере, на Узмени, у Воронья камени. И наехаша на полк Немци и Чюдь, и прошибошася свиньею сквозе полк. И бысть сеча ту велика Немцемь и Чюди. Бог же и святая Софья и святою мученику Бориса и Глеба, еюже ради Новгородци кровь свою прольяша, тех святых великыми молитвами пособи бог князю Александру. А Немци ту падоша, а Чюдь даша плеща; и, гоняче, биша ихъ на 7-ми верст по леду до Суболичьскаго берега. И паде Чюди бещисла, а Немец 400, а 50 руками яша и приведоша в Новъгород. А бишася месяца априля въ 5, на память святого мученика Клавдия, на похвалу святыя Богородица, в суботу».

400 немцев убито и 50 взято в плен. Так в летописи.

На самом деле всего немцев участвовало в бою 26 человек. Из них убиты 20, взяты в плен 6. А русских убито 400 человек. Примерно, ибо русские князья мертвыми солдатами никогда не интересовались. Правда, немецкие исследователи считают, что половина павших русских — псковичи, воевавшие на стороне ордена, иногда вспоминают, что там участвовали еще и эстонцы, но мы же учредили орден Александра Невского не за победу над эстонцами!

Надо заметить, что место Ледового побоища пока не обнаружено. Даже не найдено никаких следов, хотя сомнений в том, что битва была, ни у кого не возникает.

Три раза Александр отражал нападения литовцев. Побеждая западных врагов — шведов, немцев и литовцев, Александр совершенно иначе держал себя по отношению к татарам. В 1252 году он утвердился на великокняжеском Владимирском престоле. Полную покорность хану он считал единственным средством сохранения власти, а потому он ездил в Орду с богатыми дарами, выказывая безусловное повиновение воле хана и убеждая других повиноваться.

Вероятно, за это он и был причислен церковью к лику святых.

Но вернемся к татарам.

В Венгрии монголы пересекли замерзший Дунай и в конце декабря 1241 года вторглись в Хорватию, захватив вскоре

Загреб. Одно войско было послано за королем Белой, который бежал в Далмацию. К тому времени как монгольские всадники достигли Адриатического моря у Сплита, король сел на корабль и укрылся от опасности на одном из островов. Монголы объехали далматское побережье до Дубровника (Рагуза) и Каттаро. Другое монгольское войско было послано из Венгрии к Клостернойбургу, близ Вены, предположительно, для разведки дорог на запад. Основная монгольская армия после продолжительной передышки в Венгрии была теперь в состоянии нерешительности перед новым военным походом на Европу. Западные нации из-за своей разобщенности едва ли смогли бы выдержать надвигающееся нашествие. Но Запад был неожиданно спасен событием, произошедшим в далекой Монголии. 11 декабря 1241 года умер Великий хан Угэдэй. Когда весной 1242 года новость достигла Бату, он не только отложил всю подготовку к походу, но и повел свою армию через Северную Сербию и Болгарию назад в Южную Русь. Причина этого шага была чисто политической: Бату хотел повлиять на выбор нового великого хана, в особенности потому, что сам считался потенциальным кандидатом. Более того, в ходе венгерской кампании он поссорился с сыном Угэдэя Гуюком и внуком Чагатая Бури, которые вернулись в Монголию в возмущении. По жалобе Бату Угэдэй сделал суровый выговор обоим князьям. Теперь, после смерти Угэдэя, можно было ожидать, что они будут мстить, интригуя против Бату. Бату был, очевидно, обеспокоен; борьба за власть в монгольской политике казалась ему более важной, нежели завоевание Европы. Угэдэю было пятьдесят пять лет ко времени его смерти. Судя по всему, он подорвал свое здоровье неумеренным пьянством. Незадолго до своей кончины, оценивая свои достоинства и грехи, он сказал с похвальной откровенностью, что имел два основных порока: вино и развратные женщины. Как отмечает отец Мостерт, портрет Угэдэя в серии династии Юань обнаруживает, разумеется, черты хронического пьяницы. Можно сомневаться, однако, что он умер естественной смертью. Согласно сведениям Иоанна де Плано Карпини, он был отравлен «теткой» его сына Гуюка. Кем бы ни была эта женщина, ее следует рассматривать как спасительницу Западной Европы.

4 года (с 1242 по 1246) длилось междуцарствие.

Наиболее важным политическим событием в Монгольской империи в эти годы было основание Батыем ханства Кипчакия в Южной Руси, которое впоследствии русскими историками было названо Золотой Ордой. Столицей ее был город Сарай на Нижней Волге. Одним из первых действий Бату стал созыв ведущих восточнорусских князей в Сарае, с тем чтобы они принесли ему клятву верности.

Бату имел в своем распоряжении хорошо обученную тюркскую армию под командованием верных ему монгольских военачальников.

В 1246 году большинство монгольских князей решило избрать своим предводителем Гуюка. Бату, сославшись на ревматизм, не поехал в Монголию, а остался в Сарае. Вместо себя он отправил на курултай Ярослава (князя Владимирского, отца Александра Невского). Так русский князь совершил первое азиатское «турне» в Каракорум.

С политической точки зрения отношения между Гуюком и Бату были напряженными с начала правления последнего, отчасти из-за отказа Бату присутствовать на выборном курултае. Гуюк продолжал настаивать на визите Бату. Летом 1248 году Бату направился в улус Гуюка. Когда он достиг озера Алакул на границе Джунгарии, то получил известие от вдовы Толуя, что Гуюк движется навстречу, чтобы встретить его на полпути. Она сообщила также, что намерения у кагана недобрые и Бату следует остерегаться. Бату остановился у Алакула и принял меры предосторожности. Гуюк умер на расстоянии недели пути от лагеря Бату. Некоторые сомневаются в естественности его смерти, но подозрения не могут считаться доказательством.

В 1250 году горячие споры монгольских лидеров по поводу наследования трона великого хана зашли в тупик и стал очевиден разрыв между двумя группами чингисидов: с одной стороны — потомками Джучи и Толуя и потомками Чагатая и Угэдэя — с другой. Поскольку последняя группа не имела сильного лидера, Бату и Мункэ чувствовали себя увереннее своих противников и в конце концов решили взять все в свои руки и подавить оппозицию. Когда первое заседание курултая, который собрался в 1250 году близ озера Иссык-Куль в

улусе Чагатая, не пришло к определенному решению, Бату послал своего сына Сартака и брата Берке на восток с тремя армейскими соединениями, чтобы организовать второе заседание курултая на берегах реки Керулен в Монголии, то есть в улусе Толуя. Наиболее влиятельные потомки Чагатая и Угэдэя отказались присутствовать на этой встрече, что не помешало противоборствующей группе настаивать на ее легитимности. Поскольку Бату отказался от трона, 1 июля 1251 года Мункэ был провозглашен великим ханом. Видимо, существовало секретное соглашение между Мункэ и Бату, в котором Бату была обещана полная автономия его улуса.

На основе этой договоренности два двоюродных брата пришли к полному взаимопониманию.

Первым шагом Мункэ стало безжалостное подавление своих противников. Множество князей домов Чагатая и Угэдэя были обвинены в заговоре против нового хана и казнены или посажены в тюрьму вместе со своими сторонниками. Алджигидей, монгольский командующий в Персии, был отозван в Монголию и также казнен. Канцлер Чинкай также должен был заплатить своей головой за верность дому Угэдэя. Хитрый Махмуд Ялавач стал единственным уцелевшим советником бывшего хана. В 1252 году хатун Огуль-Гаймиш была приговорена к смерти.

Переход наследования от дома Угэдэя к дому Толуя был, разумеется, не чем иным, как государственным переворотом. Хотя жесткая политика террора Мункэ временно подавила всякую мысль о восстании, тяжелый перелом не был залечен, и новый конфликт должен был произойти. На какое-то время, однако, наступило затишье, поскольку Мункэ оказался способным и энергичным правителем.

В период его правления были предприняты два важных наступления — на Переднем Востоке и в Южном Китае. На Переднем Востоке король Людовик IX попытался еще раз прийти к соглашению с монголами. Услышав о добром отношении Бату к христианам и обращении его сына Сартака, король послал новую францисканскую миссию в Южную Русь под руководством монаха Вильяма Рубрука. На этот раз францисканцам было рекомендовано скрывать дипломатический характер своего визита и путешествовать в качестве миссио-

неров. Они покинули Константинополь в мае 1253 года и прибыли в ставку Бату 31 июля. Бату приказал одному из спутников монаха Вильяма остаться в Южной Руси при дворе Сартака, а двум другим продолжать путь в Монголию.

Монахи достигли лагеря Мункэ в декабре 1253 года и были приняты Великим Ханом 4 января 1254 года. В сообщении о своей миссии монах Вильям описывает прием следующим образом: «Мункэ восседал на кушетке и был одет в пятнистую и блестящую кожу, похожую на кожу тюленя. Он — небольшой человек среднего роста, сорока пяти лет, и молодая жена сидела рядом с ним; очень некрасивая, достаточно взрослая девочка Цирина с другими детьми расположилась на кушетке рядом с ними. Это жилище принадлежало некоей христианке, которую он очень любил и от которой имел эту девочку». Монахам предложили напитки на выбор: рисовое вино, «черный кумыс» и мед. Они выбрали рисовое вино. Затем они попросили разрешения «провести богослужение» во благо хана и его семьи. Во время своего пребывания в Монголии они сослались на дружелюбие Бату и обращение Сартака в христианство. В этой связи Мункэ сделал торжественное заявление о своем полном согласии с Бату. К этому времени, согласно монаху Вильяму, переводчик хана был уже пьян и Мункэ стало трудно понимать речь гостей. Сам великий хан также показался монаху пьяницей. После того как официальная часть приема была завершена, они заговорили о Франции, и монголы спрашивали монаха, «много ли там овец, скота и лошадей и не стоит ли им прямо двинуться туда и забрать все это».

Монахам разрешили остаться в Монголии еще на два месяца. Фактически же они оставались дольше. Подобно миссии Иоанна де Плано Карпини, брат Вильям и его спутники встретили множество христианских пленников в Каракоруме.

Мункэ, ревнуя к успехам Хубилая в Китае, решил принять на себя верховное командование кампанией. Хубилаю было доверено командовать армейской группировкой, которая должна была осуществлять операции в Хэнани, Хубэе и Анисе; Урьяигэдэй получил приказ двигаться на север от Тонкина для соединения с войсками Хубилая. Сам великий хан должен был закончить завоевание Сычуани. В целом все операции развивались успешно. Вскоре, однако, в Сычуани разразилась эпидемия дизентерии, которая принесла большие потери войскам великого хана. Среди ее жертв был и сам Мункэ. Он умер в августе 1259 года.

Но еще до этих событий, в 1255 году умер Бату. Его сын Сартак прибыл в Каракорум и был утвержден Мункэ ханом кипчаков. Но на обратном пути в том же году Сартак скончался. Его брат Улагчи тоже недолго был у власти. Есть предположение, что оба были отравлены братом Бату — Берке, который принял власть в Кипчакии в 1258 году. В 1266 году умирает Берке.

Великая или Белая Орла

Улус Джучи

Ханство кипчаков, знакомое нам как Золотая Орда, являлось лишь частью более крупного политического организма, известного как Улус Джучи. Следует вспомнить, что незадолго до смерти Чингиз-хан сделал каждого из своих сыновей властителем отдельной части империи, улуса, под верховной властью великого хана. Поскольку Казахстан и «западные земли», которые предполагалось завоевать, были дарованы старшему сыну Чингиз-хана Джучи, эта часть Монгольской империи стала называться Улусом Джучи, или западным ханством; Марко Поло говорил о джучидах как о «татарах Запада».

После смерти Джучи правителем этого улуса был признан его второй сын Бату. После завоевания Руси Бату, как мы знаем, основал свою столицу Сарай на Нижней Волге. Первоначально Улус Джучи стал удельным владением старшего брата Бату — Орды. Оно включало в себя обширную территорию, в состав которой входили Западная Сибирь, Казахстан и нижний бассейн реки Сырдарья. Два других сына Джучи — Шибан и Тука-Тимур — также получили свою долю владений на этой территории. Хотя братья Бату, правившие в восточной части Улуса Джучи, вначале находились под его сюзеренитетом, позднее восточное ханство обрело фактическую независимость.

Впервые Белая Орда (Кипчакское ханство) названа Золотой Ордой в «Истории о Казанском царстве» (XVI век). Однако мы будем называть это государство Белой Ордой — так будет правильнее.

Правление Бату Саин-хана и его сыновей

Основы ЗОЛОТОЙ Орды как автономного государства внутри МОНГОЛЬСКОЙ империи заложил хан Бату после своего возвращения из венгерского похода в 1242 году. Четыре года спустя, во время путешествия Иоанна де Плано Карпини в Монголию, очертания нового государства уже приобретали отчетливость. Юго-западная Русь и половецкие степи находились под властью монголов.

Двор Бату на берегу Волги был обустроен «совершенно великолепно», как отмечает Плано Карпини. Сам хан и его семья жили в больших полотняных шатрах, которые раньше принадлежали королю Венгрии. Прием при дворе хана Иоанн описывает так: «Он (Бату) восседает на возвышении, как на троне, с одной из своих жен; но любой другой из его семьи, как его братья и сыновья, так и те, кто ниже рангом, сидят ниже на скамьях в середине шатра. Все прочие люди расположились сзади них на земле, мужчины справа, а женщины слева».

Семью годами позже другой путешественник, Вильгельм де Рубрук, описывал лагерь Бату как «большой город с жилищами и народом, простирающийся на три или четыре лиги[1] в окружности. И как среди народа Израиля, где каждый знал, в какой стороне от скинии должен он поставить свой шатер, так и эти люди знают, с какой стороны от Орды они должны разместить свои жилища». Церемония аудиенции брата Вильгельма была подобна церемонии, описанной Плано Карпини.

Согласно археологическим свидетельствам, столица Бату располагалась на восточном берегу Ахтубы (рукав дельты

[1] Лига (англ. league) — единица длины, которая колеблется в зависимости от страны и вида измерений от 3,8 до 7,4 км.; лига уставная — 4,828 км, лига морская — 5,56 км. — *Примеч. ред.*

Нижней Волги), примерно в 100 километрах к северу от Астрахани.

О духовных качествах Бату говорит эпитет «саин», которым его награждают в некоторых восточных анналах, а также в тюркском фольклоре. Его переводят как «хороший». Поль Пеллио[1] отмечает, однако, что это слово имеет также толкование «умный», и в случае с Бату его надо понимать именно в этом смысле. Таким образом «саин-хан» может означать: «благоразумный хан» или «мудрый хан».

Дешт-и-Кипчак (половецкая степь) представлял собой сердцевину ханства Бату. Его западной оконечностью была Болгария, а восточной — Хорезм. На севере сопротивление Руси было сломлено, но еще следовало установить механизм оккупации и контроля. На юге владычество Бату простиралось до Крыма и Северного Кавказа. Закавказье, оккупированное монголами во время царствования Угэдэя, и сельджукский султанат в Малой Азии, завоеванный во время регентства вдовы Угэдэя, формально не находились под юрисдикцией Бату. Однако монгольскими войсками в этих регионах командовали армейские военачальники (нойоны), а не кто-либо из князей-чингисидов. Таким образом, из всех чингисидов Бату ближе всех географически располагался к арене событий и был старшим по отношению к остальным. При таких обстоятельствах можно было ожидать, что он проявит некоторый интерес к этим недавно завоеванным землям, и их правители спешили установить с ним контакты. К примеру, сельджукский султан Джиязад-Дин Кай Хосров II направил три посольства к Бату. Грузинский князь Давид (будущий царь Грузии) прожил некоторое время при дворе Бату как заложник. Что касается Руси, перед ханом стояли две главные задачи: заставить русских князей покориться его воле и организовать сбор дани и налогов. Во время путешествия Плано Карпини не видел в Северной Руси монгольских войск; на юго-западе армия под командованием Куремсы (Курумши) располагалась в районе Днепра к югу от Киева. В 1246 году в Киеве не было русского

[1] Пеллио (Pelliot) Поль (1878—1945) —французский востоковед. Основные труды — по истории и культуре Китая и Монголии. — *Примеч.ред.*

князя; киевский регион, а также часть черниговского региона и Подолия находились под непосредственным контролем монголов. Согласно сообщениям Плано Карпини, около 1245 года монголы набирали рекрутов для своей армии из населения именно этих территорий. Чтобы распространить свой контроль дальше на запад, север и восток, они нуждались во взаимодействии с русскими князьями.

Восточные русские князья первыми вынуждены были присягнуть Бату на верность. Еще в 1242 году великий князь владимирский Ярослав I направился в ставку Бату, где его утвердили в должности. Его сын Константин был отправлен в Монголию, чтобы заверить регента в своей и отцовской лояльности. В 1246 году, как мы знаем, великий князь Ярослав Всеволодович сам отправился в Каракорум, где присутствовал на церемониях, посвященных восхождению Гуюка на трон. Ярослав Всеволодович больше не вернулся на Русь; он заболел и умер в Монголии. Если верить Иоанну де Плано Карпини, его отравила хатун, мать Гуюка. Как Карамзин, так и Рокхилл выражают сомнение по поводу рассказа Плано Карпини, аргументируя это тем, что великий хан всегда мог казнить великого князя владимирского открыто, если бы того пожелал. Однако сведениям Иоанна де Плано Карпини, полученным от русских в Каракоруме, можно верить. Следует также принять во внимание напряженность в отношениях между Гуюком и Бату. Если Гуюк считал Ярослава I орудием Бату, возможно, он посчитал необходимым тихо избавиться от него. Более того, как мы знаем, Гуюк не одобрял политику своей матери во время ее регентства, поэтому есть вероятность того, что хатун отравила Ярослава Всеволодовича назло своему сыну. Получив известие о смерти отца, сыновья Ярослава Александр Невский и Андрей Суздальский отправились в ставку Бату, чтобы присягнуть ему на верность. Бату приказал им обоим направиться в Каракорум, для того чтобы засвидетельствовать свое почтение великому хану (1247).

Тем временем Бату улаживал западнорусские проблемы по-своему. Ему приходилось иметь дело с двумя русскими князьями —Даниилом Галицким и Михаилом Черниговским. Для феодального общества на востоке Центральной Европы характерно, что даже после жестокого урока, преподанного

монгольским вторжением в 1240—1241 годах, межкняжеские и межнациональные раздоры не утихли и соперничество не ослабело. Как Польша, так и Венгрия пытались воспользоваться ситуацией, поддерживая то одну, то другую сторону, что привело к установлению их собственного контроля над Галичем. Этим объясняются постоянные конфликты между венграми и поляками, а также между ними и русскими. Галицкие князья, вынужденные объединять силы то с поляками, то с венграми, неоднократно бывали втянуты в центрально-европейские конфликты, вмешиваясь в венгерско-чешское и чешско-польское соперничество.

В ранние годы правления внимание Бату было сосредоточено на переговорах монгольских вождей по поводу будущего избрания нового великого хана; его также заботили закавказские и анатолийские дела. Поэтому он не вмешивался в деятельность западнорусских князей до 1245 года. К этому времени в Монголии было достигнуто соглашение по поводу кандидатуры Гуюка. Даже если Бату и не одобрял этого решения, он вынужден был с ним согласиться. Теперь он мог усиливать свой контроль над Западной Русью.

Тем временем в 1245 году Даниил Галицкий и его брат Василько Волынский нанесли сокрушительное поражение князю Ростиславу (сыну Михаила Черниговского), которому венгры и поляки оказывали совместную поддержку. Эта победа сделала галицкого князя Даниила Романовича самым сильным из правителей на востоке Центральной Европы, и Бату поспешил предотвратить любую его попытку отстоять свою независимость. Он приказал галицкому князю возвратить управление Галичем монгольскому военачальнику. Вместо этого Даниил Романович решил присягнуть на вассальную верность лично самому Бату и с этой целью отправился в ставку хана. Он должен был низко склониться перед ханом, но принят был милостиво и благосклонно. «Пьешь ли ты наши напитки — черное молоко и кумыс?» — спросил Бату Даниила. «До сих пор не пил, но сейчас я сделаю все, что ты прикажешь, и выпью их». Бату был, несомненно, доволен. «Теперь ты один из наших», — сказал он и приказал, чтобы русскому князю был поднесен кубок вина. «Ты не приучен к молоку, поэтому выпей немного вина». Несмотря на добрый прием,

гордость Даниила Галицкого, как и его витязей, была сильно уязвлена. «О, из всех зол большее — почет от татар», — комментирует галицкий летописец. «Даниил, великий князь, господин земли Русской, теперь склоняет колени и называет себя рабом хана».

Через несколько месяцев после паломничества Даниила Галицкого в Сарай князь Михаил Черниговский отправился на встречу с Бату. Он оказался менее удачлив, нежели его соперник. Разницу в отношении Бату к двум князьям можно объяснить тем фактом, что галицкий князь был значительно сильнее, чем черниговский, и Бату счел необходимым добиться от него покорности. Кроме того, Галич находился близко к Венгрии и Польше, и Даниил Галицкий всегда мог найти убежище в одной из этих стран. И Михаил Черниговский, и его сын Ростислав провели несколько лет в Венгрии, и Ростислав вернулся туда после провала его похода против Даниила Романовича. Михаил Черниговский, однако, предпочел возвратиться в свой стольный город, где оказался во власти Бату. Более того, Бату, по всей вероятности, не доверял намерениям черниговского князя. Он согласился принять Михаила Всеволодовича, только если тот очистится, пройдя между двух огней. Это была обычная монгольская процедура для иностранцев, желающих быть допущенными к ханскому двору, основанная на вере в магические свойства огня. Между прочим, Даниил Галицкий избежал ее.

Вдобавок, согласно сведениям Плано Карпини, Бату потребовал, чтобы князь Михаил Черниговский простерся перед идолом (онгоном) Чингиз-хана. Князь Михаил отказался выполнить требования Бату и даже стал вызывающе поносить «мерзких идолов». За это он был казнен вместе с одним из верных ему бояр, который сопровождал его в ставку хана и убеждал его «принять мученический венец». Еще один князь из черниговского дома — Андрей, сын Мстислава, был казнен примерно в это же время. Как пишет Плано Карпини, он был наказан за самовольную поставку коней за границу.

Казнь князя Михаила Черниговского убрала со сцены старого соперника Даниила Галицкого и тем самым укрепила его положение. Более того, оказавшись в качестве вассала Бату, Даниил Романович снискал авторитет среди соседних

правителей, которые теперь искали его дружбы. Король Венгрии Бела IV отдал свою дочь за сына Даниила — Льва и способствовал браку еще одного из данииловских сыновей, Романа, с Гертрудой, племянницей покойного герцога Австрийского. Таким образом, Роман стал претендентом на австрийский трон. Это дало возможность Беле IV заинтересовать Даниила вопросом об австрийском престолонаследии и получить от него военную помощь против Священной Римской империи.

Нужно заметить, что после возвращения из ставки Бату в 1246 году Даниил Галицкий реорганизовал и переоснастил свою армию по монгольскому образцу. Когда австрийские посланники прибыли в его лагерь, они были удивлены, увидев всадников галицкого князя, одетых в кирасы монгольского типа, и их лошадей, защищенных шлемами, а также наплечными и грудными доспехами. Сам князь Даниил, однако, был одет, согласно летописцу, «по русскому обычаю» в одежду для верховой езды из греческой парчи, украшенной золотым галуном, и в сапоги из зеленой кожи. Его сабля была инкрустирована золотом, а седло его великолепной лошади позолочено. Несмотря на старания Белы IV и Даниила Галицкого, кандидат на австрийский престол уже был, и его поддерживала Священная Римская империя: это Оттокар Богемский (король Богемии с 1253 г.), который позже стал герцогом Австрии. Между прочим, Даниил не имел намерения разжигать пожар в Центральной Европе. Наоборот, к этому времени он пришел к заключению, что ему нужна поддержка Запада против монголов. Конечно, заискивание перед Бату было лишь тактическим ходом. Его далеко идущая стратегия заключалась в подготовке к борьбе против монголов. Однако он должен был действовать осторожно и скрывать свои намерения. Первым шагом Даниила в его дипломатической игре стала попытка установить контакт с папой, чей авторитет резко возрос после смерти в 1250 году его злейшего врага, императора Фридриха II. Следует вспомнить, что несколькими годами раньше сам папа через Плано Карпини убеждал западнорусских князей признать его господство. Во время пребывания папского посла в Волыни (предположительно, в декабре 1245 г.) Даниил находился в лагере Бату, а его брат Василько, хотя и симпатизировал идее папы, отказался брать на себя какую бы то ни было ответственность в вопросе объединения церквей. Поскольку братья продолжали свое путешествие в Монголию, папа послал еще одного клирика к Даниилу, чтобы подготовить почву для восстановления дружественных отношений. На обратном пути из Монголии Плано Карпини и его спутник остановились в Галиче (июнь 1247 г.), где Даниил и Василько приняли их «с большой радостью». Согласно Иоанну де Плано Карпини, оба князя говорили, что «им хотелось бы иметь папу единственным их господином и отцом, а римскую церковь их госпожой и повелительницей... И после этого они отослали с нами к папе свои письма и посланников». Затем последовал обмен посольствами. Даниил согласился убедить духовенство и народ Галича и Волыни признать папу главой их церкви. Папа, в свою очередь, обещал Даниилу королевскую корону и военную помощь римско-католических народов.

Одновременно Даниил вступил в переговоры с великим князем Андреем Владимирским (братом Александра Невского), за которого он в 1251 году отдал замуж одну из своих дочерей. Андрей согласился сотрудничать с Даниилом, но не смог сделать многого, поскольку по причинам, которые будут рассмотрены нами позднее, в 1252 году лишился своего трона. Таким образом, единственной надеждой Даниила оставалась возможность получить поддержку с запада. Папа, как и обещал, прислал ему знаки королевской власти, и Даниил был коронован королем в городе Дрогичине в 1253 году. Однако усилия папы, направленные на то чтобы сплотить католические силы для крестового похода против монголов в помощь Даниилу, не привели ни к чему.

Теперь мы можем вернуться к событиям в Восточной Руси. Когда Александр Невский и его брат Андрей в конце 1247 года (или в начале 1248 года) появились при дворе Гуюка, хан назначил Андрея великим князем владимирским, а Александра — князем киевским. Последнее назначение знаменательно, поскольку оно демонстрирует, что Гуюк хотел, чтобы Западной Русью правил кто-либо, зависимый от него. Братья вернулись на Русь в 1249 году. К этому времени Гуюк умер, но в период междуцарствия не происходило перераспределения

княжеских тронов. В то время как Андрей стал править Владимиром, Александр отправился не в Киев, а в Новгород. Новый митрополит Руси в 1251 г. посетил его там. В связи с этим следует отметить, что предыдущий митрополит Иосиф скончался в Киеве в 1240 году. Только после шестилетнего перерыва Даниил Галицкий взял на себя инициативу восстановления митрополитского престола и отправил своего кандидата, западнорусского монаха по имени Кирилл, в Никею за одобрением патриарха. Кирилл был должным образом посвящен в сан митрополита Киевского, но из-за запутанной ситуации на Ближнем Востоке он не возвращался на Русь до 1249 или 1250 года. Обнаружив Киев совершенно разоренным и непригодным для установления там епархиальной администрации, он отправился в Восточную Русь. Дополнительным мотивом для такого решения явилось его неодобрение переговоров Даниила с папой. Более того, Александр официально являлся киевским князем, хотя фактически находился в Новгороде. Тем временем междуцарствие в Монгольской империи подошло к концу, когда новым великим ханом был избран Мункэ (1251 г.). Это событие требовало возобновления всех ярлыков на княжение. Однако, благодаря близкой дружбе Мункэ и Бату и широким полномочиям, которые Мункэ дал Бату, русские князья должны были ехать в Сарай, а не в Каракорум, для подтверждения должности. Между прочим, Бату, в свою очередь, поручил своему сыну и соправителю Сартаку — христианину (вероятно, несторианской конфессии) — управлять русскими делами. С этого момента русские должны были иметь дело только с Сартаком. Александр Невский без колебаний направился в Сарай, Андрей Суздальский, однако, отказался совершить это путешествие. Если он рассчитывал на помощь Даниила Галицкого в противостоянии хану, то он просчитался; Даниил еще не был готов к тому, чтобы оказать сопротивление монголам.

Сартак немедленно послал карательную экспедицию во Владимир. Князь Андрей Ярославич встретил монгольские войска возле Переяславля-Суздальского. Его армия была разбита, и он вынужден был бежать в Новгород. Оттуда он проследовал в Колывань (Ревель, известный теперь как Таллинн), а затем стал искать убежища в Швеции. Монголы разграбили Суздаль. После этого Сартак даровал ярлык на владимирский стол Александру Невскому, помогавшему татарам. Александра приветствовали по его возвращении во Владимир митрополит Кирилл, духовенство и множество горожан. Примечательно, что бояре не упомянуты в отчетах о встрече. Один из летописцев, правда, утверждает, что Андрей бежал в Новгород «со своими боярами». По всей вероятности, владимирские бояре, поддерживавшие князя Андрея Суздальского в его противостоянии монголам, в то время противились Александру Невскому и его политике, лояльной по отношению к хану. Для того чтобы лучше понять мотивы поведения Александра Невского, следует сравнить их с мотивами Даниила Галицкого. В первую очередь, важна разница в географическом положении двух русских государств. Галич находился от Сарая значительно дальше, чем Владимир. Поэтому Александр Невский, в отличие от галицкого князя, не мог питать надежд на отстаивание своей независимости от хана. Даниил Романович, как мы знаем, рассчитывал на поддержку с запада. Александр не доверял Западу. В связи с этим следует особо подчеркнуть, что существовала отчетливая разница в характере западных государств, с которыми князьям приходилось иметь дело. Несмотря на конфликты князя Даниила с Польшей и Венгрией, правители обоих этих государств были не более чем его соперниками (а иногда и друзьями). С точек зрения социальной и психологической, славянская Польша и полуславянская Венгрия относились к той же центральноевропейской среде, что Галич и Волынь. И наоборот, тевтонские рыцари и шведы, с которыми в юности Александр Невский встретился лицом к лицу, были в то время непримиримыми врагами Руси, прописанными духом завоевания и интересами колониальной экспансии со всеми вытекающими последствиями. В то время как Даниил Галицкий мог надеяться сделать Галич партнером в федерации дружественных государств, Александр знал, что если он когда-либо получит помощь с запада, то эта помощь будет оказана только на продиктованных западом условиях. Получение защиты со стороны тевтонских рыцарей повлекло бы за собой признание их сюзеренитета. Более того, даже с их помощью Александр не мог надеяться на то, чтобы защитить Владимир от монголов. Северная Русь была бы раз-

делена между тевтонскими рыцарями и монголами, Новгород отошел бы к первым, а Владимир — ко вторым. Александр предпочел остаться лояльным по отношению к монголам, нежели делить страну.

Существенной была также разница в отношении Александра и Даниила к церкви. Что касается Даниила и центральноевропейского культурного окружения, римско-католическая церковь являлась церковью тех соседних стран, с которыми он находился в равном социальном и политическом положении. Частыми были браки между домами западнорусских князей и ближайшими центральноевропейскими народами. Для Александра же римско-католическую церковь представляли рыцари-крестоносцы.

По складу своего характера Даниил увлекался обычаями и взглядами западного рыцарства, в то время как Александр имел более серьезные цели и глубокое чувство ответственности по отношению к своей стране и народу. Выдающийся военачальник, Александр был также здравомыслящим государственным деятелем, достаточно реалистически мыслящим, чтобы принять как неизбежное курс на сдержанность, как бы это ни было трудно. И, взяв этот курс, он не собирался отклоняться от него, что позволяло ему добиваться своих целей, даже когда это касалось мятежных новгородцев.

Бату умер около 1255 году, и ему наследовал его сын Сартак. Смерть Бату не оказала никакого воздействия на положение русских князей, поскольку они уже.находились под властью Сартака. Хотя русский народ испытывал еще большие тяготы в это время, их виновником был не Сартак, а великий хан Мункэ. Нуждаясь в большом количестве войск для китайской кампании и для предполагаемого завоевания Ближнего Востока, Мункэ приказал провести новую перепись населения во всей империи, для того чтобы рекрутировать воинов и собрать налоги. Сартак умер около 1256 года. Новый хан, Улагчи, созвал всех русских князей в Сарай, чтобы возобновить их ярлыки. Наряду с другими при дворе Улагчи появился и прежде непокорный великий князь владимирский Андрей «со многими дарами». По всей видимости, именно Александр Невский принял меры к возвращению своего беглого брата из Швеции. Андрей был прощен и получил ярлык на

суздальское княжение. Хотя Улагчи милостиво принял своих русских вассалов, он поддержал указ великого хана о переписи и рекрутировании. Монгольские чиновники, уполномоченные выполнять эти обязанности, появились в Восточной Руси — в Рязанском и Муромском княжествах и в Великом княжестве Владимирском — в 1257 году. Хорошо помня ужасы карательной экспедиции 1252 года, народ Великого княжества Владимирского не делал попыток к сопротивлению. Постоянный механизм действия монгольской администрации теперь был установлен в Восточной Руси, и страна разделилась на военные районы (мириады, тысячи, сотни и десятки), что должно было упростить как рекрутирование, так и сборы налогов. Таким образом, завершив реорганизацию управления в Восточной Руси, монголы направили свое внимание на Новгород. Сначала новгородцы отказались впустить монгольских чиновников в свой город. Прекрасно зная, какие несчастья может им принести военное сопротивление, Александр Невский сам взялся убедить их согласиться на проведение переписи. Когда новгородцы отвергли его посредничество, он прибег к мерам принуждения. На этот раз против него восстал даже его сын Василий, наместник князя в Новгороде. Александр захватил его, сурово наказал нескольких его сподвижников и отправил сына во Владимир. Предупрежденные, что монгольские экспедиционные войска готовы выступить на Новгород, жители в конце концов согласились на проведение переписи на условиях, о которых будет сказано ниже.

В 1258 году монгольские чиновники явились в северную метрополию вместе с великим князем Александром Невским, его братом князем Андреем Суздальским и князем Борисом Ростовским. С помощью восточнорусских князей монголы, видимо, хотели предупредить новгородцев, чтобы те не ожидали поддержки от русских владык, если вздумают возобновить сопротивление. Несмотря на подобное дипломатическое давление, в городе все же разразился мятеж, когда чиновники начали «подсчет» жителей. Монголы попросили у Александра Невского защиты, и он приказал своим войскам усмирить бунтовщиков. Его твердая позиция произвела должное впечатление на новгородцев, и они в конце концов согласились позволить монголам продолжать перепись. Сжатый отчет об

этих событиях в Новгородской первой летописи отражает диапазон противоборствующих чувств различных групп населения и их подавленное негодование по поводу «умиротворяющей» политики Александра. Гордый город вынужден был покориться завоевателям, и требуемую часть воинов удалось навербовать. Хотя перепись легла в основу подсчета обязательств со стороны новгородцев, на этой территории так и не были организованы постоянные монгольские военные округа. По всей вероятности, новгородские власти взяли на себя обязательство, что в будущем они сами станут вербовать воинов и собирать налоги. Нечто вроде подобного соглашения, видимо, оговаривалось в предварительных переговорах. Это было очень важной уступкой со стороны монголов — ценой, которую они заплатили Александру Невскому за сотрудничество. Между прочим, купцы из Белой Орды получали постоянные доходы от новгородской балтийской торговли и намеревались увеличить их в будущем. Они предпочитали собирать золотые яйца, а не убивать курицу, которая их несет.

Правление Берке

Смерть Улагчи (1258) открыла путь к трону кипчаков брату Бату — Берке, суровому и честолюбивому правителю. С ним был привнесен новый религиозный элемент в политику западной ветви монголов — исламский. Берке, обращенный в ислам в юности, сделал новую веру краеугольным камнем своей ближневосточной политики. Как мусульманин, он был готов вступить в дружественные отношения с египетским государством мамлюков. Последствием этого явился конфликт с его двоюродным братом Хулагу, монгольским ханом в Персии.

В начальный период экспансии монголов на Ближнем Востоке, о чем следует вспомнить, там не было четкого разделения сфер влияния великого хана и хана кипчаков на Ближнем Востоке. Берке, как мы уже видели, вмешивался в ближневосточные дела во многих случаях. Все изменилось с решением курултая (1253) организовать новую монгольскую экспедицию на Ближний Восток под командованием брата Мункэ — Хулагу. По правилам монгольской политики, это означало передачу управления ближневосточными делами от потомков Джучи потомкам Толуя. Поначалу джучиды приняли это решение и согласились сотрудничать с Хулагу, направив свои воинские подразделения для его поддержки. Но семена возможных разногласий были уже посеяны. Многое зависело от личностей самих ханов кипчаков и их особых политических интересов. Как Сартак, так и Улагчи проявляли не только лояльность к великому хану Мункэ, но и большую заинтересованность в эксплуатации своих русских доминионов, нежели в ближневосточных делах. Когда Берке занял трон кипчаков, он дал клятву верности Мункэ, по условиям которой должен был поддерживать продвижение Хулагу на Ближний Восток. Контингент войск, посланный предшественником Берке — Улагчи, принял участие в завоевании Багдада в феврале 1258 года.

В 1259 году Мункэ умер.

В 1261 году Берке одобрил предложение Александра Невского и митрополита Кирилла об организации русского епископства в Сарае.

В 1274 году византийский император Михаил VIII признал главенство папы, что вызвало неодобрение на Руси.

При Берке был построен Новый Сарай, или Сарай-Берке, однако столица продолжала оставаться в Старом Сарае вплоть до царствования хана Узбека (1313—1341), когда столица была перенесена в Новый Сарай.

Литовские племена в XIII веке

В начале XIII века клановая организация у литовцев уже распалась. Образовались территориальные образования — волости, которыми управляли местные князья (кунигасы). Некоторые из них предприняли попытки централизации власти у литовцев и захвата соседних славянских городов. Такой была политика Миндовга, который объявил себя около 1235 года правителем Новгорода-Литовского в так называемой Черной Руси. Черная Русь — самая западная территория кривичей. Кроме того, Миндовг контролировал Гродно, Вол-

ковыск и Слоним. Еще до этого племянник Миндовга Товтивил стал полоцким князем, другой же племянник — витебским. Таким образом, значительная часть нынешней Беларуси управлялась литовскими князьями. Русские князья из Пинска также признавали Миндовга своим сюзереном. Литовцы были отчаянными воинами, хотя им и недоставало дисциплины и вооружения.

В результате проникновения литовцев на русские территории создалась прорусская партия в среде самих литовцев. Русский язык стал официальным языком литовского государства.

В 1250 году Миндовг обратился в римско-католическую веру. Это был чисто политический шаг, предотвращающий нападение немецких рыцарей на его владения. В 1252 году Папа прислал ему королевскую корону. Миндовг, со своей стороны, уступил часть жмудского региона тевтонскому ордену.

Упрочив свой престиж благодаря новому титулу и не опасаясь, по крайней мере в текущий момент, нападений со стороны тевтонских рыцарей, Миндовг мог переключить свое внимание на отношения с князьями Галича и Волыни. Выяснилось, что обе стороны больше были расположены к достижению согласия, нежели к продолжению войны. Даниил Галицкий нуждался в союзниках для борьбы с монголами, а Миндовг знал, что его мир с тевтонскими рыцарями — не более чем временное перемирие. Около 1251 года князь Даниил Романович, у которого умерла первая жена, женился на племяннице Миндовга (сестре Товтивила из Полоцка). Некоторое время спустя сын Миндовга Войшелк (по-литовски — Вайшелга) был крещен в соответствии с обрядом греко-православной церкви, в эту веру обратился также и Товтивил. После коронации Миндовг назначил Войшелка своим наместником в Новгородок[1]. Однако Войшелк с пылом искреннего неофита выразил желание принять монашеский постриг и отказаться от своих княжеских прав. Он предложил своему отцу передать княжение в Новгородке одному из сыновей Даниила. Соглашение по этим пунктам было достигнуто между Даниилом и Миндовгом в конце 1254 года. Сын Даниила Роман (прежде претендовавший на австрийский трон) получил княжество Новгородокское в качестве вассального владения Миндовга. Одновременно с этим дочь Миндовга была выдана замуж за брата Романа — Шварна. Войшелк принял постриг в русском монастыре возле Новгородка.

[1] Новгородок — название эстонской крепости Вастселлина в русских летописях XII—XIII веков. — *Примеч. ред.*

В соответствии со своей новой политической ориентацией Даниил перенес столицу из Галича на север, в город Холм, к заселению и развитию которого он проявил особенный интерес и который очень любил. Поскольку Даниил Галицкий не получил от Запада никакой поддержки, он вскоре оставил мысль об объединении церквей. В 1255 году папа посчитал нужным сделать ему выговор за неудачу в организации институтов католической церкви в его владениях. Теперь папа решил столкнуть Даниила и Миндовга — двух восточноевропейских владык, коронованных им, — и «позволил» литовцам напасть на Волынь. Миндовг, по всей видимости, не придал значения предложению Папы и предпочел придерживаться своего соглашения с Даниилом Галицким.

Благодаря этому князь Даниил Романович около 1256 года открыто бросил вызов монголам, изгнав их войска из Северной Подолии, Волховской земли и Восточной Волыни. Поскольку внимание монголов было сосредоточено в то время на восточнорусских делах, ситуация не позволяла им перевооружить свои войска в днепровском регионе. Однако Куремсе, командующему в этом регионе, было приказано напасть на Галич и Волынь. В его распоряжении было лишь небольшое войско, и он должен был продвигаться «тайком», как об этом сообщает Галицкая летопись (ок. 1257 г.). Его попытки штурмовать города Владимир-Волынский и Луцк в обоих случаях закончились неудачей. Холм сильно пострадал от пожара, причиной которого был несчастный случай, а не какое-либо нападение монголов. В скором времени монголы отвели свои войска от Волыни.

Даниил Галицкий мог быть вполне удовлетворен результатами своей политики сопротивления монголам. Но Миндовг, со своей стороны, изменил тактику и решил нарушить соглашение. В 1258 году он заключил под стражу Романа и захватил его удел в Черной Руси. Это событие изменило всю

расстановку политических сил в Западной Руси, серьезно подрывая потенциальную силу князя Даниила и его шансы на противостояние монгольскому натиску, который, несомненно, должен был возобновиться. В 1259 году хан Берке заменил Куремсу энергичным Бурундаем (Боролдаем) и снабдил его большим количеством войск. Бурундай решил использовать разногласия между русскими и литовскими князьями и избрал Литву объектом своего первого похода, предложив русским князьям оказать ему поддержку своими войсками.

Начиная с этого момента монголы стали уделять значительное внимание литовским делам. По всей вероятности, они были озабочены растущей силой Литвы и распознали в ее экспансии, даже в этот ранний период, потенциальную угрозу их власти в Западной Руси.

Опасаясь возмездия за свое предыдущее нападение на монголов, Даниил Галицкий предпочел избежать встречи с Бурундаем, послав к нему вместо себя своего брата. Василько Романович принял чрезвычайно активное участие в кампании против литовцев, но в ней участвовали также князь Даниил и его сын Лев. Как монголы, так и русские захватили большую добычу, но русские должны были уступить большую часть своей доли монголам. Однако основным силам литовцев удалось избежать решающего боя, и русские так и не смогли обнаружить, где находится князь Роман, и освободить его. На следующий год Бурундай снова направил свои войска в Волынь и приказал русским князьям разрушить крепостные сооружения их главных городов. Даниил Галицкий бежал в Польшу и Венгрию, оставив своего брата Василько и сына Льва, чтобы те умиротворили Бурундая. Последний настаивал на их покорности его приказам, и у русских князей не оставалось иного выхода, кроме как разрушить крепостные сооружения во Владимире-Волынском, Луцке, Кременце и Львове. Однако гарнизон в Холме отказался уступить город без непосредственного приказа князя Даниила Романовича. В отместку монголы опустошили окрестности Холма, а также несколько других районов в Волыни и Галиче.

После этого набега Бурундай посчитал свое задание выполненным и отвел свою армию из Волыни, расположив ее в районе Среднего Днепра. В военные округа Подолии, Галича

и Волыни, подобно тому как это было в Восточной Руси, для наблюдения за сбором налогов и рекрутированием были назначены представители монгольской администрации. Западнорусские князья обязаны были получать ханский ярлык при любом изменении престолонаследия в каждом из княжеств. Великий план сопротивления, выдвинутый Даниилом Галицким, таким образом, рухнул, а сам он возвратился на родину с тяжелым сердцем как покорный вассал хана.

В довершение всех несчастий литовцы совершили набег на Волынь в 1262 году. Примерно в это же время умер князь Роман. Вероятно, он был убит теми, кто взял его в плен. Даниил умер в 1264 году. В этом же году был убит литовскими заговорщиками и Миндовг.

Вскоре после провала сопротивления монголам в Западной Руси произошло восстание в Суздальской земле на востоке Руси (1262 г.). Инициатива исходила от городов этого региона: Ростова, Владимира, Суздаля и Ярославля. После разрушения Владимира армиями Бату в 1238 году Ростов стал крупнейшим городом в Суздальской земле, и, по всей видимости, он взял на себя руководящую роль в движении сопротивления. Восстание стало выражением протеста против тягот, которые испытывало население из-за обременительных сельскохозяйственных налогов, широко применявшихся Белой Ордой также и в Суздальской земле. Собирателям налогов, главным образом мусульманским купцам, монголы позволяли забирать неплательщиков и заставлять их работать в счет неуплаченных налогов или даже продавать их в рабство.

В Ярославле главным сборщиком налогов был некто Изосим — русский, обращенный в ислам. Давление на налогоплательщиков возросло с прибытием от «татарского царя» главного сборщика, которого Суздальская летопись характеризует как «мерзкого мусульманина». В каждом из четырех главных городов Суздальской земли было созвано вече, и решение восстать против монголов было принято единогласно. Многих доверенных лиц монголов, в том числе сборщиков налогов, убили во время последовавших за этим бунтов, включая и Изосима.

По сведениям из Суздальской летописи — старейшего из источников, сообщающих о восстании, явствует, что русские

князья не принимали в этом мятеже абсолютно никакого участия. (Однако в некоторых более поздних летописных сводах, таких как Никоновская летопись, говорится о согласии князей воевать с монголами. В Устюжской летописи упоминается приписываемое Александру Невскому обращение к жителям Устюга, чтобы те подняли восстание против монголов. Но это не соответствует истине.)

Александр Невский, вероятно, хорошо представлял себе ситуацию и не питал особых иллюзий по поводу позиции Берке. Несомненно, восстание суздальских городов было такой же неожиданностью для великого князя владимирского, как и для монголов. Но, не имея в своем распоряжении достаточного количества вооруженных сил, князь был не в состоянии предотвратить этот мятеж.

Мятеж был подавлен монголами, а русские города должны были оплатить убытки.

Вскоре после этого Александр Невский умер, а в 1547 году он был канонизирован.

Правда, на стороне рыцарей воевали еще и эстонцы, но ведь не за победу над эстонцами мы учредили орден Александра Невского?

В 1266 году хан Берке умер в Тбилиси во время похода.

В 1267 году ханом Белой Орды стал Менгу-Тимур.

Об Исе-Ногае

Ввиду высокого престижа Бату как основателя ханства кипчаков представляется вполне естественным, что курултай предпочел его внуков Ногаю. Поэтому именно Менгу-Тимур, а не Ногай наследовал Берке в качестве хана кипчаков. Поскольку к тому времени Ариг-Буга сдался Хубилаю (1264 г.), последний являлся бесспорным хозяином империи, из чего мы можем заключить, что Хубилай одобрил кандидатуру Менгу-Тимура в качестве великого хана (примерно в 1267 г.).

Ногай, тем не менее, был слишком крупной фигурой, чтобы окончательно уйти со сцены. Помимо того что он был джучидом, он был еще и военачальником высокого ранга — мириархом. Более того, он имел в распоряжении собственную

армию: войско его Орды, набранное главным образом из племени мангкытов. Основной территорией проживания мангкытов в то время был бассейн реки Яик[1]. Позднее они стали известны как ногайская Орда. Поскольку «ногай» означает «собака», можно предположить, что собака была тотемным животным ведущего клана мангкытов. В египетских источниках хан Ногай упоминается под двойным именем: Иса-Ногай. Вполне возможно, что Иса — это его собственное имя, а Ногай — имя клановое (т. е. по названию клана, вождем которого он был). В 1287 году Ногай заявил, что получил особый указ от хана Бату поддерживать единство и порядок среди своей родни после смерти последнего в ханстве кипчаков. Если так было в действительности, Бату, должно быть, утвердил господство Ногая над войсками его Орды (Орды мангкытов), считая их специальным подразделением, предназначенным для поддержания законного правительства в ханстве.

Представляется возможным, что, по соглашению с Менгу-Тимуром, Ногай был признан действующим правителем нижнедунайского региона и уполномочен вести дипломатические отношения как с Византийской империей, так и с Египтом.

Для себя Менгу-Тимур оставил ведение русских дел. Менгу-Тимур не был мусульманином.

В 1271 году Ногай начал кампанию против Константинополя за морские проливы. Михаил запросил мира и выдал свою дочь Ефросинью замуж за Ногая.

Менгу-Тимур облегчил положение русских людей и выдал ярлык, подтверждающий неприкосновенность русской церкви. Служители культа и раньше не облагались налогами, теперь же были утверждены новые привилегии духовенства как социальной группы, включая и членов их семей.

Даже все «церковные люди» были освобождены от военной службы.

Монгольским чиновникам запрещалось под страхом смерти отбирать церковные земли или требовать выполнения какой-либо службы от церковных людей. К смерти приговаривался также каждый виновный в клевете и поношении православной веры.

[1] Яик — прежнее название реки Урал.

По всей видимости, первоначально ярлык был написан по-монгольски и сразу же переведен на русский язык. Следует вспомнить, что, согласно сведениям Плано Карпини, в канцелярии Бату были русские переводчики и писцы; и наследники Бату, должно быть, нанимали определенное количество русских секретарей. Можно также предположить, что текст ярлыка был составлен совместно Менгу-Тимуром (или его главным монгольским секретарем) и епископом Сарая Митрофаном, представлявшим русское духовенство.

Благодаря этому ярлыку, а также ряду подобных ему, выпущенных наследниками Менгу-Тимура, русское духовенство и люди, находившиеся под его юрисдикцией, составляли привилегированную группу, и таким образом была заложена основа церковного богатства.

В 1277 году Менгу-Тимур развязал кампанию против кавказских алан (осетин). Ряд русских князей, в том числе и сын Александра Невского Андрей Городецкий, участвовали в войне против алан. В 1278 году русские войска захватили главную крепость алан — город Дедяков. Русским досталась богатая добыча. Менгу-Тимур был доволен действиями русских и наградил многими дарами.

После смерти Менгу-Тимура престол кипчаков занял его брат Туда-Менгу. Ханом мангкытов был признан Ногай.

В 1280 году Туда-Менгу выдал ярлык на владимирский стол Андрею Александровичу Городецкому и Костромскому, сыну Александра Невского, на протяжении многих лет другу и верному вассалу хана Менгу-Тимура. Но князь Дмитрий Переяславский почему-то не захотел уступать власть. Дружина князя Андрея была усилена монгольскими войсками.

Дмитрий Переяславский совершил паломничество в лагерь Ногая и принес ему клятву верности. Ногай, противодействуя великому хану, подтвердил полномочия Дмитрия и дал ему в подкрепление сильный отряд. Не дождавшись помощи от Туда-Менгу, Андрей вынужден был уступить великое княжество Дмитрию. Туда-Менгу не утвердил Дмитрия, но и противостоять Ногаю он был не в состоянии.

В 1283 году Туда-Менгу принял ислам и отошел от управления страной. В 1285 году государственными делами занимался племянник его Тула-Буга.

Двоевластие и постоянное противодействие Ногая то одному, то другому правителю кипчакского ханства свидетельствует об упадке в монгольском государстве.

В 1291 году Ногай избавляется от Тула-Буги и провозглашает ханом кипчаков Тохту. Со своей стороны в благодарность за помощь Тохта отдает Ногаю Крым.

Андрей Городецкий приходит к новому хану кипчаков с жалобой на Дмитрия, отказывающегося уступить ему княжеский престол. Дмитрий также отказался появиться при дворе Тохты, считая себя вассалом Ногая. Михаил Тверской и Даниил Московский тоже отправились за ярлыками к Ногаю, а не к Тохте. Таким образом, двоевластие в Орде привело и к образованию двух партий среди русских князей. Димитрий не стал выполнять постановление Тохты, и тогда князю Андрею были приданы ордынские силы для ведения боевых действий против Дмитрия. Владимир и Москва были разграблены, а селения вокруг них разорены (1293 г.). Отчаянное сопротивление оказала Тверь. Но Тохта прислал дополнительные силы, и тверская земля дорого заплатила за раздоры меж князей. Дмитрий бежал в Псков. Андрей Александровч, разоривший русские земли с помощью татар, был признан великим князем в 1294 году.

Отношения между Ногаем и Тохтой стали еще более натянутыми. Первый оказал покровительство некоторым военачальникам Тохты, перебежавшим на его сторону. Тохта потребовал объяснений, пригрозив войной. На это Ногай ответил, что кони его подданных страдают от жажды и он хочет позволить им напиться из Дона. (Эти слова войдут и в «Слово о полку Игореве.)

Тохта пошел на Ногая, и решающее сражение произошло на берегах Яса (Прут).

Победа досталась Ногаю. Тохта бежал, преследуемый до самого Дона. Кони воинов Ногая действительно пили воду Дона. Так что свое слово Ногай сдержал. Но он упустил Тохту, который через два года вновь повел своих воинов против Ногая. На реке Кагамлык в Полтавской области произошло второе сражение между ханами. Ногай был убит русским дружинником из армии Тохты. Воин принес голову Ногая Тохте,

ожидая щедрой награды, но Тохта приказал казнить его, заявив, что простолюдин не имеет права убивать хана.

Так погиб Иса-Ногай, Собака-Калин-Царь[1].

Закончился период двоевластия в Белой Орде. Тохта был талантливым правителем. Ногайская Орда распалась. Одна ее часть эмигрировала в Подолию, вторая осталась в причерноморских степях (малые ногаи), третья вернулась на прежние места к своим родственникам, на Яик (великие ногайцы).

Русские же князья по-прежнему не желали уважать права друг друга и разделились на два лагеря. Одни объединились вокруг Ростова, другие — центральнорусские — вокруг Москвы, Твери, Переяславля. Война между ними казалась неизбежной, и Тохта направил своего посланника Неврюя с сильной ратью примирить противоборствующих князей (1297 г.).

Но в 1301 году Даниил Московский захватил принадлежащий Рязанскому княжеству город Коломну, нанеся поражение Константину Рязанскому и поддерживавшим его монголам. Самого Константина Даниил обманом захватил и взял в плен (после смерти Даниила его сын Юрий убил рязанского князя). В 1303 году Даниил занял Можайск, который до этого был частью Смоленского княжества. Затем он захватил и Переяславль.

После смерти Даниила в 1304 году по инициативе Андрея Городецкого Тохта собрал съезд русских князей в Переяславе, где права на княжение в этом городе были закреплены... за Юрием Московским. Началось усиление Московии.

На следующий год умер Андрей Городецкий, и Тохта передал великое княжение тверскому князю, не давая укрепить свои позиции кому-либо из русских князей. Михаил Тверской хотел было захватить Переяславль, но его отряды были отбиты. Началась «холодная война» между Москвой и Тверью.

Тохта намеревался вовсе упразднить великое княжение, чтобы сделать всех русских князей своими прямыми вассалами, но в 1312 году по пути на Русь он заболел и умер.

Преемником Тохты стал Узбек, правивший с 1313 по 1341 год.

[1] «Калин» — по-татарски «толстый» (Ногай был грузен).

Золотой век Белой Орлы

С восхождением на трон хана Узбека ислам стал официальной религией при ханском дворе и постепенно был принят большинством тюркских подданных хана.

В отношении русских дел политика Узбека была менее конструктивной, чем политика его предшественника. Он не предпринимал попыток изменить общее положение вещей, поставив себе значительно более узкую цель: предотвратить формирование объединенного русского государства и сохранить равновесие между русскими князьями, особенно тверскими и московскими. Но один новый проект им был реализован: поскольку он даровал право крупнейшим русским князьям самим собирать налоги, институт баскаков стал излишним, и вместо них хан назначил специальных уполномоченных, которых можно было бы назвать его политическими комиссарами, наблюдавшими за делами в том или ином русском княжестве.

В начале своего правления Узбек подтвердил титул Михаила Тверского как великого князя владимирского. Этот титул традиционно сочетался с контролем над Новгородом, но новгородцы отказались признать Михаила Тверского и вместо него пригласили на княжение Юрия Московского. Михаил Ярославич пожаловался хану, и московскому князю было приказано безотлагательно явиться в Орду. Пользуясь богатствами, собранными в Новгороде, Юрий Московский мог осыпать хана и вельмож богатыми подарками. Он несколько лет провел в Орде и получил в жены сестру Узбека Кончаку, которая при крещении получила имя Агафья. В конце концов, Узбек отобрал ярлык у Михаила Тверского и передал его Юрию Московскому. Кавгадый, один из высших монгольских чиновников, был назначен специальным уполномоченным хана при дворе князя Юрия и сопровождал его и Кончаку на Русь. Не ожидая серьезного сопротивления со стороны Михаила Тверского, Юрий Московский и Кавгадый двинулись на Тверь с небольшим количеством войск. Михаил Ярославич без труда разбил их, но он был достаточно осторожен, чтобы напасть на ставку Кавгадыя. В то время как московский князь Юрий бежал в Новгород, тверичи захвати-

ли в плен его монгольскую жену. После этого Кавгадый приказал обоим князьям явиться в Орду. Они вынуждены были отправиться в долгое путешествие, поскольку Узбек в это время находился на Северном Кавказе. Тем временем Кончака-Агафья умерла в плену и Кавгадый возложил ответственность за ее смерть на тверские власти. Тверского князя Михаила Ярославича судил высший суд Золотой Орды за непокорность ханской воле и за то, что не проявил достаточной заботы о своей пленнице, сестре хана. После долгого судебного разбирательства князь был приговорен к смерти и сразу же казнен (1319 г.). У его сыновей в Твери не было иного выхода, кроме как признать Юрия Московского великим князем. Они, однако, были вынуждены принять особые меры предосторожности, чтобы предотвратить возмущение тверского народа против монголов. В 1320 году произошло восстание в Ростове; его жестоко подавил монгольский военачальник Ахмыл. Он был послан на Русь в сопровождении младшего брата князя Юрия — Ивана Калиты, чтобы восстановить порядок. Вместе им удалось утихомирить бунтарский дух ростовчан (1322 г.).

Хотя Узбек и остался доволен действиями князя Ивана, он стал относиться к московскому князю с подозрением. Возможно, Ахмыл получил тайные сведения от Михайловичей (сыновей Михаила Тверского), что Юрий Данилович укрывает в своей сокровищнице часть налогов, которые он собрал для хана. Во всяком случае, Узбек лишил Юрия Московского ярлыка на великое княжение и передал его князю Дмитрию, старшему из Михайловичей (1322 г.). Юрий Московский возвратился в Новгород и, после того как собрал побольше денег, еще раз направился ко двору хана. Опасаясь Михайловичей, он избрал кружной путь из Новгорода через придвинские земли, а затем вниз по реке Каме. Князь Дмитрий Михайлович также поспешил в Орду. Когда он встретил Юрия Даниловича, которого считал ответственным за смерть своего отца, он потерял контроль над собой и убил московского князя. За самоуправство князя Дмитрия Михайловича казнили по приказу хана (1325 г.). Ярлык на великое княжение во Владимире был передан его младшему брату Александру. В качестве меры предосторожности Узбек назначил Шевкала, своего особого порученца, ответственным за тверские дела.

К несчастью, тверичи не могли дольше сдерживать своих антимонгольских настроений, и, вскоре после того как Шевкал прибыл в Тверь, они восстали и убили как самого монгольского баскака, так и большинство его чиновников и охранников (1327 г.). Узбек тут же вызвал Ивана Калиту в Орду и приказал ему вести карательную экспедицию против Твери вместе с князем Александром Суздальским. В связи с этим следует отметить, что после событий 1322 года город Ростов утратил свое прежнее лидирующее положение в Суздальской земле; города же Суздаль и Нижний Новгород, напротив, выдвинулись на передний план. Когда московские и суздальские войска, усиленные монгольскими частями, приблизились к Твери, князь Александр Михайлович бежал на запад. Как Тверь, так и вся Тверская земля были безжалостно разорены захватчиками, а тысячи тверичей угнаны в плен. Некоторые из них были привезены в Китай.

Хотя Узбек сурово наказал Тверь руками Ивана Калиты, он, вероятно, не желал чрезмерно усиливать Московское княжество. Показательно, что ярлык на княжение в Великом княжестве Владимирском он даровал не Ивану Московскому, а Александру Суздальскому (1328 г.). Лишь после смерти князя Александра, четыре года спустя, Иван Калита получил ярлык на Великое княжество Владимирское. Однако несколько княжеств были ему неподвластны: это Тверское, Суздальское и Рязанское. Каждый из трех князей был уполномочен собирать налоги и привозить деньги хану без посредничества великого князя. Чтобы обеспечить себе устойчивое милостивое отношение хана, Иван Калита совершал частые визиты в Орду. Несмотря на это, он находился под постоянным наблюдением ханского баскака Аль-Буги, который нес свою службу в Москве.

До определенной степени Узбек мог быть удовлетворен результатами своей политики. В течение десяти лет правления Ивана I в качестве великого князя Владимирского в Восточной и Центральной Руси серьезных волнений не было. Летописцы отмечают растущее благосостояние Московско-

го княжества под мудрым руководством бережливого Ивана I, прозванного Калитой[1]. В силу добрых отношений между ним и Узбеком жизнь на московской земле представлялась более безопасной, нежели в любом другом месте, и население княжества быстро увеличивалось. Чтобы защитить торговых людей, Иван принял энергичные меры против разбоя на больших дорогах и, согласно летописцу, добился в этом значительных успехов.

Поскольку резиденция великого князя находилась в Москве, а не во Владимире, глава русской церкви митрополит Петр, достойный священнослужитель, обладавший высокими моральными качествами, также предпочел остаться в Москве и даже выразил желание быть похороненным там. После его смерти в 1342 году могила митрополита стала национальной святыней. Таким образом, Москва практически превратилась в церковную столицу Руси, хотя митрополит официально именовался «митрополитом Киевским и всея Руси». Подражая званию митрополита, Иван I добавил к своему собственному титулу слова «и всея Руси». Это расширение великокняжеского титула имело глубокое значение. Оно ознаменовало начало движения к объединению Руси и готовность московского князя занять в этом процессе лидирующее положение. Быстрый рост Москвы потенциально представлял серьезную угрозу Золотой Орде. Однако силы хана все еще значительно превышали силы московских князей, и у Узбека, казалось, было мало поводов для беспокойства, тем более что Иван I всячески выказывал свою преданность хану.

Время от времени хана беспокоила ситуация в Западной Руси, где его вассалы, русские князья, оказались перед лицом постоянно растущего давления со стороны Польши и Литвы. Следует сказать, что сами монголы еще раньше подорвали силы Галича и Волыни, опустошив эти земли в 1285—1286 годах. Но с конца XIII века Даниловичи, особенно Лев I и его сын Юрий I, прилагали много усилий, чтобы улучшить внутреннее положение их страны. Во время правления Юрия I (1301—1308) Галич, казалось, был на пути к восстановлению, а сам князь даже получил королевский титул (Rex Russiae).

[1] Калита — кожаная сумка для денег. — *Примеч. ред.*

Тем временем, через тридцать с лишним лет после смерти князя Тройдена Мазовецкого, литовским великим князьям удалось организовать сильную армию и объединить под своей властью литовские и белорусские области. Объединенные средства и людские ресурсы Великого княжества Литовского и Русского были талантливо использованы великим князем Гедимином, который взошел на литовский престол в 1316 году. Во время его правления, которое длилось до 1341 года, Литва стала самой мощной державой в Восточной Европе. Одним из важных пунктов в политике Гедимина стало желание максимально распространить свое господство на западнорусские земли. Он предпочитал расширять сферу своей власти путем дипломатии и династических браков, а не с помощью войны, но когда это было необходимо, не уклонялся и от использования силы. Он уделял значительное внимание контролю над торговыми путями, установил дружественные отношения с Ригой и пытался проложить путь к балтийской торговле через свои владения. В этой связи ему представлялось важным установить литовский контроль над русскими городами на Днепре: Смоленском и, со временем, Киевом — с одной стороны, и над Волынью и Галичем — с другой.

После смерти Юрия I ситуация в Волыни и Галиче стала резко ухудшаться. Между князьями и боярами возникали постоянные конфликты. В 1323 году умерли оба сына Юрия I, и после этого в 1325 году галицкий стол был предложен князю Болеславу Мазовецкому, сыну Тройдена Мазовецкого и Марии — дочери Юрия. Его назначение подтвердил хан Узбек, и Болеслав стал называться Юрием II. Чтобы упрочить свое международное положение, Юрий II женился в 1331 году на княжне Офке, дочери великого князя Гедимина. Кроме того, как пишет М. С. Грушевский[1], Юрий отдал свою собственную дочь замуж за сына Гедимина — Любарта. Оба этих дипломатических брака принесли больше пользы Гедимину, чем Юрию II, и монголы решили вмешаться, чтобы разрушить агрессивные планы Литвы и Польши. В 1336 году монгольские войска совершили набег па приграничные земли Литвы,

[1] Грушевский М. С. (1866—1934) — украинский историк. Основной труд — «История Украины — Руси». — *Примеч. ред.*

а в следующем году — на Люблин. В конце 1330-х годов смоленский князь признал великого князя Гедимина своим сюзереном и таким образом выразил неповиновение власти Узбека. Тогда Узбек послал несколько своих восточнорусских вассалов на Смоленск, чтобы вернуть этот город в свои владения (1339 г.).

Литовское княжество постепенно усиливалось. В русских же делах тоже появились новости. После краткого периода правления сына Узбека Тинибека (1341—1342) к власти пришел его брат Джанибек (1342—1357).

При Джанибеке ярлык на Великое княжество Владимирское был выдан Симеону Ивановичу Московскому. Рязанский и Суздальский князья тоже получили титулы «великий князь» в рамках их владений, а через некоторое время этот же титул был присвоен и тверскому князю. Так на Руси появилось одновременно четыре великих князя. Симеон, совершавший частые поездки в Орду, выказывая свое полное подчинение, получил прозвище Гордый.

В 1349 году великий князь Литовский Ольгерд (Альгирдас) Гедиминович предложил хану монгольско-литовский союз против Москвы. Но Джанибек, видя преданность Симеона, отклонил союз с Литвой.

Симеон умер в 1353 году от чумы, и ему наследовал его брат Иван II Кроткий.

В 1359 году умирает хан Бердибек. В Орде начинается политический кризис, который длится два десятилетия, серьезно отражаясь на авторитете ордынских ханов.

Воспользовавшись ситуацией, образовалось два новых сильных государства — Великое княжество Литовское и Великое княжество Владимирское (во главе с Москвой). Это создало предпосылки для возникновения нового государства — Московии.

В 1363 году Киев вошел в состав Литвы. В 1303 году уже появляется название Малая Русь (Микра Росиа, Руссиа Минор) для Галицкой, Волынской и Туровской земли. Юрий II именуется Dux Russiae Minoris.

В Литве складывалось аристократическое правление, в Московии — царское самодержавие.

Во время Великой Замятии в Орде появился лидер среди

монгольских темников[1] по имени Мамай. Не имея прав на трон, он вынужден был постоянно держать «марионеточного» хана. За считанные годы ему удалось восстановить порядок на территории западнее Волги, где его власть признавалась.

На правобережье Волги в 1373 году ханом Белой Орды объявил себя Урус-хан. Это был опасный противник для Мамая, но из-за предательства Тохтамыша и затем Едигея началась война между Урус-ханом и Тимуром.

Тимур родился в 1336 году. Свое прозвище (по-тюркски) Темир-Аксак (хромой) он получил из-за ранения в ногу. Персы по-своему называли его Темур-Ленг.

Война между Урус-ханом и Тимуром не выявила победителя, но в 1376 году Урус-хан скончался. Ему наследовал младший сын Тимур-Мелик.

Тохтамыш разбил войска нового хана и пожелал стать правителем всего Улуса Джучи.

[1] Темник — военачальник в монголо-татарском войске, командующий туменом (тьмой) — отрядом в 10 000 воинов.

Русско-литовские дела

С ослаблением Орды русские князья почувствовали себя более независимыми от монгольской опеки. Но тверские князья вскоре предприняли еще одну попытку перехватить у Москвы лидерство. Не полагаясь в данных обстоятельствах на монголов, они обратились за помощью к растущей державе Западной Руси — Великому княжеству Литовскому. Великий князь Ольгерд, напомним, еще в 1349 году предлагал монголам заключить союз против Москвы, но тогда его план сорвался. С тех пор силы Ольгерда многократно возросли, и теперь он контролировал часть понтийской степи, которую отнял у монголов в 1363 году. Это давало ему преимущества в ведении переговоров с монголами (к тому же некоторые из них поступили к нему на службу). Позже, при его преемнике Ягайло, была достигнута определенная договоренность о монголо-литовском взаимодействии против Москвы. Пока же Ольгерд обратил свое внимание на Тверь как на возможного союзника.

После 1363 года отношения между Ольгердом и Москвой осложнились. Правда, в течение ряда лет открытой войны между ними не было, частично потому что потенциальные союзники Ольгерда, тверские князья, были поглощены внутренними распрями. Серия междоусобных столкновений произошла между тверским великим князем Василием, князем Кашинским (сыном великого князя Михаила I, неудачливого соперника Юрия **III** Московского) и его племянником, князем Михаилом Микулинским. В 1368 году великий князь Дмитрий Московский предложил свое посредничество в этом конфликте. Однако когда Михаил Микулинский прибыл в Москву, то был немедленно схвачен, вероятно, по наущению его двоюродного брата Еремея Дорогобужского. Освободили его только после того, как он пошел на некоторые уступки Еремею. Из Москвы Михаил Микулинский уехал, затаив обиду, и обратился за поддержкой к Ольгерду.

В период тверского кризиса правителей Москвы беспокоила возможность интервенции Литвы. Они сочли разумным принять некоторые меры предосторожности, самой важной из которых — и оказавшейся весьма своевременной — была замена в 1367 году деревянных укреплений Кремля на каменные. Ольгерд, судя по всему, был готов напасть на Москву, когда князь Михаил появился при его дворе. Уже вскоре он повел на запад объединенную литовско-русскую армию. Московское войско было застигнуто врасплох, когда Ольгерд, разбив по дороге несколько небольших московских передовых отрядов, появился у новых кремлевских стен (ноябрь 1368 г.). Хотя он не смог взять Кремль штурмом, его войска безжалостно разграбили селения вокруг Москвы. Это было первое вражеское нашествие, которое испытала Москва с 1293 года. Князь Михаил Микулинский, поддерживаемый Ольгердом, был признан великим князем тверским (Михаил **II**) — зловещее событие с точки зрения московских политиков. Удар для Москвы не был, однако, смертельным, и в **1370** году, пользуясь тем, что Ольгерд и его брат Кейстут сражались тогда с тевтонцами в Пруссии, московские войска опустошили тверское княжество. Великий князь тверской бежал в Литву и еще раз обратился к Ольгерду с мольбой о помощи.

Ольгерд снова появился у стен Москвы в декабре **1370** года, и опять попытка штурмовать Кремль ни к чему не привела. Тогда он предложил подписать мирный договор; Дмитрий, однако, согласился только на перемирие до дня св. Петра и Павла (29 июня 1371 г.). Разочарованный в своих надеждах, Михаил Тверской теперь отправился к Мамаю и получил от нового марионеточного хана Мухаммед-Булака ярлык на великое княжение владимирское. Специальный посол Мамая Сары-Хоя был уполномочен возвести Михаила на вла-

димирский престол. Однако жители Владимира, действуя по инструкциям Дмитрия, отказались принять Михаила и Сары-Хоя. Вместо этого посла пригласили в Москву, обласкали, одарили и отправили к Мамаю. По совету Сары-Хоя Мамай предложил Дмитрию прибыть в Орду. Дмитрий явился ко двору Мамая с богатыми дарами и хану, и его женам, и мурзам. В результате Мамай согласился устроить отмену ярлыка Михаила, и Дмитрий был утвержден великим князем Владимирским. По этому случаю Дмитрий предложил выплатить 10 000 рублей кредиторам сына Михаила, молодого князя Ивана, пребывавшего в Орде. Предложение было принято, деньги выплачены, Дмитрий забрал молодого князя в Москву, где его и держали, пока отец не вернул деньги полностью. Этот эпизод, как справедливо отмечает Соловьев, ясно показывает, насколько большими финансовыми средствами располагали московские князья по сравнению с тверскими.

Тогда как тверские проблемы, казалось, разрешились в пользу Москвы, новый вызов Москве бросили из Рязани. Мотивы оппозиции Дмитрию со стороны великого князя Олега Рязанского неясны. Между Москвой и Рязанью началась война. Московской армией руководил литовский князь Дмитрий Боброк-Волынский, сын Кориаты, муж московской княжны Любови. Судя по всему, он был одаренным стратегом. Войска Олега потерпели жестокое поражение. Его двоюродный брат князь Владимир Пронский воспользовался ситуацией и объявил себя великим князем рязанским (1371 г.). В следующем году, однако, он был свергнут Олегом. Это столкновение между Москвой и Рязанью было несчастьем для русского союза, поскольку в последующей войне Москвы с монголами Олег выступил на стороне монголов.

В 1372 году великий князь Михаил Тверской заключил еще один союз с Ольгердом и напал на уделы некоторых своих родственников, второстепенных тверских князей, которые, как он считал, были в союзе с Москвой. Дмитрию Московскому ничего не оставалось, как защищать их. Этот новый конфликт в Тверском княжестве, поддерживаемый Литвой, с одной стороны, и Москвой — с другой, продолжался три года.

Однако Дмитрий вышел победителем и стал номинальным (на бумаге, по крайней мере) сюзереном всей Восточной Руси.

Дальнейшие события 1374 года явилиеь еще одним свидетельством полного пренебрежения князя Дмитрия Ивановича к монгольской власти. Тогда Мамай отправил своих послов и отряд из 1500 воинов в город Нижний Новгород. Прибытие посольства стало сигналом к городскому восстанию против монголов. Большинство посланников и воинов Мамая было убито, а посол и его личная охрана захвачены в плен. До сих пор русские князья всегда подавляли народные бунты и помогали монголам в восстановлении их власти. На этот раз великий князь Дмитрий Суздальский — вне всякого сомнения действуя по указанию своего сюзерена Дмитрия Московского — одобрил поступок горожан. Всех захваченных татар доставили в Нижний Новгород. В следующем году князь Василий (сын Дмитрия Суздальского) приказал разделить пленников на небольшие группы и заключить в тюрьмы разных городов. Когда они отказались подчиниться и попытались оказать сопротивление, их всех умертвили.

Узнав о происшедшем, Мамай послал другой отряд разорить южные районы Нижегородского княжества, ограничивая пока свои действия этим карательным набегом. Он понимал, что было бы бессмысленно пытаться подавлять местные бунты по отдельности, когда перед ним более серьезная опасность — надвигающееся наступление великого князя Московского. Чтобы победить, монголам требовались разнообразные приготовления, военные и дипломатические. Что же касается потенциальных союзников, то Тверь была потеряна, по крайней мере, на время. Можно было использовать против Москвы Рязань, но ее силы были невелики. Именно поэтому Мамай стал искать поддержку в Великом княжестве Литовском. Требовалось время, чтобы склонить осмотрительного Ольгерда к возобновлению его дорогостоящей борьбы против Москвы; а когда он в 1377 году умер, в самой Литве началось беспокойное время. Только после 1380 года сын и преемник Ольгерда Ягайло почувствовал себя готовым к союзу с монголами.

Но возникло новое осложнение: Тохтамыш захватил Сарай и, вне всякого сомнения, готовился продолжить свое продвижение на запад (1378 г.). Теперь Мамай стоял перед дилеммой. Он мог или начать кампанию против Тохтамыша и

позволить Москве копить силы, или попытаться разбить Москву, а затем, используя русские ресурсы, обратиться против Тохтамыша. Он выбрал второе.

Великий князь Дмитрий Московский тоже спешил подготовиться к надвигавшейся опасности. Победа над Тверью сделала его более, чем когда-либо, уверенным в успехе. Он мог рассчитывать на поддержку своей политики со стороны русских людей. В крупных русских городах оппозиция монголам никогда не была подавлена полностью. Теперь же большинство бояр выступало за смелые действия, и некоторые церковные иерархи теперь желали объявить «священную войну».

Нельзя думать, однако, что у русских существовало полное единство мнений. Его не было даже в Москве. Некоторые бояре сомневались в мудрости политики князя Дмитрия Ивановича.

Не обращая внимания на все предупреждения, великий князь Дмитрий Иванович начал осуществление своих смелых планов. Его первым шагом было закрепление его левого фланга на Средней Волге, с тем чтобы распространить контроль за землями вниз по течению, насколько это возможно. Для этого он послал своего лучшего военачальника князя Дмитрия Боброка с мощным отрядом в булгарский регион, на восток от Средней Волги. Главный город региона — Булгар — оказал ему сильное сопротивление. Стоит заметить, что татары использовали огнестрельное оружие: согласно летописцу, они «посылали громы с крепостных стен». Но русские все же захватили город, и местные татарские мурзы вынуждены были стать вассалами московского князя. Русские взяли с города военную контрибуцию 5000 рублей и назначили своих чиновников.

Булгарский регион принадлежал не Мамаю, а сарайскому хану Араб-шаху (сыну Булат-Темира). Его сильно обеспокоило наступление русских, и в следующем году он повел свои войска на южную часть Нижегородского княжества. Окружив объединенную армию Москвы и удельных русских князей, он разбил ее на берегах реки Пьяны, после чего поспешил в Нижний Новгород и разграбил его. Однако Араб-шах не имел возможности развить свой успех, поскольку в это время его столицу, Сарай, захватил Тохтамыш. Теперь в борьбу вступил Мамай. Вдохновленный известиями о несчастье русских, он послал против Москвы сильную армию под командованием Бегича. Сражение на реке Воже (притоке Оки) окончилось разгромом татарского войска.

В 1380 году Мамай договорился с Ягайло о совместных действиях против Москвы и выдвинул Дмитрию ультиматум, требуя восстановления вассальной зависимости и уплаты дани. Митрополит Киприан посоветовал начать переговоры с татарами. Но Мамай уже подходил к границам Москвы.

Произошла так называемая Куликовская битва, которой мы посвятим отдельную главу.

А теперь мы прекратим повествование о событиях в Орде и расскажем лишь об одном городе этого государства — Москве.

Итак, Москва и Московия.

Москва и Московия

О городе Москве

Главное божество восточных славян — Перун — у княжеского трона. Рисунок из Радзивилловской летописи

На древнем гербе Москвы изображался обнаженный Перун[1] на коне, поражающий копьем дракона. Впоследствии его

[1] Перун — бог войны, повелитель грома и молний, ему подвластны грозы и дожди, град и снег. Перун почитался всеми славянскими и балтскими племенами. Перед его идолом разжигали неугасимый огонь из дубовых бревен. Перуну посвящались дубовые рощи, где под страхом смерти запрещено было рубить деревья.

одели и стали называть «Ездец», т.е. просто «всадник», ныне все чаще звучит из уст малознающих — «Святой Георгий».

Перун под воздействием библейских представлений был переосмыслен как изображение потомка Адама: «Близ рая живяху Адамови внуци: безгрешние же суть всии человецы, а не носят одеяние, то яко родишися тако и ходаху...»

Древний герб Москвы — обнаженный Перун, сидя верхом на коне, поражает дракона

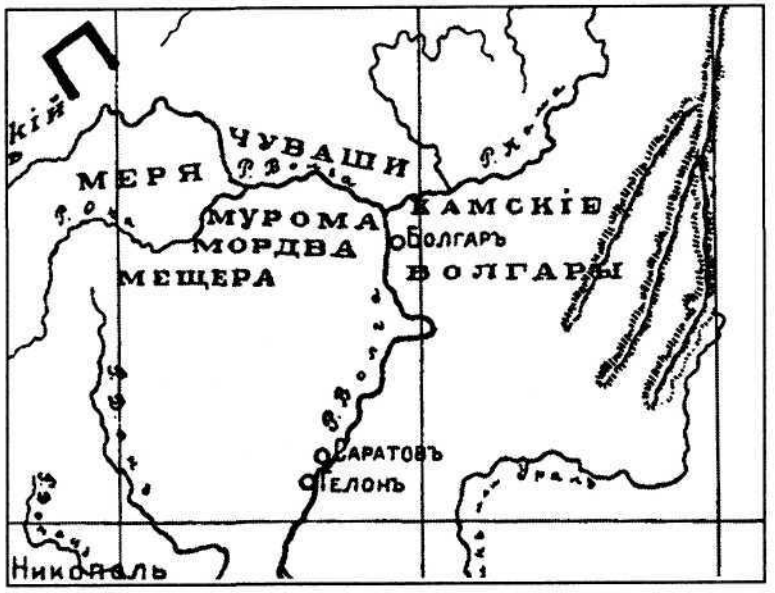
Москва

Почему было бы на Москве
царству быти,
И кто то знал, что Москве
государством слыти.

Исконное население Московской земли, как уже было сказано, финноязычное племя меря и балтоязычное племя голядь (галинды).

В Коломенском (от мерянского слова «колм» — «могилы предков», «кладбище») меря жили много веков, оставив нам памятники дьяковской культуры. Именно меря называли реку «Маска-ава», т.е. «Медведица».

Племя голядь занимало территорию от Москвы до Смоленска. На территории Москвы их села были в Чертаново (Чартона) и в Битцах (Айбица). Река Яуза (Ауза) названа так



именно голядью, что на их языке означало «Камышовая, поросшая камышом».

С востока соседями меря были потомки булгар — чуваши и камские булгары — потомки половцев и булгар-чувашей. К югу проживали угрофинские племена — мурома, мещера и мордва (мокша и эрзя). В верховьях Дона — северяне — потомки ираноязычного племени, к этому времени уже ославянившиеся. Но славян пока еще в Москве нет.

Когда же происходит славянизация Московско-Владимирско-Суздальской земли?

К. А. Аверьянов («Московское княжество Ивана Калиты», М., 1993) указывает, что в XII веке большое число селян с украинских (северских) земель заселяет Владимиро-Суздальскую Русь, где их расселяют по границам княжества. Одним из таких пограничных пунктов является Москва. Появление большого количества рабочих рук и скопление этих поселенцев на землях Подмосковья приводит к усилению роли этих земель. А пограничная торговля еще больше способствует росту влияния Москвы.

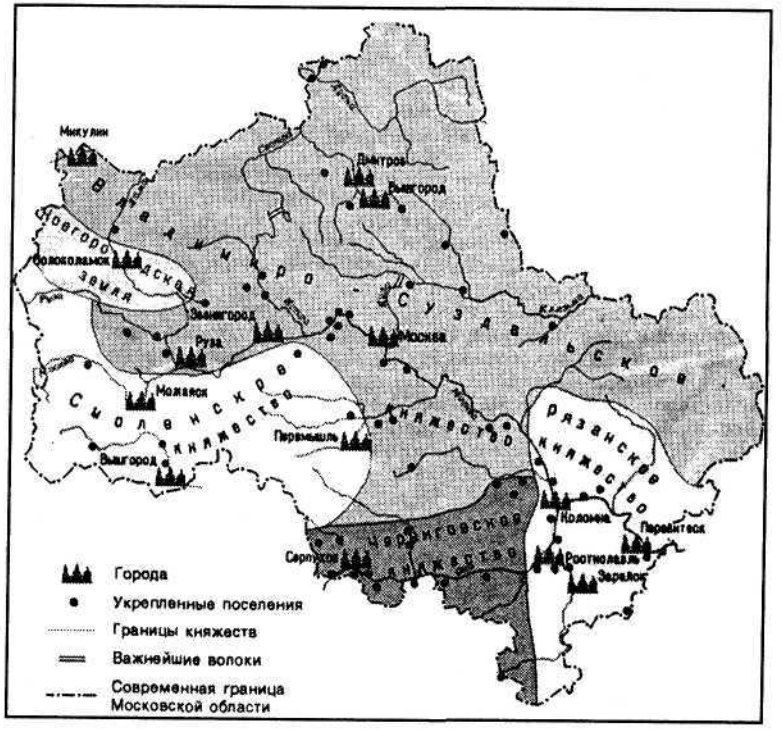
Благодаря монголам еще больше народу потекло с юга — и Москва стала великим государством.

Московия и ее князья

Обычно, начиная разговор о Москве и Московии, прежде всего вспоминают князя Юрия Долгорукого, называя его, и притом совершенно безосновательно, основателем Москвы.

Не будем отступать от традиции и тоже расскажем о князе Юрии и о Москве.

Как видим, южная граница Московской земли проходила ненамного южнее реки Пахры.



Московская земля в XII — начале XIII века (на карте современной Московской области)

И вот в этих малонаселенных местах довелось охотиться сыну киевского князя Владимира Мономаха Юрию, по прозвищу Долгорукий.

Будет нелишним привести здесь исследование Якова Рейтенфельса о Владимире Мономахе и его сыне Юрии.

И хотя писал Яков Рейтенфельс на основании рассказов русских летописцев, но, видимо, летописи за последние 300 лет слегка изменились.

Исследование русской истории Яковом Рейтенфельсом[1]

«В 1005 году Владимир преставился и впоследствии был причислен к лику святых.

После смерти Владимира между братьями началась борьба. И в это же время некий русский (по имени Хризохир), по свидетельству Кедрина, подошел со многими тысячами своих к Константинополю и, переплыв Пропонтиду, разбил римский флот, но потом был побежден у Лемноса и понес достойное за свою дерзость наказание.

Ярослав Владимирович, уже правя один уделами, первым стал называться монархом.

В 1026 году он выступил против Константина, императора Востока, победил в единоборстве Редедю, вождя корсунян, хотя перед тем был разбит императором, метавшим в него огонь. В этот же промежуток времени прибыл в Россию святой Олаф, при помощи русских пытавшийся вернуть себе отчий престол, но был убит своими в самом начале этой попытки.

В 1041 г. Ярослав разделил царство между сыновьями:

Изяславу — Киев, снова ставший столицей государства.

Святославу — Чернигов.

Всеволоду — Переяславль.

Игорю (Григорию) — Смоленск и Владимир.

Вячеславу — Псков и Новгород.

[1] См. русский перевод издания 1905 года: *Рейтенфельс Яков.* Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме III о Московии. Падуя, 1680.

Вновь начинается междоусобица, пока Владимир Всеволодович (Мономах) не присвоил себе всей власти по смерти остальных претендентов.

В 1043 г. Мономах отправил громадное войско против императора Константина Мономаха, но, будучи отбит, причинил своему народу весьма большие убытки.

В 1053 г. Владимир завоевал Каффу (Феодосию), свалив в единоборстве с коня Германа, правителя этого города. Снял с него тяжелую золотую цепь, унизанную жемчугом и драгоценными камнями. Позднее он завещал, чтобы этот символ его доблести русские цари при вступлении на царство торжественно надевали бы на себя, и присоединил к ней еще пояс и венец, унизанные золотыми бляхами и драгоценными камнями.

В 1075 г. Димитрий, один из русских князей, принял римскую веру.

В 1097 г. Коломанн, король венгерский, объявил русским войну, но был побежден Митсодемом, предводителем гуннов. Тогда же, кажется, и Владимир вторично отобрал город Владимир у дяди своего Святополка, когда тот с помощью Коломанна вторгся туда и избил там более 12 князей половецких с бесчисленными их воинами. Долгое время испытывал он изменчивость счастья в войне и с Инго, королем шведским. У этого Владимира, рассказывают русские, был конь, ведший свой род, через длинный ряд поколений, от Александрова Буцефала, который обыкновенно двигался опустив голову и развесив уши, когда же чувствовал, что на нем сидит его господин, то на глазах всех он, воспрянув духом, несся во весь опор, потрясая землю топотом своих копыт, и отважно стремился навстречу врагу. Кроме того, он, занимая почетное место в конюшне, выгонял других лошадей, кусая их и брыкая. Умирая, Владимир разделил царство между сыновьями Мечиславом, Ярополком и Георгием, причем, однако, одному принадлежала высшая власть над другими.

Мечислав сел было в Киеве в 1116 году, но, похищенный вскоре смертью, оставил все наследство своему брату.

Правление Ярополка Владимировича, унаследовавшего престол от брата, было омрачено необычайными кровопролитными происшествиями, так как русские князья, преследуя

в душе различные цели, раздирали братоубийственными руками внутренность государства наподобие гибельного и неожиданного татарского погрома, так что власть как бы по воле слепого рока произвольно находилась то у одного из князей, то у другого. В 1122 году, однако, скифы, опустошившие с громадным войском Фракию, были побеждены Иоанном Комненом. Историк Никет замечает о них, что они разделялись на несколько племен и повиновались не одному вождю, из чего явствует, что то были татары в соединении, несомненно, с некоторыми русскими племенами. За сим Ярополк вместе с другими русскими князьями повел воинов против поляков, своим игом обременявших русских, но был захвачен в плен Влостовичем, польским сенатором, изгнанным королем Болеславом и просившим у Ярополка защиты и убежища в то время, когда ехал как-то по деревне с небольшим отрядом телохранителей, и отвезен живым к Болеславу. Освобожденный за громадный выкуп из плена и клятвенно обещав хранить мир, он (Ярополк), желая отплатить тою же монетой, ибо желание отплатить взяло верх в душе его, послал некоего венгерца или, вернее, московита, отлично знавшего венгерский язык, который притворился также навлекшим на себя гнев своего государя и из-за этого изгнанным, и получил от Болеслава для прокормления своего город Вислицу. Когда король отправился в город Бамберг на свидание с Лотарем, первым императором римским, то этот венгерец, распустив слух о предстоящем нападении русских на Польшу, убедил знатнейших граждан, что Болеслав велит им как можно скорее свозить свои богатства в Вислицу как в безопасное место. А между тем он тайно известил Ярополка, который, явившись с дружиною, захватил город и громадные в нем богатства, причем произошло кровопролитнейшее избиение знатнейших поляков. Болеслав, прославившийся до сего времени 47 победами, желая отомстить за столь возмутительное дело, потерпел около 1139 года в сражении близ Галича такое поражение, что едва спасся сам при помощи одного воина на его лошади. Сколь справедливо поистине воздал Господь каждому за его гнусные торгашеские приемы при военных действиях. Ведь и Ярополк вместо награды лишил своего венгерца зрения и языка, дабы показать, что начальники любят предательство, но

ненавидят самих предателей. В это время, и особенно после смерти Ярополка, происходили те страшные междоусобицы меж русскими князьями, о которых я выше упомянул. В 1140 году московиты, став немного более дружелюбными к польскому народу, помогали Владиславу II, собирающемуся вести войну с тревожащими его братьями. В 1150 году в царствование Эриха Святого в Швеции московиты с ливонцами занимались морским грабежом вдоль шведских берегов. Вскоре после сего они даже проникли до столичного города Упсалы, ибо Гольм в то время еще не был выстроен.

Между тем некий Всеволод, а вскоре за ним Игорь были, правда, на короткое время, царями в столичном городе Киеве. После их изгнания им обладали последовательно иные братья— Изяслав и Георгий. В 1158 году Ростислав, князь Смоленский, занял это место. Его свергнул Изяслав Давидович, который сам вскоре был прогнан Георгием, хотя по смерти Георгия он, Изяслав, снова захватил власть в свои руки. После них прославились по России Владимир, а за ним Мстислав Изяславович, а равно и Глеб, князь переяславский, и Роман Смоленский, между тем как Ярослав и Святослав Черниговский вели упорную войну друг против друга из-за престола.

Правда, ныне принято считать годом смерти Владимира не 1005-й, а 1015 год.

О Хризохире вовсе ничего нет в наших летописях.

Редедю, по современным сведениям, зарезал Мстислав, а не Ярослав. Мстислав Владимирович же, по нашим источникам, был князем Тмутаракани, а не Корсуни.

Огонь метали вроде бы в Игоря, а не в Ярослава. Хотя есть сведения, что метали огонь и во Владимира.

О том, что Юрий был когда-то в Москве, да и вообще о Москве при Юрии, Рейтенфельсу ничего неизвестно.

А что же летописи сообщают нам о Юрии и о построении им града Москвы?

С повестями о начале Москвы впервые познакомил читателей В. Н. Татищев. В летописях Голицинской и Никоновской, говорит он, основание Москвы показано в 1151 г. Старинные объяснения возникновения города различны. Одни, согласно польскому историку Стрыйковскому, производят

имя Москвы от библейского Мосоха, но это не доказательно, другие предлагают «особое сказание» об убийстве Кучковичами Андрея Боголюбского, третьи приписывают строение Москвы князю Даниилу Александровичу, но, «не справясь с историями, басню сложили».

Основателем Москвы считается, по традиции, сын Владимира Мономаха — Юрий Долгорукий.

Основатель Москвы — Юрий Долгорукий[1]

Официальная версия

В ответ на вопрос: «Кто такой Юрий Долгорукий?» — большинство наших соотечественников ответит: «Основатель Москвы». Действительно, обвинив в предательстве и казнив Степана Ивановича Кучку, мужа своей любовницы, князь отобрал в казну «села красные», находящиеся в районе Москвы-реки. Летопись впервые упоминает «Москов» в связи со встречей Юрия с союзниками: черниговским князем Святославом Ольговичем и рязанским князем Владимиром Святославичем, состоявшейся 4 апреля 1147 г.

Села были. А являлся ли Долгорукий основателем *города* Москвы, в то время княжеской «усадьбы», или только ее владельцем, сказать однозначно трудно. Но хотя нигде не сказано, что на месте сел князем был построен город, именно первое письменное упоминание и принято считать датой основания города.

[1] Георгий Даниилович Московский (1090— 1157).

По предположению В. Н. Татищева, Юрий (крестное имя Георгий) родился в 1090 или 1091 году. Он был четвертым (по другим данным — седьмым) сыном Владимира Мономаха. По-видимому, его матерью была не английская принцесса Гита, а вторая жена Владимира, умершая 7 мая 1107 года в Переяславле в дни половецкого набега.

В 1095-1096 годах Юрий княжил в Ростове. С ним туда отправился его воспитатель, варяг Георгий Симонович, который стал тысяцким Ростово-Суздальской земли. Он замещал князя во время его отсутствия, а после смерти Юрия оставался регентом при его младших детях. В 1108 году князь женился на дочери половецкого хана Аепы. После ее гибели на охоте, примерно в 1125 г., вступил в брак с дочерью византийского императора Иоанна Комнина — Еленой. Ее брат Мануил Комнин занимал византийский престол с 1143 по 1180 год. От двух браков у Юрия было 11 сыновей: Ростислав, Андрей, Иван, Борис, Глеб, Мстислав, Василий, Ярослав, Михаил, Святослав, Всеволод (позже получивший прозвище Большое Гнездо). Дочь Ольга вышла замуж за князя Ярослава Владимировича Галицкого, другая дочь — за князя Олега Святославича Северского.

Неизвестно, участвовал ли Юрий в походах своего отца, в летописи упоминается лишь о его походе на волжско-камских болгар в 1120 году. Зато точно известно, что он основал города Юрьев-Польский, Переяславль-Залесский, Дмитров, строил церкви и монастыри.

После смерти в 1132 году старшего брата, великого князя киевского Мстислава Владимировича, начинается новый этап жизни Юрия Долгорукого.

Он изгнал своего племянника Всеволода Мстиславича из Переяславля, но через 8 дней вынужден был уступить город другому племяннику — Изяславу Мстиславичу. Наконец, в 1135 году, по соглашению со старшим братом, великим князем Киевским Ярополком Владимировичем, Юрий получает Переяславль, отдав взамен большую часть Ростово-Суздальской земли. Против братьев выступают новгородцы, Изяслав и черниговский князь Всеволод Ольгович, призвавший на помощь половцев. После нескольких сражений противники заключают мирный договор. Переяславль получает Андрей

Владимирович Добрый, а Юрий возвращается на север. Но вскоре боевые действия возобновляются, а после смерти в 1139 году Ярополка Всеволод захватывает Киев. В этом же году сын Юрия Ростислав стал новгородским князем, но вскоре был изгнан горожанами. В отместку его отец занял город Торжок. Но на юге его теснили великокняжеские войска, захватившие Городец Остерский и другие города.

В 1146 году Всеволод умирает. У его младшего брата Игоря киевский престол отнял Изяслав Мстиславич. Вновь разгорелась междоусобная война. Юрий отклонил предложение Изяслава о мире, арестовав его послов. Ростислав Юрьевич, перешедший на сторону киевского князя и даже остававшийся в Киеве во время неудачного похода на Суздаль, был обвинен в попытке склонить киевлян на сторону отца. Изяслав не решился его казнить, а отослал вместе с дружиной к Юрию. Ростислав доложил отцу, что все южнорусские земли готовы перейти под власть ростово-суздальского властителя. В 1149 году Долгорукий с союзниками подступил к Переяславлю. Во время переговоров Изяслав отверг предложение отдать город сыну Юрия, дабы сохранить киевский престол. 23 августа 1149 года состоялось решающее сражение. Переяславцы перешли на сторону сына Мономаха, а остальные войска бежали. Юрий въехал в Киев.

После боевых действий на Волыни в 1150 году удалось заключить мир. Изяслав отказался от Киева в пользу старшего брата Юрия — Вячеслава, князя Туровского. Но бояре отговорили Юрия отдавать престол брату. Вновь началась война. Долгорукий дважды бежал в Городец Остерский, вновь возвращался, но потерпел поражение у реки Рута. Он вынужден был целовать крест, поклявшись, что не будет бороться за киевский престол, а вернется в Суздаль.

В 1152 году Изяслав и черниговцы сожгли Городок вместе с Михайловской церковью. Юрий пытался отомстить, но взять Чернигов не смог. В 1154 году умирает Изяслав, на следующий год преставился Вячеслав. Захвативший Киев Изяслав Давыдович Черниговский вынужден был уступить столицу Юрию. Но и после этой победы Долгорукому пришлось воевать с сыном Изяслава Мстиславом на Волыни. В 1157 году Мстислав Юрьевич бежал из Новгорода. Изяслав Черниговский, Мстислав Изяславич и Ростислав Мстиславич Смоленский стали готовиться к походу на Киев. Но в ночь на 11 мая Юрий заболел, а 15 мая умер. Погребен он был в церкви монастыря Спаса на Берестове. В тот же день киевляне, ранее с почетом встречавшие князя, разграбили его дома и усадьбы суздальцев, убив при этом многих дружинников.

«Заболел и умер». Нечволодов уточняет: «заболев после знатного пира у боярина Петрилы», то есть умер с перепою. Увы! «Для нас веселие пити!»

В основе рассказа о казни боярина Кучки положен широко распространенный мотив о поставлении больших и славных городов «на-крови», т. е. ценою чьей-то гибели. Так основался Рим, Константинополь, так должна была возникнуть и Москва, считавшаяся третьим Римом.

Пересказ легенды по В.Н. Татищеву:

«Великий князь Юрий Владимирович, хотя имел жену, достойную любви, часто навещал жен своих подданных. Среди таких возлюбленных владела им всего сильнее жена суздальского тысяцкого Кучка. Последний узнал о связи жены своей и, подстрекаемый Юрьевой женою, посадил жену свою в заточенье, а сам вознамерился уйти к Изяславу в Киев. Юрий, собравшийся в поход на Торжок, проведал об участи любовницы, оставил войско и в сильном гневе помчался к Москве-реке, на берегу которой жил Кучка. Тут он предал его скорой смерти. Местоположение Кучкова поселка столь пленило Юрия, что он заложил здесь город и прожил некоторое время. Здесь же решил он женить своего сына Андрея на Кучковне; на свадьбу был позван северский князь Святослав (отец Игоря, героя известной поэмы) со своим сыном Олегом. Брачное торжество длилось пять дней. Одарив гостей, великий князь отпустил их, а сам вернулся с молодыми в Суздаль».

Этот рассказ позднего происхождения, по словам Татищева, точно воспроизведен им «по раскольничьему манускрипту» — летописи, взятой у одного раскольника в Сибири в 1721 году.

Итак, прочтя официальные сведения об основателе Москвы, попробуем разобраться в том, кто же основал наш город.

Князь Юрий имел любовницу, жену боярина Кучки, который владел землями по реке Москве. Здесь находились принадлежащие ему «села красные».

Город же, находившийся здесь, на Москва-реке, назывался Кучьков. Возможно, имя «Кучка» — вполне реально. Подтверждением этому служит найденная в Новгороде берестяная грамота.

Текст гласит: «Покланяние от Тодушиль ко Нясть. Шьль ти есмъ Кучькъву. А жь тихъ тя жьдати а а и ти нь хътя жьдати а оу Фьдокь обручь де ево дадя свое възьму».

4 апреля 1147 года где-то на Москве-реке встретился Юрий Владимирович Долгорукий со своим приятелем. Можно ли на основании этого Юрия считать «основателем» города Москвы?

Но вот о чем сообщает рукопись П.Б. F IV, № 226 (л. 10): «При княжении же своем Олг прииде на Москву реку, в яже текут Неглинна да Яуза, и постави ту град и нарече Москва и посади ту князя, сродника своего».

Рукопись С. Б. № 963, л. 106 добавляет: «...и посади тут князя Юрья Володимировича, сродника своего».

Так что Олег построил град Москву гораздо ранее указанного срока, посадив в нем своего родственника — Юрия Долгорукого, в чем не может быть никаких сомнений. Иначе бы памятника Юрию Долгорукому не было.

Историки не хотят обращать внимания на сведения о строительстве Москвы во времена Олеговы только потому, что якобы Олег умер в начале X века, а Юрий жил гораздо позже. Вывод же простой — вероятно, было два Юрия Долгоруких! И никаких проблем!

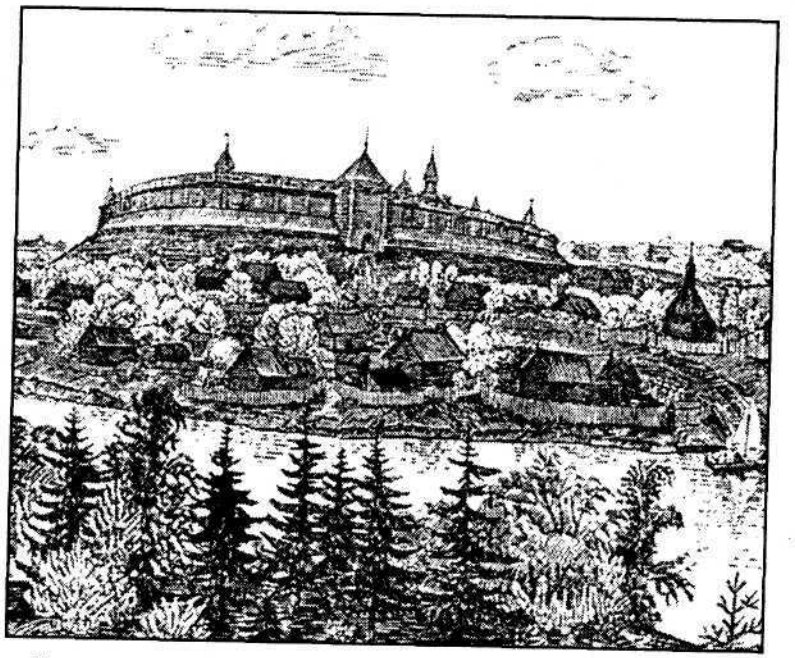
Интересна легенда о происхождении прозвища Долгорукий.

Рассказывают, что вначале Георгий был обыкновенным трактирщиком. И вот как-то зашел в его кабак царь Иван Васильевич Грозный и о чем-то заспорил с Георгием. Размахнулся Георгий да и вдарил царя по уху. «Ишь ты, храбрый какой, из своего подвала да меня на троне достал. Видать, долгорукий!» — воскликнул Иван Грозный. Так это прозвище и закрепилось. Возможно, это и не совсем так. Если бы Георгий дал по уху Грозному, остался ли бы он жив? Это еще вопрос!

Однако наши предки оставили нам не только это сообщение об основании Москвы.

А. Нечволодов: «Юрий Долгорукий всем сердцем был киевлянином, а на далекую Суздальскую землю смотрел как на второстепенное владение своей семьи.

Но иных взглядов был сын его Андрей. Вся его жизнь с раннего детства сложилась совершенно иначе, чем жизнь отца и других князей Южной Руси, а потому и с совершенно другими чувствами относился Андрей к событиям, совершавшимся на его глазах в этой Южной Руси. Мы уже говорили, что он явился в ней во главе полков своего отца в 1149 году, имея за тридцать лет от роду. До этого же времени он безвыездно прожил в суздальской стороне, в которой родился, вероятно, в



Так могла выглядеть Москва в конце XII в. Рис. С. С. Кравченко

1111 году. Конечно, с раннего детства, как княжеский сын, Андрей был посвящен во все дела, касающиеся устройства и заселения этого до сих пор лесного и глухого края, и, без сомнения, в его детском сердце оставили самое глубокое впечатление как постоянные рассказы в собственной семье об усобицах, происходивших на юге, так постоянные же рассказы, и притом в самых ярких красках, беспрерывно прибывавших в Суздальский край переселенцев из Южной Руси о тех же усобицах, о злых сечах и пожарах, их сопровождавших, о страшных половецких набегах и о раздирающих душу картинах увода в полон степными хищниками дорогих и близких людей.

Не любил Андрей Киева. И когда Юрий Долгорукий, утвердившись в 1555 году в Киеве, посадил его около себя в Вышгороде, Андрей тайно от отца отбыл в свой любимый Суздальский край».

Княжил Андрей, как и все в то время, ходя в походы и разоряя чужие города и села. Но усобицы княжеские описывать нет смысла. Нас же могут заинтересовать лишь сведения о его кончине.

Андрей Боголюбивый (1112—29.06.1174)

Рассказ занесен в летопись под 6683 (1175) годом: «Убьен бысть великий князь Андрей Суждальский, сын Дюрдев[1], внук Вододямерь Мономаха, месяца июня в 28 день, канун святых апостол, день бе тогда суббота».

Начинается рассказ с характеристики Андрея Боголюбского, где

[1] Сын Дюрдев... Официальная версия о том, что он был сыном Юрия Долгорукого вероятнее всего — поздняя переделка Истории. Да и по внешнему виду он, безусловно, относится к монгольской расе. Но, может быть, Юрий носил имя Дюрдя?

последний изображен как князь благоверный и христолюбивый.

За этим вступлением автор помещает нечто вроде акафиста Андрею. Здесь — многое от сказания о Борисе и Глебе. Чувствуя сам, что отклонился от повествования, автор поправил себя: «Мы же на преднее възвратимся».

Повествование начато с описания заговора, имевшего место в пятницу, во время обедни. Во главе его стал «Яким слуга», возлюбленный князем. Его напугал слух, что Андрей велел казнить его брата. Убить князя было решено в ночное время. В заговоре участвовали: Петр (прозванный «Кучковым зятем»), Яким Кучкович, ключник Анбал (яс), и еще человек двадцать. На канун праздника Петра и Павла подошли они к запертой ложнице Андрея и позвали князя голосом его «паробка» Прокопия. Андрей понял обман и не отпер спальни. Тогда выломали дверь, началась борьба: князь тщетно искал всегда висевший у него меч святого Бориса, но меч предупредительно унес Анбал. Князь был силен, сопротивлялся долго, но пал под рядом сабельных и копийных ударов.

Заговорщики, полагая, что все кончено, ушли, но князь со стоном сошел под сени. Убийцы заслышали его голос, зажгли свечи и по кровавому следу начали искать раненого. Видя неминуемую гибель, Андрей стал читать молитвы; «за столпом всходным» он был найден и добит, причем Петр отрубил ему правую руку. Был убит на другой день «милостьник» княжеский Прокопий, начался грабеж имущества. Чтобы оборониться на всякий случай от прихода владимирцев, заговорщики собрали дружину. Владимирцы уклонились от вмешательства, грабеж продолжался.

На место происшествия пришел «Кузьмище киянин», чтобы найти тело князя. Ему сказали, что оно выволочено на огород и трогать его нельзя — хотят его «выверечи псомъ». Кузьмище стал причитать над телом своего господина, победителя булгар, павшего от скверных «ворожбит» своих. Увидя Анбала, Кузьмище стал просить ковер, чтобы покрыть труп, но тот подтвердил, что решено отдать тело князя собакам. Тогда Кузьмище обратился к «еретику» с укоризной: помнит ли он, в какой сюда пришел одежде. Анбал бросил ему ковер и корзно. Завернув тело, Кузьмище принес его к церкви, но

пьяные «паробки» отказались отпереть ее, сказав ему, чтобы оставил труп князя в притворе. Там тело пролежало два дня и две ночи. На третий день пришел игумен Арсений, настоял, чтобы церковь открыли. С клирошанами боголюбскими отпели князя и положили в каменную гробницу. Погром между тем продолжался, в город шли из деревень. Были разграблены дома посадников, княжеских тиунов, убиты детские и мечники князя. То же происходило и во Владимире, пока не положил конец погрому поп Микулица, пришедший в город с иконой Богородицы.

На шестой день «опомнились» владимирцы, послали игумена Феодула и доместика Луку за телом Андрея, а Микулицу с собором нарядили для встречи тела у Серебряных ворот города. Процессия собрала великое множество народа, плакавшего так, что «вопль далече бе слышати». С подобающими почестями положили князя у Богородицы Златоверхой, Славословием новому мученику, «притекшему ко Христу» так же, как и «блаженные братья его — Роман и Давыд»[1], кончается повествование.

В 1702 году Андрей Боголюбивый был канонизирован.

«Степенная книга»[2], составленная во второй половине XVI века, как и положено, «знает» гораздо больше.

Там нашла себе место новая переделка средневековой повести. В основу лег текст первой редакции, но без вступительной хвалебной характеристики Андрея. В изложение внесены новые детали, посвященные как раз дорисовке облика заговорщиков. «Диавол, — сказано в ней, -— видя великого князя любимым от людей и добродетелям прилежащим, воздвиг брань от его домочадцев возлюбленных бояр Кучковичей». Они сначала, не без коварства, подбили Андрея взять без ведома отца икону Богоматери, писанную евангелистом Лукой, и увезти ее с собой на север.

[1] Православные имена святых Бориса и Глеба.

[2] «Степенная книга» — памятник русской исторической литературы. Составлена в 1560—1563 годах духовником царя Ивана IV Васильевича Андреем (позднее — митрополит Афанасий). Содержит систематическое изложение русской истории от Владимира I Святославича до Ивана IV включительно по материалам летописей, хронографов, родословных книг и др. Разделена на 17 граней (родословных степеней). — *Примеч. ред.*

Этим Кучковичи надеялись снискать бульшую милость и доверие у «самодержца». Из них наиболее близким к великому князю был «Яким Кучковитин», глава заговора. По совершении убийства, изложенного согласно первой редакции, злодеи понесли заслуженную кару от брата Андрея Юрьевича — Михаила, который, заняв владимирский престол, предал их суду. Но Михаил вскоре умер, и возмездие довершил другой брат Андрея — Всеволод III. Заговорщики были преданы различным казням, иные были помещены в короба и брошены в озеро.

В Никоновском летописном своде помещена новая версия, не дающая, в сущности, никаких дополнений. Она представляет собой очень сжатый рассказ об этом происшествии. В Лобковском списке XVII века рассказ озаглавлен «Убиение великого князя Ондрея Юрьевичя Боголюбскаго от Кучковичевъ въ Володимери». Он напоминает вышеизложенную «церковную» версию. В рассказе о погроме и переносе тела во Владимир Никоновская летопись следует за второй редакцией, но заключительное славословие основывает на материале первой. Упоминание о Всеволоде, определяющее время составления второй редакции, здесь риторически распространено, что доказывает позднюю переделку. Нового для разъяснения недомолвок эта переделка не дает.

В.Н. Татищев, изложив рассказ Ипатьевской летописи, дополнил его деталями, не встречающимися в изложенных выше переделках. У него впервые появляется личность княгини, жены Андрея. Она, оказывается, находилась с мужем в Боголюбове, но после состоявшегося у «Петра Кучковича» совета уехала во Владимир, чтоб утаить от людей готовящийся переворот. На другой день после убийства княгиня, забрав имущество, бежала с Кучковичами из Владимира «в Москву». Причиной внезапного отъезда названа боязнь народного смятения в городе, где большая часть населения радовалась убийству, но «иные плакали» по князю. Татищев подробно рассказывает о возмездии Михаила за смерть брата. Убийцы всячески старались не допустить Михаила занять великокняжеский стол, будучи уверены, что он отомстит за кровь

Андрея. Когда же Михаил вокняжился, он ревностно занялся подчинением непокорных и устроением земли. Однако он все время держал злодеев на примете, пригласил к себе из Москвы вдову Андрееву, якобы для лучшего ее покоя. Улучив момент, великий князь созвал боярский совет, пригласил убийц и спросил их: «Почему вы превозносите меня за то, что я возвратил доходы церквам и монастырям? Ведь это дело брата моего Андрея, которому никакой благодарности вы не изъявили, хотя бы по его смерти». Те, полагая, что Михаил желает установить вечное церковное поминовение по покойному, согласно отвечали, что готовы исполнить княжескую волю, так как Андрей по многим своим благодеяниям достоин вечной памяти и хвалы. Тогда Михаил воскликнул: «Если брат мой убит невинно, отчего не отомщены убийцы? Если его убили по заслугам, то как можно говорить, что он достоин благодарности и похвалы!» Убийц схватили и с вдовою княгиней привели на суд. Кучковичи и Анбал были повешены и расстреляны, пятнадцати заговорщикам отрубили головы, а княгиню, зашив в короб, пустили с камнем в озеро, куда побросали и тела остальных. Озеро с того прозвалось Поганым. Имущество преступников было роздано церквам и нищим. Рассказ этот Татищев, по его словам, взял из Еропкинской летописи. Из каких-то других рукописей заимствовал он осложнившие и без того драматическую повесть романтические подробности о вдове Андрея, не называя ее имени. Оказывается, и она принимала участие в заговоре, находилась в каких-то близких отношениях с Кучковичами, жила с ними в Москве; ее предали особо позорной казни. Однако причины, побудившие ее совершить «злое дело», остались неизвестными. Имеются местные боголюбские предания, по одному из которых мы узнаем следующее: в семи верстах от Владимира, недалеко от левого берега Клязьмы, находится Пловучее озеро. Окруженное частью бором, частью мелколесьем, оно на своих темных водах качает оторванные куски торфяной почвы. Это, по поверью, короба казненных Кучковичей, брошенных сюда для казни. Особенно страшно озеро в ночь на 29 июня —день Петра и Павла, когда слышится унылый стон злодеев и по поверхности озера ходят волны. Другое предание касается княгини: в семи верстах от того же города за

Клязьмой есть другое озеро, такого же болотного происхождения, называемое Поганое или Поганец. Сюда, с камнем на шее, была брошена вдова Андрея, знавшая о заговоре и уехавшая в Москву, но приглашенная во Владимир якобы на пир. Озеро глубоко и недоступно из-за береговой трясины.

Это местное предание о княгине подтверждает татищевский источник, сообщающий, что Михаил лестью выманил к себе из Москвы великую княгиню, во-вторых, последняя здесь впервые получает имя Улита и оказывается в близком родстве с Кучковичами, которые все без разбору зовутся ее «братьями», хотя Яким и Петр кровными родственниками не были: Петр был лишь «Кучковым зятем». Автор исторического описания Боголюбова монастыря не говорит, откуда взялось имя великой княгини, но пользуется им не раз. Помещенная в приложении к его книге выдержка из рукописного жития Андрея Юрьевича, хранившегося в монастыре, но потом пропавшего, в известной степени объясняет, откуда появилось «братство» заговорщиков. Житие это позднее, составлено под влиянием жития «Степенной книги» и приспособлено для монастырского обихода. Князь изображен в нем с юности отвратившимся от «мирских суемудрий», прилежным к книжному поучению, церковному пению; отказавшимся от «сладких аромат и любоплотия».

Островзоров (Историческое описание Боголюбова монастыря. Владимир на Клязьме, 1876): «Из убийц одни были казнены Михаилом, другие, Кучковичи, Всеволодом. В семи верстах от Владимира в Ямском лесу находится «Плаучее» озеро; сюда были брошены Кучковичи. Улита, вероятно, знала о заговоре, ибо уехала на другой день в Москву. Она была брошена в озеро «Поганое» или «Поганец» у деревни Байгуши, на Муромской дороге. Старожилы указывают на тропинку, по которой ведены были Кучковичи: так как кругом была топь, то для прохода тогда насыпали еловых шишек».

Существовал, очевидно, ряд преданий, где семейству Кучковичей отводилась ведущая роль в восстании XII века. С преданиями автор средневековой повести был знаком, но полностью ими не воспользовался, так как у него была иная задача. Впоследствии, когда в сюжете стали появляться романтические подробности, на Кучковичей внимание обратили.

Политическая причина убийства была забыта, о ней ведь неясно говорил и средневековый рассказ. Историков начала интересовать внешняя сторона происшествия, взаимоотношения заговорщиков. Среди последних выделялись Кучковичи, поставленные в близкое родство с княгиней. Отсюда вырастала роль последней как личности. На самом деле «великой княгине Улите» выпало на долю стать литературной героиней.

В числе материалов, которыми он пользовался при своей работе, Татищев указывает на одну из граней «Степенной книги», где рассказ об убийстве Андрея был изложен совершенно своеобразно. Великий князь Юрий Владимирович в 1147 году построил город Москву и женил своего сына Андрея на дочери жившего на месте будущего города некоего Кучка, которого предал казни за какую-то провинность. А в Еропкинской «Степенной книге», говорит тот же историк, к этому прибавлено, что у Кучка остались, кроме дочери, два сына, ставшие любимыми шуринами Андрея, но один был казнен за преступление. Тогда другой сын и сестра его, великая княгиня, возымели злобу на Андрея Юрьевича, стали искать случая погубить его; так как во Владимире это сделать было неудобно, то убили его в Боголюбове. При таком раскладе причина заговора объясняется родовой местью: сестра и брат вступились за казненных отца и родного брата. Мстили же владимиро-суздальским великим князьям какие-то владетели территории, на которой отцом Андрея был основан город Москва.

В какой степени, однако, правдоподобны эти исторические свидетельства? М. П. Погодин[1], задаваясь вопросом, на ком женат был Андрей Боголюбский, отвечает: «Древние летописи об этом молчат, новые же утверждают, что он был женат на дочери боярина Кучки, который владел местностью Москвы». Историк принимает это указание за достоверное: Кучковичи, по его словам, играют важнейшую роль во всей

[1] Погодин Михаил Петрович (1800—1878) — русский историк, писатель, академик Петербургской академии наук (1841). Труды по истории Древней Руси, летописанию. Собрал коллекцию исторических памятников («Древлехранилище»).

жизни великого князя; они же его убедили переселиться в Суздальскую область; Москва, по-видимому, осталась за ними.

Надо заметить, что Татищев не называет дочь Кучка по имени. Умалчивает об этом и Погодин.

Существует, однако, указание, что Кучковна не принимала участия в убийстве. Тверская летопись, под 1175 годом повествуя о смерти Андрея, говорит, что великий князь погиб «отъ своихъ бояръ, отъ Кучковичевъ, по научешю своеа ему княгини. Бе бо болгарка родомъ и дрьжаше къ нему злую мысль, не про едино зло, но и просто, иже князь великий много воева съ нимь болгарскую землю, и сына посыла, и много зла учини болгаромъ; и жаловашеся на нь втайне Петру, Кучкову зятю». Выходит, что Андрей был женат дважды: на Кучковне, московской боярышне, от которой у него был уже взрослый сын, и на болгарке, питавшей к мужу злобу и бывшей в каких-то отношениях с Петром, Кучковым зятем. Татищев определенно утверждает, что Андрей был убит при участии второй жены, которую ошибочно считают «ясыней». «Ясыня» была женой Юрия Долгорукого, а супругу Андрея, болгарку, вероятно, и звали Улитой.

Таковы они, эти смутные фигуры средневековой дали. Повесть о Боголюбском восстании, пройдя целый ряд переделок и изменений, неожиданно оказалась связанной с древнейшими преданиями о Москве.

Москва, по древним летописям, прозывалась Кучковом. Ипатьевская летопись, упоминая о походе Андреевых братьев — Михалка и Всеволода, говорит, что они шли «до Кучкова, рекше до Москвы». Историк Москвы И. Е. Забелин[1] называет «Кучково поле», как прилегавшее к кремлевской стене. Москва, следовательно, была связана с именем какого-то Кучка.

Как сообщает «Сказание о зачатии преславного царствующего града Москвы, как сперьва зачаит, и коим великим князем и в коем месте, все то писано подлинно в сей и в коем году как было, выписано из летописца царских граннографов», «великий князь Данило Иванович после Рюрика короля римского в 4-й год, пришел из Великого Новгорода в Суздаль;

[1] *Забелин И. Е.* История города Москвы. М., 1902. Ч. I. С. 5.

тут родился у него сын Георгий. Он основал в Суздальской земле его имени город Юрьев Польский, в том городе создал церковь каменную всю резную от подошвы до верху. По основании города в том же году поехал великий князь искать места, где бы мог заложить город — столицу княжеству своему и наследникам. Взял с собою некоего гречина, именем Василия... Выехал он в темный и непроходимый лес, а там — болото, большое и топкое. Посреди болота на маленьком пригорке увидал великий князь огромного трехголового зверя. И спросил князь Василия, что это за удивительное и странное видение. Тот отвечал ему: «Князь великий! На этом месте создастся город величайший, сильно распространится царство треугольное и умножатся в нем разных орд люди... А что на нем различные цвета, показывает, что в нем будут жить люди из всех стран».

Данило Иванович наехал на небольшой островок в лесу посреди болота, на нем хижина поставлена, в ней — пустынник, Букал по имени, отчего и хижина прозвалась Букалова. Теперь на том месте Царский Двор.

Затем князь великий с тем же гречанином Василием дня 4 спустя наехали на горы, где тоже нашли хижину, в ней человека, по имени Подон, римлянина родом. Полюбилось великому князю место и.захотелось ему построить себе здесь дом. Старец Подон сказал князю: «Не подобает тебе, князь, тут селиться, на этом месте созиждется храм божий и будут жить архиереи, бога вышнего служители».

Князь послушался и уехал с этого места.

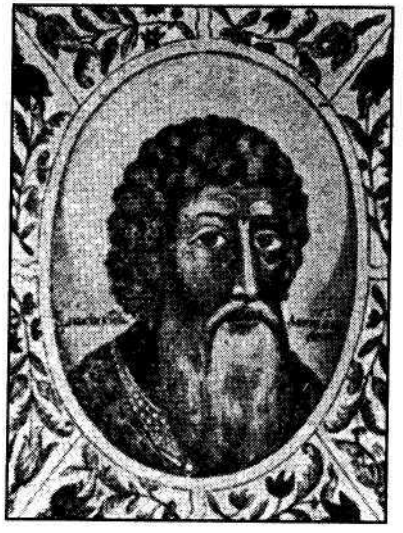
Спустя некое время Данило Иванович приехал из Киева на место, где видел красивого зверя и, в шестой год, на хижине Букаловой заложил город, назвали его Москвою по реке. А в седьмой год, вниз по реке на Подонских горах, на хижине Подоновой, заложил церковь Спаса.

А на девятый год родились у него 2 сына, Алексей и Петр. Во имя Алексея поставлен город Алексин, к северу, на Оке».

4-й год от Рюрика... Ведь это 880 год от Рождества Христова. Уже тогда, при живом Олеге, Даниил Московский приехал в город Суждаль, где у него и родился Юрий-Георгий. И именно тогда Даниил ездил по окрестностям будущей Москвы на рекогносцировку. Здесь еще и сел-то «красных» не было — жили

два отшельника на болотах в дремучем лесу. И вот спустя шесть лет, т.е. в 886 году, Даниил и основывает здесь город Москву.

Суждальский князь Даниил Александрович, младший сын Александра Невского, начал княжить в Москве (по смерти тверского князя Ярослава Ярославича) в 1272 году, когда ему было 11 лет, и умер в княжении в 1303 году.



Даниил Московский (1261—1303)

«Его 33-летнее правление ознаменовалось удачными действиями против сородичей» (ТОДРЛ. Т. 3. С. 79).

Надо особо подчеркнуть, что Даниил — первый русский князь, родившийся и живший при татаро-монгольском иге. И как ни странно, иго это никак не сказывается на его правлении.

Ему наследовал его старший сын — Юрий, возвысивший Москву до «великого» княжения, а четвертый, Иван Калита, стал знаменитым «собирателем Руси».

30 августа 1652 года, при царе Алексее Михайловиче, были обретены мощи Даниила, перенесены в церковь святых отец семи соборов. В конце XVIII века ему, как святому, было установлено празднование.

Иван Калита перенес Даниловский монастырь на новое место, внутрь княжеского дворца в Москве.

В XVI—XVII веках, с появлением моды воссоздавать историю, была написана хронографическая повесть о начале Москвы.

В ее написании сказалось желание дать национальное объяснение возникновения столицы. Снижение героических сюжетов могло вызвать появление и другой повести, «Новеллы», с героем Даниилом, понимаемым как безраздельный основатель и столицы и самого Московского государства.

Обретение мощей его в 1652 году могло остановить внимание литераторов на этой личности.

Появившаяся «Новелла» делится на несколько частей. Повествование начинается с «Летописания», т. е. с летописной заметки: «Лета 6789 (1281) октября 29 день в городе Владимире по смерти князя Владимира, сел на державу князь Андрей Александрович, а в Суздаль — князь Даниил Александровичъ Невскаго.

Были на Москве реке села прекрасные боярина Кучка Степана Ивановича. И было у него двое сыновей, весьма красивых. Разузнал про них князь Суздальский Данило Александрович и стал просить Кучковичей себе ко двору: «Если не дашь ты сыновей своих к моему двору, то приду я к тебе с войском, предам тебя мечу, а прекрасные села твои пожгу огнем». Боярин Кучка испугался и отдал обоих сыновей своих князю. И понравились Даниилу оба Кучковича, одного из них пожаловал в стольники, другого в чашники.

Полюбились те двое юношей Даниловой княгине Улите Юрьевне, соединилась она с ними любовно. И задумали они с княгиней, как бы предать князя Даниила смерти. Стали звать князя в поле — посмотреть, как гоняют зайцев. Когда князь был с ними в поле, заехали они в дебри, там Кучковичи попытались предать его смерти. Князь Даниил ускакал от них в чащу леса, оставил коня своего и побежал вдоль Оки-реки. Они же, долго проискав, не нашли его, обрели только коня. Князь, с трудом добежав до перевоза, не имея что дать перевозчику за перевоз, предложил ему перстень. Перевозчик сказал ему: «Лихие вы люди, обманчивые, как перевезти вас через реку, вы так, не дав ничего, и уйдете». А узнал он, что это князь Данило Александрович. Тот обещался отдать ему свой золотой перстень, если перевезет его. Перевозчик же, подъехав к берегу, протянул весло и сказал: «Положи сначала перстень на весло, тогда я перевезу». Князь положил ему на весло свой золотой перстень.

Перевозчик же оттолкнулся от берега и не перевез князя. Князь побежал вдоль берега Оки, боясь преследователей.

Князю негде было укрыться, дебрь была пустынна. И случайно нашел он небольшой струбец, под которым погребен был какой-то неизвестный человек. Князь схоронился там, забыв страх при виде мертвеца. Тут провел он ночь.

Сыновья боярина Кучка пребывали в большой скорби, что упустили из рук живым князя Даниила, лишь ранив его. Овладело ими раскаяние, и сказали они себе: «Лучше бы нам было и не замышлять над князем такого дела уголовного, теперь убежал от нас князь раненый в город Владимир к своему брату Андрею Александровичу; придет на нас за это зло князь Андрей с войском». А княгиня Улита рассказала им все тайны мужа своего. «Есть, говорила она, у мужа моего пес-выжлец; когда выедет бывало князь Даниил против врагов своих, против татар или крымских людей, мне при отъезде накажет: если меня убьют или в плен возьмут и увезут куда-либо, ты пошли отыскивать меня своих дворян с этим псом и прикажи им пустить его просто перед собою, а самим за ним ехать: где буду я живой, пес дойдет до меня дорогою, где буду мертвым — найдет меня точно и станет тело мое лизать». Наутро княгиня Улита отдала пса своим любовникам и накрепко приказала: «Где бы вы ни нашли князя Даниила, там его предайте скорой смерти». Они же, взяв пса, приехали туда, где накануне хотели предать князя смерти. С того места пустили пса перед собой. Пес побежал по берегу Оки реки и прибежал к тому струбцу, где ухоронился князь Даниил. Учуяв князя, стал махать хвостом, радуясь ему. Ищущие же его быстро соскакивают, развертывают струбец, находят там князя и предают его смерти.

Кучковичи привезли окровавленное платье князя Даниила и отдали его княгине Улите. С нею по-прежнему продолжали жить в том же беззаконном любодеянии. У Даниила остался сын Иван Данилович, только пяти лет и трех месяцев от роду. Охранял его и ходил за ним верный раб отца его Давыд Тярдемив. Когда по смерти князя прошло уже два месяца, пожалел тот слуга Давыд о княжиче Иване Даниловиче, взял его тайно — ночью, сел на коня и быстро погнал к городу Владимиру, к князю Андрею Александровичу, его дяде, где рассказал все по порядку. Князь Андрей пожалел о брате своем, собрал во Владимире пять тысяч войска и пошел к городу Суздалю. Услыхали там суздальцы и дети боярина Кучка Степана Ивановича, что идет на них князь Андрей с войском, объял их страх и трепет. Не смогли они стать против князя ратию и убежали к боярину Кучку. Князь же Андрей с воин-

ством пришел в город Суздаль. Суздальцы не сопротивлялись и покорились. Князь Андрей повелел схватить княгиню Улиту и предать мучительной казни. Суздальцы же собрали три тысячи войска в помощь князю Андрею. И пошел князь Андрей со всем воинством на боярина Кучка. Тот не смог против князя Андрея боем биться. Быстро князь Андрей взял приступом села и слободы, а Кучка боярина с детьми в плен. Приказал их оковать крепкими железами, потом Кучка боярина с детьми предал казни».

«Новелла» содержит еще ряд общелитературных мотивов. Эпизод с коварным перевозчиком происходит у Оки-реки. Этот географический термин постоянен в списках «Новеллы», но явно несообразен. От Суздаля и Владимира (куда должен был пешком дойти раненый князь Даниил) до ближайшей излучины Оки — километров около ста шестидесяти. Ясно, что сюда притянута какая-то иная, может быть, окская легенда. Таковая существует на самом деле. Анофриев, сообщая местные легенды о городе Алексине, сообщает, что по преданию Алексин основан в XIII веке сыном Александра Невского — Даниилом, который, находясь в здешних местах, узнал, что у него родился сын Алексей. Тогда князь заложил здесь город и назвал его Алексиным. Однако у Даниила не было сына с таким именем. Сам город до 1236 года звался городом митрополита Петра, затем был отдан на «кормление» митрополиту Алексею. Отсюда, скорее всего, и идет прозвание города, в котором Алексей был особенно почитаем. Про него собиратель записал, как он говорит, «странную» легенду. Митрополит Алексей ехал в Орду, вызванный туда для исцеления заболевшей жены хана. У Алексина ему пришлось переправляться через Оку-реку, и он попросил жителей пригородной рыбацкой слободы перевезти его. Перевозчики переправили митрополита, но потребовали денег. Их не оказалось, тогда они сняли с него крест. Удивленный митрополит сказал им: «За то, что вы так со мною поступили, вы всегда будете жить ни бедно, ни богато». На Оке, следовательно, существовал какой-то набор сказаний о московских князьях и митрополитах, с именами которых связывались местные урочища. Поступок окских перевозчиков с митрополитом из легенды и князем из «Новеллы» идентичен по мотиву грубого лихоимства. Распространенная, по-видимому, широко, легенда эта была использована в «Новелле», приобретя местные черты.

Упоминание о малолетнем княжиче Иване Даниловиче, будущем Калите, столь сентиментально сохраненном дядькой своим, указание на взятие приступом «прекрасных», но совершенно не укрепленных «сел и слобод» Степана Ивановича Кучка подготовляет внимание читателя к третьей, последней части «Новеллы», где говорится об основании Москвы, но уже в совершенно ином ключе.

«6797 (1289) года, 17 марта, отомстил князь Андрей Александрович кровь брата своего, победил Кучка боярина и злых убийц, разграбил все их имение-богатство, но сел и слобод прекрасных не пожег. Он остался отдыхать там; восстав утром, поглядел на те села и слободы, и полюбились ему они; вглядевшись, задумал он на том месте город поставить. Тут он и остался на жительство, в городе же Суздале и Владимире посадил княжить сына своего Георгия, а племянника, Ивана Даниловича, взял к себе и воспитал до возраста.

И так 6799 (1291) года, 27 июля был основан город. И стал с тех пор называться он Москвою».

Князь Андрей, пожив в Москве и выстроив много церквей, скончался в 6813 (1304) году. Оставляя город, он приказал княжить там племяннику своему Ивану Даниловичу. Сын же Андрея Георгий, так называемый Юрий Суздальский и Владимирский, умер на год раньше отца, Андрея Московского, и остался по нем один наследник, сын Димитрий, четырех лет и десяти месяцев.

Князь Иван Данилович, возмужав, взял он к себе Дмитрия Юрьевича Суздальского, воспитал его, а города Суздаль и Владимир принял в свое державство.

В то же время при князе Иване Даниловиче Московском, в 6813 (1308) году, 22 марта, пришел из Киева в Москву митрополит Петр. Князь принял его с великой честью. Петр назвал Ивана великим князем Московским и всея Руси и сказал о Москве, что «будет она царствующим градом, весьма распространится и наречется вторым Иерусалимом, будет обладать многими державами до Теплого моря и до Студеного океана». Князь великий поставил Петра митрополитом московским и всея России.

Ф. И. Буслаев[1], передавая содержание сказаний о Москве (Летописи русской литературы и древности. М., 1862. Т. IV. С. 9—18), приводит песню о бессчастном добром молодце, неудачно пытавшемся переехать глубокую и непроездную «Москву-реку Смородину» (вероятно — туманную, от слова «смрад»). Загадочная песня эта любопытна по мотиву перевоза, вокруг которого вертится ее содержание: молодец спрашивает реку, где у нее «броды конные в перевозы частые»; та отвечает, что с бродов она берет по добру коню, с перевозов по «седеличку черкасскому», но «безвремянного молодца» она и так пропустит. Молодца погубила дерзость: «Сказывали-де про Смородину, что ни пешему, ни конному ее не перейти, а она хуже дождевой лужи». Река топит молодца за похвальбу.

«Великой нашей Русской Земле... же, премилостивый царю Христе, даждь дорасти, яко младенцу, и величитися, и расширятися, и всюде пребывати в мужстве совершение и до славнаго твоего втораго пришествия и до скончания века сего. И возсия ныне стольный, преславный град Москва, вторый Киев, не усрамлю же ся и не буду виновен нарещи того и третий новый великий Рим, провозсиявши в последняя лета, яко великое солнце, в велицеи нашей Рустей земли во всех градех сих и во всех людех страны сея, красуяся и просвещаяся святыми многими церквами». (ПСРЛ. Т. 19. С. 205—206).

Юрий (Юрей, в крещении — Георгий) Данилович (Данилович) московский (? — 02.11.1325), а затем и великий владимирский князь. Старший сын московского князя Данилы (Даниила) Александровича. Княжил в Переяславле-Залесском, а с 1303 года — в Москве. В том же году присоединил к Москве Можайское княжество.

Юрий много лет боролся с тверским князем Михаилом Ярославичем за право называться великим владимирским князем. Он привлек на сторону Москвы Владимирского митрополита Петра. В 1311 г. Юрий захватил Нижний Новгород,

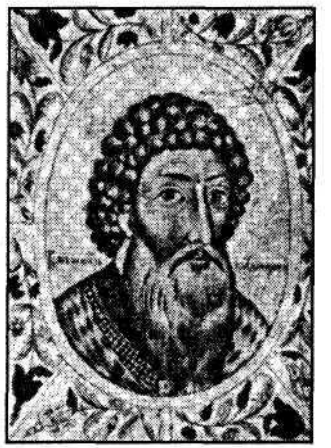
[1] Буслаев Ф. И. (1818—1897)— русский филолог и искусствовед, академик Петербургской академии наук (1860). Труды в области славянского и русского языкознания, древнерусской литературы, фольклора и изобразительного искусства. Издавал древние рукописи. — *Примеч. ред.*

где посадил на княжение своего брата Бориса. Он пытался поставить под свой контроль и Новгород Великий.

В 1317 году Юрий получил в Золотой Орде ярлык на великое княжение и женился на сестре хана Узбека Кончаке (в крещении — Агафье). Был разбит Михаилом Тверским, бежал в Орду, где добивался от хана расправы над своим политическим противником, обвиняя Михаила Ярославича в отравлении Кончаки (Агафьи), умершей в Твери при загадочных обстоятельствах. После казни Михаила Тверского в Орде в 1318 г. Юрий утвердился на великом владимирском княжении. В 1322 году он за какую-то провинность был лишен Узбеком владимирского стола и до самой смерти оставался лишь московским князем.

Юрий продолжал бороться с Тверью, а также пытался упрочить свое влияние на Новгород Великий и Устюг. Он был убит в Орде тверским князем Дмитрием Михайловичем Грозные Очи. Похоронен в Москве в Кремлевском Архангельском соборе.

Иван I Калита (?—1340)



На фоне славных дел деда Александра Невского и внука Дмитрия Донского деяния Ивана Калиты кажутся весьма незначительными, а личность — невыразительной. Да и само прозвище (кошелек, мешок с деньгами) то ли купеческое, указывающее на жадность, скопидомство, то ли поповское, обозначающее щедрость, раздачу милостыни нищим, — но никак не княжеское.

По мнению некоторых историков, Иван Данилович, как и многие его венценосные родственники, — посредственность, стремящаяся с помощью татар и собственной бережливости лишь «округлить» свои владения за счет более талантливых, но надменных и нерасчетливых

соседей. Другие ученые указывают на результаты деятельности Ивана и его потомков — создание мощного Российского государства с центром в Москве, находят провидческий дар у этого заурядного на взгляд их оппонентов князя. В их работах Калита превращается в талантливого политика, дипломата, экономиста и психолога, неустанно работавшего на перспективу, закладывая основы будущего могущества Москвы. Кто прав, сказать трудно. Все зависит от точки зрения исследователя.

Борьба за великокняжеский престол между сыновьями Ярослава Всеволодовича Андреем и Александром Невским сменяется междоусобицами сыновей последнего — Дмитрия и Андрея, неоднократно приводивших татар на Русь. Их младший брат Даниил, получивший от отца Московское княжество, обычно поддерживал Андрея, но в 1301 году выступил против него на стороне Ивана Дмитриевича Переяславского, за что тот и завещал союзнику Переяславль-Залесский.

У Даниила было 4 или 5 сыновей. Старший, Юрий, женатый на сестре хана Золотой Орды Узбека, боролся с двоюродным дядей Михаилом Ярославичем Тверским за право занимать владимирский престол. Последний был казнен по приговору ханского суда, но его сын Дмитрий отомстил за отца. Пожертвовав жизнью, он убил Юрия в 1325 году. Ярлык на великое княжение был передан другому сыну Михаила — Александру.

Дело старшего брата Юрия пришлось продолжать четвертому сыну Даниила — Ивану. Ни имени его матери, ни года рождения историкам пока установить не удалось. Имеются предположения, что он родился в 1283 году. Первый раз его имя упоминается в летописи 1304 года, когда он был оставлен братом наместником в Москве на время похода против Михаила. На следующий год Иван успешно защищает Переяславль-Залесский от тверичей. Когда в 1307 году его старшие братья Александр и Борис поссорились с Юрием и бежали в Тверь, он остался в Москве. В 1320 году Иван участвует в походе против рязанского князя Ивана Ярославича, а затем едет с посольством в Орду, где живет более года. В 1322 году он возвратился с татарским отрядом баскака Ахмыла и, «наводя порядок» на Руси, разграбил ярославскую и ростовскую земли.

К 1325 году Александр и Борис умерли, и после гибели Юрия Иван I становится московским князем, получив в 1326 году в Орде ярлык. В том же году в Москве был заложен каменный собор Успения Божией Матери с одобрения и при участии митрополита Петра, который после смерти был погребен в этом храме. Иван добился причисления Петра к лику святых, что способствовало превращению Москвы в один из религиозных центров Северо-Восточной Руси.

В 1327 году тверичи уничтожили отряд татарского баскака Чолхана (Шевкала). Калита вновь едет к хану, и вскоре татары и москвичи пошли на тверскую землю, а князь Александр бежит в Псков.

Прибыв в Орду, Калита предложил свои услуги по уничтожению Твери. Благодарный Узбек пожаловал ему за это титул великого князя и войско для расправы над тверичами. Тверская земля и через полстолетия не оправилась от погрома, устроенного Калитой, уничтожившего почти все население княжества.

Золотоордынский хан Узбек передает великое княжение Владимирское в совместное правление московскому князю и Александру Васильевичу Суздальскому.

Иван ведет войны с Псковом и Новгородом, отстраивает Московский Кремль после пожара 1331 года, продолжает строительство каменных храмов, скупает села и волости, приобретая в Орде ярлыки на удельные княжения. У этого рачительного хозяина, который, возможно, утаивал часть ордынской дани, вечно не хватало денег, и казна часто оставалась пустой.

В 1338 году князь Александр Михайлович был прощен ханом и получил право на тверское княжение. Калита вместе с сыновьями Семеном Гордым и Иваном Красным направляется в Орду. Осенью 1339 года он вновь отправляет своих детей (Семена, Ивана и Андрея) в Сарай. По-видимому, им удалось оговорить соперников, и 22 октября Александр и его сын Федор были казнены.

После победы над тверичами Иван приказал снять колокол тверского Спасского собора и отправить его в Москву,

Печать Ивана Калиты

чем подтвердил верховенство последней над Тверью. В 1340 году Калита выезжает в Орду, дабы участвовать в походе хана на смоленского князя Ивана Александровича.

31 марта 1340 года Иван Калита скончался, приняв перед смертью схиму, и был погребен в построенном по его приказу соборе Михаила Архангела.

Л. Н. Гумилев писал: «Основой политики Калиты стало стремление использовать в интересах Москвы союз с татарами. Кроме того, князь Иван старался покупать у обедневших удельных князей их владения, а тем ничего не оставалось, как продавать свои вотчины: мелкие княжества не могли соперничать с богатой Москвой, которую создал Даниил и унаследовал Иван Калита. За годы своего княжения Иван Калита довольно существенно расширил пределы княжества, в частности приобрел большой старинный город Ростов.

Но основная заслуга Ивана Калиты, до сих пор, как кажется, не оцененная традиционной историографией, состоит в другом. При Иване Калите получил свое окончательное воплощение новый принцип строительства государства — принцип этнической терпимости. В отличие от Литвы, где предпочтение отдавалось католикам; в отличие от Орды, где после переворота Узбека стали преобладать мусульмане, в Москве подбор служилых людей осуществлялся исключительно по деловым качествам. Калита и его наследники принимали на службу и татар (христиан и язычников, бежавших из Орды после победы ислама и не желавших поступаться религиозными убеждениями), и православных литовцев, покидавших Литву из-за нестерпимого католического давления, и простых русских людей, все богатство которых заключалось в коне да сабле. Никаких владений у этих людей не было, и потому они

искали службы, т. е. государственных военных обязанностей, за выполнение коих от князя московского следовало вознаграждение в виде «корма» с небольшой деревеньки. Силой, связующей всех «новонаходников», в Москве стала православная вера, ведь обязательным условием поступления на московскую службу было добровольное крещение. Креститься необходимо было и для заключения брака. Множество татар — ордынских выходцев — женились на русских красавицах, а татарки выходили замуж за русских.

Так, исподволь, во всей Северо-Восточной земле восторжествовало православие, хотя при этом сохранились и некоторые язычески обычаи».

В начале второй четверти XIV века произошел массовый отлив населения из Тверской области в сторону Новгорода и Пскова, и обстоятельства, вызвавшие миграцию, были особенные. Запустение тверских удельных волостей после «шевкаловщины», точнее — после нашествия орды в отместку за убийство ханского баскака Шевкала (1327 г.), летопись рисует в весьма мрачных тонах. По рассказу Тверской летописи, когда князья — братья опального Александра Михайловича вернулись в свою вотчину, то им пришлось собирать жителей, «а кто избыл от безбожных татар, а те бы опять были по своим местом».

Так как опустошено было все Тверское княжество и так как «карательная экспедиция» на Тверь шла с востока и юго-востока, то вполне понятно, куда должно было отхлынуть население. «В летописных сводах, — говоря словами А. Е. Преснякова[1], — отразились народные толки о фантастических замыслах татар — разорить христианство, избить князей».

Таким образом, можно смело сказать: Тверь разорялась союзными силами татар и москвичей.

[1] Пресняков А.Е. (1870—1929)— русский историк. Труды по истории древнерусского государства и права, землевладения на русском Севере, политической истории XIX в. и русского революционного движения, летописания. — *Примеч. ред.*

ЕСТЬ МНЕНИЕ... что прозвище «Калита» происходит от арабского слова «калиф»[1]. «Они (латиняне) того Папу чтут, что мы калиту» («Сказание о Скандербеге»). В старорусском языке звука «Ф» не было, поэтому пишем «библиотека», а не «вивлиофика». Но о том, какой веры придерживался Иван Калиф, мы расскажем в главе, посвященной вере на Руси.

Откуда взялась калита у Калиты?

Сегодня большинству из нас возвышение Москвы в XIV веке представляется естественным и не дает повода заподозрить в этом событии что-либо удивительное. И тем не менее ранняя история Московского княжества исполнена тайн и загадок.

Почему, например, именно в XIV веке захудалое и бедное Московское княжество за какие-нибудь 30 лет превратилось в богатое и процветающее? Почему служилые люди со всех концов русской земли и из-за рубежа потянулись именно в Москву, а не в более славные и знаменитые города Руси — Новгород, Суздаль и Владимир? Откуда взялись те фантастические средства, на которые Калита скупал русские земли?

Ответы на эти и другие вопросы дает Дмитрий Зенин.

Москва — царство изгоев

В официальных учебниках истории княжение Ивана Даниловича Калиты оценивается весьма высоко. Получив от своего отца, князя Даниила Александровича третьестепенное Московское княжество, он сумел основательно расширить свои владения и привлечь в Москву массу способных и энергичных служилых людей. Он уговорил митрополита Петра

[1] Калиф (халиф) — в ряде мусульманских стран — титул государя, являвшегося одновременно духовным главой мусульман; халифы почитались в качестве преемников Мухаммада. Халифами назывались также некоторые представители знати, чиновники и др. — *Примеч. ред.*

перенести митрополию из Владимира в Москву, сделав этот город церковной столицей всей Руси. И не случайно к концу жизни Иван Данилович первым из русских князей стал именовать себя «великим князем всея Руси».

Как же удалось Ивану Калите добиться таких выдающихся успехов в государственном строительстве?

Оказывается, с помощью золота, которого у московского князя появилось столько, что он за деньги скупал у бедных князей-соседей не только деревни и села, но и целые города, такие как Белозерск, Галич, Углич. Обилие золота привлекло на московскую службу сотни служилых людей и крестьян для заселения пустующих земель. За щедрость вознаграждения современники прозвали Ивана Даниловича Калитой, т. е. денежным мешком, который он будто бы всегда носил с собой для раздачи денег бедным людям.

Возникает закономерный вопрос: откуда же у владетеля неказистого Московского княжества взялись такие огромные средства?

Записные историки дают на этот вопрос неожиданный ответ. Иван Данилович, утверждают они, вошел в доверие к хану, и тот даровал ему право собирать русскую дань для татар. Но хитрый московит отсылал в Орду не всю дань, часть ее он присваивал и за счет этого будто бы и накопил те огромные средства, на которые прикупал соседние земли и нанимал людей на службу...

Как нелегко поверить этому наивному объяснению! Откуда в бедном княжестве могла взяться такая дань, что даже утаенной части ее оказалось достаточно для создания мощного по тем временам государства? Ведь в московских пределах не было ни золотых, ни алмазных копей; в окрестных лесах не добывалась особо ценная пушнина; в садах и огородах не произрастали пряности и диковинные фрукты; город находился в лесной глуши вдали от тогдашних торговых путей. Да и с какой стати татарский хан отдал бы право сбора дани московскому князю в обход владимирского, более влиятельного и могущественного?

Чтобы правильно понять условия, в которых оказалось Московское княжество в начале XIV века, необходимо рас-

смотреть некоторые предшествующие события русской и европейской истории...

В 1263 году умер великий князь Владимиро-Суздальский Александр Невский, еще при жизни причисленный к лику святых. После него осталось четыре сына: Дмитрий, Андрей, Иван и Даниил, которому в день смерти отца исполнился всего год. Именно ему досталось в удел небогатое Московское княжество, которое должно было разделить печальную судьбу своего нового владетеля-изгоя...

Изгоями в Древней Руси называли людей, утерявших свою социальную принадлежность и вследствие этого лишившихся сословной защиты. В изгои попадали выкупившиеся на свободу холопы, дети священников, не одолевшие грамоты, обанкротившиеся купцы. Попадали в эту категорию и княжеские сыновья, не достигшие совершеннолетия к моменту смерти отца. Покровительство над всеми этими людьми брала на себя церковь.

Так получилось, что князь Даниил вместе со своим незавидным княжеством попал под опеку Русской православной церкви и под юрисдикцию церковного суда. И это оказалось неожиданным благом для Москвы!

В ту пору Русская православная церковь занимала иное положение, чем при царях московских. Она не зависела от княжеской власти, имела обширные земельные владения и даже свои вооруженные силы. Более того, как организация, не зависящая от светских правителей и проводимой ими политики, православная церковь не платила Золотой Орде той дани, которую обязаны были платить князья. Отойдя по завещанию Александра Невского младшему сыну-изгою, Москва выпала из сферы влияния Владимиро-Суздальского княжества и стала пользоваться теми же привилегиями, что и церковь; в частности, перестала платить дань Орде.

Другое важное следствие перехода Москвы в удел Даниила — княжество стало притягательным центром вообще для всех изгоев, в частности для четвертых сыновей бояр и дворян, получавших из отчего достояния только «конь, доспех и покрут», и для младших сыновей знатных иностранцев. И всех привечал Даниил Московский, которому «били челом в мужи славные и нарочитые со всех стран, особливо римских».

Таким образом, покровительство церкви сыграло в истории возвышения Москвы едва ли не главную роль. Оно создало условия для притока энергичных и способных людей со всех земель, в том числе и из-за рубежа. Для них в пределах Московского княжества возникла своеобразная резервация — царство обездоленных, управляемое таким же изгоем, как они, — четвертым сыном Александра Невского. Не случайно Москву называли иногда «Новым Иерусалимом — царством Божиим на земле».

Но это условие хотя необходимое, но недостаточное. Для возвышения Москвы требовались огромные денежные средства. И они появились именно в начале XIV века...

Рыцари процента и векселя

В Западной Европе в средние века вопрос об устройстве младших сыновей старинных родов стоял так же остро, как и у нас. Младшие отпрыски знатных европейских фамилий составили основу рыцарского войска в Первом крестовом походе 1096—1100 годов. И они успешно завоевали Палестину и создали там свое государство. Одним из первых рыцарских орденов в Святой Земле был орден тамплиеров, созданный в 1118 году в эпоху правления короля Болдуина I. За ним появились и другие ордена, ставшие своего рода «мельницей», которая «перемалывала» в Палестине европейских изгоев. Вступая в любой орден, рыцари принимали обет безбрачия, т. е. обязывались не иметь потомства, чтобы оставлять освобождающиеся после них места в ордене новым поколениям младших сыновей родовитой знати.

Орден тамплиеров отличался от других орденов тем, что он был не столько военной, сколько финансовой организацией. Основным занятием храмовников стало ростовщичество, поставленное ими на недосягаемую для того времени высоту. Именно они изобрели безналичный перевод денег, систему банковских представительств, систему чеков и аккредитивов, ввели в обиход понятие «текущий счет». Благодаря всем этим новаторским приемам рыцари-банкиры накопили несметные

сокровища и стали обладателями обширных земельных владений во многих европейских странах.

Пока тамплиеры крепили материальное благополучие своей организации в Европе, рыцарское государство в Палестине клонилось к распаду. Под нажимом арабов в 1187 году пал Иерусалим. Королевство крестоносцев агонизировало еще столетие, но в 1291-м город-крепость Акра пала под ударами арабов, часть защитников была перебита, а часть сумела бежать.

Казалось бы, какая связь между всеми этими событиями в Святой Земле и возвышением Москвы? Оказывается, связь есть, и притом самая прямая.

Вскоре после падения рыцарского королевства в Палестине, а именно в 1307 году, в Париже начался процесс над тамплиерами. Его инициатором стал король Франции Филипп IV Красивый. На территории его государства находилась штабквартира ордена. Филипп буквально вырвал у папы Климента V согласие на возбуждение инквизиторского дознания. Храмовников обвинили в самых страшных грехах: в поклонении дьяволу, осквернении причастия, содомском грехе и во многом другом. Процесс закончился в 1312 году. Орден объявили упраздненным, а его руководителей во главе с великим магистром Жаком де Молле приговорили к сожжению на костре.

Едва ли обвинения, выдвинутые против рыцарей-банкиров, были действительной причиной дознания. Скорее всего, Филипп Красивый и папа Климент V просто хотели запустить руки в денежные сундуки ордена, о богатстве которого ходили легенды. Каково же было удивление короля и папы, когда выяснилось, что хранилища пусты! Предчувствуя опасность, тамплиеры вовремя сумели спрятать свои сокровища.

Куда девалось золото храмовников, не установлено до сих пор. По сей день историки и кладоискатели ищут его следы. А найти его, пожалуй, не так-то уж и сложно. Надо лишь поискать, где после упразднения ордена появились ни с того ни с сего большие количества золота. Оказывается, таких мест было два — Англия и Московское княжество...

Московский след тамплиеров

В 1337 году началась Столетняя война между Англией и Францией. Англия в ту эпоху была бедной по сравнению с Францией, и тем не менее в стране нашлись деньги, чтобы вести войну в течение 116 лет! Откуда?

Думается, мы не ошибемся, предположив, что войну эту Англия вела на золото тамплиеров, отомстивших тем самым французскому королевскому дому за учиненный погром.

Можно удивляться искусству, с которым тамплиеры скрыли самый акт передачи золота английскому королю. Зная, что агенты Ватикана пристально следят, не всплывет ли где-нибудь в Европе золото неизвестного происхождения, тамплиеры изобрели весьма оригинальный способ легализации орденских сокровищ. Английский король сделал вид, будто деньги, появившиеся в Британии, отчеканены из золота, добытого алхимическим путем знаменитым Раймундом Луллием. Как раз в начале XIV века он якобы передал английской короне 25 тонн драгоценного металла, изготовленного им по заказу английского правительства. В результате Столетней войны Франция была разорена, а тамплиеры отомщены.

Если сегодня версия об алхимическом происхождении британского золота времен Столетней войны кажется смешной, то 600 лет назад такое объяснение сошло за правду.

Другим местом, где всплыло неизвестно откуда появившееся золото, стала Москва.

В начале XIII века орден тамплиеров достиг вершины своего могущества. Его госпитали и земельные владения были рассеяны по всему миру. Резиденции рыцарей-банкиров находились не только в столице Батыя Сарае, но и в административном центре Монгольской империи Каракоруме. Представительства храмовников были во всех европейских странах, в том числе и на Руси, в частности в Москве. Будущая столица русского государства служила тамплиерам своего рода перевалочной базой. Здесь хранились крупные суммы денег, предназначенные для финансовых операций в восточноевропейском и азиатском регионах.

Предвидя разгон ордена, тамплиеры переправили золото

из французской штаб-квартиры и из европейских отделений в Англию. Деньги же восточно-европейских и азиатских отделений они стянули в Москву. Русские летописи хранят немало примеров ввоза в Москву значительных ценностей. Так, в начале XIV столетия сюда прибыл с запада некто Родион Ботрин (имя, по-видимому, русифицировано). Он привел 1700 душ «окованной рати» и передал князю Юрию Даниловичу «бесчисленное множество золотой казны».

После разгрома ордена в Западной Европе все сосредоточенные в Москве тамплиерские ценности были переданы ее правителям. Храмовники понимали: только Москва могла на своих землях дать убежище гонимым рыцарям. Ведь именно здесь благодаря покровительству церкви привечали изгоев — всех «лишних людей» Средневековья. Кроме того, Московское княжество исповедовало православие и не подчинялось римскому первосвященнику. Перебравшись в Москву, тамплиеры становились недоступными для агентов Ватикана. Таким образом, рыцари-банкиры профинансировали государство, в котором позднее обосновались, а потом и ассимилировались.

Прибытие множества храмовников в Москву после суда над орденом косвенно подтверждается и русскими летописями. В них говорится, что с 1312 года начался массовый приезд служилых людей в Москву из Золотой Орды и Литвы! Исход из Золотой Орды объясняли тем, что великий хан Узбек принял ислам, и те, кто не последовал его примеру, будто бы были вынуждены отъехать в Москву. Однако дата— 1312 год — свидетельствует о другом: из Орды, из расположенных в ней орденских госпиталей, уезжали не несториане, а тамплиеры.

А кто ехал в Москву из Литвы?

В папской булле о роспуске храмовников указывалось, что обширные литовские земельные владения, принадлежавшие им, должны перейти в собственность немецких духовно-рыцарских орденов. Естественно, тевтонцы просто выгнали тамплиеров с их земель, и тем пришлось безропотно отправиться в Москву, готовую к их приему.

Тамплиеры проложили дорогу в Московское княжество множеству европейских изгнанников. По проторенной ими дорожке в московскую землю в 1522 году пришли тевтонцы,

не пожелавшие жить под властью Польши; в 1567 году так же поступили ливонские рыцари. Двести лет спустя, в 1791 году, Россия приняла гонимых во всей Европе иезуитов, а в 1798 году стала прибежищем мальтийских рыцарей-госпитальеров.

Тамплиеры, прибывавшие в Москву при Данииле и его преемниках Юрии и Иване Даниловичах, внесли значительный вклад в создание единого русского государства. Именно золото храмовников — рыцарей ордена военных всадников — защитников Богородицы Девы Марии, святого Георгия Победоносца — позволило московским князьям скупать земли соседних княжеств. (Чудеса и приключения. № 3. 1997.).

Симеон Гордый

Сын и преемник Ивана Калиты Симеон, прозванный Гордым, соединил рассудительность и практическую ловкость своего отца с властным характером. Получив от хана ярлык на великое княжение владимирское, он торжественно венчал-

Великий князь Симеон Гордый. Художник В. П. Верещагин

ся на него во Владимире и принял «под руце свои» всех остальных русских князей и заставил младших братьев «целовать у отцовского гроба крест» на том, что все они будут заодно и станут чтить его вместо отца, имея общих врагов и друзей.

Он сумел дать почувствовать свою силу и энергию даже русско-литовским князьям, которые теперь спрашивали у него разрешения на женитьбу на северно-русских княжнах. Походом своим на Смоленск он заставил Литву «со многими дары просить мира». «Князи же все, рязанские, тверские, ростовские, толики подручны себе име, яко вся по его глаголу творяху». Вполне естественно, что человек столь твердой воли принял титул великого князя всея Руси.

Хан Ажанибек и «великая замятия»

В XIV столетии в Орде произошли значительные перемены. Наследовавший Узбеку его сын, хан Джанибек, будучи уже мусульманином, все еще старался поддерживать отношения, установившиеся при домусульманских ханах Золотой Орды. Ориентируясь на союз с Симеоном Гордым, Джанибек, по преданиям человек добрый, честный и дельный, противостоял проникновению в Поволжье и в Причерноморье католиков-генуэзцев — союзников константинопольских императоров.

Противостояние вылилось в открытую войну после того, как татарские кочевья постиг джуд (гололедица). Скот падал, люди голодали, и, спасаясь от голода, татары продавали сыновей и дочерей генуэзцам. Генуэзцы с удовольствием скупали девочек и мальчиков в чаянии высоких барышей. Узнав об этом, Джанибек страшно рассердился: по татарским понятиям, можно и нужно было стремиться к получению военной добычи, но наживаться на несчастье соседа считалось аморальным. Войска Джанибека осадили сильную генуэзскую крепость Каффу. Поскольку генуэзцы имели флот, а татары — нет, то крепость была для них практически неприступна. И тогда Джанибек приказал забросить катапультой в крепость

труп умершего от чумы человека. В Каффе началась чума. Генуэзцы вынуждены были оставить Каффу, и уцелевшая часть гарнизона отправилась домой.

По дороге покинувшие Каффу генуэзцы остановились в Константинополе — и чума пошла гулять по Константинополю и пришла в Европу. В это же время происходила миграция с востока на запад азиатской крысы-пасюка. Поскольку крысы — переносчики чумы, «черная смерть» поползла по всей Западной Европе. Тогда вымерла большая часть Южной Италии, три четверти населения Германии, около 60 процентов населения Англии; через Германию и Швецию «черная смерть» попала в Новгород, через Новгород и Псков — в Москву, где от нее умер и князь Симеон Гордый (1353).

Несмотря на чуму, период царствования Джанибека был крайне благоприятным временем для Москвы. В немалой степени этому способствовало то обстоятельство, что митрополит Алексий сумел установить доверительные отношения с Джанибеком и его старшей женой — Тайдулой. Тайдула, «первая дама» ханского двора, была женщиной редкой красоты и выдающегося ума. Однако ее постигло несчастье — тяжелая глазная болезнь. У ложа царицы побывали знаменитые персидские и арабские врачи, степные шаманы, но тщетно: болезнь прогрессировала. И лишь Алексий, посетивший Тайдулу в Орде, смог помочь жене хана. Тайдула не забыла услуги и всегда оставалась верным другом московской митрополии, а значит, и Московского княжества.

Первосвятитель Алексий получил в дар татарский конюшенный двор в Кремле, где он построил Чудов монастырь, привез из Орды золотой перстень Тайдулы (печатка, на коей был изображен дракон) и грамоту, освобождавшую все русское духовенство от податей. По возвращении своем из Орды первосвятитель с восторгом был встречен великим князем и народом. Восьмилетний князь Дмитрий, будущий куликовский герой, со слезами благодарности приветствовал митрополита следующими словами: «О владыко, что ти воздам противу труду твоему, имже нам мирное житие даровал?» И действительно, митрополит Алексий сделался могущественным защитником Москвы пред Ордою.

Л. Н. Гумилев. «От Руси к России»: «Финал царствования «доброго царя» Джанибека был трагичен. Один из его многочисленных детей — Бердибек — стал отцеубийцей, захватил трон и казнил всех своих братьев, дабы упрочить свои права на престол. Но изверга-отцеубийцу никто не собирался поддерживать, и вскоре Бердибек был убит. После этого объявился целый ряд самозванцев. Кульпа, Навруз в другие называли себя уцелевшими детьми Джанибека. Все они претендовали на престол, а их истинным происхождением никто не интересовался. В результате стабильность в Орде была утрачена — за десять лет сменилось несколько десятков ханов, большинство из которых были чисто номинальными политическими фигурами. Русские летописцы очень точно назвали происходившее в Орде «великая замятия».

Балашов Д. М.[1] «Ветер времени»: «Замятней» и воспользовался митрополит Алексий. Используя нужду очередного хана в русском серебре, он сумел в обмен на финансовую поддержку получить ханскую грамоту, удостоверяющую, что великое княжение является наследственным правом московских князей из династии Ивана Калиты. Таким образом, политическая традиция Киевской Руси была отменена окончательно. Ей на смену пришел абсолютно новый принцип наследственной, династической монархии.

Юный Дмитрий (великий князь московский) даже не подозревал, пока ему не объяснили, уже подросшему, что теперь, с часа сего, он волен считать великий стол владимирский своею неотторжимою вотчиною, и, следовательно, в холмистом и лесном Владимирском Залесье явилось государство нового типа, и с даты этой (1363 г.), едва отмеченной косвенными указаниями позднейших грамот, надобно считать возник-

[1] Балашов Дмитрий Михайлович (р. 1927 г.) — русский советский писатель, фольклорист. Автор исторической многотомной эпопеи «Государи московские»: «Младший сын» (1975), «Великий стол» (1979), «Бремя власти» (1981), «Симеон Гордый» (1983), «Ветер времени» (1987), «Отречение» (кн. 1—2,1988—89) — о становлении русской нации с ее устоями. — *Примеч. ред.*

шим Московское самодержавное государство. Московскую Русь, заменившую собою Русь Владимирскую».

После смерти Симеона Гордого в 1353 году великим князем стал его брат Иван II Иванович Красный (Красивый), умерший в 1359 году.

А вот уже после Ивана II Красного княжение перешло в руки Дмитрия I Ивановича Донского. Того самого, про которого потомки сложили сказку о великом Куликовском побоище, якобы случившемся на Дону.

Дмитрий Донской (1350—1389)

А. Нечволодов пишет: «Почти 20 лет шел Дмитрий Иванович к своей главной победе на Куликовом поле с того первого похода 1361 года, когда он согнал с великокняжеского стола во Владимире своего соперника — суздальско-нижегородского князя Дмитрия Константиновича. Потом были войны с другим сильным противником — тверским князем Михаилом Александровичем, который пользовался поддержкой не только золотоордынского хана, но и великого литовского князя Ольгерда. Дмитрий умело использовал очередную вспышку долгой междоусобной борьбы за власть в Орде и поочередно принудил своих основных соперников из русских князей к повиновению. Однако опасность со стороны Орды в первые десятилетия княжения Дмитрия Ивановича присутствовала постоянно.

Пограничные русские княжества подвергались разорению, и Москве неоднократно приходилось принимать меры к обороне южной границы.

Усиление ордынского давления было связано с временным прекращением междоусобиц в Орде. Власть захватил темник Мамай, который сумел объединить большую часть прежней территории Золотой Орды.

В 1377 году на Нижний Новгород двинулся ордынский царевич Арапша (Араб-шах). Узнав об этом, Дмитрий Иванович направил свои полки на помощь нижегородскому князю. Но русские воеводы, не приняв необходимых мер к предупреждению неожиданного нападения ордынцев, потерпели сокрушительное поражение у берегов реки Пьяны. Одновременно другая ордынская рать напала на Переяславль-Рязанский и разрушила его.

В 1378 году Дмитрий Иванович решил не просто отразить очередной татарский набег, но и жестоко отомстить за поражение 1377 года. Атака русского войска у реки Вожа была стремительной и неудержимой. Ордынцы потерпели полное поражение. Это заставило Мамая быть осторожным. Два года потребовалось ему, чтобы подготовиться к новому походу. Готовился и великий князь Дмитрий Иванович, укрепляя единство страны, собирая общерусское войско.

Поход Мамая начался в июне (или начале июля) 1380 года. Ордынцы перешли Волгу и вышли к устью реки Воронеж, где поджидали выступления великого князя Литовского Ягайло. 23 июля 1380 года в Москве была получена «весть» о нашествии Мамая. Тут же во все столицы русских княжеств были разосланы грамоты: «Да готовы будут». Местом сосредоточения основных сил русского войска была назначена Коломна, крепость близ устья Москвы-реки.

25 августа Дмитрий Иванович произвел смотр всего войска, а уже 6 сентября русские полки остановились на донском берегу, неподалеку от устья реки Непрядвы. Здесь великий князь получил свежие известия о наступлении Мамая. Утром следующего дня ордынцы уже могли быть на Куликовом поле. Военные историки считают, что Дмитрий Иванович специально двигался к этому месту, так как особенности Куликова поля мешали Мамаю эффективно использовать главную свою силу — конницу.

В ночь с 7 на 8 сентября ордынцы подошли к месту сраже-

ния. Великий князь Дмитрий Иванович в последний раз объехал полки, воодушевляя воинов. Затем переоделся в доспехи простого дружинника и поехал в первые ряды войска. Примерно в 11 часов утра началось сближение главных сил.

Столкновению предшествовал героический эпизод — поединок богатырей, а затем две огромные рати сошлись в яростной сече. Перелом наступил после неожиданного удара русского засадного полка. Ордынцы, не ожидавшие удара в тыл, пришли в замешательство, и вскоре их отступление приняло характер беспорядочного бегства.

Куликовская битва явилась триумфом великого князя Дмитрия Ивановича, которого народ в память победы на Дону стал называть Донским.

Победа русских войск нанесла Золотой Орде тяжелейший удар. Однако свергнуть ордынское иго в 1380 году не удалось. Новый правитель Орды Тохтамыш в 1382 году неожиданно напал на Русь, сжег Москву, а затем двинулся на Владимир и Переяславль. Дмитрий Иванович с семейством укрылся в Костроме, а вернувшись в свою опустошенную вотчину, был вынужден возобновить выплату ордынской дани. В последние годы жизни великий князь уже не помышлял о борьбе с Ордой, а занимался внутрирусскими делами, присоединяя новые земли и усмиряя непокорных удельных князей.

Дмитрий Донской остался в памяти потомков как великий победитель Мамая. В честь битвы на Куликовом поле была построена церковь, которая до нашего времени не сохранилась. В 1850 году по проекту архитектора А. П. Брюллова поставлен памятник — 28-метровый чугунный столб, надпись на котором гласила: «Победителю татар великому князю Дмитрию Ивановичу Донскому — признательное потомство».

Победа на Куликовом поле запечатлена в летописных рассказах, известных под общим названием «Летописная повесть о Куликовой битве». В первые десятилетия после битвы создаются произведения, прославляющие победу русского оружия. Это и поэтическая «Задонщина», и одно из самых распространенных произведений древнерусской литературы — «Сказание о Мамаевом побоище».

Пьяна

С. М. Соловьев в своей «Истории государства Российского» писал: «В 1377 году в Москву пришла весть, что в странах посурских явился новый царевич татарский, Арапша, перебежавший за Волгу с берегов Яика и Аральского моря. Димитрий московский тотчас собрал большое войско и пошел на помощь к тестю своему, Димитрию нижегородскому; но об Арапше долго не было вести, и великий князь возвратился в Москву, оставивши воевод своих с полками владимирскими, переяславскими, юрьевскими, муромскими и ярославскими, с которыми соединилось и нижегородское войско под начальством своего молодого князя Ивана. Собралась большая рать и двинулась за реку Пьяну, где воеводы получили весть, что Арапша далеко, на реке Волчьи Воды, притоке Донца. Князья и воеводы русские обрадовались и не обращали уже более внимания на другие приходившие к ним вести; кто может стать против нас? — говорили они, и стали ездить в простом платье (охабнях и сарафанах), а доспехи свои поклали на телеги и в сумы, рогатины, сулицы и копья не были приготовлены, иные не были еще насажены, также не были приготовлены щиты и шлемы. Было время в конце июля, стояли сильные жары, и ратники разъезжали, спустивши платье с плеч, расстегнувши петли, растрепавшись, точно в бане; если случалось где найти пиво и мед, напивались допьяна и хвастались, что один из них выедет на сто татар. Князья, бояре и воеводы также забыли всякую осторожность, ездили на охоту, пировали, величались да ковы друг против друга строили. В это время мордовские князья подвели тайно Арапшу, который, разделив свою рать на пять полков, 2 августа нечаянно ударил со всех сторон на русское войско; последнее не имело возможности сопротивляться и побежало в ужасе к реке Пьяне. Князь Иван Дмитриевич нижегородский утонул при переправе вместе со множеством бояр, слуг и простых ратников, другие были перебиты татарами. Арапша явился перед Нижним, откуда князь Димитрий Константинович выбежал в Суздаль, а жители разбежались на судах по Волге к Городцу. Татары перехватили тех, которые не успели спастись, сожгли город, опустошили ок-

рестности и ушли назад; в том же году Арапша пограбил и места за Сурою (Засурье), потом перебил русских гостей; пришел нечаянно на Рязань, взял ее, причем сам князь Олег, истрелянный, едва вырвался из рук татарских. Надеясь, что после пьянского поражения нижегородское княжество осталось без защиты, и мордва захотела попытать счастья против русских, приплыла нечаянно по Волге в Нижегородский уезд и пограбила то, что осталось от татар; но князь Борис Константинович настиг ее у реки Пьяны и поразил: одни потонули, другие были побиты. Но оба князя, и московский и нижегородский, не хотели этим ограничиться, и зимою, несмотря на страшные морозы, нижегородское войско под начальством князей Бориса Константиновича и Семена Дмитриевича и московское под начальством воеводы Свибла вошло в Мордовскую землю и опустошило ее».

Битва на Воже

«Житие... Дмитрия Ивановича, царя русского»: «И послал безбожный Мамай войной на Русь поначалу воеводу своего окаянного Бегича с большим войском и со многими князьями ордынскими.

Прослышав об этом, великий князь Дмитрий Иванович пошел навстречу ему со многими силами земли Русской. И бились с погаными в Рязанской земле, на реке на Воже, и помог Бог и святая Богородица великому князю Дмитрию Ивановичу, а поганые агаряне посрамлены были: одни перебиты были, другие бежали. Великий же князь Дмитрий Иванович возвратился с великою победою. Так защищал он отчину свою, Русскую землю, от вражеского нашествия поганых».

Куликовская битва

А. Нечволодов утверждал: «На Куликовом поле Москва, в лице своего великого князя, победила старое княжеское разногласие и вражду из-за частных волостных выгод при забвении надобностей, общих для всей России. На Куликовом поле народ узнал, что Москва есть истинное средоточие и сердце Русской земли».

Этому событию придается столь грандиозное значение, что обойти его никак нельзя.

Однако вначале вспомним предысторию.

1371 год. Мамай дает ярлык на великое княжение Михаилу Тверскому. Дмитрий уступать власть не желает и не подчиняется Мамаю. Но 15 июня 1371 года направляется в Орду... и привозит ярлык на великое княжение и разрешение платить дань значительно меньшего размера, чем прежде. Кроме того, он привез с собой из Орды сына Михаила Тверского, которого и держал у себя до тех пор, пока не получил с его отца выкуп в 10 000 рублей.

Заплатив выкуп за сына, Михаил Тверской почему-то не воспылал любовью к Дмитрию, продавшему ему его же сына в целости и сохранности.

Если принять во внимание, что Мамай не был номинальным ханом Орды, то выходит, что Дмитрий каким-то образом сыграл на противоречиях среди ордынской элиты.

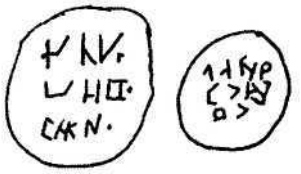
Затем Дмитрий напал на рязанцев и чуть не захватил в плен Олега Рязанского, но вынужден был заключить мир из-за угрозы нападения Михаила Тверского в союзе с литовцами. Вечные склоки между князьями препятствовали московскому князю захватить, то есть объединить, всю Россию в единое государство. Каждый сам себя считал более достойным сделать то же самое.

1374 год. Жители Нижнего Новгорода перебили ханских послов. Мамай подозревал, что сделано это было с согласия Дмитрия.

1375 год. Михаилу Тверскому привозят ярлык на великое княжение и обещание Мамая оказать военную помощь против Дмитрия в случае неподчинения московского князя.

Михаил сговаривается с Ольгердом и готовится к походу на Дмитрия.

А Дмитрий срочно созывает войска и 5 августа осаждает Тверь. К нему на помощь пришли новгородцы. Мужественно бились защитники Твери, но сил у них было слишком мало. И Михаил запросил мира. Дмитрий принял капитуляцию на



Тверские пулы[1]

условиях строгого подчинения ему, как главному князю, за что обещал не отнимать у него Тверской волости.

В 1375 году новгородские повольники на 70 ушкуях[2] под начальством некоего Прокопа напали на Кострому, разбили там княжого наместника Плещеева, разграбили и сожгли город, а весь полон продали в рабство мусульманам. Эпизод этот не лестен для новгородцев; во-первых, они были в мире и даже в союзе с великим князем; во-вторых, повольники, уничтожая город, не пощадили даже святыни, и, в-третьих, они совершили такое страшное, богопротивное дело, как продажа всего «крестьянского» полона в рабство «бесерменом».

М. И. Помяловский[3] пишет: «Новгород помогал Москве в ее борьбе с Тверью; обыкновенно же он всегда готов был соединиться с врагами Москвы». Отношениям Новгорода и Москвы посвящена целиком II глава первой части замечательного труда Г.Ф. Карпова: «История борьбы Московского государства с Польско-Литовским» (Чт. Общ. Ист. и Др., 1866 г.).

А. Нечволодов: «Конечно, значительное усиление Московского княжества, созданное твердой и искусной рукой Димитрия Иоанновича, не могло ускользнуть от бдительности татар.

Мамай готовился обрушиться всеми силами на Русскую землю, чтобы повторить времена Батыя, и ждал только благоприятного для этого времени, до наступления же его он не упускал случая вредить нам, где можно.

В 1377 году мордва провела татарского царевича Арапшу с войском в нижегородские владения; узнав об этом, Димитрий немедленно отправил на поддержку тестя свои войска,

[1] Русские и татарские мелкие деньги носили название «пул», более крупные монеты — «денга» (таньга, тенге). На Руси были известны и литовские монеты, которые назывались «копами». От названия «копа» происходит русское «копейка».

[2] Ушкуй — древнерусское речное судно с веслами. — *Примеч. ред.*

[3] ЗРАО. Т. 12. В. 1.

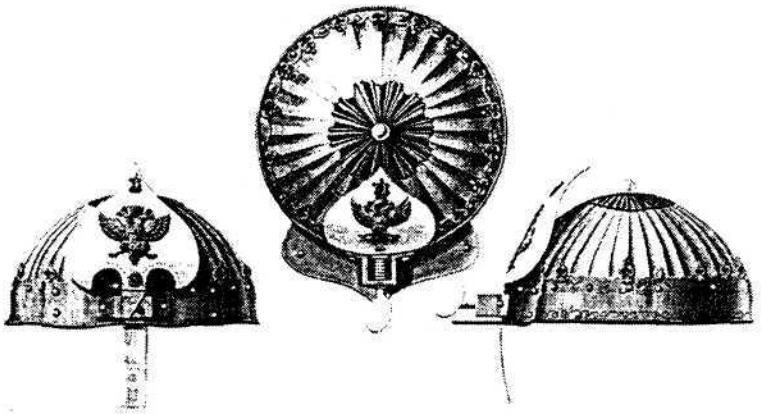
которые собрались с нижегородской ратью за рекой Пьяной. К несчастью, воеводы наши проявили излишнюю самонадеянность по отношению татар; поверив ложно пущенному слуху, что Арапша далеко, они не приняли никаких мер к охранению стана, а беспечно предавались охоте и пиршествам, причем были внезапно застигнуты врасплох Арапшей; татары перебили великое множество воинов и бояр, а также двух князей. После этого они подошли на третий день к Нижнему Новгороду, где царили ужас и смятение, сожгли его и разграбили. В то же время другой татарский отряд напал на Рязань, и князь Олег, весь израненный и покрытый кровью, едва мог вырваться из рук неприятеля.

Скоро обе области, Нижегородская и Рязанская, были превращены в пепел и развалины удаляющимися татарами, а вслед за ними подняла голову и мордва и начала неистово злодействовать вокруг Нижнего. Но против мордвы удачно действовал князь Борис Городецкий; в следующем, 1378 году он совершил поход в их землю, истребляя жилища и жителей, пленников же, приведенных им в Нижний Новгород, рассвирепевший народ затравил псами на льду реки Волги.

Эти жестокости против мордвы, подвластной Орде, вновь возбудили гнев Мамая; в том же 1378 году Нижний Новгород был вторично сожжен татарами, которые вслед за тем соединились с сильным отрядом мурзы Бегича, посланного против московского князя. Дмитрий Иванович встретил их на берегах реки Вожа в рязанских пределах; выстроив свои войска, он поручил начальствование над одним крылом своему ближнему боярину или окольничему Тимофею, над другим — князю Даниилу Пронскому, а сам, став против середины, быстро двинулся на татар, и стремительный натиск и решил дело: татары были наголову разбиты и в ужасе бежали с необычайной быстротой.

Услыхав об этом поражении, Мамай затрепетал от гнева и немедленно послал новый отряд, который овладел Рязанью и сжег ее, князь Олег опять едва спасся. Удовлетворив свое чувство мести, Мамай стал деятельно готовиться для нанесения Димитрию решительного удара уже всеми силами.

Со своей стороны и Димитрий также с полным напряжением готовился к предстоящей страшной борьбе, неустанно



Татарская мисюрка с двуглавым орлом

занимаясь государственными делами и проявляя всюду свою обычную твердость и решимость.

1378 год. Скончался митрополит Алексей. В Царьграде рукоположили архимандрита Пимена, но Дмитрий не согласился на этот выбор, и из Киева прибыл новый митрополит Киприян»[1].

8 сентября 1380 года произошло Мамаево побоище. Вскоре после этого события появилось его историческое описание (Новгородская четвертая летопись, Софийская первая, Воскресенская).

Псковские летописи (1941. Вып. 1. С. 24): «Бысть похваление поганых татар на землю Роускую: бысть побоище велико, бишася на Рожество святыя Богородица, в день соуботный до вечера, омерькше биючися; и пособе бог великому князю Дмитрею, биша и на 30 верст гонячися... Того же лета во озере Чюдском истопли 4 лодии».

Судя по повествовательному характеру описания событий, может сложиться впечатление, что Куликовская битва — событие одного порядка с потоплением четырех лодок.

[1] Изгнанный князем Дмитрием из Москвы в 1378 году, митрополит всея Руси Киприан, бежав в Киев, проклял Дмитрия и его окружение «по правилам святых отец».

В летописях поражает почти полное отсутствие фактического материала. Был бой и молитвы — вот все, что мы сможем почерпнуть из ранних источников.

В XV веке рязанский иерей Софоний составляет свое «Поведание» («Задонщина»). Он первым «вспомнил» о засадном полке и ввел в повествование эпизод о Пересвете. Фактов и в «Поведании» мало, поэтому появляется новый рассказ — «Сказание о Мамаевом Побоище», насыщенное новыми подробностями о сражении. Отсюда видно, что чем позднее написана вещь, тем больше фактов она содержит. Неизвестно, правда, откуда эти факты берутся. Окончательно легенда в том виде, в котором она известна современным читателям, складывается в XVII веке (Сказание о Мамаевом Побоище, с предисловием С.К.Шамбинаго. 1907).

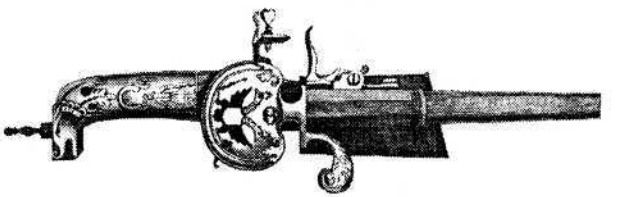
Среди погибших в Куликовской битве назван Федор Тарусский, убитый под Белевом в 1437 году.

Стало быть, сама «повесть» создана после смерти Федора, в XV веке.

Рассказ о Куликовом поле и о сражении на нем

На поле Куликовом, том, что на Дону-Танаисе, производились раскопки с целью найти оружие павших воинов.

Были обнаружены два наконечника копий и личный пистолет хана Мамая.



На пистолете — двуглавый орел, совсем такой, как на татарской мисюрке. Надо сказать, что впервые сей символ появился на монетах хана Батыя, хотя некоторые утверждают, что не Батыя, а Джанибека. В любом случае это символ татарской орды.

Так как никакого иного оружия на Куликовом поле найдено не было, то именно это оружие должно было принадлежать либо хану Мамаю, либо князю Дмитрию Донскому.

В европейской литературе впервые о дымном порохе упомянул в XIII веке Роджер Бэкон, когда писал о взрывчатых свойствах селитры в смеси с горючими веществами. На Востоке к тому времени порох был уже известен — вторгшиеся в Японию монголы в 1274 году уже применяли взрывающиеся железные шары, т.е. гранаты. К середине XIV века порох знали во всех государствах Европы. Например, в Голицынской летописи времен царствования Алексея Михайловича написано: «В лето 6897 (1389 год нашего летосчисления) вывезли из Немец арматы на Русь и огненную стрельбу и оттого часу уразумели из них стреляти. В 6803 году (1395 г.) в княжение Василия Дмитриевича сгорело в Москве несколько дворов от делания пороха». Несмотря на современную аппаратуру и средства контроля, взрывы и пожары случаются в пороходелии и ныне.

Итак, лишь через 9 лет после Куликовского сражения русские тоже научились пользоваться огненным боем, но на Куликовском поле ружья и пистолеты могли быть только у татар как самых передовых в военном отношении.

Побоище за Доном

«И тогда было побито народу с обеих сторон 400 000; тогда русские выиграли битву» — так записал под датой 8 сентября 1380 года монах торнского монастыря Дитмар Любекский.

По сведениям Дитмара Любекского, русских было 400 000 (это в два раза больше, чем у Наполеона при Бородино, и в шесть раз больше, чем у Кутузова при изгнании Наполеона из Москвы). Не поддержали Москву земли Тверская, Рязанская, Нижегородская, Новгородская, Смоленская. Где собрала Москва свои отряды? В маленькой Москве?

Немецкий ученый конца XV века А. Кранц уже называл эту битву «величайшим в памяти людей сражением». Стало быть, оно (сражение) было. Но вот где?

Кандидат исторических наук Андрей Петров пишет: «Отмечу, что в целом попытки переносить Куликовскую битву в иное пространство и время малоперспективны. Уж больно хорошо документированы эти самые время и место битвы».

Прочтя эти слова моего коллеги в журнале «Родина», я был несколько удивлен. Ну что ж, если перенесение места и времени Куликовской битвы малоперспективно, то надо попробовать.

Итак...

О чем рассказывает «Сказание о Мамаевом Побоище»

Ознакомимся с официальной версией, которой строго придерживался писатель А. Нечволодов: «В это время как раз Мамай, устранив хана Магомета, именем которого он правил, сам провозгласил себя ханом и приступил к исполнению своего давнишнего намерения — повторить Батыево нашествие на Русскую землю.

Летом 1380 года он собрал огромнейшее войско и, перейдя Волгу, стал кочевать при устье реки Воронеж. Тут были татары, половцы, черкесы, бессермены, ясы, кавказские жиды, армяне, крымские генуэзцы и представители многих других народов[1].

Олег Рязанский не надеялся на свою силу и, сохраняя себя, должен был, конечно, или искать благоволения Мамая, или же стать заодно с великим князем московским; он избрал первое, очевидно потому что Мамай стоял уже на его границах, а Олег еще недавно дважды испытал, что значит нашествие даже незначительных татарских отрядов.

Дав знать Димитрию о приготовлениях Мамая, Олег вместе с тем вошел в тайные переговоры с татарами, а также и с Ягайлой Литовским.

Олег с Ягайлой, по-видимому, были вполне уверены, что Димитрий не отважится вступить в бой, а убежит на север —

[1] «Стал кочевать»! Правда, мне трудно представить себе кочующих генуэзцев, армян и евреев.

Татарский дозор на Куликовом поле

в Новгород или на Двину; они же, ублаготворив Мамая богатыми дарами, разделят всю Северо-Восточную Русь надвое: одна сторона отойдет к Литве, а другая — к Рязани.

Для Москвы такой союз был в действительности грозен; с такой тройной силой ей еще не приходилось бороться.

Но Дмитрий и не думал никуда бежать. Он давно уже сам готовился к страшной, но славной борьбе со всей татарской силой; рассылая повсюду гонцов, он с великой любовью и со многим смирением стал призывать русских князей на общее и святое дело, приказав в то же время укреплять пограничные города — Коломну, Тулу и другие; сам же, готовясь на подвиг, по обычаю благочестивых своих предков, прибег к молитве и покаянию.

Между тем в Москву приехали послы от Мамая и потребовали такого же выхода (дани), который Русь платила при Узбеке. На собранной великим князем Боярской думе, где присутствовало и духовенство, решено было послать ту дань, которая была установлена при последней поездке Дмитрия в Орду; вместе с тем, по совету митрополита Киприана, был послан к Мамаю Захар Тютчев с особыми богатыми дарами, чтобы поближе разведать о его намерениях.

Скоро Тютчев донес, что к татарам примкнули Олег Рязанский и Ягайло. Донесение это было получено Дмитрием на пиру у боярина Николая Васильевича Вельяминова, брата казненного Ивана. Конечно, оно ничуть не поколебало уверенности Дмитрия, который, несомненно, заранее предвидел возможность такого союза Литвы и Рязани с татарами. Он только ускорил сборы войска и решил, как всегда решали его славные предки, самому выйти навстречу Мамаю в степи, с

тем чтобы быстротой действий предупредить своих противников и не дать им возможности соединиться.

Почти все войско Дмитрия было конное, что давало возможность развить большую быстроту движения.

«Поганые половцы стали своих богов призывать». У язычников богов много. «Начали поганые одолевать... Самого великого князя тяжело ранили и сбили с коня. Он же с трудом ушел с побоища, потому что нельзя было ему больше биться, и укрылся в чаще и божьей силою сохранен был».

Нашли его после битвы Федор Сабур и Григорий Холопичев, которым поведал Стефан Новосильский, что видел его идущего пешим с побоища, тяжко раненным. Но помочь не мог — бился с тремя татарами. Взял на себя командование Владимир Андреевич Донской. Язычники бежали. Князь Владимир Андреевич стал на костях под черным знаменем. Стоял на костях 8 дней, пока не отделили христиан от нечестивых. Христиан закопали, а нечестивых бросили зверям на растерзание».

Владимир Андреевич, внук Калиты, которому принадлежала треть Москвы, носил прозвища Донской и Храбрый и был князем серпуховским и боровским. Истинный победитель Куликовского сражения, но так как он был не московским, а серпуховским князем, то и победу позже приписали не ему, а Дмитрию, который, к тому же, как видно из известных нам летописей, никакими подвигами более не прославился.

Донские князья

«В лето 6918 (1410 г.) августа во 12 день преставись благоверный князь Владимир Андреевич Донской».

Внучка Владимира Андреевича — Мария Донская — была супругой Василия Васильевича Темного.

«В лето 6940 (1432 г.) июля в 10 день преставился благородный князь Андрей Дмитриевич Донской».

Иван Владимирович Донской — 7 октября 1422 года.

Андрей Владимирович Донской — 5 ноября 1425 года.

Афанасий Владимирович Донской —16 августа 1426 года.

Петр Дмитриевич Донской — 10 августа 1428 года.

Все Донские названы великими князьями, хотя (по нашим летописям) не занимали московского престола.

Но обратите внимание, автор XIX века А. Нечволодов так туманно описывает место, где происходила битва, что и понять ничего нельзя: в степи. И это все?

Самым древним источником о Куликовской битве, помимо кратких летописных сведений, является знаменитая «Задонщина», написанная, как считается, Софонием Рязанцем. Осмелюсь привести текст этой бессмертной поэмы для нашего читателя.

Задоншина (Кирилло-Белозерский список)

«Писание Софониа старца рязанца благослови отче: Задонщина великого князя господина Димитрия Ивановича и брата его князя Володимера Ондреевича.

Поидем, брате, в полуночную страну жребии Афетову сына Ноева, от него же родися Русь преславная. Оттоле взыдем на горы киевьскыя. Первое всех вшед восхвалим вещаго Бояна в городе в Киеве, гораздо гудца. Той бо вещии Боян воскладая свои златыя персты на живыя струны, пояше славу русскыим князем, первому князю Рюрику, Игорю Рюриковичю и Святославу Ярославичю, Ярославу Володимеровичю, восхваляя их песми и гусленым буйными словесы на русскаго господина князя Дмитриа Ивановича и брата его князя Володимера Ондреевича, занеже их было мужество и желание за землю руссьскую и за веру христианьскую.

От тоя рати и до Мамаева побоища (160 лет).

Се аз князь великыи Дмитрии Иванович и брат его князь Володимер Ондреевич поостриша сердца свои мужеству, ставше своею крепостью, помянувше прадеда князя Володимера киевьскаго, царя русскаго.

Жаворонок птица, в красныя дни утеха, взыди под синие облакы, пои славу великому князю Дмитрею Ивановичю и брату его Володимеру Ондреевичю. Они бо взнялися как соколи со земли русскыя на поля половетция.

Кони ржут на Москве, бубны бьют на Коломне, трубы

трубят в Серпухове, звенит слава по всей земли руссьскои, чюдно стязи стоят у Дону великого, пашутся хоригови берчати, светяться калантыри зачены, звонят колоколи вечнии в великом в Новегороде. Стоять мужи ноугородци у святыя Софии аркучи такову жалобу. Уже нам, брате, к великому князю Дмитрею Ивановичю на пособь не поспети.

Тогды аки орли слетошася со всея полунощныя страны. То ти не орли слетошася, съехалися все князи русскыя к великому князю Дмитрию Ивановичю на пособь, аркучи так: господине князь великыи, уже поганыи татарове на поля на наши наступают, а вотчину нашю у нас отнимают, стоят межю Доном и Днепром, на рице на Чече. И мы, господине, поидем за быструю реку Дон, укупим землям диво, старым повесть, а младым память.

Тако рече князь великыи Дмитрие Иванович своей братии русским князем: братьеца моя милая, русские князи, гнездо есмя были едино князя великаго Ивана Данильевича. Досюды есмя были, брате, никуды не изобижены, ни соколу, ни ястребу, ни белу кречату, ни тому псу поганому Мамаю.

Славии птица, что бы еси выщекотала сиа два брата, два сына Вольярдовы, Андрея половетцаго, Дмитриа бряньскаго, ти бо бяше сторожевыя полкы, на щит рожены, под трубами поють, под шеломы взлелеаны, конец копия вскормлены, с востраго меча поены в Литовьскои земли.

Молвяше Андреи к своему брату Дмитрею: сама есма два брата дети Вольярдовы, внучата Едиментовы, правнучата Сколдимеровы. Сядем, брате, на свои борзи комони, испием, брате, шеломом своим воды быстрого Дону, испытаем мечи свои булатныя. Уже бо, брате, стук стучит и гром гремит в славне городе Москве. То ти, брате, не стук стучит, ни гром гремит, стучат силная рать великаго князя Ивана Дмитриевича, гремят удалци золочеными шеломы, черлеными щиты. Седлаи, брате Ондреи, свои борзи комони, а мои готова напреди твоих оседлани.

Уже бо всташа силнии ветри с моря, прилелеяша тучю велику на усть Днепра, на русскую землю. Ис тучи выступи кровавыя оболока, а из них пашют синие молньи. Быти стуку и грому велику межю Доном и Непром, идет Хинела на русскую землю. Серие волци воют, то ти были не серие волци, придо-

ша поганые татарове, хотят пройти воюючи, взяти всю землю русскую.

Тогда же гуси гоготаше, и лебеди крилы всплескаша. То ти не гуси гоготаша, ни лебеди крилы всплескаша, се бо поганый Мамай приведе вой свои на Русь.

Птици небесныя пасущеся то под синие оболока, ворони грают, галици свои речи говорят, орли восклегчют, волци грозно воют, лисици часто брешют, чают победу на поганых.

Аркучи такъ: земля еси русская, как еси была доселева за царем за Соломоном, так буди и нынеча за княземъ великим Дмитрием Ивановичем.

Тогда же соколи и кречати, белозерские ястреби позвонять своими злачеными колоколци.

Уже бо стук стучит и гром гремит рано пред зорею. То ти не стук стучит, ни гром гремит, князь Володимер Ондреевич ведет вое свои сторожевыя полкы к быстрому Дону, аркучи такъ: Господине князь Дмитреи, не ослабляи, уже, господине, поганыя татарове на поля на наши наступают, а вой наши отнимают.

Тогда же князь великыи Дмитреи Иванович ступи во свое златое стремя, всед на свои борзыи конь, приимая копие в правую руку. Солнце ему на встоце семтября 8 в среду на рожество пресвятыя богородица ясно светит, путь ему поведает, Борис и Глеб молитву творят за сродники свои.

Тогда соколи и кречати, белозерскыя ястреби борзо за Дон перелетеша, ударишася на гуси и на лебеди. Грянуша копия харалужныя, мечи булатныя, топори легкие, щиты московьскыя, шеломы немецкие, боданы бесерменьскыя. Тогда поля костьми насеяны, кровьми полиано.

Воды возпиша, весть подаваша по рожным землям, за Волгу, к Железным вратом, к Риму до Черемисы, до Чяхов, до Ляхов, до Устюга поганых татар, за дышущеем морем. Того даже было нелепо стару помолодитися.

Хоробрый Пересвет поскакивает на своем вещем сивце, свистом поля перегороди, аркучи таково слово: лучши бы есмя сами на свои мечи наверглися, нежели нам от поганых положеным пасти. И рече Ослебя брату своему Пересвету: уже, брате, вижю раны на сердци твоем тяжки. Уже твоей главе

пасти на сырую землю, на белую ковылу, моему чаду Иякову. Уже, брате, пастуси не кличют, ни трубы не трубят, толко часто ворони грают, зогзици кокуют на трупы падаючи.

Тогда же не тури возрыкают на поле Куликове на речке Непрядне, взопаша избиении от поганых князи великих и боляр сановных, князя Федора Романовича Белозерскаго и сына его князя Ивана, Микулу Васильевича, Федор Мемко, Иван Сано, Михаиле Вренков, Иаковъ Ослебятин, Пересвет чернец и иная многая дружина.

Тогда же восплакашася горко жены болярыни по своих осподарех в красне граде Москве. Восплачется жена Микулина Мария, аркучи таково слово: **Доне, Доне, быстрый Доне, прошел еси землю половецкую, пробил еси берези хараужныя, прилелеи моего Микулу Васильевича. Восплачется жена Иванова Федосия: Уже наша слава пониче в славне городе Москве.**

Не одина мати чада изостала, и жены болярскыя мужей своих и осподарев остали, глаголюще к себе: Уже, сестрици наши, мужей наших в живот нету, покладоша головы свои у быстрого Дону за русскую землю, за святыя церкви, за православную веру з дивными удалци, с мужескыми сыны».

Список — 2 Исторического музея дает другой вариант окончания:

«Ту ни галици ни щурове въспели жалостные песни у Коломны на заборолах на въскресение на Якимов и Аннин день. То ти были ни щурове ни галици воспели, въсплакалися жены коломенскыя, а ркучи таково слово: **«Москва, Москва, быстраа река, чему еси залелеяла мужей наших от нас в землю половетскую литовскую».** А ркучи тако: «Можеши ли тамо, господине князь великий, веслы Непру запрудити, а Дон шоломы вычерпати, а Меч реку трупы татарскими запрудити. **Заткни, государь князь великий, Оки ворота, чтобы погании потом к нам не заходили.** Уже мужи наших рать трудила в суботу на рожество святой богородици крестьян татарове на поле Куликове на речке Непрядве».

В «Списке Ундольского» представлен более полный, «объединенный» вариант: «Восплакашася вси княгини и боярыни и вси воеводские жены о избиенных. Микулина жена

Васильевича Федосья да Дмитриева жена Марья рано плакаша **у Москвы града на забралах** стоя, а ркут тако: **«Доне, Доне, быстрая река, прорыла еси ты каменные горы и течеши в землю Половецкую. Прилелей моего господина Микулу Васильевича ко мне».**

А Марья про своего господина тоже рекла, а Тимофеева жена Волуевича такоже плакахуся и рече тако: Се уже веселие мое пониче во славном граде Москве, и уже не вижу своего государя Тимофея Волуевича в животе нету. А Ондреева жена Марья да Михайлова жена Оксинья рано плакашася: Се уже обемя нам солнце померкло в славном граде Москве, примахнули к ним от быстрого Дону поломянные вести, носяше великую беду и сседша удальцы з добрых коней на уженое место на поле Куликове на речке Напряде.

И восплакалися жены коломеньские, а ркут тако: **«Москва, Москва, быстрая река, чему еси залелеяла мужей наших от нас в землю Половецкую».**

В «Синодальном списке» дополнено: «Тогда яко орли слетешася но великия сыли татарския поганого царя Момоя. Я побегоша татарове нетоличными дорогами, пометавше оружие свое и руками своими покриваху главы своя и плакашася горко глаголюще: Уж нам у Золотой орда не бывати, бедных жон и детей не видати. Се ж погибе царей наших веселие и величество и радост и похвала на Рускую землю из радостою ходити.

И погнаше руския сынове вослед поганых татар и победивше много множества поганых татар безчисленно и возростишася и с победою и с великою радостию к великому князю Дмитрию Ивановичу и ко брату его Володимеру Ондреевичу на поли Куликове на реце Непрядене. Быст радост великая руским князем.

Ставши на костехъ поганих татар вострубили и з радости начата имати кони и верблюды и камки, носечи, сребро и злато и крепкия доспехи и чест и жемчуги и дорогое взорочия, колко хто хотечи и могучи, толко возимаючи. Жены руския татарским златом.

Княз великий Дмитрей Иванович получи божию милость пречистия его матери и всех святых его, молитвами святых

чудотворец руских Петра и Алексия и преподобнаго отца нашего Сергея и брата его святого Володимера Киеского, иныя многия руския вдалцы князи и бояре и боярския дети возратишася из своим господарем ко славному граду Мокве с великою победою и з росстию незглаголанною.

И поганый цар Момай с малою дружиною прибегъ ко Кафе и рекоша ему фрезове: Поганый царю и бедный Момаю, пошел еси похвалившисе на Рускую землю з деветю ордами и з семию девет великими кназми ординскими темними, а нынече еси прибегъ самою дружиною толко самъ десят. Нешто гораздо чтили их руския князи твою дружину темных князей великих вланов, што их с тобою никого нет? А то сами розумем, поганый Момаю, что от великию чести от солодких медов князей руских вся твоя дружина зогибла, и многия орды погибли и главы свои потерали. А ты ж сам худый бедный царю Момаю, чести своея избыв, вечно, поганый Момаю, заденеши нас своям безумием, яко ж пишет во причах: похвала бывает мужу безумному великая пагуба. А инде пише во причах: гордому богу противится, а смиренному дает благодат. Богу нашему слава и ныне и писно и во веки веком амин.

Конецъ».

Разберем внимательно, что же нам говорит Софоний? Из «Задонщины» узнаем, что **Куликовская битва произошла в 1384 году на территории современной Москвы к югу от Донского монастыря** (в начале Загородного шоссе).

Куликово поле... Однако правильнее писать не Куликово, а Кулигово, то есть Дальнее, не примыкающее непосредственно к поселению. «Кулига, кулички — обозначает отдаленное место» (Д.С. Лихачев).

Ныне на этом поле расположено Замоскворечье. Чтобы быть уверенными в этом, приведем цитаты из «Задонщины»:

«Уже заскрипели телеги меж Доном и Днепром, идут хиновя в Русскую землю»[1].

«А от Калкской битвы до Мамаева побоища 160 лет» — отсюда дата битвы: 1224 + 160 = 1384 г. Эта дата явно не совпадает с датой чужеземного монаха.

[1] Хиновя — китайцы, от China. В данном случае — гунны, варвары.

«На Москве кони ржут, звенит слава русская по всей земле Русской. Трубы трубят на Коломне, в бубны бьют в Серпухове, стоят стяги у Дона великого на берегу. Звенят колокола вечевые в великом Новгороде...»

Ясно, что **на Дону** *русские* стяги, он течет по русской земле.

«Господин князь великий, уже поганые татары на поля наши наступают, а вотчину нашу у нас отнимают, стоят между Доном и Днепром, на реке на Мече. И мы, господин, пойдем за быструю реку Дон... храбрых своих испытаем, а в реку Дон кровь прольем за землю русскую...»

То есть русские стяги стояли на одном берегу Дона. Татары пришли на русскую землю и стоят на другом берегу Дона, на реке Мече. Меча — правый приток Дона. Стало быть, русские стояли на левом берегу Дона.

«Быть стуку и грому великому на речке Направде меж Доном и Днепром, пасть трупу человечью на поле Куликовом, пролиться крови на речке Направде»[1].

«...прибежали серые волки... воют на реке Мечи, хотят наступать на землю Русскую... Мамай на Русскую землю пришел и воинов своих привел».

Отсюда ясно, что Меча — на русской земле.

«Русская земля, это с тобой так, словно ты за Сулейманом царем побывала».

Сулейман победил сербов на Косовом поле. Софоний сравнивает Мамаево нашествие с нашествием турок на Балканы. Возможно, сам Софоний Рязанец был из сербских беженцев, ибо слово «Чура», что по-русски означало граница, межа, переводит на церковно-славянский как «Межа», притом через «дервь», «Меджя» — «Меча».

«...за Дон перелетели... Это перевезлись и наехали сыновья русские на сильную рать татарскую... загремели мечи булатные о шлемы китайские на поле Куликовом, на речке Направде. ...костями татарскими поля насеяны, а кровью полито... Русь великая одолела Мамая на поле Куликовом».

[1] По разным спискам вариантность названия реки — Направда, Непрядва, Непряденя, Непряда («Непр-яд-ва» — река Непр, может быть — «река маленький Днепр»?).

Ни о каком количестве войск нет ни слова. Пока неясно, где находится Направда и Дон. Многие почему-то думают, что Дон — это Танаис. Но пока это ни из чего не видно, хотя и возможно.

«...заплакали княгини и боярыни и воеводские жены об убитых. Микулина жена Марья рано плакала у Москвы-города на стенах, приговаривая: «Дон, Дон, быстрая река, прорыла ты горы каменные, течешь в землю половецкую, принеси волнами моего государя ко мне, Микулу Васильевича».

А вот теперь мы точно знаем, Дон вовсе не Танаис, это река, текущая мимо города Москвы, текущая в Волгу и несущая на своих волнах тела павших на поле Куликовом. Стало быть, Дон — это славянское название Москвы-реки.

«...расплакались жены коломенские, приговаривая так: «Москва, Москва, быстрая река, зачем ты у нас мужей наших угнала волнами в землю половецкую?»

Теперь ни у кого не может быть сомнений: Дон и Москва — одна и та же река, но первое название — русское, второе — финское. Ведь Московский край в то время — это исконно финские земли, ославянивание которых только начиналось. Но раз так, то Куликово поле должно находиться в Москве, мимо которой протекал Дон, в который впадали речки Меча/Межа и Направда.

Если так, то татары, бегущие с поля Куликова, должны бежать, форсировав Оку, через Рязанскую землю. Однако эпизод бегства в «Задонщине» не описан. Зато в летописной повести «О побоище на Дону и о том, как великий князь бился с Ордою» этот эпизод воспроизведен подробно.

«Олег Рязанский... на реке мост разломал; а кто поехал с Донского побоища домой через его вотчину, Рязанскую землю, бояре или слуги, тех велел он задерживать, грабить и отпускать нагими».

Но кого он грабил? Если бежали с Куликова поля татары, то тогда татар, разгромленных русскими. Если русских, то зачем бежать с поля боя через рязанскую землю после победы над татарами? Да и зачем ходить за 300 км, оставляя в тылу врага — рязанцев? Ведь граница московских земель проходила севернее Оки по реке Северке, текущей чуть южнее Домодедова. Да и зачем разбитым татарам, бегущим с Куликова

поля, которое якобы на Дону-Танаисе, бежать в Крым или в южные степи, переправляясь через Оку? Зачем им переправляться через Оку? Ведь это же намного севернее Дона?

Вывод из всего этого таков. Текла река Дон/Москва. В нее впадала река Чура с притоком ее — Направдой. Чура, как слово чисто русское, было переведено Софонием на церковно-славянский как Межа/Меча. Направда — река, на которой шел самый кровопролитный бой, оба берега завалены были трупами павших. Три дня она текла кровью, и после этого ее прозвали Кровяницей. Эти речки текли на Кулиговом поле, немного южнее Донского монастыря, Слившись в единую речку, они впадали в Дон/Москву недалеко от Автозаводского моста. (Ныне частично взяты в трубу.)

Стало быть: пришли татары, остановились на речке Чуре, на правом берегу Москвы-реки. Русские вышли из Кремля, переправились в Замоскворечье и пошли к речке Направде (Кровянице). Татары перешли речку Чуру-Межу-Мечу и вступили в бой, были разбиты и побежали на юг, к Оке, где их

Сергий Радонежский — покровитель земли Русской. Художник С. Харламов, 1992 г.

пограбили рязанцы. А вот в этом случае татары не могли не форсировать Оку, текущую с запада на восток. После этого Москва отняла у рязанцев левобережье Оки. Для оправдания своих дел московские наверняка обвинили рязанцев в помощи татарам.

Пересвет бьется с татарином

В «Сказании» Дмитрий Иванович получает благословение от Сергия, «приде, господине, на погаными половцы». Это противоречит истине.

В «Житии Сергия Радонежского» Сергий советовал покориться Мамаю, выступить против татар **«с правдою и покорением, якож пошлина твоа држит покорятися ордынскому царю должно».** Надо, мол, по старине мир заключить и покориться, хотя если Мамай начнет бой, то проиграет.

Иван Пересветов в челобитной Ивану Грозному пишет: «Служу тебе, государю благоверному, поминая своих пращур и прадед, как служили верно государям русским великим князем, твоим пращурам и прадедам, Пересвет и Ослябя в чернцах в схиме, со благословением Сергия чюдотворца на Донъском побоище при великом князе Дмитрее Ивановиче, за веру христианскую, за святые церкви, и за честь государю пострадали, главы свои положили».

«В церкви на Старом Симонове в Москве были гробницы Пересвета и Осляби, тела которых, по преданию, были перевезены в Симонов монастырь с Куликова поля».

Александр Пересвет — из брянских бояр, монах. Пересвет и Ослябя упоминаются в Синодике среди убитых на Куликовом поле. Пересвет якобы был иноком Троицы, и на войну

его отправил сам Сергий, но тогда его и захоронили бы в Троице, однако его захоронили в Симоновском монастыре в Москве.

«Повесть о Куликовской битве» сообщает, что Сергий вооружил иноков вместо оружия крестом «на смыках». Не крестить же татар они шли! Или именно крестить?

Родион Ослябя, чернец, в 1398 году воскрес и в Царьград **«с Москвы поехал с милостынею Родион чернец Ослябя, бывший преже болярич Любутьский»[1].** Андрей Ослябя — под таким именем он известен в «Сказании о Мамаевом Побоище». Известен Любутск на Оке (Троицкая летопись. С. 448). После кончины Ослябя также погребен в Симоновском монастыре. Они сражались не в рядах удельных князей, а в отряде московского князя. Однако Ослябю приписали к павшим на Куликовом поле лишь потому, что похоронен рядом с Пересветом.

В Москве уже после 1591 года основан был Донской-Богородицкий мужской монастырь в честь победы над крымским ханом Казы-Гиреем с помощью иконы Донской Божьей Матери, якобы подаренной Дмитрию Донскому перед боем с Мамаем донскими казаками. Могло ли такое быть?

О казаках, якобы живших на Дону, М. Н. Тихомиров[2] писал в «Повести о Куликовской битве» (М., 1959. С. 337): «...запустение русских земель, граничащих со степью. К югу от Оки, вплоть до Черного моря, лежала обширная полупустыня. Даже в конце XIV века, спустя 150 лет после первых татарских погромов, путешественник, плывший по Дону, не увидел здесь поселений: «Нельзя было там увидеть ни города, ни села; если прежде и были города прекрасные и богатые, то теперь только места пустые и ненаселенные. Нигде не увидеть человека, только пустыня великая и зверей множество»[3].

[1] Троицкая летопись. М.; Л. 1950. С. 448.

[2] Тихомиров М.Н. (1893—1965) — советский историк, академик АН СССР (1953). Автор трудов по истории России и народов СССР с древнейших времен до XIX века; истории славянских стран и Византии, истории географии, источниковедению, палеографии, дипломатике. — *Примеч. ред.*

[3] ПСРЛ. Т. 11. С. 96.

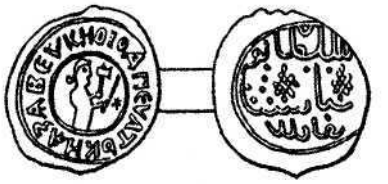
Печать Дмитрия Ивановича

Донской монастырь не стоит на Дону, но назван так потому, что стоит на месте Донского Кулиговского сражения. На крови.

Некоторые считают, что нельзя оспаривать официальную версию жизни святых Русской православной церкви. Это якобы может нанести вред религиозному чувству.

Отвечу на это словами глубоко верующего человека. Вот что пишет Вячеслав-Али Полосин (Миф, религия, государство. М., 1999): «Может ли пострадать вера во Всемогущего Бога, оттого что верующий, обратясь к подлинной истории, установит, что благословение Православной Церкви князю Московскому Димитрию на Куликовскую битву — идеологический миф? Зависит ли вера в Бога от того факта, что князь посещал обитель св. Сергия *до* начала похода Мамая, а на битву вышел, будучи отлученным от Церкви митрополитом всея Руси Киприаном с проклятием?» Думаю, Истина никак не мешает Вере».

В ЗРАО. Т. 4. В. 2 помещено следующее сообщение: «В Киеве был найден крест Дмитрия Донского, на окладе надпись: «Сим крестом



Монета Дмитрия Ивановича с русской и арабской надписями

благословил преподобный игумен Сергий князя Дмитрия на поганого царя Мамая, изрек: «Сим побеждай врага. В Лето 1380 августа 27 ДНЯ».

А. Ф. Бычков[1] выразил уверенность, что находка принадлежит к числу сильно расплодившихся за последнее время датированных памятников старины, сбываемых торговцами доверчивым коллекционерам».

М. Н. Тихомиров в труде «Куликовская битва, 1380» пишет: «Первоначальные краткие рассказы о кровопролитном сражении с татарами позже обросли поэтическими вымыслами и литературными украшениями. После разгрома Мамая на Волге сел Тохтамыш, и Дмитрий с почетом послал ему дары. Тохтамыш — союзник Дмитрия, воевавшего не против Орды, а против Мамая, Орде не подчинявшегося. Так что не было сепаратизма русских князей против великой империи, но борьба за единство Синей Орды против узурпатора. Дмитрий не за свободу Руси боролся, а за единство Орды».

Архангельский летописец сообщает, что Тохтамыш (разоривший в 1382 г. Москву, а это событие по времени отстоит недалеко от Куликовского сражения) был убит в этом же году ханом Шадибеком в Сибирской земле, близ Тюмени. Тюмень же была построена лишь в 1586 году. В каком же веке воевал Тохтамыш с Дмитрием, раз он гибнет под городом, построенным в XVI веке? Увы, все эти сказки о неизвестном нам сражении не более чем вымысел. Что-то где-то когда-то было. И это все, что мы можем сказать с уверенностью.

25 сентября 1992 года в устье Яузы был поставлен крест с надписью: «На сем месте будет воздвигнут памятник святому благоверному князю Дмитрию Донскому, защитнику земли русской».

Почему на Яузе, а не на Шаболовке? Да очень просто, на Шаболовке и так тесно, а на Яузе тоже Кулишки есть, да и

[1] Бычков Аф. Фед. (1818—1899) —русский историк, археограф, академик Петербургской АН (1869). Председатель археографической комиссии. Автор трудов по истории русской литературы, нумизматике, археологии. Занимался публикацией «Писем и бумаг Петра Великого», летописей. — *Примеч. ред.*

церковь там в честь павших на Куликовом поле стоит[1]. Куда же еще переносить место боя, как не в самый центр Москвы?

Так продолжает развиваться легенда.

Новгородская первая летопись второго извода пишет, что князь Дмитрий, узнав, что на него наступает сила «велика татарская и собрав многи вои и поиде противу безбожных татар».

«Москвичи же многие, не бывавшие в боях, видя множество рати татарской, устрашились и отчалились за свою жизнь, а многие бросились бежать».

В Московском своде 1479 года впервые появилось указание на союз Мамая с литовским князем Ягайло «со всею силою литовской и польской». Именно в этой летописи особенно выпукло подчеркивается отрицательный облик Олега Рязанского.

И, естественно, москвичи весьма храбрые — «никто не убоялся никого и не устрашился».

На страницах Новгородской четвертой летописи впервые упоминается о паническом бегстве ордынцев.

Окончательно легенда сложилась к 1520 году, как «Сказание о Мамаевом Побоище». В «Сказании» упоминается икона Владимирской Богоматери, якобы оказавшейся в Москве (на самом деле перенесенной в Москву только в 1395 г.).

В нем действует литовский князь Ольгерд, умерший в 1377 году. И таких несовпадений множество.

Вот, к примеру, как автор одной из «юбилейных» книжек, выпущенных к 600-летию Куликовской битвы, рисует строй русских воинов перед началом битвы: «О последнем вечере и о ночи накануне битвы подробно писал автор Сказания о Мамаевом Побоище», и древнее сказание воскрешает величественное зрелище русских полков, разворачивавшихся на Куликовом поле. «Шлемы же на головах их как утренняя заря, —с восхищением писал летописец, —доспехи как вода, яловцы же как пламя огненное...»

[1] «По русскому обычаю в память погибших на поле Куликовом построены церкви Всех Святых на Кулишках (14-й век) и Рождества Богородицы в Симоновом монастыре в Москве (15-й век), Дмитрия Солунского в Новгороде (15-й век)», — сообщает А. Шкурко (Наука и жизнь. 1980. № 9).

Но никаких «яловцев» — кожаных треугольных флажков, крепившихся на длинных шпилях (как и самих шпилей) — у русских шлемов этого времени не было. Их упоминание в «Сказании о Мамаевом Побоище» — верный признак даты текста: не ранее конца XV века, когда это украшение появилось на русских шлемах в подражание Востоку.

Даже если какой-то первоначальный вариант «Сказания» и был составлен на рубеже XIV—XV веков, нет никаких сомнений в том, что его главное идейное и фактографическое наполнение состоялось только около 1480 года. При сопоставлении событий, связанных со «стоянием на Угре» Ивана III и Ахмата и событий 1380 года, бросается в глаза их практически полная идентичность — и это при том, что подробности о Куликовской битве мы впервые узнали только из московских летописей второй половины XV века и «Сказания о Мамаевом Побоище».

«Ахмат, как человек не только честолюбивый, но и умный, осторожный, много лет готовился к этому походу... Он ставил своей задачей полностью восстановить власть Орды над Русью; возродить времена Батыя, преемником которого (и с полным основанием) он себя и считал. Давно уже во главе Орды не стоял деятель такого масштаба. Политический кругозор Ахмата был широк — он вел переговоры даже с Венецией... Он мечтал о восстановлении империи Чингизидов на прежних, изживших себя, основаниях. Но это и не могло быть иначе. Наследник Чингиз-хана и Батыя, Ахмат был носителем традиции архаической кочевой империи, хищнической по самой своей природе, с примитивной экономикой, неспособной к восприятию явлений Нового времени. В своем лице Ахмат воплощал уходящий в прошлое идеал власти, основанной на жестком, грубом диктате над многоязычными народами Востока. Тем не менее Ахмат был очень силен и достаточно искусен как политик. Ему удалось заключить союз с королем Казимиром, чему он придавал, по-видимому, особое значение. Еще в 1472 году в переговорах с венецианским

сенатом по поводу союза против Османской империи Ахмат заявлял, что может выставить в поле 200 тысяч всадников... за счет покорения народов Средней Азии и Северного Кавказа, завоевания Астрахани мощь Ахмата еще усилилась. Весной 1480 года Ахмат поднял на Русь всю Большую Орду, собрал все силы своей огромной, все еще грозной империи» (В. В. Алексеев).

Обратите внимание на основные моменты этой характеристики: Ахмат мечтает восстановить власть Орды над Русью; он считает себя наследником Батыя; Ахмат, заключив союз с польским королем Казимиром, ведет переговоры с итальянцами (Венецией); собирает для похода на Москву всю силу Орды и воинов из Средней Азии, Северного Кавказа и Нижней Волги (Астрахань).

А теперь сравните это с текстом, который приводит В. Н. Татищев (История Российская. С. 139): «Нечестивый же и гордый князь Мамай... вознесеся во уме своем гордостию велиею и хотяще вторый Бати быти и всю Русскую землю пленити. И начат испытывати от старых деяний, како хан Батый пленил Русскую землю и всеми князи владел, яко же хотел. И вознесся гордостию свыше Батыя в безумии своем... И созва многи татара от волжских орд, таже собра воинства много».

Читаем у П. Карышевского (Куликовская битва. 1955. С. 38—41): «Мамай хотел не просто удачного грабительского похода, но полного подчинения Руси. Пока Мамай собирал и готовил силы для решающего похода... Всю зиму и весну в Орде шла подготовка к небывалому со времен Батыя нашествию на Русь. Кроме кочевников в его войсках были и наемники-генуэзцы из Крыма, где находились в ту пору владения Генуи... Одновременно... Мамай вступил в переговоры с рязанским князем Олегом и великим литовским князем Ягайло».

А вот что пишет Каргалов: «Речь шла... не о простом грабительском походе Мамая, а о большой войне, предпринимавшейся Ордой с далеко идущими политическими целями... Литовский великий князь Ягайло, обеспокоенный ростом

могущества Москвы, охотно присоединился к Мамаю... Мамай собрал огромное по тому времени войско; по существу, это были объединенные военные силы всей Орды... Для похода на Русь он нанял военные отряды из Крыма, подвластного тогда Орде, с Северного Кавказа, из Поволжья».

Обратите внимание: обстоятельства событий разделенных столетием, совпадают до мелочей. Но посмотрим, что было дальше.

В. В. Алексеев: «Медленно двигалась Большая Орда по Дикому полю. Ахмат не рассчитывал на эффект внезапности. Большое значение он придавал совместным действиям всех антирусских сил, своему союзу с Казимиром».

«Более двух месяцев Иван III ждал татар на Оке, все это время Ахмат-хан провел в полном бездействии вблизи московских границ»[1].

Сравним: «Возле устья реки Воронеж Мамай простоял не менее трех недель, поджидая, когда вернутся его послы от великого литовского князя Ягайло и рязанского князя Олега. Именно в это время уточнялся план их совместного похода на Русь... Мамай медлил, не двигался от устья Воронежа к русским рубежам... В Москве узнали, что Мамай не торопится, поджидает союзников». (Каргалов. С. 58—65).

Дальше — еще любопытней.

В воскресенье 23 июля в поход из Москвы к Коломне выступили главные силы русских под предводительством самого великого князя... Ахмат... решил предпринять обходной маневр. В последних числах сентября он двинул «со всеми своими силами мимо Мценеска, Любутска и Одоева» к тому месту, где в Оку впадает Угра... Угра протекала по границе Русского государства и Великого княжества Литовского... Здесь он (Ахмат) мог рассчитывать соединиться с войсками короля Казимира. (Алексеев).

[1] *Скрынников Р. Г.* На страже московских рубежей. М., 1986. С. 30.

А как действуют Мамай и его союзники?

«Место соединения ордынских, литовских и рязанских ратей было намечено в верховьях Оки, куда подходили литовские владения, — в районе впадения в Оку реки Угры. По дороге вдоль реки Угры двигался на соединение с Мамаем великий литовский князь Ягайло» (Каргалов).

Известно, что, когда Иван III противостоял Ахмату на Угре, архиепископ Вассиан Рыло отправил великому князю свое знаменитое «Послание на Угру». «В нем он обращался к великому князю с призывом мужественно стоять за Русскую землю, брать пример с Игоря и Святослава, Владимира Мономаха и особенно Дмитрия Донского» (Алексеев).

Совершенно аналогичными обстоятельствами сопровождается поход Дмитрия Донского: «6 сентября русские вышли к Дону... Тут привезли Димитрию послание Св. Сергия. «Будь тверд, иди, на что пошел», — писал Сергий» *{Полевой И.А.* История русского народа. М., 1997. Т. 3. С. 62).

Говорят, что история повторяется. Но не может же она повторяться буквально!

Так что «Сказание о Мамаевом Побоище» — документ о событиях 1479 — 1480 годов. Просто имя Ивана III заменено именем Дмитрия Донского, а имя Ахмата заменено на Мамая. И никакой Куликовской битвы.

После сражения

В следующем, 1381 году Тохтамыш напал на Мамая. Столкновение произошло на берегах реки Калки. Мамай был разгромлен, бежал в Каффу, где и был убит генуэзцами. Тохтамыш стал единственным ханом Белой Орды.

С победой над Мамаем Тохтамыш стал властелином и восточной и западной частей улуса Джучи — фактически одним из самых могущественных правителей того времени. Естественно, что он считал своим долгом восстановить власть Орды над Русью. Его первым шагом в этом направлении было подтвердить союз, заключенный Мамаем с Литвой. Тохтамыш

отправил посла уведомить великого князя Ягайло о своем восшествии на престол. Как мы знаем, **перед Куликовской битвой Ягайло признал себя вассалом хана.**

Тогда же Тохтамыш известил великого князя Дмитрия Московского, как и других русских великих и удельных князей, о своей победе над их общим врагом Мамаем. Ни Дмитрий Донской, ни другие русские князья не сочли необходимым нанести Тохтамышу личный визит, однако все они направили к новому хану киличей с поздравлениями и многочисленными подарками. Хотя эти действия можно было расценить как восстановление вассальной зависимости русских князей, Тохтамыш понял, что русские не намерены соблюдать прежние обязательства по отношению к Орде. Поэтому следующим шагом стало направление в Москву чрезвычайного посланника для подтверждения своей власти. Посланник добрался только до Нижнего Новгорода, где ему не позволили продолжить путь дальше. Провал этой миссии убедил Тохтамыша, что единственным способом заставить Москву повиноваться является война. Он немедленно начал приготовления к нападению на Русь.

23 августа 1382 года войска подошли к Москве, которую Дмитрий Донской заблаговременно успел оставить на произвол судьбы. Оборону города взял на себя князь Остей, литовец, которому удалось восстановить в городе порядок и защищать город. Три дня ханское войско безуспешно пыталось захватить город.

Но на четвертый день Тохтамыш предложил почетный мир, обещая не причинять городу вреда. Два суздальских князя поклялись в том, что Тохтамыш будет верен своему слову... Но когда ворота открылись и показался князь Остей, татары бросились вперед и захватили Москву. Последовала ужасная резня и грабеж. Как говорят летописи, было убито 24 000 человек (правда, как можно в Кремле разместить такое количество людей, представить себе невозможно).

Город был сожжен дотла[1].

После столь страшного поражения Дмитрий Донской вновь становится вассалом Орды. Так как Тохтамыш был вассалом

[1] Дотла — до тла, т. е. до поверхности земли.

Тимура, а тот — вассалом императора династии Мин, то выходит, что Дмитрий Донской стал вассалом Пекина.

Выказывая свою покорность Тохтамышу, Дмитрий Иванович вынужден был в 1383 году отправиться в Орду со своим старшим сыном, одиннадцатилетним Василием. Хан был крайне польщен покорностью московского князя и оставил за ним великокняжеский ярлык, несмотря на все старания Михаила Тверского, но удержал при себе юного Василия Дмитриевича, требуя за него выкуп в 8000 рублей, что тогда было не по силам Москве; только пробыв два года в Орде, Василию удалось спастись бегством.

Первое время Москве приходилось очень трудно от непосильных поборов Тохтамыша. «Тяжкая и великая дань была по всему княжеству Московскому: собирали с деревни, с двухтрех дворов по полтине; тогда же и золотом давали в Орду...» — говорит летописец.

Вместе с тем и Олег Рязанский, пользуясь затруднительными обстоятельствами Москвы, в 1385 году внезапно напал на Коломну и возвратил ее себе; против него была направлена рать под начальством Владимира Андреевича Храброго, но безуспешно. С московской стороны было потеряно много воевод и бояр. Дмитрий желал мира, но Олег на него не шел; наконец, по просьбе великого князя, к Олегу отправился святой Сергий.

Старец много беседовал с Олегом о душевной пользе, о мире и любви и, конечно, о великой задаче всех русских людей — собраться воедино под знаменем Москвы — и ему удалось невозможное. Он смог своими тихими и кроткими речами произвести на князя необыкновенное впечатление: Олег сменил гнев на милость, умилился душой и заключил с Москвой вечный мир, который был скреплен браком сына Олега и дочери Дмитрия.

После примирения с Олегом Рязанским Дмитрий отправился завоевывать Новгород. Взял с города 8000 рублей контрибуции и поссорился с Владимиром Андреевичем Храбрым. Но разболелся и 19 мая 1389 года умер, и великим князем становится его сын Василий.

18 июня 1391 года происходит сражение войск Тохтамыша и Тимура. Тохтамыш был разгромлен и бежал. Тимур с

триумфом вернулся в Самарканд, но большинство ордынских князей сохранили верность Тохтамышу.

Чтобы не утратить контроль над Русью, Тохтамыш вынужден был поддержать самого сильного из русских князей — Василия. И Василий присоединил к Московскому государству целое Великое княжество Нижегородское. Кроме Нижнего Новгорода хан отдал ему уделы Городецкий, Мещерский и Тарусский.

В ответ Василий заверил хана, что считает себя его сюзереном. Так хан сам укреплял будущее великое государство Московию, или Россию.

Монеты как источник информации

А. Колызин, научный сотрудник Музеев Московского Кремля, пишет: «В последней четверти XIV века некоторые княжества Северо-Восточной Руси начали чеканить собственную монету. Русские монеты XIV-XV веков — крохотные серебряные и медные пластинки, имеющие почти всегда неправильную форму (их чеканили на расплющенных кусочках проволоки). Несмотря на малый размер, они играли важную роль в жизни общества. Это была мера стоимости и, в определенной степени, средство информации для населения. Надписи на деньгах, так же как и изображения, несли особую смысловую нагрузку — отражали взаимоотношения между князьями и Ордой, раскрывали направление княжеской политики.

Чеканка собственной монеты в Москве началась в 80-х годах XIV века при Дмитрии Ивановиче Донском, вскоре после Куликовской битвы. Первые московские монеты имели на одной стороне поясное изображение воина в профиль и круговую надпись: «Печать князя великого». Арабская надпись на другой стороне упоминает золотоордынского хана: «Султан Тохтамыш хан да продлится правление его».

Такая надпись была продиктована политической ситуацией: в 1382 году Тохтамыш сжег Москву и многие другие русские города и наложил на Русь тяжелую дань.

Однако Дмитрий Донской, помня о победе русского войска на Куликовом поле, предпринимает различные шаги дипломатического характера. Один из них — постепенная при-

дача монетам независимого, чисто русского облика. Сначала к титулу «князь великий» добавляется имя «Дмитрий». Затем, в конце своего княжения, Дмитрий Иванович, по одной из существующих версий, решается на полный отказ от ордынских элементов в оформлении монетного поля. Надпись на оборотной стороне, восхваляющая хана, уступает место различным изображениям символического характера.

После смерти Донского его старший сын и наследник Василий был вынужден вернуться к арабской надписи с именем Тохтамыша. Это было временной политической уступкой, связанной с тем, что Василий I получил великокняжеский стол по завещанию своего отца, вопреки существовавшему в то время принципу передачи великокняжеского стола старшему в роде (в данном случае старшим был его дядя Владимир Андреевич Храбрый, серпуховской князь).

Василий Дмитриевич при первом же удобном случае (разгром Тохтамыша Тамерланом в 1395 году) вновь отказывается от арабской надписи, упоминающей золотоордынского хана. Сначала он помещает на своих монетах нечитаемые подражания арабским надписям, а затем русскую надпись в несколько строк: «Князь великий Василий», при этом — «всея Руси». Именно в то время войско Василия I под предводительством его брата Юрия совершило успешный поход на города Среднего Поволжья. В конце княжения Василия Дмитриевича чеканятся монеты с обеими «чисто русскими» сторонами. Известно, что кратковременный возврат к арабским текстам и их подражаниям был после нашествия на Русь Едигея в 1408 году.

После смерти Василия I, в 1425 году, его сын Василий II продолжает политику, направленную на укрепление позиций Москвы как центра объединения русских земель. В это время появляются «двуименные» монеты: на одной из сторон помещается имя великого князя, а на другой — имя удельного князя. Вероятно, двуименность объяснялась необходимостью принизить сепаратистские устремления некоторых не вполне благонадежных удельных князей.

Политика московского князя вызвала бурное недовольство со стороны определенных кругов феодального общества, что привело к началу войны, длившейся более 30 лет. Удельные правители выступают в защиту своих старинных прав. Во главе оппозиции стал галичский князь Юрий Дмитриевич, второй сын Дмитрия Донского, дядя Василия II. Его претензии на великокняжеский стол обусловливались старым, традиционным принципом престолонаследия (теперь Юрий был старшим в роде).

В начале 30-х годов XV века складывается неблагоприятная для Василия II обстановка. В 1430 году умирает литовский князь Витовт — дед Василия II по матери. В 1431 году не стало митрополита Фотия, несколько лет стоявшего во главе московского правительства, а в 1432 году — Андрея Дмитриевича Можайского, дяди Василия и его верного союзника. На ослабление великокняжеской власти в это время указывает и прекращение чеканки «двуименных» монет.

Пользуясь ситуацией, Юрий Дмитриевич захватывает Москву и чеканит там монеты от своего имени. На этих монетах, в отличие от монет Василия II, где отчеканен всадник с соколом в руке, — изображение всадника с копьем, поражающего змея. Это Георгий Победоносец, святой патрон князя Юрия.

После внезапной смерти Юрия Дмитриевича на арену политической борьбы вступают его сыновья — Василий Косой и Дмитрий Шемяка. Наибольшее влияние на развитие московской денежной системы оказал последний период феодальной войны (1446-1447 годы). В это время Дмитрий Юрьевич, пользуясь поддержкой великого князя тверского Бориса Александровича и можайского князя Ивана Андреевича захватывает Москву. Василий II был схвачен и ослеплен.

Придя к власти, Дмитрий Шемяка использует монеты для отражения своих политических успехов и заявления притязаний на великокняжеский стол. Помимо изображения всадника с копьем (князя) на коне он чеканит монеты с изображением князя, сидящего на троне. Это изображение не встречалось ранее на московских деньгах. В круговой надписи к титулу «князя великого» добавляется «Осподарь всея земли Русской». По сторонам всадника появляются буквы «Д» и «О», что означает «Дмитрий Осподарь».

И все же, под давлением всеобщего недовольства, Дмитрий Шемяка освобождает Василия II (к этому времени отно-

сятся «двуименные» монеты с именами Дмитрия и Василия), а затем покидает Москву. После ухода Шемяки из Москвы на штемпелях забивается его имя и монеты чеканятся только от имени московского князя.

Присоединение к Москве после смерти Дмитрия Шемяки в 1453 году Галичского княжества предрешило судьбу и других удельных княжеств. С этого момента начинается постепенная целенаправленная ликвидация прежних уделов и, как следствие этого, ликвидация удельного чекана.

В 1454 году Василий II идет на Можайск. Можайский князь Иван Андреевич, схвативший в 1446 году Василия и выдавший его Шемяке, бежит со всей семьей в Литву. После примирения Ивана Андреевича с московским князем можайские монеты чеканятся уже без имени удельного князя. На обеих сторонах круговая надпись указывает только на место чекана — «Деньга Можайская». Последние же можайские монеты несут в своей легенде титул и имя великого князя Василия П. Многие из князей, поддерживавших московского князя, завещали ему свои владения.

После смерти Василия Темного Иван III Васильевич ведет политику, направленную на создание русского централизованного государства и укрепление его внешних границ. Известна монета Ивана III, получившая у нумизматов название «Дозор». На одной стороне она имеет традиционное для московских монет изображение всадника с саблей, а на другой — воина в шлеме, доспехах, с мечом в одной и со щитом в другой руке. Вокруг воина тайнопись: «ДОКОВОВОНОВОВОДОГОРМ». До сих пор исследователи не пришли к однозначному выводу, что означает эта надпись. Есть мнение, что штемпель для чеканки монет этого типа был изготовлен итальянцами, прибывшими в 1475 году в Москву для строительства нового Кремля (среди монет Ивана III есть такие, которые имеют на одной из сторон имя Аристотеля, написанное по-латыни). Вероятно, эта надпись, так же как и изображение, означала предостережение внешним врагам. Накалялось политическое противостояние между слабеющей, но еще сильной Ордой и московскими властями. И в этот момент Москва выпускает прокламативные по характеру монеты. Ведь именно тогда, в 1480 году, хан Ахмат тайно смог переправиться со

своим многотысячным войском через реку Угру и был вынужден отправиться восвояси.

Традиционно 1480 год стал годом освобождения Руси от ордынского ига.

Одним из событий, имеющих большое значение для становления единого русского государства, был зимний поход в 1477/78 году московского войска под предводительством Ивана III на Новгород, итогом которого стало присоединение Новгорода к Москве. Монеты отразили это событие. Самостоятельные новгородские деньги XV века имели на одной стороне изображение двух фигур лицом друг к другу. Правая фигура отождествлялась с новгородцем, а левая — со святой Софией, покровительницей Новгорода. На обороте размещалась надпись: «Великого Новгорода». После присоединения Новгорода к Москве меняется надпись на оборотной стороне. Теперь она уже указывает на зависимость Новгорода от власти великого князя — «Денга великого князя» или «Печать великого князя». Затем меняется и вид лицевой стороны. Вместо двухфигурной композиции помещается всадник с мечом, традиционный для московских монет второй половины XV века. Несколько иначе звучит надпись на обороте: «Осподарь всея Руси».

Большое политическое значение имел поход великого князя московского на Казань, завершившийся взятием ее в 1487 году. Исследователи связывают с этим событием появление двух типов монет. На первой из них на одной стороне изображен всадник, копьем поражающий змея, и круговая надпись: «Князь великий Иван Васильевич». На другой стороне круговая надпись: «Осподарь всея Руси», а в центре арабская надпись: «Ибан», то есть «Иван». На второй монете, также по-арабски, написано: «Деньга Московская». В данном случае это уже выражение суверенитета — кончилась вассальная зависимость московского князя от ордынского хана.

Как видно, денежное дело не оставалось в стороне от важнейших социально-политических событий своего времени. Монетная чеканка была одним из способов, с помощью которого князья заявляли о своих правах и победах. Это было одно из средств достижения главной цели — объединения русских земель в единое централизованное государство».

Иго

Официальная версия исторических событий убеждает нас в том, что Дмитрий Донской боролся против татаро-монгольского ига.

Многие наслышаны об «иге», но мало кто понимает, что это такое.

Как указывал еще Гоголь, «магометанская луна горделиво вознеслась бы над Россией, вместо креста»... если бы не татаро-монголы, навязавшие нам свою несторианскую веру в Иисуса Христа и Деву Марию, потомком которой в девятом поколении они считали Чингиз-хана. Поэтому, придя на Русь, они прежде всего стали заботиться о церквах, возводимых в честь своей Алан Гоа (Аланской Красавицы), так они называли Марию. И настало татарское иго — так называется период бурного расцвета русской культуры.

Во времена ига строится «Золотое кольцо» России, работает Рублев, написана большая часть древних рукописей, Русь становится великим государством.

А после свершения ига великая империя, дававшая возможность безопасной торговли по всей территории будущего СССР, канула в Лету. Начались междоусобные войны.

Сам термин «татаро-монгольское иго», означающий власть Великой Орды над Русью, в русских летописях не встречается. Наши предки об иге не догадывались. По-видимому, термин «татарское иго» впервые стали употреблять в польской исторической литературе конца XVI века. Впервые термин

«татарское иго» использовал в своей хронике Матвей Меховский[1], профессор Краковского университета.

Татищев ни о каком иге не упоминает.

Термин же «татаро-монгольское иго» впервые употребил в 1817 году Христофор Крузе. Книга его была переведена и на русский язык[2].

Татарское иго — военный союз Великой Орлы и великорусских княжеств

Русские летописи не знают термина «монголы», но «татаровя». Позже термин «татары» закрепился за народами разного происхождения, притом необязательно тюркскими. Жители Казани вплоть до конца XVIII века именовались болгарами или казанцами. Позже всех мусульман стали именовать татарами: казанские татары, ногайские татары, черкасские татары и т.д. И лишь в XVIII веке за жителями казанского края закрепилось название татары. Сами же татары приняли это наименование лишь на рубеже XIX и XX столетий.

Но продолжим рассказ о князьях.

---

[1] *Меховский М.* Трактат о двух Сарматиях. М.; Л., 1936. С. 26.

[2] См.: *Крузе Х.* Атлас и таблицы для обозрения истории всех европейских земель и государств от первого их народонаселения до наших времен. СПб., 1845. Таб. 20.

Василий I Дмитриевич (1371—1425)

Василий I — великий московский князь, сын московского и великого владимирского князя Дмитрия Ивановича Донского и великой княгини Евдокии Дмитриевны, дочери суздальского князя Дмитрия Константиновича.

Великий князь Василий I и Софья Витовтовна

В 1384 году он был послан отцом в Орду «тягаться» с тверским князем Михаилом Александровичем за великое княжество Владимирское и Новгородское. Там он пробыл около двух лет, удерживаем ханом Тохтамышем. Бежал из Орды в Подолию, а затем в Валахию, откуда в 1387 году возвратился в Москву. В 1389 году стал великим московским князем. Успешно воевал с Новгородом Великим, нижегородски-

ми, суздальскими князьями, рязанским князем Олегом Ивановичем, Литвой. Завоевал и присоединил к Москве Нижний Новгород, Муром, Бежецкий Верх, Вологду, Устюг и земли народа коми. По его приказу были «срублены» города Ржев и Плес. Василий умело использовал усобицу в Орде: с 1395 по 1412 год он не платил дани татарам.

В 1399 году Василий успешно прогнал ордынцев из Волжской Булгарии.

В его правление в Московском Кремле был построен Благовещенский собор.

Княжение Василия ознаменовалось еще большим усилением Московского государства.

Похоронен в Москве в Кремлевском Архангельском соборе.

Политика Василия I по отношению к «агентам влияния»

В праздник Пасхи 1393 года в Торжке убит был некто Максим. Воскресенская летопись называет его христолюбцем и объясняет, что таковым был он потому, что добра хотел великому князю. Максим этот был новоторжанин, следовательно, новгородский подданный; радея великому князю московскому, он являлся изменником своей родине. Встречаем мы и противоположное: многие немосковские патриоты, деятельность которых была направлена в ущерб Москве, называются ее летописцем крамольниками, изменниками и т.п., невзирая на личные их достоинства и на их заслуги перед отечеством. В силу вышеизложенного не должно казаться удивительным и следующее: смерть Максима названа убиением, а не казнью, и сказано, что убили его новгородцы и новоторжцы «снемшеся вечем», что намекает на буйный и незаконный характер веча, что тоже является ценной подробностью для московского летописца. Поэтому и встречаем слово «убийцы», под которыми, вероятно, надо подразумевать наиболее влиятельных новоторжцев, показания которых на вече, собравшемся для суда над Максимом, подействовали решаю-

щим образом; страшная участь постигла их; воины великого князя пришли в Торжок, захватили «убийц» и привели на Москву, и там великий князь во исполнение правосудия «повеле казнити их многими казньми». Такой исход дела, с одной стороны, должен показать нам московского государя «правосудом», хранящим завет святительский: «не щадити злых, да ся накажут, и останут деяти злая», а с другой — открыть отношение Москвы к тем, кто служит ей верой и правдой.

Москва никогда не давала в обиду служивших ей, и есть множество примеров тому. Такая политика имела конечной своей целью приобрести радетелей везде, где только можно; благодаря тому что под покровительством Москвы жилось лучше и безопаснее, она повсюду имела сторонников и приверженцев.

Новгородцы не остались в долгу пред великим князем; они напали на его земли, разграбили Устюг, «церковь соборную разграбили и иконы ободрали».

По-христиански, ничего не скажешь!

«Много зла и пакости» было населению великокняжеских владений от новгородской рати, хотя надо оговориться, что вообще все войны тех времен носили опустошительный характер. Не имея возможности собрать большие армии, чему мешало плохое состояние дорог и трудности с провиантом, воюющие стороны обычно отказывались от генеральных сражений, ограничиваясь лишь стычками, и, желая нанести врагу вред, разоряли его области, причем полководцы вменяли себе в заслугу, если им удавалось «заставить огонь и меч ходить во вражьей земле и сотворить ее пусту».

Даже находясь в мире с Новгородом, Василий посылает своих гонцов по реке Двине в область с предложением отпасть от Новгорода! Трудно назвать это добрососедским поступком.

В 1398 году новгородцы просят у владыки благословения на войну с великим князем.

Жить дружно наши предки никак не могли.

Василий II Темный (1415—1462)

27 февраля 1425 года великий князь владимирский и московский Василий I Дмитриевич умирает, оставив свой удел, «примыслы» и великое княжество единственному сыну Василию, которому еще не исполнилось и десяти лет (родился он 10 марта 1415 года). Положение малолетнего великого князя на престоле было непрочным. Живы были его дядья, удельные князья Юрий, Андрей, Петр и Константин Дмитриевичи. Старший из них, Юрий Дмитриевич, сам претендовал на великое княжение. Князь Юрий считал, что порядок наследования не мог быть установлен Василием I, ибо он определялся духовной их отца —Дмитрия Донского. Юрий Дмитриевич полагал, что согласно этому завещанию, после смерти Василия великокняжеский престол должен был наследовать именно он, князь Юрий, как старший в роде Ивана Калиты.

В борьбе за великий стол Юрий Дмитриевич опирался с одной стороны, на поддержку свояка — великого князя литовского Свидригайла Ольгердовича, а с другой — на заступничество перед ханом своего друга, влиятельного ордынского мурзы Тегини. Но московские бояре, во главе которых сто-

ял талантливый дипломат Иван Дмитриевич Всеволожский, прекрасно разбирались в сложившейся расстановке сил. Иван Дмитриевич сумел настроить большинство ордынских мурз против Тегини, а значит, сделать их сторонниками своего князя. Когда же на суде у хана Юрий Дмитриевич начал обосновывать свои претензии на великое княжение ссылками на древнее родовое право, московский дипломат одной фразой добился ханского решения в свою пользу, сказав: «Князь Юрий ищет великого княжения по завещанию отца своего, а князь Василий — по твоей милости».

Хан, донельзя обрадованный таким проявлением покорности со стороны московитов, приказал выдать ярлык Василию и даже велел было Юрию Дмитриевичу, в знак подчинения ханской воле, вести под уздцы коня с восседающим на нем великим князем.

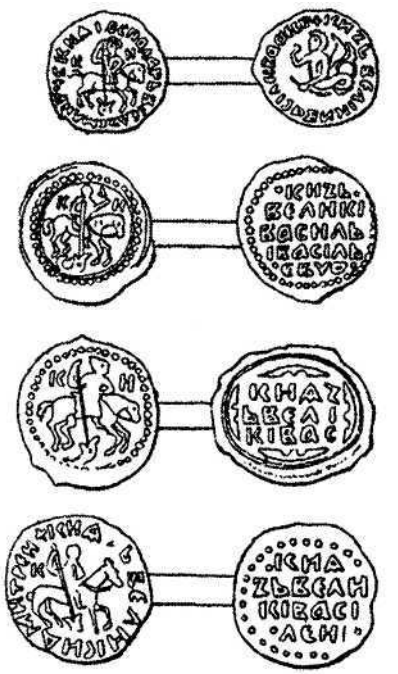
Толчком к продолжению войны послужил следующий эпизод. В 1433 году во время свадьбы Василия Васильевича его мать, Софья Витовтовна, сорвала драгоценный золотой пояс с другого Василия — сына Юрия Дмитриевича. Чуть раньше кто-то из старых бояр рассказал Софье, что этот пояс принадлежал когда-то Дмитрию Донскому, а затем был украден и оказался в семье Юрия Дмитриевича. Скандал, что и говорить, был громкий: князь явился на свадебный пир в ворованной вещи! Разумеется, Василий Юрьевич и его брат Дмитрий Шемяка тут же покинули Москву. Их отец, Юрий Дмитриевич, не замедлил воспользоваться представившимся поводом и двинул войско на племянника.

В сражении на Клязьме немногочисленное войско Василия Васильевича потерпело поражение от Юрия Дмитриевича, а сам великий князь был схвачен и отослан Юрием в Коломну. На Святой неделе в 1434 году Юрий Дмитриевич вступил в Москву, но оказался в ней нежеланным гостем. На следующий год Юрий вновь громит войска Василия II и в очередной раз вступает в Москву, которую вынужден был ранее покинуть из-за враждебности бояр и дворян. В плен попали мать и жена московского князя, бежавшего в Нижний Новгород. Внезапно Юрий умирает.

Большинство историков считают Василия Васильевича

вполне заурядной личностью, не отличающейся какими бы то ни было дарованиями.

Масштабы этой личности кажутся несоизмеримыми с тем «морем бед», которое ей пришлось преодолевать. Трагичность судьбы Василия отмечается всеми исследователями. Впрочем,справедливости ради следует отметить, что много страданий наш герой претерпел по своей вине. И все же победу над множеством соперников — талантливых и коварных — сложно объяснить только разумностью и опытностью советников и отлаженностью государственной системы. Следует отдать должное упорству Василия, способности после поражения



Монеты периода правления Василия Темного

вновь начать борьбу и умению, выражаясь современным языком, «подбирать кадры». В той многолетней войне, которую вел Василий со своими врагами, противоборствующие стороны не стеснялись в выборе средств, действуя хитростью и силой. Вряд ли уместно обелять и Василия, и его противников.

Василий II возвращается в Москву, заключает мир с сыновьями покойного: Василием, Дмитрием Шемякой и Дмитрием Красным. Но первый из них нарушил клятву, напав на Москву, но попал в плен и был ослеплен (почему и получил прозвище Косой). Шемяку задержали в Москве, куда он приехал, чтобы пригласить великого князя Василия II на свою свадьбу. Позднее их примирил троицкий игумен Зиновий.

В это время делается попытка объединения католической и православной церквей. В марте 1441 года в Москву с Фло-

рентийского церковного собора, где был принят акт об объединении христианских церквей под главенством римского папы, возвращается митрополит Исидор. Светские власти и духовенство попытались склонить его к отказу от унии, но, видя упорство митрополита, заточили его в Чудов монастырь, откуда он бежал в Тверь, а затем в Рим.

В 1445 году Василий II попал в плен к татарским царевичам Махмутеку и Якубу. Шемяка просил татар не отпускать великого князя, но тому удалось освободиться, пообещав огромный выкуп. В 1446 году Дмитрий овладел Москвой и взял в плен обеих великих княгинь. Сам Василий был схвачен в Троице-Сергиевом монастыре и ослеплен в Москве, отсюда прозвище Темный[1].

Он получил в удел Вологду, но вскоре вновь начал борьбу в союзе с тверским князем Борисом Александровичем, на дочери которого, Марии, женился его сын Иван. В декабре 1446 года Василию II удалось вернуть столицу и престол, но война продолжалась. В 1450 году Дмитрий Шемяка прибыл в Новгород, где 18 июля 1453 года был ослеплен агентами Василия И. Если раньше князья захватывали в плен, свергали с престола и калечили своих родственников, то теперь великий князь решился на убийство двоюродного брата, если, конечно, сведения об отравлении верны.

В 1456 году московские войска разгромили новгородцев. Новгородская республика вынуждена была отказаться от самостоятельности во внешнеполитических делах. Когда в январе 1460 года Василий II с сыновьями Юрием и Андреем прибыл в Новгород поклониться местным святыням, на вече обсуждался вопрос об убийстве гостей, и лишь архиепископу Ионе удалось отговорить горожан от этой идеи.

1462 год был омрачен казнью заговорщиков, пытавшихся освободить опального серпуховского князя Василия Ярославича. 27 марта Василий II скончался, завещав своему старшему сыну и соправителю Ивану Великое княжество Владимирское и самый обширный удел.

[1] Василий II был ослеплен якобы за то, что «татарский язык и татарские обычаи любил паче меры».

Иван-Тимофей III Васильевич Великий, Грозный, Святой (1440 — 1505)

Трагическая фигура самодержца всероссийского Ивана Васильевича IV Грозного заслонила в массовом сознании образ его деда и тезки, хотя результаты его деятельности были гораздо успешнее и значительнее. Возможно, сказались различия в воспитании и влиянии ближайшего окружения. Длительная подготовка к занятию ответственнейшей должности верховного правителя обширного государства при благожелательной поддержке отца и его советников позволила Ивану III избежать того надлома в душе, который испытал его внук, потеряв отца, будучи трех лет от роду, а мать — семи, и оказавшись в центре политических интриг. Отрицательные черты характера Ивана III, прекрасно описанные Н. И. Костомаровым', не приобрели патологическо-

[1] Костомаров Н. И. (1817—1885) - русский и украинский историк, писатель, член-корреспондент Петербургской Академии наук. Автор трудов по социально-политической и экономической истории, а также стихов, исторических пьес и повестей России и Украины, исследовал и публиковал украинский фольклор и древние акты. — *Примеч. ред.*

го характера. Недаром он был назван потомками Великим, а масштабы его деяний сравнивались с преобразованиями Петра I Великого.

Второй сын великого князя Василия II Васильевича Темного и Марии Ярославны, дочери серпуховского князя, родился 22 января 1440 года, в день памяти апостола Тимофея, и получил два имени — Иоанн и Тимофей. Его старший брат Юрий умер в младенчестве.

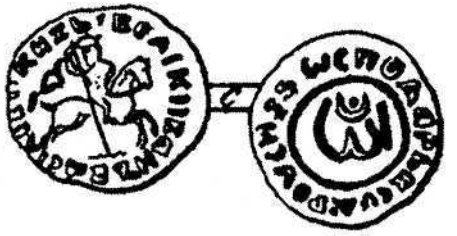
Детство Ивана пришлось на время феодальной междоусобицы, в которой его отец сохранил трон, но потерял зрение. С малолетства наследник престола становится надеждой и опорой слепого Василия. В 1447 году Иван был обручен с пятилетней Марией, дочерью тверского князя Бориса Александровича, что дало его отцу мощного союзника в борьбе за власть. С 1448 года наследник участвует в походах, а с 1450 года уже именуется в грамотах великим князем.

В 1452 году Иван венчается с Марией Борисовной, а в 1458 году у них рождается сын Иван, прозванный Молодым (скончался в 1490 году). Больше детей у них не было. Первая жена умерла 22 апреля 1467 года, а 12 ноября 1472 года Иван женился на Софье (Зое) Фоминишне Палеолог, племяннице последнего византийского императора. Первые две дочери, обе носившие имя Елена, умерли в младенчестве. Затем Софья родила пять сыновей (Василия, Юрия, Дмитрия, Семена, Андрея) и трех дочерей — Елену, вышедшую замуж за польского короля и литовского князя Андрея Казимировича, Феодосию, будущую жену князя Василия Даниловича Холмского, и Евдокию, впоследствии жену крещеного татарского царевича Петра.

После смерти Василия II в 1462 году Иван превращается в единовластного великого князя. Он ведет активную внутреннюю и внешнюю политику, постепенно «собирая земли», присоединяя к московским владениям уделы своих родственников и независимые от Москвы территории. В 1467-1469 годах Иван воюет с Казанским царством. В 1471 году в союзе с псковичами он выступает против Новгородской республики, которая после поражения окончательно утрачивает самостоятельность. В 1477 году вечевой строй в Новгороде был упразднен. Демократия вредна для русских.

В 1480 году произошло знаменательное в истории России событие, когда после «стояния» на реке Угре Русское государство стало суверенным, окончательно отказавшись от подчинения золотоордынским ханам. В 1481 году было нанесено поражение Ливонскому ордену. В 1483 году Великое княжество Рязанское вынуждено было отказаться от независимой внешней политики, в 1485 году великим князем Тверским стал Иван Иванович Молодой, а княжество присоединено было к единому Русскому государству. В 1487 году русские войска взяли Казань, и местный хан стал вассалом великого князя. В 1489 году лишилась независимости Вятская земля. В 1492-1494 годах велась успешная война с Литвой — по мирному договору Вязьма и другие земли отошли к Москве. В результате торговой войны с союзом немецких городов Ганзой и войны со Швецией в 1495—1497 годах удалось добиться свободной торговли на Балтийском море.

Печать государственная малая (так называемая двойная кормчая великого князя Ивана III Васильевича)[1]



Монета периода правления Ивана III. Имя «Иван» написано арабскими буквами

Разумеется, не все шло так гладко. Страну сотрясали внутрицерковные распри, вокруг трона шла борьба между бояр-

[1] Изображение двуглавого орла в качестве государственной символики было введено Иваном III в 1497 году.

Русская монета князя Ивана с изображением Борака — священного коня пророка Мухаммада, на котором последний путешествовал к подножью трона Аллаха. Интересно, какой веры был сам князь?

скими группировками, казнили подлинных и мнимых заговорщиков, ходили слухи, что великая княгиня Софья и сам великий князь причастны к смерти наследника Ивана Молодого.

Мы имеем, таким образом, нумизматический памятник с именами двух великих князей — Ивана III и сына его Ивана Ивановича Молодого.

Вновь встал вопрос, кому наследовать престол: сыну Василию или внуку Дмитрию. Но теперь традиционный вопрос «дядя или племянник» решил своей волей Иван III в пользу первого, и кровавой междоусобицы удалось избежать.

Судьба внука Дмитрия была трагична — он был посажен на престол... и удавлен. Трон достался сыну Василию.

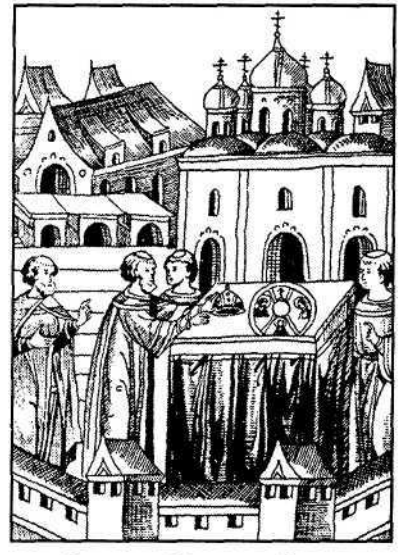
Дмитрий Иванович Внук (1483—1509)

Обратите внимание на наличие тонзур у попов по латинскому обряду. Латиняне выбривали круглую тонзуру, оставляя «чубчик» спереди.

«Греки» оставляли волосы по бокам головы и на затылке.

Правоверные брили голову налысо, а бороду не брили вовсе как православные, так и правоверные

Читаем у Герберштейна[1]: «Нижеследующее описание, которое я добыл не без труда, наглядно изображает обряд, которым венчаются на царство государи московские. Этот обряд применен



Венчание Дмитрия Внука в 1498 году (миниатюра Лицевого летописного свода: ГПБ. Шум. Л. 555)

[1] Сигизмунд Герберштейн (1486—1566) — австрийский дипломат. Посетил Россию в 1517,1526 годах. Автор «Записок о московских делах». — *Примеч. ред.*

великим князем Иоанном Васильевичем, когда он короновал своего внука Димитрия великим князем и монархом Руссии.

Посреди храма Пресвятой девы воздвигается дощатый помост, на котором помещают три седалища: для деда, внука и митрополита. Кроме того, устанавливают возвышение, называемое у них аналоем, на которое кладут княжескую шапку и бармы, т. е. княжеские украшения. Затем к назначенному времени являются облаченные в торжественные одеяния митрополит, архиепископы, аббаты, приоры и весь духовный собор. При входе великого князя с внуком в храм дьяконы поют по обычаю «многие лета» одному только великому князю Иоанну. После этого митрополит со всем клиром начинает петь молебен Пресвятой деве и святому Петру-исповеднику, которого они, согласно своему обычаю, называют чудотворцем. По окончании молебна митрополит, великий князь и внук восходят на дощатый помост и первые двое садятся на поставленные там седалища, а внук меж тем останавливается у края помоста. Наконец великий князь начинает такую речь: «Отче митрополит, по божественной воле, по древнему, соблюдавшемуся доселе нашими предками, великими князьями, обычаю великие князья-отцы назначали своим сыновьям-первенцам великое княжение, и как по их примеру родитель мой, великий князь, при жизни благословил меня великим княжением, так и я при всех благословил великим княжением первенца моего Иоанна. Но как по воле божией случилось, что оный сын мой скончался, оставив по себе единородного Димитрия, которого бог даровал мне вместо сына, то я равно при всех благословляю его, ныне и после меня, великим княжением владимирским, новгородским и прочая, на которые я благословил и отца его».

После этого митрополит велит внуку приблизиться к назначенному месту, благословляет его крестом и велит дьякону читать дьяконскую молитву, а сам меж тем, сидя возле него и также склонив голову, молится: «Господи, боже наш, царь царей, господь господствующих, через Самуила-пророка избравший Давида, раба твоего, и помазавший его во царя над народом твоим Израилем, услышь ныне моления наши, недостойных твоих, и воззри от святости твоей на верного раба твоего Димитрия, которого ты избрал возвысить царем над

святыми твоими народами, которого ты искупил драгоценнейшей кровью сына твоего единородного, и помажь его елеем радости, защити его силою вышнею, возложи на главу его венец из драгоценных камней, даруй ему долготу дней и в десницу его скипетр царский, поставь его на престол правды, окружи его всеоружием справедливости, укрепи его десницу и покори ему все варварские языки, и да пребывает сердце его всецело в страхе твоем, дабы смиренно внимал он тебе; отврати его от неправой веры и яви его истым хранителем заповедей твоей святой вселенской церкви, да судит он народ в правде, и да дарует правду бедным, и да сохранит сыновей бедных, и да наследует затем царствие небесное».

После этого он говорит громким голосом: «Яко есть твоя держава и твое царство, так да будет хвала и честь богу отцу и сыну и святому духу ныне и во веки веков». По окончании этой молитвы митрополит велит двум архимандритам подать ему бармы, покрытые вместе с шапкой шелковым покровом, который они называют ширинкой. Затем он передает их великому князю и осеняет внука крестом, великий же князь возлагает их на внука. Потом митрополит говорит: «Мир всем», а дьякон ему: «Владыко, помолимся». Тогда митрополит молится так: «Поклонитесь с нами единому царю вечному, коему вверено и земное царство, и молитесь царящему надо всем: «Сохрани его под покровом твоим, удержи его на царстве, да творит всегда благое и надлежащее, да просияет правдою в дни свои и умножением господства своего, и да живем в спокойствии и безмятежно, без раздора, во всякой благости и чистоте». Это он произносит потише, а потом громко: «Ты еси царь мира и спаситель душ наших, слава тебе, отцу, сыну и святому духу, ныне и во веки веков, аминь». Наконец, он подает великому князю княжескую шапку, поднесенную по приказу митрополита двумя архимандритами, и осеняет при этом внука крестом во имя отца, и сына, и святого духа. Затем, когда великий князь возложил шапку на главу внука, его благословляли рукой сперва митрополит, а потом, приступая, архиепископ и епископы. Совершив это по чину, митрополит и великий князь приказывают внуку сесть с ними рядом и, помедлив немного, встают. Между тем дьякон начинает так называемую у них литанию: «Помилуй нас, Господи», име-

ную великого князя Иоанна; другой хор в свою очередь упоминает великого князя, внука Димитрия и иных по обычаю. По окончании литании митрополит молится: «О, пресвятая владычице, дево богородице». После молитвы митрополит и великие князья садятся. Священник или дьякон указует на место, на котором читалось Евангелие, и говорит громким голосом: «Многие лета великому князю Иоанну, благоверному, христолюбивому, богом избранному и богом превознесенному, великому князю Иоанну Васильевичу владимирскому, новгородскому и всея Руссии монарху, на многие лета». После этого священники поют пред алтарем: «Великому князю многие лета»; точно так же на правом и на левом клиросе дьяконы поют: «Многие лета». Наконец, дьякон снова громким голосом возглашает: «Многие лета великому князю Димитрию, благоверному, христолюбивому, богом избранному и превознесенному, великому князю Димитрию Иоанновичу владимирскому, новгородскому и всея Руссии, многие лета».

Венчание Дмитрия Внука в 1498 году (миниатюра Лицевого летописного свода. ГПБ. Шум. Л. 558)

Священники у алтаря и на обоих клиросах опять громко поют: «Многие лета Димитрию».

По окончании сего митрополит, архиепископ, епископы и все собрание подходят по порядку к великим князьям и почтительно их поздравляют.

Подходят и сыновья великого князя, кланяясь и поздравляя великого князя.

Митрополит Симон говорит: «Господине и сыне, великий княже Димитрий, по божественной воле дед твой, великий князь, оказал тебе милость, благословил тебя великим княжением, и ты господине и сыне, имей страх божий в сердце твоем,

люби справедливость и праведный суд, слушайся деда твоего, великого князя, и всем сердцем заботься о всех православных. И мы благословляем тебя, господине сыне, и молим бога о твоем здравии». Затем митрополит и великие князья встают и митрополит с молитвой благословляет крестом великого князя и его сыновей. Наконец, по свершению литургии, т. е. священнослужения, великий князь-дед удаляется в свои покои, а Димитрий в княжеской шапке и бармах отправляется из храма Пресвятой девы в сопровождении большой толпы бояр и сыновей в церковь Михаила-архангела, где в преддверии на помосте Георгий, сын великого князя Иоанна, трижды осыпает его золотыми деньгами: под деньгой разумеется род монеты.

По входе его в церковь священники с молитвой в литании, согласно обычаю, благословляют его крестом, а также осеняют его крестным знамением у гробниц и памятников. Затем при выходе Димитрия из храма Георгий в дверях снова осыпает его золотыми деньгами. После этого Димитрий направляется прямо в церковь Благовещения Марии, где равным образом его благословляют священники и, как и ранее, Георгий осыпает его деньгами. По свершении этого Димитрий удаляется, наконец, к деду и матери. Это свершилось в 7006 году от сотворения мира, а от рождества Христова в 1497 в четвертый день февраля месяца».

Княжич, внук Ивана III, был венчан на великое княжение 4 февраля 1498 года. С 1502 года заточен в узилище и, как сообщает П. Курбский, удавлен. Василий Иванович с 1502 года стал соправителем отца.

В 1503 году скончалась Софья, а 27 октября 1505 года преставился и сам Иван Васильевич. Прах его был погребен в построенном при нем в Москве соборе Архангела Михаила.

Запомним, именно Иван III присоединил к Московскому княжеству Ярославское и Ростовское княжества, Новгородскую землю, Тверское княжество, Вятскую, часть Рязанской, Черниговскую, Северскую, Брянскую и Гомельскую земли.

Летописец писал о нем: «Сей блаженный и достохвальный великий князь... многие княжения присовокупи и силу умножи, варварскую же нечестивую власть опроверже и всю Русскую землю данничества и пленения избави, и многие от Орды

данники себе учини, многа ремесла введе, их же прежде не знахом, со многими дальними государи любовь и дружбу и братство сведе, всю Русскую землю прослави...»

Иван III беспощадно боролся с княжеско-боярской оппозицией, за что современники прозвали его «Грозным». Он установил нормы налогов, собиравшихся с населения в пользу наместников. В Москве появились первые «приказы», ведавшие отдельными отраслями государственного управления. В 1497 году был издан общерусский Судебник, с помощью которого стало вестись судопроизводство. Большую роль в делах государства стали играть дворянство и дворянское войско.

В интересах дворян-помещиков был ограничен переход крестьян от одного господина к другому. Крестьяне получили право осуществлять переход только один раз в году — за неделю до осеннего Юрьева дня (26 ноября) и спустя неделю после Юрьева дня. При Иване III в русской армии появилась артиллерия.

В правление Ивана III Московский Кремль был обнесен могучими кирпичными стенами и башнями и стал неприступной крепостью. В Кремле были построены Грановитая палата, Успенский и Благовещенский соборы. Были воздвигнуты также каменные крепости в Коломне, Туле и Ивангороде.

Иван III, придерживаясь правоверия, запретил содержание кабаков на Руси. Пьянство стало считаться уголовно наказуемым преступлением.

Печать Ивана III Васильевича на грамоте к бургомистру города Рига

Иван Васильевич был наречен соправителем ослепшего отца в девять лет, стал его наследником в двадцать два года. За эти тринадцать лет ни один поступок молодого князя не попал в летопись! И взойдя на престол, Иван III еще пять лет не приступал к большим делам — пока не отобрал из теснящихся вокруг трона бояр тех, кто был беспрекословно предан ему, и не отстранил остальных. Так, самоуверенный талантливый воевода Федор Басенок (любимец отца Ивана III) был вскоре ослеплен за некий мелкий проступок, чтобы прочим неповадно было возражать... Царь знал, что «кадры решают все».

Однако князь не счел нужным отражать в летописи первый принцип бюрократии, за него это сделал Макиавелли, через десять лет после смерти первого государя всея Руси. Тут, видимо, государь подчинился второму из открытых им принципов — незаметности всех оригинальных действий правителя.

Этот принцип Н.С. Борисов проследил на примере крупнейшей удачи Собирателя — укрощения вольного Новгорода. Историки давно заметили отличную дипломатическую подготовку этой операции. Сначала князь «отколол» от Новгорода обиженных псковичей: это было не трудно. Затем удостоверился в нежелании польско-литовского короля Казимира IV и хана Большой Орды Ахмата затевать войну с хорошо подготовленной Москвой. Лишь тогда последовал первый поход на Новгород и блестящая победа малой рати Даниила Холмского на реке Шелонь.

Иван явно не ожидал столь быстрого успеха — и не стал торопить события, а дал побежденным новгородцам время привыкнуть к их бессилию. Четырех новгородских бояр для примера публично обезглавили. Несколько десятков их менее опасных соратников отправились в московскую тюрьму. Прочих новгородцев Иван отпустил.

Сравнив показания многих летописей, Н.С. Борисов пришел к выводу, что новгородская эпопея Ивана III тянулась целых двадцать лет. За это время около трети населения Новгорода было выселено в малые или окраинные города Московской державы — подальше от родных очагов! Там вчерашние новгородцы неизбежно почувствовали себя «новыми московитами» и не бунтовали против государева произвола. Опустевшие дворы в Новгороде князь отдал московским дворянам (включая вчерашних холопов). Вспомним, как хвалил Макиавелли ранних римлян за столь же продуманную, безжалостную и успешную политику колонизации латинских и этрусских полисов...

Таковы успехи Ивана III в державостроительстве. А каковы были его неудачи? Н.С. Борисов рассмотрел два приме-

ра: подчинение Казани и Прибалтики. В обоих случаях военные победы московитов были столь же бесспорны, как в Новгороде. Напротив, административные реформы Ивана III в этих иноверных регионах были куда более умеренны и оказались почти бесплодны. Здесь Ивану III не удалось привлечь на сторону Москвы сколько-нибудь значительную долю местных жителей. Именно поэтому в 1500-е годы московские воеводы не смогли предотвратить в Прибалтике набеги Ливонского магистра Вернера Плеттенберга и разорение новорожденного Ивангорода шведами. Аналогично казанский царь Мухаммед Эмин, двадцать лет терпевший опеку московской церкви, при вести о тяжкой болезни Ивана III позволил своим подданным истребить русскую колонию в Казани.

Чтобы исключить такой реванш, нужна демографическая политика «новгородского» стиля. Но крайне трудно проводить ее, не имея явного превосходства в промышленной и экономической сфере. В Казани Россия не имела такого превосходства до середины XVI века, а в Прибалтике —до XX века. Закрыв в 1494 году Ганзейский двор в Новгороде, князь так и не сумел наладить альтернативную торговую структуру в Прибалтике, чтобы открыть русским купцам двери западноевропейского рынка, сделать Россию полноценной европейской державой.

Читателю может быть интересно: какие аспекты деятельности Ивана III его биограф сознательно оставил без внимания? Прежде всего, это касается российского просвещения. Видно, что Иван Васильевич на время предоставил в Москве свободу слова новгородским попам-еретикам («жидовствующим»), чтобы создать противовес идеологической монополии митрополита и епископов. Но почему он не озаботился распространением в России книгопечатания? Почему этим не занялись лидеры еретиков — хотя бы знаменитый дьяк Федор Курицын[1]? Или все это начиналось, но было задушено в зародыше и не попало в летописи?

[1] Курицын Ф.В. (? — после 1500) — дьяк-писатель, приближенный Ивана III. Один из руководителей русской дипломатии в 80—90-е годы XV века. Глава московского кружка религиозных реформаторов. — *Примеч. ред.*

«Наше отношение к Ивану III — создателю и одушевленному символу Московского государства — неизбежно отражает отношение к самому этому государству, которое (при всех метаморфозах), по существу, не так уж сильно изменилось за последние пять веков. Это государство смотрит на своих детей то строгим отцом, то заботливой матерью, но чаще всего — злой мачехой. А потому вызывает у нас и любовь, и ненависть одновременно».

«Русские в глубине души всегда считали себя народом, избранным Богом, и с этой верой одерживали великие победы. Но бремя исторического одиночества порою становилось невыносимо. Попытки сближения с Западом были естественны и необходимы. Российское «западничество», несмотря на его внешнюю нелепость и беспочвенность, по существу, совершенно необходимо для нормального роста нашего общественного организма. Оно стало важным компонентом той уникальной смеси противоречий, которую со времен Ивана III стали называть Россией».

Миссия государства

В России идеи об особой исторической миссии государства более всего были в ходу в конце XV-XVII века. В соответствии с духом того времени мысль эта приняла форму утверждений о единстве правящей династии.

Летопись передает мнение Ивана III о том, что новгородцы (так же как и остальные жители Руси) «от Володимера даже и до сего дни его род знали един и правилися всем великим князем о всем, преже Киевским, потом же Володимерским»[1].

Это утверждение, трижды повторенное в своде 1472 года, развивается еще подробнее в своде 1479 года, рассматривающем как единое целое весь отрезок русской истории — «от начала, как и земля их стала, и как великий князи учали быть от Рюрика на Киеве и на Володимере и до сего великого князя Ивана Васильевича». Таким образом, линия исторического развития государства на Руси представлялась прямой и

[1] ПСРЛ. Т. XXVII. С. 131.

непрерывной, что в глазах тогдашних людей свидетельствовало о значительности государства и являлось надежным залогом его будущих успехов.

Русская земля объявлялась — в духе норм феодального государственного права — «вотчиной» великого князя, и присоединение Новгорода рассматривалось как возвращение в состав «вотчины» одной из ее составных частей: великий князь «отчину свою Великий Новгород привел на всю свою волю и учинился на нем государем, как и на Москве».

По мнению Я. С. Лурье, в подобной трактовке присоединения Новгорода «сказался консерватизм официальной московской идеологии», поскольку это присоединение «нигде не трактуется в великокняжеских сводах как принципиально новый шаг в московской политике». Пожалуй, говорить о «консерватизме» в данном случае вряд ли уместно: скорее следует сказать об умелом и понятном для современников идеологическом обосновании важного политического шага. На этом примере особенно ясно видно, как «теория киевского наследства становилась все более совершенным оружием в руках русского правительства».

Московские власти вынуждены были заботиться не только об оправдании своего централизаторского курса, но и о том, чтобы противостоять растущей политической силе Литвы. О серьезности ситуации свидетельствовала попытка новгородского боярства подойти «под руку» литовского князя. Еще свежа была память о пролитовских настроениях в правящих кругах бывшего Тверского княжества. Росту авторитета Литвы способствовало и то, что в 1470 году константинопольский патриарх утвердил литовского митрополита в сане «митрополита всея Руси», поставив тем самым под сомнение правомочия московского церковного владыки.

Правительству Ивана III важно было придать Москве такую притягательную силу, которая перевесила бы любое стремление уйти из-под ее власти. И вот в русле московской официальной идеологии начинают развиваться идеи, появлявшиеся до сих пор лишь в неофициальных памятниках церковного происхождения.

Именно в это время и составляется большинство русских летописей с четкой иерархией князей-родственников.

Прочтем житие Стефана Пермского, пришедшего в Пермь крестить местное население. Его встретили пермские князья. Но в русских летописях крайне редко упоминается о князьях нерусского происхождения (не-рюриковичей).

В великокняжеский свод 1479 года вошла статья «О Сидоре митрополите», использовавшая русские сочинения 1440-1460-х годов о Флорентийском соборе. В этой статье отчетливо выражена мысль о том, что Царьград утратил свое былое благочестие и центр мирового православия переместился в Россию.

Еще более четко проводится эта идея в своде 1493-1494 годов, именовавшем Василия II титулом «в благочестии цветущего царя всея Руси».

Придавая Московской Руси черты избранной Богом державы, составитель свода 1493-1494 годов вводит дополнительные детали, призванные усилить авторитет Москвы как великокняжеской столицы. Он представляет все так, будто Москва не только теперь, но и с давних пор (по крайней мере с прошлого столетия) является могущественнейшим городом Руси, и по-новому редактирует уже цитированную выше фразу из «Повести о Тохтамыше»: «преже бе велик и чюден град и многое множество людей бяше в нем, кыня же богатьством и славою, превзмдыи же вся грады в Русстеи земли честью многою».

Именно в это время происходит «строительство Москвы» Олегом и посещение Москвы для принятия здесь православия Ольгой[1].

Таким образом, летописные своды конца XV века включают целый ряд новых идей о ходе русского исторического процесса, о роли в этом процессе великокняжеской столицы — Москвы и, наконец, о месте России в «православном мире». В дальнейшем круг этих идей значительно расширился, причем по мере развития и углубления московской официальной идеологии стало очевидным известное расхождение тех ее линий, которые поначалу находились в тесной связи друг с другом.

[1] См. об этом в: *Бычков А. А.* Киевская Русь. Страна, которой не было? М., 2004.

Линия, начавшаяся с пропаганды идеи «киевского наследства», будет продолжена далее в глубь веков и включит в себя легенду о происхождении русских князей от императора Августа и о непосредственной связи России с предшествовавшими великими монархиями — Римом и Византией. Именно эти идеи будут подхвачены московскими правительственными кругами и найдут широкое применение во внутриполитической и дипломатической практике.

Другая линия, развивающая мысль о перенесении в Россию центра мирового православия, достигнет своего апогея в идее «Москва — третий Рим» и будет взята на вооружение главным образом духовными иерархами, не оказав заметного воздействия на политическую жизнь русского общества.

Но все это произойдет спустя несколько десятилетий. А в 70-х годах XV века сделаны были только первые попытки насыщения летописных сводов вновь возникшими историко-политическими идеями, и это положило начало усилившемуся с годами превращению летописи в «чтение для политического воспитания подданных».

Архиепископ новгородский Геннадий (1484—1504) обосновывал мысль о том, что власть церковная выше гражданской не только в стремлении поднять «новгородское православие» над московским, но и в наступлении на еретиков.

Известен ритуал позорной казни, которой подверг в 1490 году архиепископ Геннадий новгородских еретиков. Их облачили в особый шутовской наряд, посадили на коней «в седла вьючные», лицом к конским хвостам, чтобы они смотрели на запад «в уготованный им огнь», на головы им надели берестяные остроконечные шлемы с соломенными венцами с надписями: «Се есть сатанино воиньство». В таком виде еретиков провели по городу, надругаясь над ними как «врагами божьими» и «хулителями христианскими», а затем сожгли у них на головах шлемы».

Неизвестно, сам изобрел или откуда-то позаимствовал Геннадий изложенный церемониал. Может быть, его воодушевил пример «шпанского короля», который, по словам архиепископа, «свою очистил землю» от еретиков.

К Геннадию были близки греки-униаты — братья Дмитрий и Юрий Траханиоты, игравшие значительную роль в распространении католического влияния на Руси. При дворе Геннадия жил монах-доминиканец Вениамин. До нас дошла запись рассказа императорского посла Георга фон Турна Геннадию об испанской инквизиции. В этой записи с одобрением говорится о том, что «слава деи и хвала того шпанского короля пошла по всем землям по латиньской вере, что на лихих крепко стоит, да уже деи в его землях лихих мало чюти».

Но приверженность новгородского архиепископа к «латинству» вызывала неодобрение московского правительства. И поэтому Геннадий, прибегая к содействию «латинян» в борьбе с новгородскими еретиками, используя пример того, что творилось в землях «латинской веры», стремился в то же время подчеркнуть свое стремление к православию и тем самым поднять свой авторитет в глазах представителей верховной государственной власти и высшей церковной иерархии. Эта тенденция прослеживается и в «Повести о белом клобуке», автором которой был, по-видимому, побывавший в Риме грек-униат Дмитрий Траханиот и в которой говорилось о «прелести скверных латын».

Один из основных тезисов «Повести» таков: Москва — политический центр, Новгород — центр церковный, центр русского и мирового православия.

Геннадий обосновывал ведущую роль «новгородского православия» как воинствующей силы, защищающей церковные устои от всех проявлений вольнодумия и свободомыслия.

И несколько слов о столице.

Иван Васильевич для защиты от татар воздвиг крепость Московскую, каковая все же была построена к 1491 году неким Петром Антонием Солярием, миланцем.

Софья (Зоя) Фоминична Палеолог (40-е голы XV в. —1503)

Великая русская княгиня, жена великого московского князя Ивана III Васильевича, дочь морейского деспота Фомы, внучка византийского императора Мануила II, племянница двух последних византийских императоров Иоанна VIII и Константина XI.

Около 1465 года Софья переехала с острова Корфу в Рим, где воспитывалась при папском дворе. В 1472 году она приехала на Русь и вышла замуж за Ивана III. Этот брак способствовал повышению международного престижа как великого московского князя, так и его потомков.

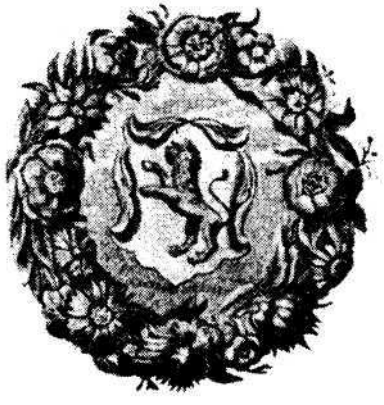
Софья оказала очень большое влияние и на своего мужа, и на внешнюю политику России. Некоторые источники сообщают, что она настаивала на решительной борьбе с татарами

и на свержении золотоордынского ига. Софья активно участвовала в придворных интригах и добивалась от Ивана III провозглашения наследником своего сына Василия вместо внука Ивана III Дмитрия (сына Ивана Ивановича Молодого), уже венчанного на царство.

Умерла Софья Палеолог в Москве, была похоронена в церкви Вознесения.

Походы в Сибирь

Иван Иванович Салтык-Травин и Федор Семенович Курбский Черный



Герб князя Федора Семеновича Курбского

Иван Иванович Салтык-Травин — крупный полководец, воевода, сын Ивана Семеновича Травина, «сына боярского». Его предки были смоленскими князьями. В XIV веке один из них поступил на службу к великому московскому князю и утратил княжеский титул.

В 1469 году Салтык-Травин ходил в поход на Казань через Великий Устюг и Вятку. В 1483 году попал в опалу, но вскоре снова оказался в милости и вместе с князем Курбским Черным возглавил поход в Сибирь. В 1489 году участвовал в походе на Вятку.

Федор Семенович Курбский Черный — крупный полководец, «большой воевода», князь. Происходил из ярославских князей. В 1482 году был направлен великим московским

князем Иваном III в Нижний Новгород «беречь» город от казанских татар царя Алегама (Али-хана).

В 1483 году Иван III послал своих воевод И. И. Салтыка-Травина и князя Ф.С. Курбского-Черного в Западную Сибирь в поход на вогулов (манси), которые в середине и второй половине XV века несколько раз вторгались в Великую Пермь, принадлежавшую России.

9 мая войско на судах вышло из Устюга и через два месяца дошло до устья реки Пелым. 29 июля 1483 года русская «судовая рать» с помощью огнестрельного оружия — пищалей и «тюфяков» (пушек) — разгромила многочисленные войска вогульских князей и вступила в пределы Пелымского княжества. Затем русские прошли по рекам Тавде, Иртышу и Оби и вступили в пределы Югорской земли, где воевали князей югорских и захватили много пленных и большие трофеи. Пройдя 4,5 тысячи верст по воде и земле, русское войско 10 октября 1483 года вернулось в Великий Устюг. Этот поход с по-

Надпись на скале, выполненная красной краской. (Обнаружена в районе реки Пышмы, впадающей в реку Туру между Тюменью и Тобольском). Как видим, жители Западной Сибири были народом письменным

литической точки зрения был весьма эффективен. Весной следующего года в Москву прибыло посольство вогульских и югорских князей, которое признало зависимость Западной Сибири от великого московского князя и обязалось выплачивать ежегодную дань. Поэтому в дипломатических документах конца XV веке Иван III называл себя «великим князем югорским, князем Кондинским и Обдорским».

Как видим, задолго до Ермака князь Курбский уже «открыл» Сибирь, и не просто открыл, но и завоевал, присоединив к России.

И только в 70-е годы XVI века западносибирские правители временно отказались выплачивать дань. Именно тогда в Сибирские земли Ермак Тимофеевич и пошел за данью.

Почему же ни Курбский, ни Салтык-Травин не считаются «открывателями» Сибири? Почему честь эту незаслуженно приписывают Ермаку? Потому что Курбский бежал в Литву. Для царского правительства он стал изменником. Для советской идеологии он был представителем враждебного класса. Так что Ермак — просто политически более подходящая кандидатура. И не более того.

Холмский Даниил Дмитриевич (? —1493)

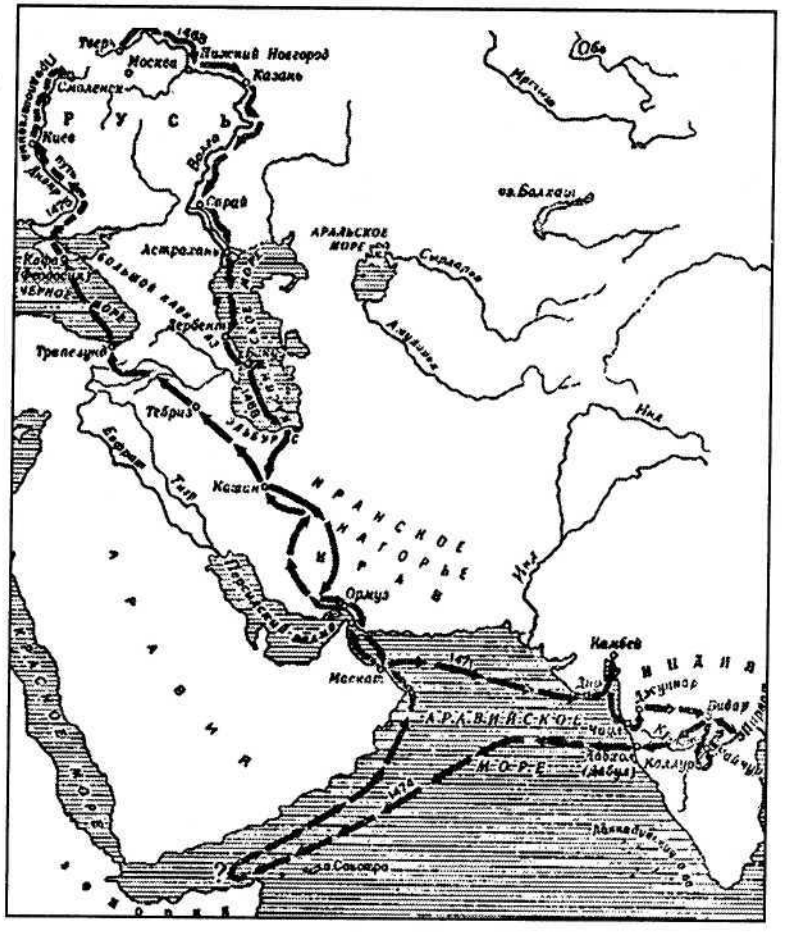
Крупный полководец, князь, боярин, происходил из тверских князей. Сын князя Дмитрия Юрьевича Холмского. Приехал из Тверской земли служить Ивану III в 60-е годы XV века.

В 1468 году Холмский, будучи воеводой в Муроме, разбил казанских татар, разорявших Муромскую землю. В 1469 году он ходил на Казань в передовом полку «судовой рати». В 1471 году командовал авангардом великокняжеского войска во время похода на Новгород Великий. Опустошил новгородские владения и сжег город Русу. Холмский разбил выступивший против него отряд новгородцев. Одержал решительную победу над новгородцами на реке Шелонь. В марте 1574 года он принес присягу верности великим московским князьям. В том же году Холмский был послан Иваном III на помощь Пскову, осажденному ливонскими рыцарями. Он отогнал ливонцев от Пскова и заключил с ними мирный договор. В 1478 году князь фактически командовал военным походом московского войска на Новгород. Он подошел к городу по льду озера Ильмень, окружил Новгород и принудил к сдаче. В 1480 году командовал великокняжескими войсками на реке Угре и не допустил прорыва русских позиций войсками Ахмед-хана. Именно стояние на Угре известно нам как «Куликовская битва». В 1482 году восстановил мир между Псковом и Ливонским орденом. В 1487 году — воевода большого полка — московской рати, осадившей Казань. Город был взят

русскими, а **мятежный** татарский хан Алегам попал к ним в плен. После этого Казанская земля попала под контроль Ивана III. В 1492 году возглавил русские войска, которые воевали с Литвой за Черниговскую и Северскую земли.

В это время совершил свое знаменитое хождение Афанасий Никитин.

Вообще-то дело с этим Никитиным весьма подозрительно. Поплыл по Волге в Персию. Возле Астрахани «татары» его ограбили. Так как деньги у него отобрали, а возвращаться на родину без денег невозможно, то решил совершить заграничное турне в Индию...

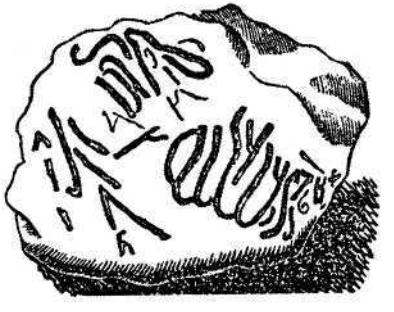


По пути по нескольку месяцев живет в разных городах и селениях. При отсутствии денег покупает породистого жеребца, чтобы перепродать в Индии. Приходит в Индию. «Обманули басурмане, сказав, что в Индии товаров разных много. Никакого товара нет». Так, мелочь всякая: пряности там, ткани, изделия из золота и слоновой кости. В общем, пустяки. Долго бродит по Индии, пока не попадает в город, в окрестностях которого добывают алмазы. Покупает мешочек бриллиантов(!) и отправляется в Россию.

Ограбили бедного, так что всех денег, сохраненных случайно, хватило лишь на мешочек бриллиантов!

Затем он возвращается на Русь, но не по Волге, контролируемой Москвой, а через Литву, которая была союзницей Твери. Однако в окрестностях литовского города Смоленска неожиданно умирает... и все его записи оказываются не на родине — в Твери, а в Москве.

Почему в Москве? Кем доставлены? Ничего не ясно.



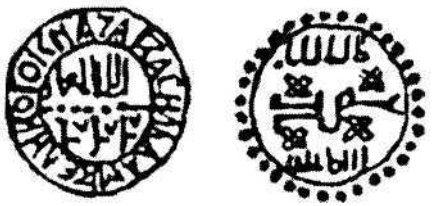
Какой же веры были жители Тверского края, родины Афанасия Никитина? Мы привыкли считать, что христианской. Так гласит церковная традиция. Однако камень сей, найденный в Твери, этому противоречит. Хотя, возможно, один ка-

мень ничего не доказывает. Посмотрим, что мы можем выяснить из подлинного текста тверичанина Афанасия Никитина. Закончив свою книгу, он пишет благодарственную молитву: «Во имя Аллаха Милостивого и Милосердного и Исуса Духа Божия. Аллах велик...»

В подлиннике: «**Бисмилля Рахман Рахим. Иса Рух Уалло. Аллах акбар. Аллах керим».**

Это не православие. И не ислам. Ибо Исус — Дух Аллахов. Это в какой вере? Русское правоверие! Изначальное древнее христианство — то, из которого выделится как православие, так и ислам.

Удивительно, но на древнерусских шлемах, как правило, выгравированы коранические тексты. И тут же православные кресты. Если бы этот шлем выполнил мусульманин, то не рисовал бы крестов. Если православный — то не писал бы цитат из Корана. Но на Руси в древности Коран считали Святой Книгой, хотя более распространенной были Псалтырь и Евангелие (книги, священные и для мусульман).



На монете Василия III надпись: «Великого князя Василья Дм» и по-арабски: «ла илляхи ля илляху Мухаммадун расуллю лляхи», т. е. «Нет Аллаха кроме Аллаха и Мухаммад посланник Аллаха».

Интересно, какова была вера русского царя, поместившего на своей монете исламский символ веры?

Василий III Иванович (1479—1533)

Василий III Иванович (в крещении — Гавриил Тимофеевич, в схиме — Варлаам)

Василий **III** — великий московский князь, сын великого московского князя Ивана **III** (Тимофея) Васильевича и великой княгини Софьи (Зои) Палеолог, племянницы византийского императора Константина XI.

В конце XV — начале XVI века Василий активно боролся за верховную власть со своим племянником Дмитрием, внуком Ивана **III.** В 1505 году, после смерти отца, он стал великим московским князем. Василий захватил, т.е. присоединил к Московскому княжеству, ранее самостоятельные Псковскую и Рязанскую земли. В 1514 году после войны с Литвой к Москве отошла Смоленская земля. Василий ликвидировал ряд

Московит, или московский воин (с немецкой гравюры XVI века). Под рисунком надпись: «Московит совершенно снаряжен к походу, со своим луком для боя и войны. Ум его и дух направлены к победе»

удельных княжеств, входивших в состав Российского государства: Новгород-Северское, Стародубское, Калужское, Волоколамское, Угличское. В его правление было закончено объединение земель в границах единого Российского государства. Василий вел тяжелую борьбу с Крымским ханством, пытался превратить Казанское ханство в зависимое от Москвы государство, назначая ханами в нем своих ставленников. Беспощадно расправлялся с внутренней оппозицией — князьями и боярами, выступавшими против его власти. В его правление был создан новый Судебник (не сохранившийся до наших дней). Посол германского императора Максимилиана Сигизмунд Герберштейн писал, что Василий властью превосходил всех монархов мира. На лицевой стороне его печати имелась надпись: «Великий Государь Василий Божьей милостью царь и господин всея Руси». На оборотной стороне значилось: «Владимирской, Московской, Новгородской, Псковской и Тверской, и Югорьской, и Пермской, и многих земель Государь».

Для ведения постоянных войн нужна была постоянная и большая армия, содержание которой обходилось весьма недорого. Бедным платили мизерную плату, а тем, кто побогаче, не платили вовсе.

Вот что пишет об армии Василия III Герберштейн: «По-

Московский всадник (с немецкой гравюры XVI века) Под рисунком стихи: «Это тоже особый молодец, московитянин на лошади; он всегда готов ездить, когда снаряжен в бой»

жалуй, кому-нибудь могло бы показаться удивительным, что они содержат себя и своих на столь скудное жалованье и притом, как я сказал, столь долгое время; поэтому я разъясню в кратких словах их бережливость и воздержанность. Так, у кого есть шесть лошадей, а иногда и больше, пользуется только одной из них в качестве подъемной или вьючной, на которой везет необходимое для жизни. Прежде всего, такой человек имеет в мешке длиной две или три пяди толченое просо, потом восемь или десять фунтов соленой свинины; есть у него в мешке и соль, и притом, если он богат, смешанная с перцем. Кроме того, каждый носит с собой топор, огниво, котел или медный горшок, чтобы, если он случайно попадет туда, где не найдет ни плодов, ни чесноку, ни луку или дичи, иметь возможность развести там огонь, наполнить горшок водой, бросить в него полную ложку проса, прибавить соли и варить; довольствуясь такой пищей, живут и господин и слуги... Если же господин хочет пиршествовать роскошно, то он прибавляет маленькую частицу свиного мяса. Я говорю это не о более знатных, а о людях среднего достатка. Вожди войска и другие военные начальники время от времени приглашают к себе других победнее, и, получив хороший обед, эти последние воздерживаются иногда потом от пищи два или три дня. Точно так же, если у московита

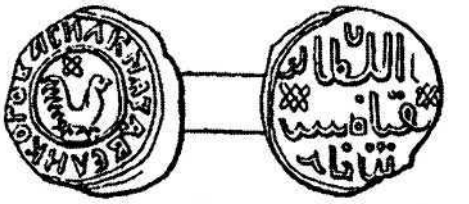
есть плоды, чеснок или лук, то он легко может обойтись без всего другого».

Главной наградой служилому люду при Василии была, так же как и при его предках, раздача поместий, переходивших после смерти владельца, если у него не было сыновей на службе, в другие руки. Семьям же умершего выдавались из этого поместья известные доли на прожиток.

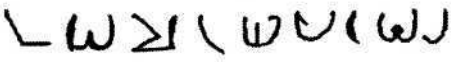
Даже придворные чины при первом же сборе в поход тотчас садились на коней и отправлялись на войну, так как все высшее сословие, какие бы оно должности ни занимало, было прежде всего военным и службу эту несло от молодых лет до смерти.

«За то, — говорит итальянский историк Павел Иовий, — несущие воинскую службу пользуются свободой от податей, имеют преимущество над поселянином и во всех делах сильны царским покровительством. Во время войны открывается благородное поприще для истинной доблести, и вообще во всякой области управления имеются превосходные и полезные учреждения, так что каждый за совершенный им поступок получает в удел или вечную награду, или вечный стыд».

Встреча посла Герберштейна с царем Василием III. Царь в чалме, в персидском халате и с ятаганом



Монета времен правления Василия III



Надпись на печати Василия III

Описав подробно порядки в русском войске при Василии Ивановиче, Герберштейн рассказывает про обычаи, царившие среди подростков и детей; познакомившись с этими обычаями, делается совершенно понятной та беззаветная удаль, мужество и выносливость русских людей в бою и при суровых невзгодах походного времени.

«Юноши, — говорит Герберштейн, — наравне с подростками сходятся обычно по праздничным дням в город на обширном и известном всем месте, так что большинство может их там видеть и слышать; они созываются вместе неким свистом, который является как бы условным знаком; созванные, они тотчас сбегаются вместе и вступают в рукопашный бой; начинают они борьбу кулаками и вскоре без разбору и с великой яростью бьют друг друга ногами по лицу, шее, груди, животу, и вообще, каким только можно способом одни поражают других, состязаясь взаимно о победе, так что часто их уносят оттуда бездыханными. Всякий, кто победит больше народу, дольше других останется на месте сражения и весьма храбро выносит удары, получает особую похвалу в сравнении с прочими и считается славным победителем. Этот род состязания установлен для того, чтобы юноши привыкали сносить побои и терпеть какие угодно удары».

Необходимо также отметить, что в правление Василия III в Московском Кремле был заново отстроен Архангельский собор, а в селе Коломенском под Москвой возведена церковь Вознесения. Оба храма являются шедеврами мирового зодчества.

Василий III на охоте. Рядом с ним казанский царь Шиг-Алей и Сигизмунд Герберштейн

Особенно оживлялась торговля зимой, когда мороз сковывал все реки; длинные вереницы возов, нагруженных всяким добром, тянулись тогда к Москве, причем главный торг происходил на крепком льду Москвы-реки, чему очень дивились иноземцы. Из иностранных купцов только поляки и литовцы могли свободно приезжать в Москву; шведам и немцам разрешалось торговать только в Новгороде; а туркам и татарам — на ярмарке Холопьего Городка в устье Мологи, куда съезжались и все прочие иноземцы. Только будучи принятыми под покровительство какого-либо посольства, иностранные купцы, кроме поляков и литовцев, могли въезжать в Москву для торговли.

Исключение составляли евреи. В половине XVI века им вовсе был запрещен въезд не только в Москву, но и вообще в Россию «вследствие тайной торговли запрещенными товарами».

В том же XVI веке в Персии евреям вообще было приказано носить отличительные знаки.

Наиболее раннее свидетельство о предписании ношения евреями в Персии отличительного знака на одежде относится к царствованию Аббаса I (1587—1637).

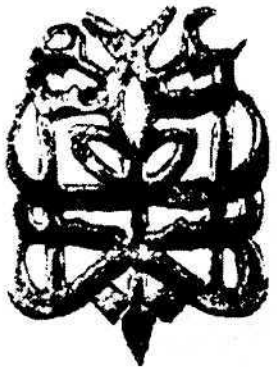
Предписание о том, что евреи должны носить на платье отличительный знак, содержится в так называемых Омаровых законах, связанных с именем халифа Омара, но в действительности при Омаре оно не было введено в жизнь.

Во второй половине царствования Аббаса I некий еврей Абу-л-Хасан Лари, принявший ислам, желая отомстить своим прежним единоверцам, донес шаху, что евреи не соблюдают давно уже забытые 18 ограничений, установленные мусульманской традицией. По его наущению шах установил для евреев правило: ношение на голове особых колпаков, причем сам Абу-л-Хасан был назначен «наблюдателем за колпаками». Он разъезжал по стране и вымогал взятки за нарушение этого постановления. В конце концов он был убит.

Русский купец в Московии (с немецкой гравюры XVI века). Под рисунком немецкие стихи: «У русских, в Москве и Польше, где добывают пушной товар, ходят в подобном платье по улицам торговые люди»

В царствование Аббаса II (1642—1666) евреи должны были носить на шее колокольчик, красный колпак на голове, а на пальцах — железные кольца.

Впоследствии повсюду в Персии было установлено требование ношения евреями на платье кружка красной материи. До 1896 года в Иране действовало это постановление. При вступлении на престол шаха Музаффар-ад-дина евреи обратили внимание шаха на то, что красная заплата на одежде ставит их в крайне унизительное положение, и выхлопотали у него разрешение заменить ношение куска красной материи на серебряную бляху.



Значок, изображенный здесь, был привезен из Персии. Это металлическая пряжка, которую персидские евреи носили прикрепленной к верхнему платью на груди в качестве знака, отличающего еврея от мусульманина. Ношение такой металлической пряжки с вырезанной надписью арабской вязью, читаемой как «Бени-Исраил» (сын Израиля), было введено при шахе Музаффар-ад-дине

Эстафету у персов переняли руководители Третьего рейха.

И у нас доныне если кто и виноват, то обязательно евреи. На большее ума не хватает.

Борьба с зеленым змием

Немало внимания обращали иноземцы на необычное для них в Московском государстве запрещение простолюдинам употреблять крепкие напитки. С целью борьбы с пьянством это правило было установлено еще покойным отцом Василия Иоанном III и строго соблюдалось его преемником. При этом «великий князь Василий,- рассказывает один иностранец, — выстроил для своих телохранителей за рекой новый город Наливайки, название коего происходит от русского слова «наливай», потому что им одним дозволено пить мед и пиво когда хотят; поэтому они и удалены за реку, чтобы не заражать других своим дурным примером».

Михалон Литвин[1] писал: «Литвины питаются изысканными заморскими яствами, пьют разнообразные вина, отсюда и разные болезни. Впрочем, москвитяне, татары и турки хотя и владеют землями, родящими виноград, однако вина не пьют, но, продавая христианам, получают за него средства на ведение войны. Они убеждены, что исполняют волю божью, если каким-либо способом истребляют христианскую кровь.

[1] *Литвин Михалон.* О нравах татар, литовцев и москвитян. М., 1994.

Крестьяне в Литве, забросив сельские работы, сходятся в кабаках. Там они кутят дни и ночи, заставляя ученых медведей увеселять своих товарищей по попойке плясками под звуки волынки. Вот почему случается, что когда, прокутив имущество, люди начинают голодать, то вступают на путь грабежа и разбоя, так что в любой литовской земле за один месяц за это преступление платят головой больше людей, чем за сто или двести лет во всех землях татар и москвитян, где пьянство запрещено. Воистину у татар тот, кто лишь попробует вина, получает восемьдесят ударов палками и платит штраф таким же количеством монет. В Московии же нигде нет кабаков. Посему если у какого-либо главы семьи найдут лишь каплю вина, то весь его дом разоряют, имущество изымают, семью и его соседей по деревне избивают, а его самого обрекают на пожизненное заключение. С соседями обходятся так сурово, поскольку считается, что они заражены этим общением и являются сообщниками страшного преступления.

Ни иудеи, ни сарацины не допускают, чтобы кто-то из народа их погиб от бедности — такая любовь процветает среди них; ни один сарацин не смеет съесть ни кусочка пищи, прежде чем она не будет измельчена и смешана, чтобы каждому из присутствующих досталось равное ее количество.

А так как москвитяне воздерживаются от пьянства, то города их славятся разными искусными мастерами; они, посылая нам деревянные ковши и посохи, помогающие при ходьбе немощным, старым, пьяным, а также чепраки, мечи, фалеры и разное вооружение, отбирают у нас золото.

Царь Иван, обратив народ к трезвости, повсюду запретил кабаки. Он расширил свои владения, подчинив себе Рязань, Тверь, Суздаль, Володов и другие княжества... Новгород, Псков Север и прочие. Он, спаситель и творец государства, был причислен к лику святых.

Стольный град свой он украсил кирпичной крепостью.

Вот почему он расширил стольный град свой Москву, включив в нее деревню Наливки, создание наших наемных воинов, дав ей название на позор нашего хмельного народа. Ведь «налей» соответствует латинскому «infunde». Точно так

Василий III
(из книги Павла Иовия. 1575)

же рожденный от него правящий ныне государь в такой трезвости держит своих людей, что ни в чем не уступает татарам».

Автор книги «Хафт Иклим» (XVI век) возмущается, сообщая о русских, что те, кто украсил себя одеждой ислама, почему-то сохранили страсть к свиному мясу! Представляете, какой кошмар — русские, хоть и мусульмане, но едят свинину!

После двадцати лет брака с оказавшейся бездетной Соломонией Сабуровой царь решил дать супруге развод, сослав ее в монастырь. Говорят, Соломония, как могла, противилась, слезы лила и очерствевшего сердцем супруга молила, но в монахини ее все равно постригли в конце 1526 года в Рождественском московском монастыре — в том самом, в котором всего несколько лет назад она освящала главный собор. Вела себя Соломония во время «роспустной» процедуры, по словам летописца, нескромно: монашье одеяние на землю бросила и ногами его топтала. Отчего, по свидетельству историка Д. Л. Мордовцева, присутствовавшему на церемонии боярину Ивану Шигоне даже пришлось огреть ее палкою.

На том бы истории этой и закруглиться, да разошлась вскоре молва по Московии, что Соломония беременна и вот-вот родит. Шептались, что великий князь послал в монастырь бояр проверить слухи. Доподлинно не ясно, родила ли в монастыре Соломония, или таким способом пыталась приворожить мужа — был ли мальчик, история утаила. В любом случае, родившегося якобы сына Георгия I (в русских преданиях известного как Кудеяр) Соломония никому не показывала. Много лет спустя поговаривали, что — когда настал Соломонии час уходить в лучший мир — пожелала вельможная

черница, чтобы в гроб рядом с нею положили куклу в богато украшенной детской рубашечке.

А народ сложил о Кудеяре песню, якобы стал он спустя годы «разбойничком». Та же молва шелестела по всей Московии о том, что окаянного супруга своего Соломония перед смертью прокляла, а заодно наговорила она на воду да на пепел, чтобы не было счастья ни ему, ни его новым избранницам. Один из первых наших историков — князь Михаил Михайлович Щербатов[1] рассуждал о заточении Соломонии так: «Государство было тогда токмо вид... По крайней мере, скорое вступление во второй брак Великого князя Василия подает сумнение, не было ли тут — окроме причины бездетствия — какого и пристрастия: в ноябре Великий князь постриг свою супругу, а тоя же зимы, что я мню быть в генваре месяце, женился на другой...»

Вторая жена была выбрана московским правителем, как о том сообщил автор общерусской летописи, и впрямь исключительно по любви: «красоты лица ее ради и благообразия возраста». Ею стала племянница могущественного литовского князя Михаила Львовича Глинского княжна Елена Глинская (1508—1538), предки которой особой знатностью не отличались. Поэтому любовь любовью, а в выборе Василия опять не обошлось и без политики: уж больно заманчиво было породниться Московии с задиристым соседом — Литвой.

О юности красавицы племянницы знатного Михаила Глинского известно не так уж много, однако все историки сходятся в одном: молодая литвинка воспитанием и образованием от всех прочих московских девиц изрядно отличалась — те издревле на Руси были в терема заточены, там Богу молились, поднизи плели, песни пели, а то и спивались, и «в прелесть» от жизни такой непроглядной впадали. Княжна Елена по тем дремучим временам была сущая «эмансипэ»: свое суждение имела, на бояр смотрела прямо, глаз не прятала, а

[1] Щербатов М.М. (1733—1790) — князь, русский историк, публицист, почетный член Петербургской Академии наук (1776). Автор трудов «О повреждении нравов в России» и «История Российская с древнейших времен» (т. 1—7, 1901—1904) и др.—*Примеч. ред.*

влюбленного в нее великого князя заставила сбрить бороду — по московским нравам дело вообще греховное.

Три дня играли свадьбу, двор изощрялся в пышности.

Хотя вопреки всем надеждам Елена три года никак не беременела (великий князь даже всерьез опасался, не бесплоден ли сам), дела государственные шли неплохо — как на поприще ратном, так и дипломатическом. Елена тем временем куда только не ходила на богомолье — и пустыни пешком обхаживала, и милостыню раздавала юродивым, слезами заливалась, молясь о чадородии, наконец Господь смилостивился, послал ей вожделенное дитя. 25 августа 1530 года в семь утра явился на свет Иоанн. Предание гласит, что в тот миг разразилась жуткая гроза, молнии сверкали. Василий швырял в толпу золото, распахнул двери тюрем, снял опалу с подозреваемых. Разумеется, то был плод поздней, затухающей страсти. Елена была на двадцать семь лет моложе государя.

Преподнесение послами даров великому князю Василию III, сидящему на троне в чалме и в персидском халате

Длительная «смоковность» второй жены московского государя успела, однако же, породить противные уху Василия III слухи о том, что, дескать, не сердешный ли друг царицы, не красавец ли богатырского сложения, не князь ли Иван Телепнев-Оболенский тут расстарался? И не его ли семя царево место наследовать будет? Великий князь Василий Иванович сплетни эти как мог игнорировал, рождению сына от души радовался и в честь первенца приказал выстроить в селе Коломенском церковь Вознесения.

Любовь его к царице разгоралась все жарче. Вслед за Иваном два года спустя на свет появился и второй сын, Юрий, оказавшийся, к несчастию, слабоумным. А через год, когда любимцу первенцу не успело и трех годков стукнуть, царь тяжко занемог. От булавочного укола образовался нарыв. Гной лился, не переставая, туловище князя распухло. Во время болезни жену он к себе не пускал — боялся видом ее своим напугать и, лишь почуяв близкую кончину, позвал. Поговорить же с ней не успел: говорят, что так рыдала и от горя кричала Елена, что не смог он ни слова сказать, лишь благословил ее с детьми да и поцеловал на прощание. За гробом царицу из-за горестного ее состояния пустить не решились, повезли почти бесчувственную в царской повозке.

Елена Глинская

В завещании царя, которое тот составил, предвидя неизлечимость болезни, передавал он престол сыну Ивану и «жене Олене с боярским советом», приказав супруге «держать государство под сыном» до полного Иванова возмужания. Как ни ослеплен был своей любовью к жене царь, он сердцем чувствовал, как желание господствовать сжигает изнутри его юную супругу. Поэтому и в завещании говорил о приоритете «боярского совета», а не о полном всевластии княгини «Олены». А может, хотел так защитить жену от жестокой борьбы с братьями своими — удельными князьями Андреем и Юрием, которая и впрямь завязалась тут же, не успели царя Василия в могилу опустить.

Впрочем, недооценил он свою молодую супругу: было от кого сыну Ивану лютый нрав унаследовать. Очень скоро сметливая Елена утешилась, бояр от власти отставила — да так, что членам боярского совета самим пришлось идти к ней со всеми вопросами и просьбами, а князей Юрия да Андрея — одного в заточение посадила, а другого и вовсе в тюрьме сгноила. Сторонники их были пытаны, биты кнутом, торговой казнью казнены, а иные и вдоль большой дороги на Новгород повешены — ибо Новгород опять всколыхнулся, склонившись на сторону братьев Васильевых.

Наступили смутные времена после смерти Василия III.

Никаких своих врагов — тайных и явных, действительных и мнимых — княгиня ради упрочения престола не щадила.

Даже бывших своих близких друзей и сородичей губила. Узнав, к примеру, что новая опасность ее единодержавию исходит от ее собственного дяди, князя Михаила Глинского — тот переметнулся на сторону сильной боярской группировки, — Елена жестоко расправилась и с ним: обвинила в отравлении своего мужа и заключила под стражу, где он вскоре и умер.

И только мил-сердешный друг князь Иван Телепнев-Оболенский смягчал ее сердце. Любила она его за ум, одаренность и удивительную преданность ей, которую пронес тот через всю жизнь. Сына своего Ивана так не обхаживала, не обласкивала Елена, как князя Ивана Федоровича.

Две страсти безраздельно владели княгиней — любовь к Телепневу-Оболенскому и безудержное стремление к господству и славе самодержицы. Удивительным образом сплелись в ней пороки и таланты. Ни тем, ни другим Бог ее не обделил. Не всякому мужчине по плечу тяжкая роль государственного реформатора и тонкого политика, а ей — холодной, расчетливой и подозрительной — пришлась впору.

Впрочем, для молодого государства те же качества Елены обернулись большою пользою. Ее важные шаги по ограничению крупного боярского и особенно монастырского землевладения, а также попытка изменить систему местного самоуправления предвосхитили будущие реформы ее сына, Ивана IV Грозного.

Прозорлива была она как государственная деятельница и во внешней политике. Подобно великой княгине Ольге, распорядилась начать немедленное строительство новых поселений в приграничных районах — в Ярославле, Владимире, Устюге по приказанию Глинской были восстановлены «кремли».

Показала почем фунт лиха бывшая «литвинка» и давнему врагу Московии. Литовский король Сигизмунд, рассчитывая на внутренние смуты и бессилие государства, руководимого женщиной, потребовал от Московии возвращения Литве городов, отошедших к России при Василии III. На что правительство Глинской ответило ему решительным отказом. В начавшейся войне русские войска под командованием фаворита царицы Телепнева-Оболенского, который, по счастью, оказался талантливым полководцем, действовали настолько успешно, что уже в 1536 году был заключен мир на условиях,

выгодных для Москвы. Удалось Глинской обвести вокруг пальца и хитроумных ханов — казанского и крымского, еще полвека назад чувствовавших себя хозяевами на русской земле. Княгиня заключила договор и со строптивой Швецией о свободной торговле и благожелательном нейтралитете. Король Швеции Густав Ваза, очарованный то ли самой Еленой, то ли ее дипломатической игрой, отныне обязывался не помогать ни Ливонии, ни Литве, если таковая помощь будет наносить ущерб интересам России.

Монетная реформа 1535 года, способствовавшая унификации денежного обращения в стране, — тоже дело рук Елены. С 1535 года в течение нескольких веков по всей России чеканились металлические деньги с изображением всадника с копьем, прозванные «копейками»[1]...

Но чем больше расцветало при самовластной княгине-регентше Московское государство, тем больше не любили ее отдаленные от власти бояре. Иные тайны история хранит от потомков, вот и мы до сих пор не ведаем, почему вдруг, едва достигнув тридцатилетия, едва обнаружив государственные таланты свои, 3 апреля 1538 года княгиня Елена скоропостижно скончалась. Современники же не сомневались, что ее отравили.

По неистовству, охватившему боярскую партию по смерти Елены, догадаться нетрудно было, сколько злобы накопилось в сердцах княгининых врагов. На седьмой день после ее кончины был отправлен в заточение Телепнев-Оболенский. На волю он больше не вышел, умер вскоре от голода и тяжести оков. Наследника бояре совсем уж не постеснялись, почти всю казну расхитили, над памятью матери его, как могли, поглумились. И вырастили на погибель себе волчонка, который потом все безобразия эти боярам от всей души своей грозной припомнил.

[1] Копейка названа так не потому, что Георгий держит копье, а потому, что деньги литовцами назывались копами.

Иван IV Васильевич Грозный

С. Ф. Платонов пишет: «Главная трудность изучения эпохи Грозного и его личного характера и значения не в том, что данная эпоха и ее центральное лицо сложны, а в том, что для этого научения очень мало материала. Бури Смутного времени и знаменитый пожар Москвы 1626 года истребили московские архивы и вообще бумажную старину настолько, что события XVI века приходится изучать по случайным остаткам и обрывкам материала. Люди, не посвященные в условия исторической работы, вероятно, удивятся, что биография Грозного невозможна.

Летописи XVI века тенденциозны, описывают лишь официальную версию событий. Но и в официальных летописях за целый ряд лет у нас нет никаких сведений о личности Грозного.

О первых 13 годах в летописях вообще ничего не сказано. Лишь в конце 1543 года, как сообщалось, государь арестовал князя Андрея Шуйского и «велел его предати псарем, и псари взяша и убиша его». И вновь провал до 1547 года, когда Грозный женился и сменил титул великого князя на титул царя. Затем пробел до 1549 года. Затем три года законодательствует и воюет, а в 1553 году тяжко болеет и ссорится с боярами. В 1560 году умирает его первая жена. Дальше идет эпоха зверств — опричнина. Но об этом рассказывают лишь иностранцы. В русских летописях попадаются сообщения вроде того, что в 1574 году «казнил царь на Москве, у Пречистой на

площади в Кремле, многих бояр, архимандрита Чудовского, протопопа и всех чинов людей много, а головы метал под двор Мстиславского».

Князь М. М. Щербатов в своей «Истории Российской с древнейших времен» пишет: «прошед историю сего государя», вынес впечатление, что Грозный «в столь разных видах представляется, что часто не единым человеком является».

Эту идею развили А. Т. Фоменко и Г. В. Носовский, утверждающие, что под именем «Иоанн Васильевич Грозный» скрываются как минимум четыре правителя России.

Однако мы не будем «предполагать», но станем придерживаться фактов, изложенных по большей части иностранцами, служившими в то время в России.

Родился Иван Васильевич 25 августа 1530 года.

В час его рождения внезапно разразилась сильная гроза. Какой-то юродивый предсказал ожидавшей ребенка великой княгине, что у нее родится «Тит — широкий ум».

Иван потерял отца, не имея и четырех лет от роду. Регентшей при малолетнем великом князе стала его мать — Елена. Вернее, ее именем правил временщик — Иван Федорович Телепнев-Оболенский, любимец матери. С 1534 до 1538 года продолжалось правление правительства Елены Глинской, однако 3 апреля 1538 года Елены не стало. Ходили слухи, что не без помощи Шуйских.

Как бы то ни было, фактическим главой государства становится Василий Шуйский.

Естественно, что именно Шуйским интересуются летописцы, а не юным наследником престола, не вошедшим в силу, чтобы заявить о своих правах. Так продолжалось до сентября 1543 года. Шуйские при государе и митрополите «у великого князя на совете» учинили насилие над Федором Семеновичем Воронцовым «за то, что его великий князь жалует и бережет». Его чуть не убили и пощадили только «для государева слова», потому что Иван очень просил за него. Но все-таки Воронцова с сыном против государевой воли сослали в Кострому. При этом случае бояре во дворце оскорбили митрополита Макария, порвав на нем мантию. Насилие над Воронцовым переполнило меру терпения Ивана.

Он ненавидел Шуйских и, подстрекаемый боярами, решился на мщение за понесенные обиды. В начале января 1544 года Иван вдруг велел поймать Андрея Михайловича Шуйского и приказал его передать псарям, которые и убили князя. Люди, не верившие, что такое деяние могло исходить от малолетнего государя, говорили о князе Андрее, что «убили его псари у Куретных ворот повелением боярским, а лежал наг в воротех два часа». Этой смертью и завершилось время Шуйских.

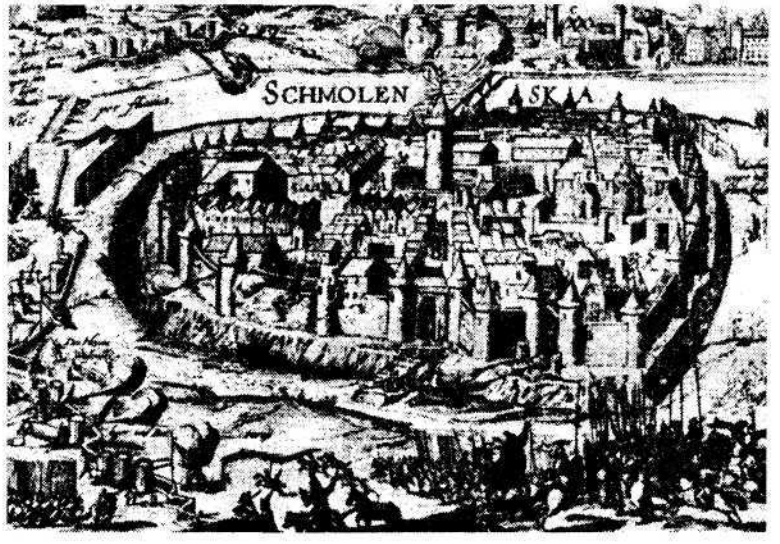
Официальная московская летопись говорит, что, погубив «первосоветника», великий князь сослал его брата князя Федора Ивановича и других членов их «правящего кружка» — «и от тех мест начали бояре от государя страх имети и послушание».

Регентство закончилось.

Мы привыкли считать, что русские летописи велись непрерывно, «по летам», подобно дневникам. Русские летописи действительно описывают события, но... приводя даты весьма условно. Ниже я привожу несколько отрывков из русских летописей, касающихся одного и того же события — взятия города Смоленска Иваном Грозным. Попробуйте угадать, в каком году это произошло. Надеюсь, вам легко удастся это сделать, ведь дата имеется в каждом отрывке.

I

«В лето 7063 (1555) году месяца июля в 29 день на память святого мученика Калинника царь и великий князь Иван Васильевич всеа России своими рускими воеводами взял Смоленск-град. А стоял под градом три годы, занеже крепок град древяной бысть и острог. Не домысляше, како — приступом или подкопы — взят. И бысть Смоленска-града из болшей пушки стрелили, и прииде пушечное ядро и сорва маковицу от церкви Преображенья Спасова, и поставив маковицу зле шатер царевь, да едва в шатре царя маковицей и не убило. Царь же разгневася и заповеда в той церкве не служить до скончания. И на утрии же другаго дни приехал посланник от тверскаго архиепископа Еуфимия, привозе замок и ключ и писание от архиепископа написано: «Благословляю тя, царю, и замыкай тем замком и отмыкай ключем Смоленск-град».



Смоленск начала XVII века

Царь же воспалився и ярости наполнися и повеле того посланника казнить и придать его смерти. А по архиепископа тверскаго скоро послал немилостива гонца и повеле его скована привести и злой смерти предати, занеже под градом три годы стоя и много крови пролье, рускаго воинства, паде и казны истощив, а не можаху никакого града взять. «А он, архиепископ, мне, царю, посмеявся, велит град замыкать». И божию помощию Смоленска-града в третий день людие поседельцы град отворили и здалися царю гладные ради великие нужы. И государевы воеводы во град ехав, град взяли. Царь же той вины тверскому архиепископу отдаша, славя бога и причистую его богоматерь».

(ТИМ. Собр. муз., № 3996. Л. 258 об.—259 об.)

II

«В лето 7101 -го (1593) года государь царь и великий князь Иоанн Васильевич всеа России взял у короля литовского град Смоленск. А стоял под градом три годы, зане крепок бе, и много царския казны истощи и войска много паде. И из города шло ядро и сшибло маковицу у церкви, и пала маковица у

царева шатра, и немного царя в шатре маковицею не убило. И царь не повелел в той церкви вечно служити. И на третий год стояния царева под Смоленском из града Твери тверской архиепископ Евфимей присла ко царю под Смоленск благословение и замок и ключь и писа: «Буди здрав».

(ГПБ. Q.XVII.252. Л. 282 об.)

III

«В лето 7084 (1576) царь и великий князь Иван Васильевичь взял у короля литовского Смоленск-град, а стоял под ним 3 годы, понеже крепок зело, и много царьския казны истощи, тако же и войска его паде. Во един же от дней стрелиша из града и зшибе ядром с церкви Спасены главу, и паде глава она подле шатра царева и едва царя не уби. Царь же в церкви той служить не повеле, дондеже обветшает. Исходящу же третиему лету из Твери архиепископ Евфимий посла царю благословение под Смоленск, также замок с ключем, и писа сице: «Здравствуй, государь, со градом Смоленцем! Замыкай замком и отмыкай ключем». Царь же гнева и ярости наполнися, глаголя в себе: «Сей чернец глумится и посмехается мне, что аз многое время под градом стою». И посла по него немилостива посланника, сице рече: «В чем того владыку застанеш, в том его и постави пред нами, еже казни предати». Божиею же милостию и молитвами московских чюдотворцев в третий день по отписанию владычню поручи бог царю град Смоленск. И возрадовася царь, яко збыться пророчество тверскаго владыки. Посланник же той привозе владыку во единой келейной свитке и без обувения. Царь же виде его тако обругана, и изпроси от него прощения, и приим благословение. Святитель же одарен бысть от царя многими дары за его пророчество, еже збыться на граде Смоленце. Святитель же отиде во свой град честно велми».

(ГИМ. Собр. Забелина. Л. 186.)

IV

«Лето 7095 (1587) царь и великий князь Иван Васильевичь взя Смоленец-град у короля литовского, а стоя под Смоленцом 3 годы, занеже крепок бе, и много царьской казны истощи и войска падоша. И шла из града пушка, и сшибло мако-

вицу у церкви Спаского монастыря, и пала маковица зле шатерь царев, едва в шатре царя маковицею не убило. И царь не повеле в той церкви служить до скончания. И на третей год из Твери-града архиепископ Еуфимий посла ко царю под Смоленец замок и ключ. А писал: «Буди здрав царю со Смоленцом-городом! Замыкай замком, отмыкай ключем Смоленец-град». И царь гнева наполнися: «Калугир посмехает мне, что под городом стою много время». Посла по него немилостивого гонца: «В чем владыку застанешь, в том без милости взяв, пред собя поставит и на казнь предат». И погна гонец. И град Смоленец бог поручил царю Ивану, и збысться пророчество тверскаго владыки. Гонец же владыку привезь во единой келейной свите и без пояса, и боса. Царь же благословися у него, прося прощения, и пожалова, и удари его царскими дары, и отпусти его честно, и проводи до пути».

(ИРЛИ. Пчн. собр. № 440. Л. 70 об.—72.)

Присоединение Смоленска произошло при Василии III в 1514 году. При этом Василию, чтобы овладеть городом, пришлось предпринять три похода и три приступа.

Остается неясным намек на конфликт Ивана Васильевича с тверским епископом. Может быть, в нем следует видеть лишь отголосок имевших место в прошлом враждебных отношений Твери к Московскому государству и, напротив, дружеских по отношению к Литве? Во всяком случае, ни один тверской владыка не носил имени Евфимия ни при Иване IV, ни при Василии III, но небезынтересно отметить, что архиепископ тверской назывался Евфимием в 1627—1641 годах.

Любопытно упоминание в повести «града дровяного». Не является ли это рассчитанным приемом автора для создания колорита древности, ибо с 1602 года Смоленск был окружен уже каменными стенами?

Если читатель еще не разуверился в летописях, то продолжим рассказ о грозном царе.

Детство царя Ивана, как уже говорилось, не было безоблачным. Он вдосталь натерпелся грубости от бояр. Годы прошли, а он все вспоминал не без содрогания: «Нам бы во юности играющим, а князь Иван Васильевич Шуйской сидит на

лавке, локтем опершися об отца нашего постелю, ногу положа на стул, к нам же не приклонялся не токмо яко родительски, но ниже властельски, рабское же ниже начяло обретеся. И таковая гордения хто может понести? Како же исчести таковая многая бедне страдания, еще во юности пострадал?» Но прошли годы, и юный наследник вырос. В год совершеннолетия (1546) Иван объявил, что намерен жениться.

Первой царской избранницей стала Анастасия Романовна Захарьина-Юрьева.

Юный царь не терпел угрюмого вида серьезных наставников, которые начинали его раздражать. Одна была отдушина — семья. Иван преклонялся перед царицей, которая положительно влияла на него. Венценосец не только острил меч на недругов, но и дал законы стране. Он не был неженкой — подобно Цезарю, терпел в походах холод и метели, его вдохновляла любовь. Он взял Казань, пленив прекрасную царицу Сююм-беки, он завоевал Хаджитархан (известный ныне как Астрахань). И тут гонцы принесли известие, что царица ждет дитя. Царь тотчас же помчался ее навестить, бросив стан воинов вопреки советам своих полководцев. По пути к дому, в Судоге, встретил он другого гонца, сообщившего о рождении сына.

Царь на радостях щедро одарил вестника. Анастасия уже рожала дважды — дочерей. Царь мечтал о сыне, и вот — дождался.

Царская жена ни в чем не знала отказа, была окружена заботой и вниманием, но... испуг стал причиной ее преждевременной кончины.

Н. М. Карамзин в своем объемном труде по истории России оставил нам весьма эмоциональное повествование о болезни и смерти царицы: «Анастасия ... цвела юностью и здравием; но в июле 1560 года занемогла тяжкою болезнию, умноженною испугом... В сухое время... загорелся Арбат; тучи дыма с пылающими головнями неслися к Кремлю. Государь вывез больную Анастасию в село Коломенское; сам тушил огонь, подвергаясь величайшей опасности... Царице же от страха и беспокойства сделалось хуже. Искусство медиков не имело успеха, и, к отчаянию супруга, Анастасия 7 августа, в пятом часу дня, преставилась».

Похороны Анастасии

Первая русская царица была торжественно похоронена в Вознесенском соборе в Кремле. Этот монастырский храм, заложенный еще при княгине Евдокии, вдове Дмитрия Донского, с 1407 года служил местом захоронения русских великих и удельных княгинь. Могила Анастасии находится рядом с местом погребения матери Ивана IV, великой княгини Елены Глинской.

Некоторые историки упорно внедряли мысль о насильственной смерти царицы— ее отравлении. В феврале 1996 года московская печать сообщила о сенсационном заключении судмедэкспертов: в останках Анастасии Захарьиной-Юрьевой они обнаружили ртуть, особенно в волосах — они дают возможность получить наиболее точную информацию о содержании яда в организме. Мать шестерых детей, она и тридцати не прожила — вот почему считалось, что смерть ее наступила от потрясений, усугубленных истощением.

Горсей' писал: «Эта царица была такой мудрой, добродетельной, благочестивой и влиятельной, что ее почитали, любили и боялись все подчиненные... Великий князь был молод и вспыльчив, но она управляла им с удивительной кротостью и умом... Когда его добрая супруга царица Анастасия умерла, она была причислена к лику святых и до сего дня почитается в их церквах...

[1] Горсей Джером (? — после 1626) — английский путешественник. Бывал в России в конце XVI века, встречался с Иваном Грозным. Автор «Записок о Московии...». — *Примеч. ред.*

...Этот великий князь всей России, Иван Васильевич, вырос красивым, был наделен большим умом, блестящими способностями, достойными правителя столь великой монархии: в 12 лет он женился на Анастасии Романовой, дочери дворянина высокого положения».

Англичанин ошибся на четыре года, указывая дату женитьбы героя своего рассказа.

«Кто б мог предугадать, какие зверства откроются в до той поры казавшемся кротким государе? Огонь был заклятым знамением того жестокого века. Еще когда Ивану было семнадцать, в Москве одновременно случились бунт и пожар. Ползли тогда слухи, что бабка царя Анна Глинская побудила чернь к неповиновению властям и способствовала огненному буйству: она якобы окропляла храмы водой, в которой перед тем вымачивала... сердца казненных».

Портрет Ивана из немецкой брошюры 1576 года

На страницы летописей попали отголоски слухов о предосудительном поведении царя Ивана в последние годы их совместной жизни. Но эти же записи сохранили яркий рассказ о переживаниях молодого Ивана Васильевича по поводу смерти пер-

вой жены. За ее гробом он шел, поддерживаемый своим братом Юрием, князем Владимиром Андреевичем Старицким и юным казанским царем Александром, своим воспитанником, так как от горя и слез еле держался на ногах — «от великого стенания и от жалости сердца».

Вторая жена Ивана — Кученей

Иван IV в августе 1560 года направил три посольства в Польшу, Швецию и Кабарду «искати себе невести». В феврале 1561 года, вскоре после неудачного сватовства, которое было предпринято им в политических целях в Швеции и Польше, русский царь посылает посольство на смотрины невесты в «черкесы в Оджанские». Отправились туда Борис Сукин и «черкасский» князь Гаврила, сын князя Тазрута, недавно принявший на Руси крещение. Однако и это сватовство не увенчалось успехом по неизвестным нам причинам.

Некто Бейбулат был женат на дочери старшего князя Кабарды Темрюка Идаровича. От него и от Михаила Темрюковича, сына князя, царь мог прознать и про других дочерей Темрюка.

15 июня 1561 года посольство в составе Ф. В. Вокшарина и подьячего С. Мякинина (с ними в Кабарду ездили князь Михаил и князь Бекбулат) привезло царю невесту, дочь Темрюка княжну Гуашану.

Вместе с княжной прибыл и ее брат Доманук-мирза, царевич Бекбулат Тохтамышев, а с ними дочь Темрюка — Алтынчач-царица и сын Бекбулата Саил-царевич.

Посольство с невестой встретил на Волге боярин И.А.Бутурлин, который и доставил княжну Гуашану Темрюковну в Москву.

Вскоре состоялись ее смотрины, царь и великий князь Иоанн Васильевич невесту смотрел и «полюбил».

6 июля были крестины. Новообращенную нарекли Марией в честь святой Марии Магдалины, и дочь кабардинского князя была официально признана невестой русского царя.

Свадьба состоялась 21 августа 1561 года. Царь женился

вторым браком на княжне Гуашане, ныне Марии Темрюковне, не знавшей по-русски ни слова и не понимавшей того, что говорил ей муж. Но потом она выучила язык и «даже подавала советы царю».

Английский посол Дженкинсон описал сватовство и женитьбу. В частности, он отмечает: в течение трех дней все ворота в Москве были заперты, и приказано было в это время никому не выходить из своих домов. Исключение составляли лишь царские приближенные.

Через год в Кабарду было отправлено посольство с большими подарками для отца Марии, и все князья, узнав об этом, стали послушны Темрюку Идарову.

Положение Темрюка как верховного князя Кабарды упрочилось.

До крещения Михаил Темрюкович «в магометанстве» носил имя Салнук.

Дочь Темрюка Малхураб была женой Тинехмата, старшего сына Исмаила-мурзы (ногайского). Она писала Марии письма в Москву.

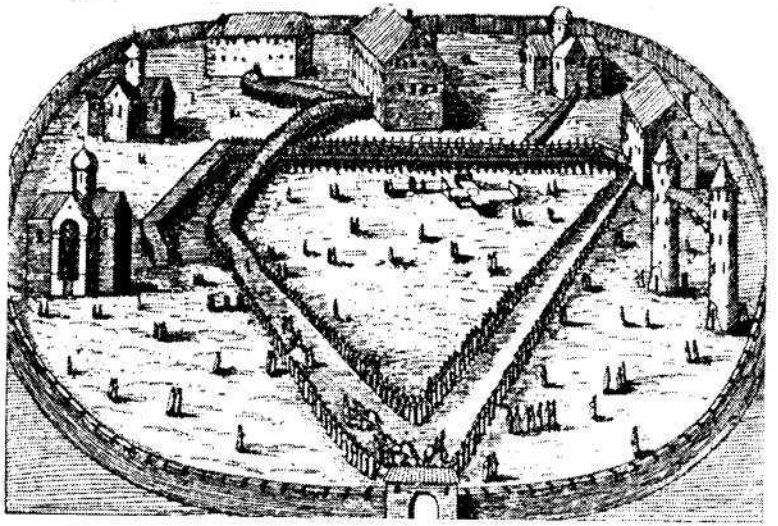
Мария была женщина решительная и ничего не боялась. Как-то раз, спустя год после свадьбы, она потребовала, чтобы ее брату дали какую-то должность, но Иван отказал. «Или выполнишь мою просьбу, или завтра же я повешусь». И назавтра ее вытащили из петли, скрученной из полотенца. Поэтому Иван во всем ей потакал. Она весьма любила забавы, особенно казни. Когда Иван проводил казни на Красной площади, она стояла на стене за зубцами и веселилась со своими девками, смущая своим смехом испуганных обывателей.

Кондратий Биркин сравнивает Анастасию и Марию: «В лице Анастасии закатилось красное солнышко правды на святой Руси, воцарились мрак, кривда и злоба, и на месте честных слуг царских явились крамольники, кромешники, палачи.

Натешившись давно не виданным зрелищем пыток и казней, Грозный сбросил свое горе с плеч долой и загулял, как подобает широкой русской натуре. В полной уверенности, что другой Анастасии не найдется не только на Руси, но и в целом мире, царь выписал себе новую жену с Кавказа в особе кре-

щенной княжны черкесской Марии Темрюковны, прибывшей в Москву вместе с братцем, татарином-идиотом, прославившимся у нас на Руси силой и обжорством. Выбор жены был, как говорится, самый подходящий: по красоте и злости Темрюковна была демоном в образе женщины. Родственное сближение Ивана Васильевича с татарской княжной не могло не иметь влияния на его неукротимые страсти; княжна и ее достойнейший братец внесли несколько новых элементов в сферу распутства, в которой вращался Грозный; за пресыщением сладострастием естественным в царе проявилось отвратительное извращение чувственного инстинкта, и он разнообразил наслаждения, переходя от неистовых ласк Марьи Темрюковны к баловству с Федькой Басмановым, женоподобным красавчиком.

О степени же расположения Ивана Васильевича к его любимцу можно судить по следующему факту: племянник Овчины-Телепнева-Оболенского Дмитрий поспорил с Федькой и, раздраженный его дерзостью и заносчивостью, сказал ему: «Я и мои предки служили царю с пользой, а ты — гнусною содомиею!»



Александровская слобода. Из книги Якова Ульфельда

Оскорбленный красавчик пожаловался на своего обидчика царю, и голова Дмитрия Оболенского на другой же день пала на плахе.

Таким образом, в стенах дворца через год после кончины царицы Анастасии поселились всевозможные — даже, пожалуй, и невозможные — пороки и мерзости. В ее чистом и опустелом тереме гнездилась, как хищная птица в голубином гнездышке, свирепая Марья Темрюковна; на половине государевой с утра до ночи не умолкали срамные песни, звон чаш, хохот; пиры сменялись пирами. Подражая цесарям римским, Грозный любил вместо десерта потчевать своих собеседников зрелищами не совсем приятными, но внушительными и назидательными. Ошпаривание горячими щами, тычок ножом, удар посохом, иногда подмес яда в чей-нибудь кубок были забавами обыденными, без которых и веселье было не в веселье».

8 лет прожил Иван с Марией Темрюковной, изведенной, как он подозревал, лихими снадобьями.

2 февраля 1565 года царь учредил опричнину[1].

Державный растлитель

«Царь уединился в Александрову слободу за шестьдесят с лишним верст от столицы, комедиантствовал там, воображая себя схимником, а страну свою отдал на поругание кромешникам: опричники и впрямь были хватами там, где им не умели противостоять, зато Москва была предоставлена на растерзание примчавшемуся из-за Перекопа хану Гирею. Иоанн изнывал от одиночества, ночами являлся страх, и жертвы гнева его нашептывали жуткие слова холодными губами, похо-

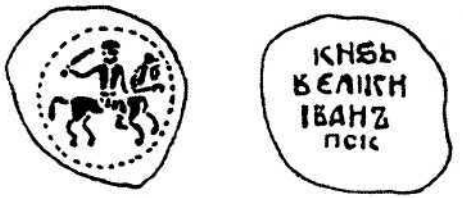
[1] Опричнина — система внутриполитических мер Ивана Грозного в 1565—1572 годах для борьбы с предполагаемой изменой в среде феодалов (массовые репрессии, казни, земельные конфискации и т.п.). Учреждая ее, Иван стремился ослабить родовитую аристократию, мешавшую ему создать централизованное государство, стать «единодержавным».

жими на гусениц. Черви! Царь оборачивал зрачки к лампадам, кающийся грешник, в нем теплилась надежда еще на прощение Всевышнего — этакий смиренный, тихонравный и коленопреклоненный, вымаливал отмщение грехам второго «я», умерщвляя плоть, но не умея утихомирить вельзевула — похоть. Два ложа было в его опочивальне. Одно для ханжеского ублагоестествления — из голых досок, на них ложился царь, чтоб усмирить бушевание тела, в минуты раскаяния.

Озлобленность царя нередко приводила в затмение его разум. Шах персидский как-то прислал ему в дар слона — бедолага аж от Астрахани маршировал в особых лаптях до Белокаменной, вызывая изумление простолюдинов окрестных деревень; видать, вконец одичал за время многосоткилометрового перехода и отказался... встать на колени перед всесильным государем. Сей дерзости не перенесло величество на троне. В мгновение ока стрельцы, повинуясь приказу Иоанна, иссекли несчастное млекопитающее топорами.

1 сентября 1569 года Мария Темрюковна отошла в лучший мир. Распустив слух, что она была отравлена недругами, царь готовил окружение к новым исступлениям ярости. Ночью шествовал из молельни в спальню, где три слепых чтеца рассказывали ему сказки; уже, однако, ни псалмы, ни побасенки не отгораживали сознание от неотвязных дум. Две тысячи отроковиц свезли в Александровскую слободу утешить тщеславие царя. Ему уже было сорок, организм был измучен невоздержанием плотским. Выбрал он Марфу Собакину. И вдруг... Государева невеста стала засыхать...

На три-то брака смотрели искоса, а уж четвертой свадьбы церковь даже для царя не допускала. Пришлось сзывать собор: он разрешил исключение сие. Избранницей стала Анна Колтовская из Новгорода. Едва успев овладеть — уж и охладел к ней. Анна превратилась в Дарью — заточили ее в монастыре. Царь не соблюдал даже показной пристойности. В сорок пять лет он в пятый раз женился — новой жертвой его стала Анна Васильчикова; душегубец вогнал вскоре во гроб и эту пассию. В шестой раз Иоанну приглянулась вдова — Василиса Мелентьева. Царь, сообщает Карамзин, уже безо всяких священных обрядов взял только молитву для сожития с нею. Но и новая, полная крови и сил молодка долго не протянула... Потом царь женился — на одну-единственную лишь брачную ночь — на Марии Долгорукой. Наутро ее усадили в колымагу и на бешеных конях умчали в реку.



Ранняя монета Ивана, по образцу монет литовских с гербом «погоня». Надпись: «КНЯЗЬ ВЕЛИКИЙ ИВАН»

Поздняя монета царя Ивана, по образцу монеты Батыя. «Деньга копейная». Надпись: «ЦАРЬ И ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ИВАН ВСЕЯ РУСИИ»

И вот — еще одна царская свадьба. Последняя в жизни Иоанна...

Не везло Ивану в семейных делах. Старшего своего сына Федора царь лишил права на престол в пользу младшего — Ивана Ивановича.

Соответственно и сын Федора — царевич Димитрий потерял право на престол.

Вся надежда на Ивана Ивановича...

Но в ноябре 1581 года Иванушка вошел в покои к отцу и начал ссориться с отцом. Дело в том, что Иван Васильевич ударил беременную жену своего сына, застигнутую в момент недвусмысленных объятий с влюбленным в нее боярином П. Басмановым. Женщина перед мужем стала обвинять именно его, Грозного, в попытке соблазнения... Иван Иванович поверил клевете жены, а не словам отца, что в конечном счете и вывело из себя Ивана Грозного. Немудрено, что он, потеряв всякое терпение, ударил своего не столь уж умного преемника жезлом по голове. Бедный самодержец так расстроился из-за своего неумышленного убийства, что его хватил удар».

О том, что Грозный способен был насиловать невесток, сын не сомневался, как и окружающие. Так, Яков Рейтенфельс сообщает, что «Иван Грозный преступной страстью был до

Парсуна с портретом Ивана Грозного

того обуреваем, что, говорят, даже будучи уже при смерти, пытался изнасиловать жену сына и постоянно пользовался чужими женами».

Ночами он вскакивал, устрашаемый привидениями,катался по коврам, пока не утихал в прострации, и, только обессиленного, его слуги могли уложить на тюфяк. Царь боялся света, ненавидел утро, жизнь сделалась в тягость. Всегда боялся он гнева небесного, хотя и не чурался мук стыда и радовался гнусным восторгам мерзостного сластолюбия — так рисует дни угасания государева Карамзин.

Герберштейн писал о том, что «русским, за исключением нескольких дней в году, запрещено пить мед и пиво».

Во времена Ивана Грозного варить пиво разрешалось лишь по большим праздникам.

Трезвость была основой жизни.

Парь Симеон Бекбулатович

В 1574 году Иван Грозный отрекся от престола и передал власть над страной Симеону Бекбулатовичу[1], а сам стал

[1] Симеон Бекбулатович (Саин-Булат) (? — 1616) — касимовский хан, «великий князь всея Руси» — номинальный правитель Русского государства с 1575 года. В 1576 году получил в удел Тверь. При Борисе Годунове находился в опале, при Лжедмитрии I пострижен в монахи. — *Примеч. ред.*

Московским князем. Однако царь Симеон был весьма слабым царем, не имел поддержки у бояр и не смог утвердиться на престоле. Два года он был у власти, а затем отказался от нее. Иван IV вновь вступает на престол, а смещенного царя отправляет княжить в подаренную ему Тверь.

Обычно не упоминается о странном замешательстве дворцовых дьяков, которые сообщили народу о печальном событии — кончине Ивана Грозного — лишь несколько дней спустя после ее наступления. Было объявлено, что государь перетрудился, был весь в хворях и угас во сне...

Английские историки думают совсем иначе, ибо у них есть серьезные основания считать, что Грозный умер не своей смертью, а был просто-напросто убит Борисом Годуновым.

Непосредственной причиной убийства было настойчивое желание царя взять в жены Мэри Гастингс, племянницу королевы Елизаветы. Именно такую версию гибели Ивана Грозного опубликовал в конце XVI века Джером Горсей.

Горсей жил при московском царском дворе с 1573 по 1591 год. Он постоянно общался с Борисом Годуновым и Иваном Грозным, выполняя тайные поручения царя. В деревянной фляге с двойным дном, наполненной крепчайшей русской водкой, через враждебные России Польшу и Германию возил Горсей в Англию секретные письма Ивана Грозного к королеве Елизавете, и королева, пишет Горсей, морщилась от непривычного запаха первача, которым были пропитаны царские послания.

Потерпев поражение в Ливонской войне, царь просил у королевы «стратегическое сырье» — медь, олово, свинец, порох.

После страшного разорения и сожжения Москвы крымскими татарами в 1571 году Иван Грозный, заботясь о личной безопасности, вел переговоры с Елизаветой о взаимном предоставлении убежища. Он подумывал о перенесении столицы в Вологду, собирал там свои сокровища и готовил флот на случай бегства в Англию. Но роковым для царя оказалось решение жениться на англичанке, сероглазой красавице королевской крови.

Необузданный темперамент Ивана Грозного проявился не

только в политике, но и в личной жизни. Несмотря на церковные запреты, он был женат семь раз, но и этого ему показалось мало. Царь мечтал о браке со знатной иностранкой. Во время Ливонской войны он хотел жениться на литовской принцессе Елене; но желание укрепить связи с Англией переключило его внимание на незамужнюю королеву Елизавету.

Известный отравитель и специалист по ядам немец Бомелий, учившийся в Кембридже и приглашенный в Россию в качестве личного лекаря царя, уверял Ивана, что королева молода и хороша собой. К королеве сватались многие августейшие особы Европы, но она всем отказывала, предпочитая свободу и независимость радостям семейной жизни; фаворитов она выбирала себе сама. Но Иван Грозный не терял надежды, считая себя выше других государей по личным качествам, мудрости, богатству и величию. Его не смущал пестрый калейдоскоп прежних жен, который начинался с царицы Анастасии, оставившей сиротами царевича Ивана (убитого впоследствии отцом) и Федора (севшего на престол после смерти Грозного). Анастасию сменила черкешенка Мария Темрюковна, не уступавшая в жестокости и диких выходках мужу; она умерла 1569 году. Две недели была царицей красавица Марфа Собакина, выбранная из двух тысяч невест, свезенных в Москву со всей Руси на царские смотрины, и, видимо, отравленная завистливыми соперницами в ноябре 1571 года.

На следующий год в монастырь отправилась четвертая жена — Анна Колтовская; еще через семь лет монахиней стала пятая жена — Анна Васильчикова. Шестой и как бы неофициальной женой считается Василиса Мелентьевна, красота которой так поразила царя, что он приказал немедленно заколоть ее мужа. Но как только Василиса имела неосторожность «взглянуть яро» на какого-то несчастного красавца — ревнивый Иван тут же казнил беднягу, а Василису постригли в Новгороде в монахини. Затем царь сочетался тайным браком с княжной Марией Долгорукой, но красавицу утопили в реке Сере, поскольку царь «зело воскручинился, что не имела она девства...». Последней царицей стала в октябре 1580 года Мария Нагая, которую русские летописи называют матерью царевича Дмитрия, зарезанного впоследствии в Угличе[1].

«Хитрого, дальновидного и крайне честолюбивого Бориса Годунова вполне устраивал калейдоскоп бездетных жен Ивана Грозного».

Борис уже породнился с царем, выдав свою сестру Ирину за наследника, Федора. Влияние Годунова при дворе было огромным. Желание царя породниться с английским королевским домом приводило Бориса в ужас, он понимал, что его честолюбивым планам грозит полный крах.

Годунов донес царю, что Елизавета вовсе не так молода и прекрасна, как утверждал Бомелий. Бомелия начали «допрашивать с пристрастием», а попросту — пытать. Пытка способствовала выяснению истины: оказалось, что Бомелий лгал, Елизавета лишь на три года моложе Ивана IV. Подвешенный на дыбу, с вывороченными суставами, изрезанный проволочным кнутом, великий отравитель признался во всех смертных грехах. Их оказалось так много, что Грозный велел зажарить его живьем. Горсей рассказывает, как беднягу привязали к вертелу, выпустили из него кровь и жарили до тех пор, пока в нем не осталось признаков жизни. Затем его бросили в сани и привезли в Кремль. Здесь в числе зевак находился и Горсей; он сам видел, как умирающий Бомелий неожиданно открыл глаза, призывая Бога к милости...

Но досада царя прошла, когда он узнал, что у королевы есть молодая племянница по имени Мэри Гастингс. В 1582 году Грозный отправляет в Англию посольство во главе с Федором Писемским с тайным поручением провести переговоры о сватовстве. А как обойти законную жену — Марию Нагую?.. Следуя приказу царя, Писемский в ответ на щекотливые вопросы о жене должен был отвечать так: «Государь взял за себя боярскую дочь, а не ровню себе. Если королевская племянница окажется дородной, то государь наш, свою оставя, женится на ней».

Практичная Елизавета не возражала против брака, но сразу поставила вопрос ребром: «Какие права будут у наследни-

[1] Однако иностранцы, жившие в то время при дворе, рассказывали, что Дмитрий не сын, а внук Грозного от Федора.

ка от брака русского царя и Мэри? Гарантируют ли ему преимущество перед другими сыновьями царя?» В 1583 году для переговоров на эту тему в Москву приехал английский посол Джером Баус. Он имел секретное задание: добиться для возможного сына Мэри права наследования русской короны. Естественно, что такие переговоры для Бориса Годунова были как кость в горле. Он начал строить Баусу всяческие козни. Но у Ивана Грозного мысль о жене-англичанке крепла день ото дня. Дело в том, что Писемский был совершенно очарован Мэри, он всячески расхваливал царю ее ангельскую внешность, стройную фигуру, необычайную красоту, прекрасный характер. Дело казалось слаженным: Мэри уже получила при английском дворе прозвище «царицы Московии».

Годунов понял, что ожидающийся приезд Мэри в Москву означает конец всех его тонких замыслов. Горсей пишет, что Борис и его ближайшее окружение составили заговор с целью уничтожить все подписанные соглашения с англичанами. Формально Годунов выступал как защитник интересов законного наследника Федора — слабоумного человека, во всем полагавшегося на Годунова. Борис понимал, что царь оказался в полной изоляции: все его старые друзья и приближенные были уже казнены, боярам и советчикам Иван не доверял, его душил страх за свою жизнь. Тогда Грозный решил обратиться к потусторонним силам и велел срочно доставить из Холмогор кудесников и колдуний. Шестьдесят «шаманов» были привезены в Москву и посажены под стражу. Под страхом смертной казни с ними не имел права разговаривать никто, кроме любимца Грозного — Богдана Бельского, единственного человека, которому еще доверял русский царь. Но он не знал, что Богдан уже находится в сговоре с Годуновым... Предсказания кудесников были мрачными: они пророчили царю смерть 18 марта.

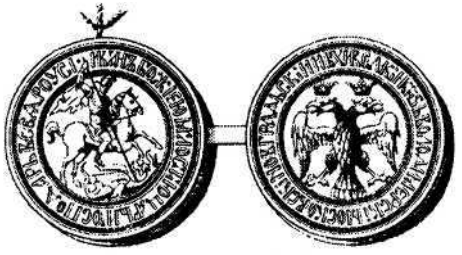
Каждый день царя носили в его сокровищницу. Горсею принадлежит интереснейший рассказ о том, как оценивал Грозный мистические свойства самоцветов: «Алмаз укрощает гнев и сластолюбие, рубин наиболее пригоден для сердца, мозга и памяти человека, он очищает сгущенную и испорченную кровь... Изумруд произошел от радуги, а мой любимый камень — сапфир — усиливает мужество, веселит сердце, приятен для глаз, укрепляет мускулы и нервы. А вот коралл и прекрасная бирюза, их природный цвет ярок, но положите их на мою руку — и они изменением цвета из чистого в тусклый предсказывают мою смерть!..»

Наконец наступил день 18 марта. Царь был жив-здоров и послал Бельского к колдунам сказать, что их зароют в землю живьем за ложные предсказания. Колдуны ответили: «Господин, не гневайся. Ты знаешь, что день кончится лишь тогда, когда сядет солнце!..» С этим ответом Вельский и вернулся к царю, который был весел и готовился к бане; о предательстве Богдана он не догадывался. Около третьего часа дня царь пошел париться, развлекаясь любимыми песнями, как он привык это делать. В бане он провел четыре часа и вышел из нее лишь около семи, довольный и освеженный. Царя усадили на постель, он приказал принести шахматы, рядом были слуги, Вельский и Годунов. Царь был одет в полотняную рубаху, чулки и халат. Вдруг, почувствовав слабость, он повалился навзничь... Произошло большое замешательство, раздались крики, одни бросились за ноготковкой и розовой водой, другие — за водкой, третьи — за духовником царя и лекарями... Покои опустели — и в этот момент Годунов и Вельский задушили Ивана Грозного. Как пишет Горсей, «он был удушен и окоченел».

Прикончив царя, который, видимо, перепарился в бане, Годунов и Вельский вышли на крыльцо в сопровождении неизвестно откуда взявшейся огромной толпы своих родственников, приближенных и слуг. Они приказали начальникам стражи и стрельцам зорко охранять ворота дворца, никого не впускать, держа наготове оружие с зажженными фитилями.

Горсей мгновенно сообразил, в чем дело, и тут же предложил Годунову, которого он называет «лордом-протектором», своих слуг и военные припасы. Годунов ласково взглянул на него и сказал: «Будь верен мне и ничего не бойся!..»

Теперь вчера еще всесильный посол Англии сэр Джером Баус дрожал от страха, ожидая ежечасно конфискации имущества и смерти; вокруг его дома была поставлена охрана, чтобы он не убежал. Горсею «по-доброму» посоветовали даже не заикаться в защиту английского посла, которого в самой оскорбительной форме приволокли к новому царю Федору,



Печать государственная малая царя Ивана IV

обвинили в ужасном преступлении против русской короны и государства, грозили убить, а тело бросить в Москву-реку... Но милостивый государь Федор, правда, не лично, а устами Бориса Годунова простил посла и велел ему в три дня убираться вон из Москвы, иначе у него будут большие неприятности. Лишь погрузившись на корабль, плывущий в Англию, посол «дал волю своим чувствам»: он в бешенстве изорвал все сопроводительные грамоты, изрезал драгоценные шкурки соболей, обложил отборной бранью нового русского царя и его главного советчика — Годунова, а вернувшись в Англию, оклеветал и Горсея.

Три дня Москва изображала горе, лились лицемерные слезы, пока под полом Архангельского собора не погребли тело царя.

Приход к власти «лорда-протектора», или «канцлера» — Годунова при безвольном и слабоумном царе Федоре Иоанновиче еще раз показал, что друзей в политике не бывает... Соучастник убийства Богдан Вельский был сослан в Казань; главный соперник Годунова, чистокровный Рюрикович, князь Иван Шуйский был немедленно выслан из Москвы и задушен по приказу Бориса дымом от сырого сена в подмосковной избе... А сам Борис, принимая народ и просителей, не мог удержать счастливой улыбки при криках: «Боже, храни Бориса Федоровича! Ты наш царь, благороднейший Борис Федорович!» и т. д., потому что, как пишет Горсей, «он упорно добивался венца».

Итак, умный, хитрый, коварный и безжалостный честолюбец Борис Годунов убил не только царевича Дмитрия в Угличе, но и самого царя Ивана Грозного! Однако пройдет еще четырнадцать лет, прежде чем Борис станет царем.

Очень возможно, что Грозному добавляли в пищу яд: в 1963 году при вскрытии его гробницы и анализе костных останков была обнаружена высокая концентрация одного из наиболее ядовитых металлов — ртути! Правда, этот факт может объясняться применением ртутных мазей и лекарств при лечении венерических заболеваний. Но следы ртути были обнаружены и в остатках масла на дне синего стеклянного кубка, стоявшего в головах у царя!.. Виночерпием царя, как известно, был Богдан Вольский, недалекий и простоватый исполнитель злой воли «вчерашнего раба, зятя палача».

Опричник на старинной гравюре

Иван Грозный к концу жизни оказался, как и всякий тиран, совершенно одиноким. Все боялись и ненавидели его. Но сватовство к англичанке, грозившее боярам окончательной гибелью, оказалось последней каплей, переполнившей «чашу терпения».

Иван Грозный сознательно возложил на себя историческую миссию «последнего благочестивого царя». Опричники — «избранные», потому-то их и не может осудить никакой человеческий суд, кроме царского. Символика странного воинства — собачья голова на шее у лошади — прямо соотносится с пророчествами (с песьими головами изображались «нечистые народы Гога и Магога»), сам опричный террор как своими конкретными формами, так и масштабами бессмысленного кровопролития перекликается с апокалиптическими видениями.

Отсюда и элементы полумонашеского быта и причудливой архитектуры Опричного двора, технология казней. В этом же контексте должна рассматриваться и известная концепция «третьего Рима»: после падения «второго Рима», Константинополя, Московская Русь остается последним православным царством, «а четвертому (Риму) не быти...»

О государственной символике

Что за «ездец» изображен на великокняжеских, а затем царских печатях? Отождествление его со св. Георгием — сравнительно позднее (XVII век). Почему на ранних печатях копье без наконечника? Да и копье ли это вообще? Наконец, что за змей под ногами у коня?

На печатях изображен «царь-победитель», с которым отождествляется правитель Русского государства, «третьего Рима». В руке у царя скипетр. А змей — не просто змей, а «аспид-кераст», символизирующий антихриста. Что же касается своеобразного одеяния всадника, то вот еще одна занятная характеристика апокалиптического «царя Михаила»: «Восстанет царь отрок отроков Маковицких, идеже близ рая живяху, Адамови внуци: безгрешние же суть всии человецы, а не носят одеяние, то яко родишися тако и хождаху...»

Так Перун был переосмыслен под влиянием христианских мистических текстов.

Таким образом, неограниченное самодержавие получило внятную религиозную санкцию. Иван воспроизводит подвиги Нерона прямо в храме Божьем. «Все, что ему приходило в голову, одного убить, другого сжечь, приказывает он в церкви». Опричники в Александровском дворце носят монашеское черное одеяние, называют своего «игумена» «не иным именем как брат», тщательно соблюдают монастырский устав — с одним немаловажным усовершенствованием. «Редко пропускает он день, чтобы не пойти в застенок, в котором постоянно находятся много сот людей; их заставляет он в своем

присутствии пытать или даже мучить до смерти безо всякой причины, вид чего вызывает в нем, согласно его природе, особенную радость и веселость. И после этого каждый из братьев должен явиться в столовую или трапезную, как они называют, на вечернюю молитву, продолжающуюся до 9...» (из воспоминаний немцев-опричников И. Таубе и Э. Крузе).

«Ты, Государь, аки Бог и мала, и велика чинишь» (опричник Василий Ильин-Грязной). «Смерть бо, прочее, не мученье бывает, но врачеванье добрейшее и спасенье паче, и смотренье, державная, премудрости исполнено, удерживает бо яко намнозе греха устремленье, умры бо, рече, оправдися от нея» (монах Филипп Монотроп, XI в., перевод с греческого).

Многое в опричнине из нашего времени выглядит как издевательство над религией: демонстративные убийства священнослужителей, вплоть до митрополита Филиппа, разграбление церквей, чередование садистских оргий с молитвами и постами. Историки фактически капитулировали перед этими фактами, призвав на помощь психиатров. Но почему в «психопатологии» Ивана IV принимало деятельное участие такое множество нормальных, по меркам XVI столетия, людей? А 40 лет спустя другого царя — Дмитрия — вначале с восторгом возведут на престол как долгожданного сына Ивана Грозного, а потом растерзают (в прямом смысле слова) за весьма незначительные отступления от церковно-государственного ритуала[1].

Поведение Ивана Грозного не воспринималось современниками как кощунство, эпатаж или вызов общепринятым нормам. Жертвы опричного террора безропотно шли на заклание, потому что их объединяла с палачами искренняя вера в те правила игры, по которым они становились жертвами. Апокалиптические эксперименты царя Ивана не имели бы такого масштаба и последствий (в Московском уезде под конец обрабатывалось всего 16 процентов пашни — крестьяне либо разбежались, либо погибли), если бы не «обожествле-

[1] «Преступление» было в том, что Лжедмитрий ел телятину, что считалось на Руси деянием ужасным, как и поедание зайчатины.

ние великокняжеской власти», не традиция всеобщего холопства и не «военно-административный характер городов».

Нет такого преступления, которое нельзя было бы оправдать (логично и по-своему убедительно) в рамках идеологии, основанной вроде бы на заповеди «возлюби ближнего своего...»

«Опричнина в восприятии Ивана Грозного была синкретическим явлением не столько политического, сколько религиозного характера. Люди XVI века не различали эти две сферы: «политика» для них — осуществление христианских целей и задач» (А. Л. Юрганов).

Примером пробуждения «совести» считается так называемый Синодик опальных, т. е. далеко не полный список убитых по приказу царя для их последующего поминовения в монастырях. Он был составлен Иваном перед смертью и обеспечен богатыми пожалованиями за государственный счет. Но еще В.Б. Кобрин отмечал, что «это не было пусть и запоздалым, но хотя бы раскаянием»: просто по тогдашним представлениям грехи православного христианина, умершего без соблюдения соответствующих обрядов, перекладываются на виновника такой «неправильной» кончины. **«Царь Иван,** религиозный, как и все люди Средневековья, **спасал** себя». Да, он разочаровался в опричнине. Но в чем? Не в зверских методах, а в точности расчетов. Ведь конец света, несмотря на все усилия, никак не наступал, а Опричный дворец, построенный для «вечности», был сожжен крымскими татарами вместе с Москвой — царские «братья», как уже говорилось, могли храбро сражаться против безоружных соотечественников, но не против настоящих «агарян». А после отмены опричнины, отмеченной казнями почти всех ее главных деятелей, самый главный продолжал зверствовать. Лично подгребал угли в костер, на котором жгли его же спасителя от татар — воеводу Михаила Воротынского, обвиненного в «колдовстве». Убил собственного сына Ивана — по свидетельству некоторых источников, всего лишь за то, что наследник посмел заступиться за свою беременную жену, которую свекор избивал палкой...

Одним из самых популярных персонажей нашей истории времен Ивана Грозного является Ермак.

Орел на Гербе России

Печать государственная большая. 1583 г.

В России двуглавый орел заимствован от татаро-монголов. Впервые у русских отмечен в 1494 году.

Гербом России двуглавый орел стал с июля 1497 года (печать Ивана III).

В феврале 1625 года (7133 г.) решено было ввести с 25 марта 1625 года новую печать с третьей короной.

«Прибавление третьей короны на двуглавом орле» — февраль 1625 года. Ввели новую печать с третьей короной — 25 марта 1625 года[1].

Так что все древние рукописи, в коих русские войска изображены под стягом с тремя коронами, могут датироваться временем только после начала XVII века.

Ермолай Тимофеев сын, по прозвищу Токмак (ок. 1540—1585)

Никто не знает, из каких мест происходил Ермолай Тимофеев и в какой семье он родился. Некоторые утверждают, что родился он в селе Игнатьевское, что недалеко от города Борок на Двине.

Молодые казаки начинали службу, подряжаясь в «товарищи» к старшим по возрасту и опыту казакам. Через это проходили все выходцы из России. Вероятно, и Ермак жил в «товарищах», пока не стал «старым» казаком. Затем казаки оказали ему доверие, избрав в атаманы. Шли годы, менялся состав ста-

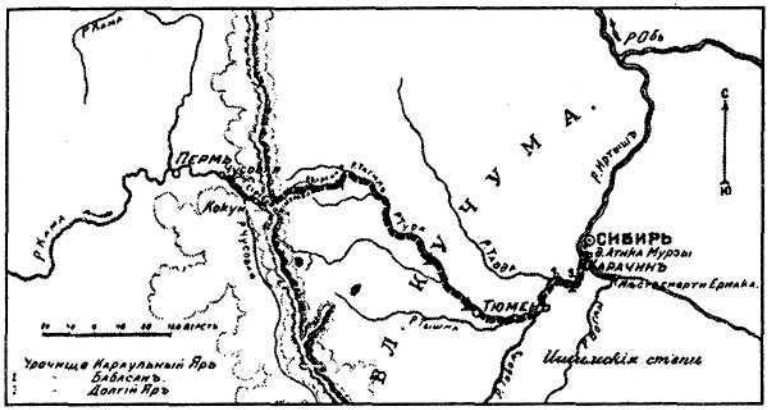
[1] «Нумизматический сборник». Т. 1.М., 1911. С. 483.

ниц. «Погуляв» в поле, молодежь возвращалась домой. Место выбывших тотчас занимали другие люди: беглого народа всегда хватало на окраине. Не менялся лишь круг «старых» казаков. В их среде сложился своеобразный кодекс казачьей чести, неписаные законы вольницы.

Завоеватель Сибири, атаман уральской казацкой вольницы Ермак — фигура и реальная, и легендарная. Бесспорных биографических сведений о нем сохранилось мало. Атаману приписывается с десяток имен и прозвищ; Ермак, Ермил, Герман, Василий, Тимофей, Еремей и др.; имеется версия, что Ермак — сокращенная форма от Ермолай. Некоторые называют его Алениным Василием Тимофеевичем. Родом он, по разным источникам, то ли с Дона, то ли из-под города Юрьева-Польского Суздальского края, то ли с Урала. Имя Ермака связано со многими боевыми схватками на Дону, Волге, Каме, в Ливонии.

А достоверно известно то, что с 1577 года вокруг Ермака сплотилась ватага казаков, взявшихся оборонять от набегов орд сибирского хана Кучума обширные пермские вотчины купцов Строгановых. Опираясь на поддержку Строгановых, в начале 80-х годов XVI века отряд Ермака численностью 1650 человек начал завоевание Сибири.

Продвигаясь на Урал, Ермак проник в глубь центральных областей Сибирского ханства. В октябре 1582 года на Иртыше Ермак наголову разгромил главные силы Кучума и овладел его столицей — городом Кашлык (он же Искер, или Сибирь). Победа была достигнута не только благодаря далеко тогда еще не совершенному огнестрельному оружию, но главным образом умелым и самоотверженным действиям всего



Карта похода Ермака

отряда Ермака, — его личной доблестью и отвагой, его талантом военачальника.

Сибирское ханство Кучума распалось, но Ермаку все еще противостояли крупные силы. Оказавшись с небольшим отрядом в центре огромного края, испытывая острую нужду в оружии и боеприпасах, Ермак в начале 1583 года обратился за помощью к Ивану IV. В Москве его посольство приняли благожелательно. Ермаку была пожалована особая монаршья грамота, боевые доспехи, шуба с царского плеча. На подмогу ему было послано 500 стрельцов во главе с воеводою. Всего этого, однако, оказалось недостаточно. Силы отряда Ермака таяли, избежавший полного разгрома Кучум оправился и перешел к тактике внезапных ударов.

В ночь на 6 августа 1585 года в излучине Иртыша при впадении в него реки Вагай Кучум внезапно напал на небольшую группу казаков во главе с атаманом, застав их врасплох. В ожесточенной схватке с противником Ермак был ранен. Вражеское копье попало ему в горло. Истекая кровью, атаман бросился к берегу. Ему удалось прыгнуть в свой ближайший струг, но, как сообщается в летописи, он оступился и пошел ко дну, «понеже одеян бе железом в пансыре тягче». Так царский подарок сыграл роковую роль в жизни Ермака.

Борьба за трон

Федор Иванович «Блаженный» (1557—1598)

После смерти Ивана Грозного царем стал Федор Иванович «Блаженный» (1557—1598).

Сын Федор был отстранен от трона отцом. Казалось бы, корона Российской империи должна быть по праву возложена на Дмитрия, подлинного Рюриковича. Если он, конечно, сын Ивана Грозного. Над ним должен быть поставлен Опекунский совет, а с женой Ивана Ивановича, умышлявшей против царевича, и вовсе нет резона церемониться — постричь в монахини, и дело с концом. Но не все было так просто.

В целях безопасности царевича Дмитрия отправляют с немецким рыцарем в его замок на границе русских земель (как мы знаем, в город Углич).

Федор Иванович был лишен отцом права на трон. Однако из-за смерти Ивана Ивановича он оказался единственным преемником Ивана IV. Так Федор стал царем России. На царском троне, где недавно еще восседал грозный тиран и свирепый мучитель, Россия увидела двадцатисемилетнего «постника и молчальника, более для кельи, нежели для власти державной рожденного». Так говорил о Федоре сам Иван Грозный, оплакивая смерть любимого сына Ивана. И внешне ничего царственного не было в облике нового царя: ни сановитой наружности отца, ни мужественной красоты деда и прадеда. «Был он росту малого, дрябл телом, лицом бледен; всегда улыбался, но без живости; двигался медленно, ходил неровным шагом от слабости в ногах; одним словом, изъявлял в себе преждевременное изнеможение сил естественных и душевных». Да и жена его, Ирина Годунова, была убеждена — нездоровье мужа связано с тем, что его медленно травят враги. Хотя и был он в возрасте, но по складу ума оставался младенцем. Польский посланник, представленный Федору, писал о русском царе: «Хотя про него говорили, что у него ума не много, но я увидел, как из собственного наблюдения, так и из слов других, что у него вовсе его нет».

Умирающий Грозный в помощь Федору создал Верховную Думу, составленную из пяти человек: Никиты Романова, Ивана Мстиславского, Петра Шуйского, Богдана Вольского и Бориса Годунова.

В первую же ночь после смерти Ивана Грозного сторонники Федора послали в Углич царевича, младенца Дмитрия, с его «бабкою» (другие же говорят: с матерью) и боярами Нагими, дабы жил наследник в тишине и покое.

31 мая 1584 года Федор Иванович венчался на царство.

Мягкосердечному царю, не имеющему ни государственного ума, ни твердости духа, ни желания управлять державой, нужен был советник или помощник, на которого он возложил бы всю тяжесть царствования. За право быть ему опорой и развернулась борьба между членами Верховной Думы. После отхода от государственных дел из-за болезни Никиты Романова и ссылки в Нижний Новгород Богдана Вельского, оклеветанного Шуйскими, главным лицом для царя стал его шурин, Борис Годунов. Годунов был известен при дворе еще

во времена Ивана Грозного. Бывший опричник, женатый на дочери жестокого вершителя казней Малюты Скуратова, Годунов, благодаря чрезвычайной осмотрительности и осторожности, не запятнал свое имя кровью. Говорят, что Грозный сильно избил его своим жезлом, когда Борис заступался за царевича Ивана. Но царь, осознавши свой великий грех, приблизил затем Годунова к себе.

К началу царствования Федора Годунову было тридцать два года, Красивый, умный, расчетливый, ловкий, изворотливый, он имел огромное влияние на царя. В этом ему помогала сестра Ирина, жена Федора. Ирина многое делала для создания прочного союза между царем, неспособным властвовать, и братом, рвущимся к власти. Годунов был очень честолюбив. Главной своей целью он ставил власть, обогащение и возвышение своего рода. Умея выжидать и пользоваться удобными минутами, он никогда не поддавался порывам, а действовал всегда обдуманно и наверняка. Пользуясь щедротами добродушного Федора, Годунов получил вскоре самый высокий боярский титул; сделался наместником двух царств, Казанского и Астраханского, и стал самым богатым после царя человеком в государстве, хотя происхождением своим стоял ниже многих бояр.

Род Годуновых происходил от татарского мурзы Чета, принявшего в XIV веке крещение и поселившегося на Руси. Внук его, Иван, получил прозвище Годун, от которого все потомки стали называться Годуновыми.

Нелегко было представителям знатных боярских родов смирить гордыню и видеть стремительное возвышение еще очень молодого, татарского происхождения и незнатного любимца царя. Против Годунова составился заговор с целью его убийства. Но ни заговор, ни желание отторгнуть Бориса от царя попыткой разрушить брак Федора с бесплодной Ириной успеха не имели. Набравший силу Годунов жестоко расправился с противниками. По его приказу Иван Мстиславский был пострижен в монахи, а Иван Петрович и Андрей Иванович Шуйские тайно умерщвлены. Вместе с бывшими членами Верховной Думы пострадало много других знатных людей, в том числе митрополит Дионисий. Новым митрополитом был назначен покорный Борису архиепископ Иова.

С этих пор Годунов сделался единым и самовластным правителем в Московском государстве. Правда, оставался еще главный претендент на престол — царевич Дмитрий из Углича. Борис никогда не забывал о его существовании.

Внутри царства все было спокойно. Федор только значился царем. Фактически всеми государственными делами управлял Годунов, закрывая своей колоритной фигурой слабую тень венценосца. Он поддерживал значение Федора как царя на той высоте, на какой ему было выгодно.

Не пытаясь вершить государственные дела, Федор всецело отдался своим склонностям. «Простой, тихий, чрезвычайно набожный, очень ласковый и милостивый царь вставал около четырех часов утра и весь день проводил в молениях, службах, ласковых беседах с боярами и нежном ворковании с супругой. Любил царь вкусно и сытно поесть. После обеда отдыхал три или два часа — меньше в том случае, если ходил в баню или отправлялся смотреть кулачный бой. Вечера проводил с шутами, карлами и карлицами. После ужина молился перед сном и умиротворенный отходил ко сну».

Царствование Федора Ивановича было довольно мирным: ни царь, ни правитель войны не любили и брались за оружие лишь в силу крайней необходимости: еще неспокойно было в черемисских землях, еще Казань доставляла немало хлопот. По решению правительства на горной и луговой сторонах Волги были построены города-крепости Цивильск, Уржум, Царевгород на Кокшаге, Санчурек и другие. С их заселением в эти еще недавно бедственные земли пришли, наконец, мир и тишина.

Тем временем в Угличе подрастал царевич Дмитрий, представляя в будущем большую опасность для Бориса: в случае смерти бездетного, слабого здоровьем Федора Дмитрий был бы провозглашен его преемником на престоле, и гроза разразилась бы над головой Годунова. Смерть царевича виделась Годунову необходимой для его существования. Он послал в Углич преданных ему людей: дьяка Михаила Битяговского с сыном Данилой и племянником Качаловым.

Царевичу было около девяти лет. Доброхоты Годунова распустили слух, что он склонен к падучей болезни и что, подобно отцу, жесток, любит муки и кровь, любит убивать жи-

вотных. Выдумали сказку, будто бы царевич с наслаждением «казнил» вылепленных из снега несколько человеческих фигур, названных именами главных бояр, и что грозился при этом: «Вот как будет, когда стану царствовать!»

Считается, что 15 мая 1591 года царевич Дмитрий был убит в Угличе.

Англичанин Горсей, большой почитатель Годунова и всем ему обязанный, находился в это время в Ярославле; он рассказывает по поводу смерти царевича следующее: «Однажды ночью я думал, что уже совсем наступил мой конец, и молил Всевышнего о спасении моей души. Кто-то в полночь постучал в ворота моего дома. У меня был достаточный запас пистолей и оружия. Я и пятнадцать человек моих слуг, вооружившись этим оружием, вышли к воротам: «Мой добрый, благородный друг Джером, впустите меня, я должен поговорить с вами». Я узнал при лунном свете Афанасия Нагого, брата последней жены покойного царя и матери юного царевича Димитрия, который жил с ними в Угличе, на расстоянии 25 миль от Ярославля. «Царевич Димитрий скончался в шестом часу, дьяки перерезали ему горло; слуга одного из них сознался перед пыткой, что они посланы Борисом»...»

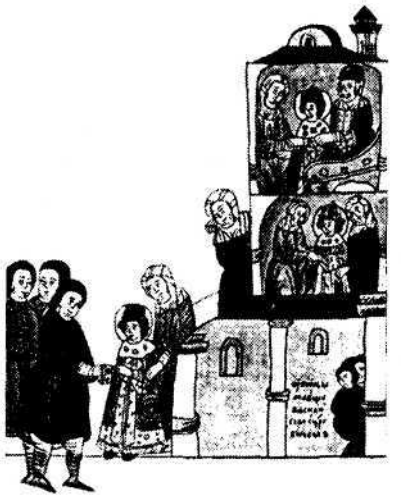
Из «Жития царевича Димитрия»

В своих записках Горсей говорит об этом так: «После смерти Ивана Васильевича перерезали горло его третьему, десятилетнему сыну, царевичу, который был одарен острым умом и на которого возлагали большие надежды».

Таким образом, преданный Годунову Горсей совершенно определенно говорит, что Дмитрию перерезали горло, и ни единым словом не старается снять в этом обвинение с Бориса, прямо высказанное ему Афанасием Нагим.

Однако узнать вполне достоверно, как именно произошла смерть царевича в Угличе, к сожалению, не представляется возможным.

По всей вероятности, смерть царевича произошла следующим образом: в субботу, 15 мая, царица Мария Нагая, не спускавшая глаз с царевича, возвратилась с ним от обедни и собиралась отобедать. В это время старшая мамка — Василиса Волохова — позвала Дмитрия гулять во двор. Это было,



«...И отпусти от своея палаты любезного сына своего царевича Димитрия. Василиса же вземши царевича за ручку ведяше его вон...»

по принятому в том веке счету времени, в шестом часу дня, то есть как раз в то время, на которое указывал Афанасий Нагой в своем рассказе Горсею. Дмитрий вышел с крыльца, причем, кроме Волоховой, с ним находились его кормилица Тучкова и постельница Колобова. Вслед за тем царица Мария, оставшаяся в горнице, услышала отчаянные крики женщин, на которые она тотчас же выбежала и увидела сына, уже бьющегося в предсмертных судорогах с перерезанным горлом в руках своей кормилицы.

По словам «Жития царевича», из которого мы помещаем здесь несколько рисунков, убиение его произошло так: Василиса Волохова вывела Дмитрия за ручку на нижнее крыльцо, где передала его своему сыну

«...И прием от Василисы царевича за ручку сын ее Данишла Волохов. Нож же обнажен, тайно в рукаве держа... внезапу убийца он уготованным ножем аки змия жалом уводе царевича в выю... Кормителница же яко узре сие, абие воскрича гласом велием, и паде на царевича...»

«...Прилучися тогда во дворе Государеве быти единому от пономарей соборныя церкве, той... тече скоро на колоколню, и двери колокольныи за собою затворил крепко нача в великий звон бити на сполох...»

Осипу Волохову, державшему в рукаве обнаженный нож. Осип повел его на середину двора и ласково спросил: «У тебя, государь, кажется, новое ожерельице?» Царевич доверчиво вытянул свою детскую шейку, чтобы ожерельице было лучше видно, и отвечал: «Это мое старое ожерелье». В то же мгновение убийца выхватил свой нож и вонзил его в подставленную шею, но, объятый страхом, горла вполне не перерезал, а кинулся бежать.

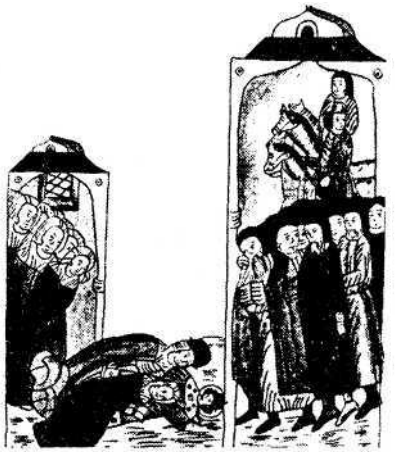
Дмитрий упал, обливаясь кровью. Видя это, кормилица Анна Тучкова,искренне ему преданная, кинулась к нему и припала на землю рядом с ним. На это и выбежала царица.

Очевидно, давно подозревая мамку Волохову в злом умысле, она прямо бросилась на нее и схваченным поленом начала бить по голове, громко крича, что царевича убил Осип Волохов вместе с молодым Данилой Битяговским и Никитой Качаловым. На происшествие сбежались дворовые. Кто-то кинулся к соборной церкви Спаса и распорядился, чтобы ударили в набат, а другие разбежались по улицам с криками: «Чего сидите? Царя у вас больше нет!»

Слух об убиении царевича быстро разнесся. Первыми прискакали во дворец братья царицы — Михаил и Григорий Нагие, причем последний также набросился на Василису Волохову.

Тем временем соборный колокол продолжал звонить набат; в него звонил вдовый поп, обращенный в пономаря, по

прозванию Огурец. Дьяк Михаил Битяговский, заслышав набат, поспешил во дворец, причем по дороге пытался взойти на колокольню, чтобы прекратить звон, так как, по всей вероятности, догадывался, что он означал; но Огурец в своем усердии заперся в ней и продолжал звонить.



«И текоша вси на глас звона ко двору цареву, и видеша государя своего царевича Димитриа, по среде двора лежаща, яко агнца закланна... Матерь же благоверную царицу Марию Феодоровну, такожде и кормительницу, обе лежащи, яко мертвы на земли...»

Между тем огромная толпа народа успела уже собраться у дворца и находилась, разумеется, в величайшем возбуждении. Как только прибыл дьяк Битяговский, то Михаил Нагой тотчас же указал на него как на главного виновника преступления; Битяговский хотел спастись в стоящей во дворе брусяной избе, но был вытащен из нее и тут же убит. Сын его Данила с двоюродным братом Никитой Качаловым думали скрыться в другой избе, но их тоже нашли и убили...

Наконец, нашли и Осипа Волохова. Царица указала на него как на убийцу, и он тоже тут же был лишен жизни. Рассвирепевший народ убил также нескольких слуг Битяговского и посадских людей, пробовавших вступиться за них. Всего толпой было убито двенадцать человек.

Совершив эту расправу, жители Углича с беспокойством стали ждать, как взглянут на это дело в Москве, куда был отправлен гонец с подробным донесением к царю о случившемся.

Тело же убиенного царевича было положено в гроб и поставлено в Преображенском соборе[1].

[1] Некоторые утверждают, что невинной жертвой злобы Годунова пал малолетний сын священника Истомина, принятый убийцами за царевича.

«И начаша искати убийцевъ и в начале Михаила Битяговскаго... и с советники его емше камением побиша...»

По всей стране распространяется слух о смерти Дмитрия от чумной заразы.

По рассказу летописцев, когда гонец из Углича прибыл в Москву, то Борис Годунов заменил привезенную им грамоту на другую, в которой было сказано, что Димитрий зарезался сам, по недосмотру Нагих, и лично доложил ее государю, лицемерно проливая вместе с ним слезы о случившемся.

Затем, 19 мая 1591 года, спешно выехали из Москвы лица, назначенные для производства следствия. Этими лицами были: всецело преданный Годунову окольничий Лупп-Клешнин, по указанию которого был отправлен в Углич Михаил Битяговский, затем дьяк Вылузгин, митрополит Крутицкий Геласий, также человек, обязанный Годунову, и, наконец, боярин князь Василий Иванович Шуйский. Старший брат этого Шуйского, князь Андрей Иванович, был погублен, как мы видели, Годуновым, а другой брат — Дмитрий Иванович, женат на родной сестре жены Годунова, на Екатерине Григорьевне Скуратовой; что же касается самого Василия Ивановича, то он находился в большом подозрении у всесильного временщика и ежечасно ждал своей гибели.

Назначение Шуйского во главе следствия имело вид беспристрастия, так как Василий Иванович не был человеком, принадлежащим к числу близких людей Годунова, но вместе с тем Годунов, назначая его, конечно, отлично понимал, что Шуйский, оберегая себя, не посмеет идти против Лупп-Клешнина и покроет своим именем все его действия в Угличе.

Так, по-видимому, и случилось. По прибытии в Углич следователи осмотрели тело царевича, причем Лупп-Клешнин, увидя его, затрепетал, обливаясь слезами, и затем оно было тотчас же предано погребению.

«Глубокая язва Димитриева, — говорит Н.М.Карамзин, — гортань, перерезанная рукой сильного злодея, не собственной, не младенческой, свидетельствовала о несомнительном убиении; для того спешили предать земле святые мощи невинности».

Затем началось следствие.

Протоколы заседаний комиссии записывались на длинных листах: пожелтев от времени, они до сих пор почти в полной неприкосновенности хранятся в Московском архиве. Читая эти документы, мы слышим как будто голоса с того света; они воскрешают весь ход судебного следствия. Перед нами проходят три главные группы свидетелей. На первом месте выступают Нагие, за ними идут очевидцы происшествия; наконец, следуют показания других лиц, которых комиссия сочла нужным привлечь к делу.

Что касается Нагих, то самые важные данные могла бы сообщить, разумеется, сама царица Мария. Однако сан царицы не позволял ей выступить с показаниями при допросе. Поэтому ее оставили в покое с ее материнским горем. Три брата Нагих, напротив, не избегли дачи показаний; при этом самая важная роль выпала на долю князя Михаила. Ему задавали самые предательские вопросы; комиссия во что бы то ни стало хотела добиться от него признания в злодействе; однако князь не поддался на уловки и смело бросил в лицо следователям свой вызов. По его словам, в субботу, 15 мая, он услышал набат. Испугавшись пожара, он бросился ко двору. Здесь увидел убитого царевича. Осип Волохов, Микита Качалов и Данила Битяговский умертвили младенца. Сбежался народ, привлеченный набатом; толпа бросилась на убийц и растерзала их вместе с другими сообщниками. Что касается самого князя, то он был ни при чем в этой расправе: он не приказывал убивать никого. На него просто возвели гнусную клевету.

Заявление Михаила Нагого могло быть чревато самыми серьезными последствиями. Как мы знаем, царевичу было всего восемь лет. Конечно, у него не могло быть личных врагов; единственное, чем он мог возбудить темные чувства, были его наследственные права на власть. Возникал вопрос: уж не по-

слал ли к нему наемных убийц какой-нибудь тайный честолюбец? Легко понять опасность этой догадки: естественно, что следователи желали уничтожить ее в самом зародыше. Вот почему они немедленно изменяют все направление своей работы, теперь главной задачей их является опровергнуть или, по крайней мере, ослабить главное показание князя Михаила. Для этой цели весьма нетрудно было воспользоваться свидетельством двух других Нагих — Андрея и Григория. Оба они вместе с Михаилом прибежали ко дворцу и вообще находились в одинаковых с братом условиях. И, однако, они не только не видели того, что видел старший брат, но, напротив, успели заметить совсем другое. Таким образом, вся ответственность за смелое показание падала на одного князя Михаила. Но этого мало. Явился еще новый свидетель: это был некий Русин Раков — какая-то темная личность из категории низших служащих. Он разыграл роль раскаявшегося соучастника злодейства и раскрыл целый заговор, который окончательно скомпрометировал старшего Нагого. По словам Ракова, князь Михаил намеренно натравил толпу на мнимых убийц и погубил совершенно невинных людей: он хотел будто бы, чтобы эти несчастные жертвы были признаны за настоящих преступников. Сам Раков, по приказанию князя, зарезал 18 мая курицу; в ее крови он смочил ножи и огнестрельное оружие, а затем положил его возле трупов. Таким образом князь Михаил хотел выгородить толпу и себя самого как ее подстрекателя. Пусть-де видят, что убиты были вооруженные люди, которые — ясное дело — пустили в ход свое оружие. Конечно, для того чтобы эта хитрость удалась, нужно было, чтобы она осталась тайной для московских следователей. Поэтому шесть раз в течение одного дня князь Михаил требовал к себе Ракова и брал с него клятву, что тот будет молчать. Раков так и делал, но затем одумался и решил сам прийти в комиссию, чтобы повиниться и загладить свой проступок.

Показания Ракова нанесли свидетельству князя Михаила тяжкий удар. Для окончательного опровержения слов Нагого нужно было теперь противопоставить ему другого свидетеля, который дал бы еще более обоснованные и удостоверенные показания. Как мы видели, почву для этого подготовили уже двое других братьев Нагих. Фундамент под все это строение был подведен Василисой Волоховой, которая сообщила при этом и все необходимые детали. Василиса занимала самое видное положение среди женщин, окружавших царевича: она была мамкой несчастного Дмитрия. Ее уж никак нельзя было признать нервнобольной, зато она видела всякое и не лезла за словом в карман. Сын ее был убит в свалке как один из соучастников преступления; ее саму помяли изрядно, но ни боль, ни горе матери, ни волнение ничего не могли сделать с ней. Василиса выступила как непосредственный свидетель происшествия. Она все видела, все слышала; память не изменяет ей ни в чем, и слова, как горох, сыплются с ее языка. Если верить ей, она обнаружила во время трагедии изумительное хладнокровие, можно сказать, почти героическую твердость духа. По ее словам, царевич страдал эпилепсией. Время от времени с ним случались жестокие припадки. В конвульсиях он однажды поранил свою мать большим гвоздем и искусал руки дочери Андрея Нагого. За несколько дней до несчастья он опять хворал. Потом ему стало лучше, и он снова вернулся к своим обычным играм. В субботу, 15 мая, царица послала его к обедне, а затем отпустила погулять на двор. Тут-то и случилась беда.

На дворе, кажется, было всего-навсего три женщины и несколько детей. Царевич весело играл в «тычки» и, собираясь бросить свой нож в цель, держал его, как полагается, в руке. Вдруг с ним случился припадок. Он опрокинулся навзничь и накололся горлом на нож. Тотчас же он забился, затрепетал и скончался. Выбежала царица. Она видит сына своего в крови, сердце у нее упало... Но гнев в ней оказался сильнее любви. Она схватила полено и набросилась на мамку, грозя разбить ей голову. Мы представляем себе эту картину... Мать в отчаянии кричит, что царевича убили; в лицо Василисе она бросает имена злодеев; между ними — сын мамки, Осип... А Волохова под градом ударов, осыпаемая гневными укорами, спокойно требует суда... Между тем подбегает Григорий Нагой. Царица передает ему полено и велит бить мамку по пояснице... Затем, полумертвую, ее бросают и прини-

маются бить в набат. На вопли колокола собирается отовсюду встревоженный народ; возбужденная, взволнованная чернь врывается на двор. Новая картина: Василису терзает уже народ; в лохмотьях вместо платья, простоволосую, ее тащат в тюрьму. Но мамка не теряется и здесь: внимательным оком своим она следит за всеми перипетиями кровавой драмы. Она видит, как один за другим подбегают те, которых называют убийцами царевича; только одного из них приволокли на место силой. Василиса слышит, как царица и ее брат Михаил требуют смерти злодеев. На ее глазах их тут же и приканчивают... Но она не плачет, не жалеет сына, зато помнит, как убили какого-то несчастного только за то, что он выразил ему сострадание. На следующий день после всех этих ужасов она все еще настолько бодра, что помнит, как казнили какого-то юродивого. Его обвинили будто бы в том, что он напустил беду на царевича.

По-видимому, показания Василисы разом пролили свет на все дело. Можно сказать, что россказни мамки как нельзя лучше соответствовали тайным намерениям комиссии. При таких условиях было совершенно неважно, видела ли она все собственными глазами или же нет. Вот почему никто и не думает проверять ее свидетельства. Явные несообразности в передаче Василисы не обращают на себя ничьего внимания. Об очной ставке с другими лицами не возникает и вопроса. Ловкая мамка разрушила версию о предумышленном убийстве царевича; этим самым устранялись всякие опасные догадки. Василиса дала формулу, которой оставалось только следовать всем остальным свидетелям.

Свидетели же теперь утверждали, что князь Михаил в день трагедии был с утра мертвецки пьян. Тогда его показания не имеют никакой силы, да и к тому же снимают с него самого всякие обвинения.

На этом дознание было окончено.

Входил в комиссию сам Шуйский, который впоследствии обвинит Годунова в убийстве Дмитрия.

Комиссия вынесла заключение: царевич Дмитрий погиб в результате несчастного случая, воспользовавшись которым князь Михаил свел счеты с неугодными ему лицами.

Суд был строгим. Борис жестоко расправился со всеми, кто был причастен к этой истории и кто знал истину случившегося. Царицу «за недосмотр» отправили в монастырь. Ее братьев сослали в места отдаленные. Двести угличан были казнены, и в их числе участвовавшие в расправе над убийцами царевича были или казнены, или отправлены в Сибирь. Предание гласит, что Годунов сослал в Сибирь (в Тобольск) даже колокол, в который били в набат в день убийства Дмитрия.

Многим урезаны языки.

Толки о возможности появления подставного Дмитрия возникли еще в 1598 году. Поговаривали, что сам Годунов и поможет «появиться» «наследнику» в случае, если его не венчают на царство.

Но уже через два года призрак «чудесно спасшегося» царевича стал реальной угрозой планам Бориса. Легенда одержала победу над действительностью тем, что смутила общественное сознание призраком легитимизма и дала опасное знамя всем недовольным своим положением.

В 1598 году польский агент доносил Льву Сапеге, что Борис Годунов держит у себя в доме мальчика, отличающегося поразительным сходством с царевичем Дмитрием. Кем был этот мальчик? Неизвестно.

Но как ни старался Годунов доказать свою непричастность к смерти Дмитрия, в народе крепло убеждение, что сделал это именно он. И народ, несмотря на все благодеяния и милости, которые оказывал ему хитрый правитель, не мог простить ему мученической смерти царевича, последнего отпрыска царского дома.

Нападение на Русь крымского хана в июне 1591 года на Русь отвлекло народ и Бориса от дум о Дмитрии. Хан, уверяя Москву, что идет на Литву, неожиданно с большими силами подошел к столице. Борьба с татарами шла прямо на московских полях и закончилась поражением хана. В память спасения Москвы был заложен Донской монастырь, названный так в честь иконы Богородицы, бывшей с Донским на Куликовом поле. Эта икона и на сей раз была в русском войске.

Через год после убийства Дмитрия у Федора родилась дочь Феодосия, которая вскоре умерла. Среди народа, недоверчи-

вого к Годунову, распространились слухи, что Ирина родила сына, но Борис подменил его девочкой, чтобы не было претендентов на престол. Поговаривали также, что и в смерти девочки также виновен он.

Самым важным делом Годунова в царствование Федора было прикрепление крестьян к земле. Стремясь расположить к себе служилых людей, в основном мелких помещиков-землевладельцев, правительство запретило в 1592 году всяческие переходы крестьян от одного помещика к другому, в том числе и в памятный Юрьев день, когда такие переходы разрешались. «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!» — горькая шутка надолго стала крестьянской поговоркой.

В 1598 году вышел указ, по которому вольные слуги, прослужившие у господина более полугода, становились его холопами. Они прикреплялись уже не к земле, а к господину, отдаваясь в его полную власть. Таким образом на Руси сформировалось крепостное право.

В царствование Федора Ивановича на Руси было учреждено патриаршество. До этого русский первосвятитель носил титул митрополита. Его назначение согласовывалось с византийским патриархом. Но со второй половины XV века, особенно после захвата турками Царьграда (Константинополя) в 1453 году, значение византийского патриарха, ставшего как бы пленником турецкого султана, стало падать. Русская церковь стала вполне независимой, а московский митрополит и по власти, и по средствам был несравненно выше лишенного власти и средств византийского патриарха.

Первым русским патриархом 26 января 1589 года был назначен митрополит Иов. Собор восточных патриархов через два года учредил введение патриаршества в России.

7 января 1598 года царь Федор Иванович умер. Борис объявил, что царь передал державу царице Ирине, а в помощь ей посоветовал патриарха Иова, а двоюродного брата Федора Никитича Романова и шурина Годунова избрал главными советниками престола. 9 января совершилось погребение Федора в храме Архангела Михаила. Народ любил почившего государя, приписывая действию его молитв благосостояние Отечества.

Со смертью блаженного Федора пресеклась на троне Московском династия Рюриковичей, правившая Русским государством 736 лет, считая от легендарного Рюрика.

Отступление от текста

В XVI веке русские мастера добились выдающихся достижений. Андрей Чохов в 1586 году отлил Дробовик Российский, более известный как Царь-пушка.

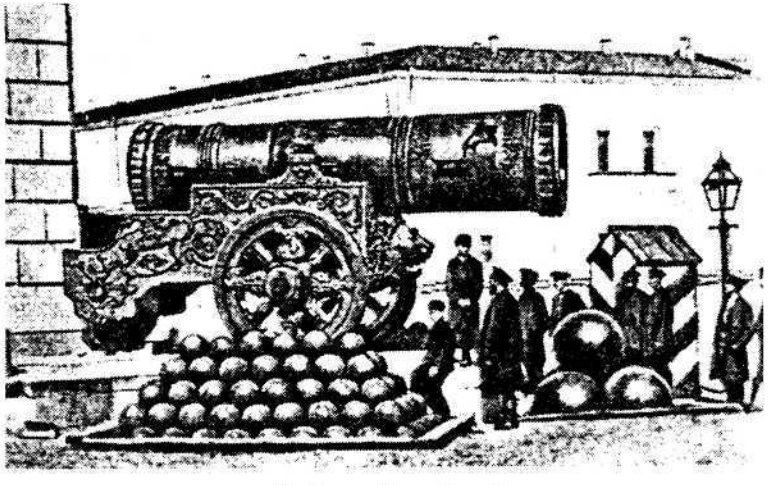
Весит Царь-пушка 2400 пудов (=38 400 кг). С московского Пушечного двора на Красную площадь ее перевозили на катках, изготовленных из толстых бревен. Волокли пушку не менее 200 лошадей.

В 1835 году для нее изготовили декоративный чугунный лафет и 4 пустотелых ядра, каждое весом в тонну. Толщина стенок «ядер» — 9 см.

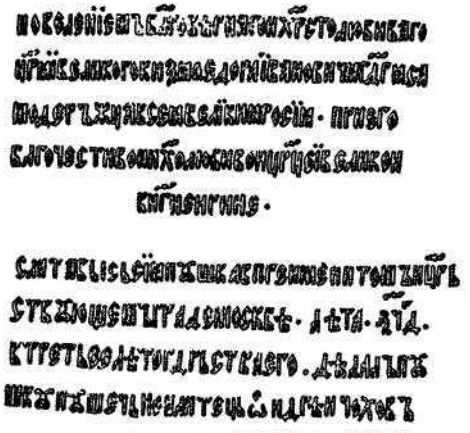
Калибр 890 мм, что на 24 мм меньше, чем у «Маленького Давида», дальность стрельбы которого 9 км.

Дробовик Российский — пушка, для войны так и не пригодившаяся.

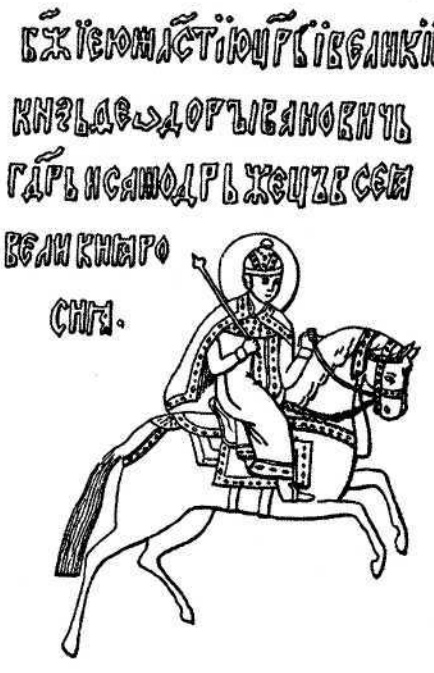
Прозвище Царь-пушка дано ей не за размеры, а за наличие портрета царя на ее стволе.



Дробовик Российский



Литая надпись на средней части ствола орудия гласит: «Повелением благоверного и христолюбивого царя и великого князя Федора Ивановича государя самодержца великия Росия при его благочестивой и христолюбивой царице великой княгине Ирине слита бысть сия пушка в преименитом царствующем граде Москве лета 7094 в третье лето государства его. Делал пушку пушечной литец Ондрей Чохов».



На дульной части ствола — литое изображение скачущего всадника. Отлитая здесь же надпись поясняет, что всадник — «божиею милостию царь и великий князь Федор Иванович государь и самодержец всея великия Росия». Левой рукой царь держит поводья, в правой руке у него узорная булава. Вокруг головы нимб.

Царь Борис Федорович Годунов (1551—1605)

Никто не знал, о чем говорили, прощаясь друг с другом, умирающий Федор и царица Ирина. Может быть, набожный царь советовал жене презреть все земное и посвятить себя Богу. Может быть, Ирина тайно способствовала желаниям своего брата, Бориса Годунова. Как бы то ни было, но бездетная царица не села на трон и не взяла в руки венец и скипетр. Через девять дней после кончины Федора объявили, что Ирина отказывается от престола и удаляется в монастырь. Эта весть поразила Москву. Народ со слезами на глазах заклинал царицу не оставлять его в ужасном сиротстве. Но Ирина была непреклонна. В тот же день она выехала в Новодевичий монастырь и под именем Александры приняла монашество. Россия осталась без царя и без царицы. Годунов был вместе с нею, плакал, молился. И неусыпно бодрствовал, держа царство твердой рукой.

Бояре попытались было поставить у власти Боярскую думу, но собранный в Кремле народ отказался признавать власть бояр и потребовал поставить царем Годунова. Из Кремля собравшиеся во главе с патриархом отправились в Новодевичий монастырь просить Бориса царствовать. Однако Годунов отказался. Он лукавил. Честолюбивый, страстно желающий трона, он отвечал с притворными слезами на глазах:

«Мне и на ум никогда не приходило, чтобы мне царствовать; как можно, чтобы я помыслил о такой высоте?» Еще не раз патриарх наедине уговаривал Бориса. Тот хитрил. Путь к трону ему был открыт. Зная теперь наверняка, что престол уготован только ему, он выжидал, стремясь занять трон с максимальной для себя выгодой. Против него были многие князья и бояре, желавшие, чтобы он целовал крест на царствование на грамоте, которая ограничивала бы его власть. Своим выжиданием Годунов демонстрировал противникам любовь народа к нему и вынуждал избрать его на царствование без договора и ограничений.

17 февраля в Москве был созван Собор из выборных людей (474 человека) со всего государства, который поддержал народную волю об избрании царем Годунова. Утвердительная грамота была подписана 1 августа (т.е. почти через полгода).

Среди тех, кто «выбирал» (они перечислены в начале грамоты), и тех, кто «подписывал акт» о выборах (они — в конце — «руку приложили»), имеются явные разночтения. Несовпадающих фамилий набралось 50.

Но 20 февраля Годунов вновь отказался от престола. На следующий день крестный ход с чудотворными иконами подошел к Новодевичьему монастырю. Народ на коленях стал умолять Бориса царствовать. Сама царица-инокиня вместе с другими долго упрашивала брата. Наконец Годунов, как бы тронутый всенародной просьбой, согласился сесть на трон. Он слезно воскликнул: «Господи Боже! Если Тебе то угодно, да будет святая воля Твоя!»

Став царем и еще не успев венчаться на царство, Борис Федорович вдруг неожиданно собрал ополчение и во главе объединенного русского войска выступил навстречу якобы вошедшему в русские просторы крымскому хану. С восторгом собирался народ под знамена нового царя. Полумиллионное русское войско, как никогда организованное и единое в желании битвы не на жизнь, а на смерть, напрасно шесть недель ожидало татарского войска на берегах Донца. Враг так и не появился. Историки допускают мысль, что ханского похода вообще не было и что это была хитрость Годунова, чтобы явить себя царем не только Москвы, но и всего русского воинства. Говорили, правда, что этот поход спас Россию, напугав хана мощью русского войска. Якобы татары действительно повернули назад, не рискуя принять бой. Москва торжественно встречала Годунова, как некогда Ивана IV, покорителя Казани.

1 сентября 1598 года Борис Федорович Годунов венчался на царство.

В первые два года царствования Годунов стремился завоевать народную любовь. Он освободил сельский люд на один год от всяких податей, дал право купцам два года торговать беспошлинно, выдал служилым людям за год двойное жалование; щедро помогал нищим и калекам, вдовам и сиротам; несколько облегчил положение крестьян, разрешив, в частности, временные переходы их от одного мелкого помещика к другому такому же, и т. д. Известно также его намерение завести школы и университеты, чтобы дать россиянам образование. Годунову удалось укрепить и международное положение государства. Люди стали жить лучше. Русская земля не обагрялась кровью. Раскрепощенное купечество двигало жизнь; вольно дышало дворянство и духовенство. Казалось, что с воцарением Бориса для русской земли настала золотая пора.

Достигнув цели, Борис Федорович мог, казалось бы, в полной мере наслаждаться своим величием. Но что-то тревожило его, смущало душу.

Не всем было по душе возвышение Годунова.

В конце 1600 года вдруг появился и стал распространяться по России слух, что царевич Дмитрий жив и где-то проживает до сих пор. Слух этот поразил Годунова: об это имя все его мечты разбивались. Борису не составляло труда выяснить источники слухов и найти тайный след Дмитрия или того, кто выдавал себя за него. Слух о Дмитрии показал Годунову, что у него есть опасные враги и что в руках у них страшное орудие. Царь стал подозрителен. Он восстановил систему доносов, поощряя даже самую гнусную клевету. От жестоких гонений пострадало несколько знаменитых боярских родов. Особенно ополчился Годунов на род Романовых, недавних своих союзников.

По всему Московскому государству было схвачено и на-

казано множество невинных людей. А тут навалились на Россию новые беды. Неурожай в 1601 и последующих годах, жестокий голод и присоединившиеся к ним болезни во многом подорвали стабильность в стране. Черный люд и бедняки умирали с голоду. Царь велел открыть свои житницы, продавать хлеб по дешевой цене, а беднякам раздавать деньги. Около месяца шла раздача милостыни. Но это мало помогало. В Москву стекались толпы голодающих. Настала такая беда, какой не ведали ни деды, ни прадеды. Все дороги близ столицы были усеяны трупами.

Говорят, что погибло тогда в одной только Москве около 500 тысяч человек. Годунов старался, как мог, помочь людям: по всей России отыскивался и свозился в Москву излишний хлеб; суровому наказанию подвергались те, кто наживался на народном горе; наконец, чтобы дать людям работу, царь стал строить в Кремле большие каменные палаты. В это же время была сооружена и колокольня Ивана Великого.

Но предпринимаемые царем меры и заботы не могли остановить всеобщего народного бедствия. Недовольные, озлобленные люди отбились от мирного труда. Появились шайки разбойников, от которых не было проезда ни в глухих местах, ни по большим дорогам. В сознание людей пришла смута. Возникло убеждение, что все беды посланы россиянам Богом в знак того, что небо не благословляет незаконное царствование Бориса. И казалось бы, сам Бог послал России царевича Дмитрия, объявившегося в те дни в Польше.

В русской истории соседствуют разные версии о происхождении загадочной личности, выдававшей себя за царевича Дмитрия Ивановича, сына Ивана Грозного. Одна из них не исключает, что человек, объявивший себя Дмитрием, был истинный царевич Дмитрий, спасшийся от гибели, уготованной ему Годуновым. Там, в Угличе, вместо него был убит якобы другой, подставной ребенок. Однако прежде всего тот факт, что мертвое тело убитого царевича видели многие и подтверждали его смерть, делает эту версию маловероятной.

Согласно другой версии, кто-то из недругов Годунова, скорее всего Романовы, хорошо знавшие о событиях в Угличе, давно растили Лжедмитрия, и мальчик этот был уверен, что он и есть русский царевич.

Ряд историков поддержал высказанную Годуновым официальную версию, что за царевича Дмитрия выдавал себя Григорий Отрепьев, сын бедного галицкого боярина, служивший когда-то в доме Романовых. Когда Романовы попали в опалу у Годунова, то и на Гришку пало подозрение в воровстве. Он бежал, скитался по монастырям, принял постриг и стал иноком Чудова монастыря. Позднее патриарх Иов произвел его в дьяконы и взял к себе для книжного дела. Вместе с Иовом Григорий часто бывал во дворце, где царская пышность разбудила в нем преступную жажду славы. Узнав об обстоятельствах судьбы царевича Дмитрия, он решил стать Лжедмитрием и под этим именем, пользуясь смутой в стране, взойти на царский престол. В феврале 1602 года Отрепьев бежал из монастыря, оставив архимандриту записку: «Я царевич Дмитрий, сын Иванов, и не забуду твоей ласки, когда сяду на престол отца моего».

Объявившись в Польше, Григорий открыл там свое царское происхождение, показав дорогой крест, возложенный на него при крещении крестным отцом Мстиславским. Поляки поверили ему и окружили почетом. Познакомившись с воеводой Юрием Мнишеком, Отрепьев был очарован его старшей дочерью Мариной и предложил ей руку и сердце. Но Марина согласилась стать его женой только после утверждения Дмитрия на московском троне. После своего воцарения Григорий обещал немедленно выдать Марине миллион злотых и отдать ей во владение Новгород и Псков. Будущему тестю он обещал Смоленское и Северское княжества. Одновременно Григорий принял литовскую веру, став тайно католиком. Заручившись поддержкой Ватикана, Отрепьев обещал подчинить русскую церковь папской власти. Вскоре он был принят королем Польши Сигизмундом в качестве юного царевича России.

Мнишек собрал для будущего зятя войско в 1600 человек. К Отрепьеву присоединились также две тысячи казаков.

15 августа 1604 года Дмитрий выступил в поход и в октябре перешел русскую границу. В городах, селах и на дорогах разбрасывался манифест-грамота от него к россиянам с вестью, что он жив и скоро к ним будет. Манифест был усилен признанием Дмитрия как царевича со стороны официаль-

ных властей Польши. Этим она оправдывала свое участие и помощь самозванцу. Именно это признание притянуло к нему многих людей.

А в Москве патриарх Иов и князь Василий Иванович Шуйский разъясняли сомневающемуся народу, что идет на Москву не царевич Дмитрий, а самозванец, вор и расстрига Гришка Отрепьев.

Первые русские города Моравск и Чернигов сдались самозванцу практически без боя. Жители их выходили навстречу «своему царю», чудесно исцеленному Богом, и громко желали ему «многие лета».

11 ноября Дмитрий подошел к Новгород-Северскому. Здесь правительственные войска, возглавляемые любимцем Годунова воеводой Петром Федоровичем Басмановым, оказали самозванцу упорное сопротивление. «Убирайтесь! — кричал со стены Басманов. — У нас государь царь и великий князь всея Руси Борис Федорович в Москве, а ваш Дмитрий — вор и изменник!»

И хотя в последующие дни еще ряд городов сдался без боя на милость царевича, Новгород-Северский стойко держал осаду. На выручку ему Годунов прислал подкрепление. Вскоре он возложил общее командование правительственным войском на князя Василия Ивановича Шуйского, продолжающего утверждать, что на Москву идет самозванец и что он сам видел убитого царевича в гробу. 21 января 1605 года Шуйский нанес самозванцу ощутимое поражение, и тот, запершись в Путивле, уже подумывал о бегстве в Польшу. Но здесь пришла к нему помощь со стороны казаков. К счастью для Дмитрия, царские воеводы действовали в последующем вяло, нерешительно и теряли время. К тому же в войске открылись тяжелые болезни. А вокруг «царевича» собирались все новые силы.

В те дни, по свидетельству летописи, Годунов предпринял попытку отравить самозванца, подослав к нему монаха с зельем. Но коварный замысел был раскрыт.

Сам Годунов много страдал и от нерешительных действий войска, и от частых измен со стороны своего окружения, и от недоверия народа. Силы его истощались, хотя ему было только 53 года. К тому же он страдал жестокой подагрой. Много

Золотая печать царя и великого князя Бориса Федоровича Годунова (лицевая сторона). Эта печать привешена к договору между Россией и Данией от 10 апреля 1602 года

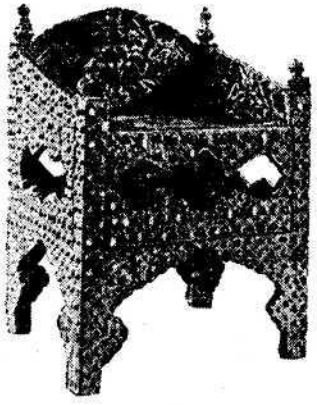
времени проводил он в страшном томлении, обращался к ворожеям и предсказателям, запирался и целыми днями сидел один, а сына посылал молиться по церквам. 13 апреля царь встал здоровым и казался веселее обыкновенного. После обедни поел с большим аппетитом и пошел на вышку, с которой часто обозревал всю Москву. Вскоре он поспешно сошел вниз, почувствовав себя плохо. Кровь хлынула у него из носа и ушей. Царь упал без чувств. Прибежали доктор, патриарх, явилось духовенство. Теряя память, Борис успел благословить на престол сына Федора. Кое-как успели причастить царя, а потом совершили над полумертвым пострижение в схиму и нарекли Боголепом. Около трех часов пополудни царь скончался.

Тотчас стал распространяться слух, что Годунов в припадке отчаяния отравил себя сам. Лицо мертвого, изуродованное предсмертными судорогами и почерневшее, казалось, подтверждало этот слух.

Погребен был Борис Годунов в Архангельском соборе рядом с другими властителями Московского государства.

Продолжая политику Ивана Грозного по укреплению центральной власти, Годунов старался избегать крайних мер. «Страна стала заметно процветать, и население весьма возросло, — свидетельствовал побывавший в ту пору в Москве голландец Исаак Масса[1], — ибо до того была почти совершенно опустошена и разорена вследствие великой тирании...

[1] Исаак Масса (1587—1635)— голландский купец, живший в Москве в начале XVII века. Автор «Краткого известия о Московии в начале XVII века». — *Примеч. ред.*



Трон Бориса Годунова. Подарок персидского шаха Аббаса. Аббас Великий дружил с Борисом Годуновым и послал ему в подарок великолепный трон, осыпанный драгоценными камнями, но с неудовольствием смотрел на упрочнение связей Грузии с Москвой; по его тайному приказу «омусульманенный» Константин убил своего отца Александра и занял его престол; вместе с тем и отряд наш, посланный против врага Александра — шамхала Тарковского и изгнавший последнего из Тарков, был затем окружен многочисленным скопищем кавказских горцев и почти поголовно истреблен, причем русских погибло до 7000 человек

теперь же только благодаря... великому умению Бориса снова начала оправляться и богатеть. Умелая внутренняя политика, сочетание миролюбивой внешней политики с укреплением обороноспособности государства способствовали улучшению экономического положения страны».

Борис Годунов, по словам патриарха Иова, Москву «яко невесту некую преизрядною лепотою украси».

Федор Борисович Годунов

В тяжелую годину выпало вступить на престол юному Федору Борисовичу Годунову. Лишь около двух месяцев отвела история его царствованию. Он даже не успел венчаться на царство и принять сан Богопомазанника.

Шестнадцатилетний, красивый, мужественный, с черными глазами юноша — новый царь всем нравился своей наружностью. Способный от природы, рано познавший науку управления государством, он мог бы дать, вероятно, многое отчизне и народу.

Жители Москвы спокойно присягнули Федору, поклявшись при этом: «И к вору, который называется князем Дмитрием Углицким, не приставать, с ними его советниками не

ссылаться ни на какое лихо, не изменять... и того вора, что называется царевичем Дмитрием Углицким, на Московском государстве видеть не хотеть».

Но многие россияне уже искренне верили, что находившийся в Путивле самозванец, созывающий к себе народ и русское воинство, и есть истинный Дмитрий.

Начались измены и в армии. Правительство на смену нерешительным прежним воеводам послало к войску Петра Басманова, недавнего героя Новгород-Северского, считая, что на него можно положиться. Но случилось неожиданное.

Басманов вместе с войском присягнул Дмитрию. Вероятно, он понял, что дни Годуновых сочтены и вряд ли ему был смысл подвергать свою жизнь опасности, видя вокруг ликующие лица россиян, признавших в самозванце Дмитрия. 7 мая 1605 года войско провозгласило самозванца государем и направило к нему своих выборных лиц с мольбой о прощении за то, что «по неведению стояли против него, своего прирожденного государя». Теперь движение Дмитрия на Москву походило на триумфальное шествие победителя. Города и крепости сдавались ему без боя. На всем пути встречали его радостно, с хлебом и солью.

Весть о переходе войска на сторону Дмитрия была смертным приговором Федору. Он хотя и пользовался царской властью, но уже плыл по воле волн, ожидая, чтобы жребий его свершился. Вокруг себя он видел только несколько преданных друзей. Скорее по инерции отдавал он последние указания о подготовке столицы к обороне, но ратные люди работали вяло, неохотно. Все чувствовали, что это теперь ни к чему.

1 июня явились в Москву послы самозванца с грамотой к москвичам. Звоном колоколов созвали на Красной площади народ, который с благоговением слушал царскую грамоту. В ней Дмитрий прощал народ, бывший в неведении о зле Бориса, и обещал награды в случае его признания. Заканчивалась грамота угрозой: «А недобьете челом нашему царскому величеству и не пошлете просить милости, то дадите ответ в день праведного суда, и не избыть вам от Божия суда и нашей царской руки». В толпе поднялось сильное смятение. Одни выкрикивали здравицы: «Буди здрав, царь Дмитрий Иванович!»;

другие сомневались: «Да точно ли это Дмитрий Иванович? Может быть, это не настоящий?». Затем раздались голоса: «Шуйского! Шуйского! Пусть скажет по правде: точно ли похоронили царевича в Угличе?» Шуйского возвели на лобное место. Площадь замерла в ожидании. В руках Шуйского была теперь судьба Годуновых.

«Борис послал убить Дмитрия-царевича, но царевича спасли, а вместо него погребен попов сын!» — провозгласил Шуйский.

Толпа неистово взревела: «Долой Годуновых! Всех их искоренить! Нечего жалеть их, когда Борис не жалел законного наследника!» Людская масса хлынула в Кремль, ворвалась во дворец. Стрельцы отступили перед громадной толпой, и защищать Годуновых больше было некому. Федор кинулся в тронную палату и сел на престол, надеясь, что народ не осмелится наложить руку на своего царя. Трепещущие царица с царевной Ксенией стояли с иконами в руках, умоляя о пощаде. Но в глазах народа Федор уже не был царем. Его стащили с престола и вместе с матерью и сестрой отвезли на водовозных клячах из дворца в дом, где жил Борис, когда был боярином. К дому приставили стражу. Расходившаяся чернь предалась грабежу и разгулу. Царский дворец был опустошен и разграблен. Все в нем, как якобы осквернение Борисом, было поломано, испорчено и растащено. Были разграблены усадьбы близких к Годунову людей, а также жилища немецких лекарей, которых особенно жаловал Борис.

Дмитрий в это время находился в Туле. К нему были направлены выборные от Москвы с повинной грамотой от всей столицы. Грамота приглашала царя в столицу на престол. Она была написана от лица всех сословий. Впереди всех было поставлено имя патриарха Иова.

10 июня в Москву приехали князья Голицын и Мосальский с приказанием устранить Годуновых и сместить с престола патриарха Иова. С патриархом обошлись жестоко. Прямо во время богослужения вооруженные мятежники ворвались в храм, сорвали с Иова святительскую одежду, надели черную ризу, таскали по храму и площади, а затем вывезли на телеге из города и заключили в монастырь. Немедленно решили и судьбу семейства Годуновых. В дом, где семья Годуновых си-

дела под стражей, пришли Михаил Молчанов и Шереметинов с тремя дюжими стрельцами. Они растащили по разным комнатам Федора, царицу Марию и Ксению. Царицу удавили веревкой. Федор, молодой и сильный от природы, отчаянно защищался, но его ударили дубинкой, а потом удавили. Царевну Ксению, лишившуюся чувств, оставили в живых на безотрадную жизнь.

Печать Федора Борисовича. Эта печать приложена к грамоте 1604 года

Народу сообщили, что Федор и Мария покончили с собой с помощью яда, и их гробы были выставлены на показ. Затем извлекли из Архангельского собора гроб Годунова, переложили тело в деревянный гроб и перезахоронили в убогом Варсонофьевском монастыре. Рядом с ним похоронили без всяких обрядов, как самоубийц, Федора и царицу Марию.

Трудно сказать, совершилась ли казнь над Годуновыми по прямому указанию Дмитрия или бояре без его приказа постарались услужить новому царю, сказав при этом, что Годуновы сами себя лишили жизни. Всем своим видом названный Дмитрий показывал, что верит рассказам о самоубийстве Годуновых.

Так совершилась Божья казнь над убийцей истинного Дмитрия, и для России началась новая жизнь под скипетром того, кто принял это несчастное имя.

Описывать это время сложно, так как в тот период одновременно действуют несколько персонажей, в разное время объявленные царями.

Недаром это время получило название «Великая смута».

Борьба внутри правящей среды между княжеской знатью и чиновным боярством, влияние и авторитет которого подорвано было антагонизмом главных его представителей — Годунова и бояр Романовых, — породила страшное орудие политической интриги — самозванщину и тем вынесла смуту

из дворца в войско и народные массы. Фантастический успех первого Дмитрия был обусловлен бессилием государственного центра, разладом общественных институтов, служивших опорой старому порядку, поддержкой самозванца буйным населением Северской Украины, выходцами из разных областей Московского государства, бежавших от нараставшей крепостной неволи.

Шарь Дмитрий II Иванович

История бедного царевича сложна и запутанна.

Одни считают его внуком Ивана Грозного (возможно, от убитого Ивана), другие — сыном.

Одни настаивают на том, что он был зарезан подосланными убийцами, другие — что вместо него убили подставного младенца.

Спорят даже о том, зарезан он или удавлен. Другие же считают, что он сам упал на нож в приступе эпилепсии.

Было и такое сообщение:

Борис Годунов начинает преследовать племянника. Сначала он подсылает в замок немецкого рыцаря того самого Басманова, который пытался соблазнить невестку Ивана Грозного. Но благородный немецкий рыцарь указывает на своего спящего сына — его и душит басмановский солдат, а сам рыцарь с Дмитрием скрываются.

Некоторые же утверждали, что невинной жертвой злобы Годунова пал не сын посланного убийцы, а малолетний сын священника Истомина, принятый убийцами за царевича.

По всей стране распространяется слух о смерти Дмитрия — правда, не от удушения, а от чумной заразы.

Как видим, даже среди «очевидцев» не было единства мнений.

А наш Дмитрий? Его, если он был подменен, либо того мальчика, которого держал при себе Борис Годунов на случай осложнения на пути к престолу, позже взяли под свою опеку Романовы.

Возможно, и даже вероятно, что Дмитрий действительно погиб своей смертью, а мальчика готовили к роли, внушив ему, что он — царский сын.

А. Нечволодов писал: «Вместе с тем, несмотря на весьма несхожие мнения, высказываемые об истинной личности этого Лжедимитрия различными исследователями, из коих иные принимали его то за побочного сына Стефана Батория, то за уроженца Западной Руси, наиболее вероятно предположение, что он был подданный Московского государства и принадлежал к семье небогатого служилого рода Отрепьевых — Нелидовых».

Один из этих Отрепьевых, галицкий боярский сын Богдан, был убит каким-то литовцем в Немецкой слободе в Москве и оставил после себя вдову Варвару и сына Юрия; этот Юрий, по всей вероятности, и был тем лицом, которое выступило затем под именем убиенного царевича Дмитрия. Но по некоторым известиям, Богдан и Варвара Отрепьевы только усыновили Юрия, который в действительности был побочным сыном какого-то очень знатного лица и получил при крещении имя Леонид; при этом он, по-видимому, рано узнал о своем высоком происхождении, но знал ли он точно, кто были его родители, или только строил об этом различные предположения, к сожалению, совершенно неизвестно.

Юрий с детства был обучен грамоте и обнаружил хорошие умственные способности; затем он служил некоторое время в холопах у бояр Романовых и у князя Бориса Черкасского. Очень вероятно, что сходство в наружности молодого холопа с покойным царевичем Дмитрием, у которого, по-видимому, была тоже бородавка на лице и одна рука короче другой, обращало на него внимание многих лиц, посещавших Романовых и Черкасских, причем об этом не раз говорилось и самому Юрию Отрепьеву; разумеется, разговоры эти производили на него весьма глубокое впечатление, особенно если

он действительно знал о своем происхождении от какого-то очень именитого лица и тяготился бедным и зависимым положением, связанным с незначительным родом Отрепьевых.

Будучи около четырнадцати лет от роду, Юрий под влиянием каких-то опасностей со стороны подозрительного Бориса Годунова, может быть, и вследствие излишних разговоров о сходстве с царевичем Димитрием, исчезает из Москвы и начинает скитаться по разным монастырям, причем игумен Трифон, основатель Успенского монастыря в городе Хлынове (ныне Вятке), — постригает его в 1595 году и нарекает именем Григория. После этого юный инок Григорий пробыл около года в Суздальском Спасо-Ефимиевом монастыре, где был под началом какого-то старца. Затем он переменил еще несколько обителей и возвратился в Москву, где в это время дед его, Замятия Отрепьев, был пострижен в Чудовом монастыре; ввиду бедности внука он взял его себе в келью. Здесь Григорий пробыл более года и был посвящен в это время в дьяконы; скоро он обратил на себя внимание самого патриарха своею грамотностью и сочинением канонов чудотворцам. Иов взял его к себе, а потом брал даже с собой ко двору — в царскую думу, где Григорий мог ознакомиться с придворными порядками. Честолюбивые замыслы молодого инока, по-видимому, в это время окончательно созрели; он, разумеется, должен был неоднократно слышать рассказы о том, как неправдой и преступлением достиг Годунов престола, а также о той ненависти, которую очень многие питали к нему.

Пребывание Отрепьева при патриаршем дворе совпало с приездом в Москву в 1600-1601 годах посольства Льва Сапеги; вероятно, тогда в свиту канцлера и проникли разговоры о сходстве какого-то инока с покойным Дмитрием.

Вместе с тем к этому времени можно, по-видимому, отнести и имеющиеся известия о том, что Григорий особенно пристрастился к занятиям астрологией, принимал многих звездочетов и гадателей, которые уверяли его, что он сядет в Москве государем и будет царствовать тридцать четыре года. Возможно, Романовы уже в это время начали активно готовить его на роль самозванца.

Вскоре Григория постигла беда, по-видимому, именно вследствие излишней его болтливости о том, что царевич

Дмитрий спасся и не замедлит появиться. Многочисленные доносчики царя Бориса обратили внимание на молодого Отрепьева и донесли на него патриарху. Но Иов не поверил этому, и донос был сделан уже самому Борису. Борис же приказал дьяку Смирнову-Васильеву сослать Григория Отрепьева на Соловки, выставив предлогом этой ссылки его занятия чернокнижием. Но дьяка Смирнова-Васильева упросил другой дьяк, Семейка Ефимиев, бывший в свойстве с Отрепьевым, повременить с исполнением приказа о ссылке.

Тогда Григорий, проведав о грозившей ему опасности, решил бежать в Литву.

Как бы то ни было, Дмитрий искренне верил в свое царственное происхождение.

По другой версии однажды в этом же монастыре появился сам Борис Годунов, решивший объехать свои владения, показаться народу. И встретил там Дмитрия в монашеском одеянии. Конечно же, Борис сразу узнает «воскресшего» племянника. Что же он делает? Отводит в сторону настоятеля и предлагает ему убить монаха. А в качестве награды предлагает построить храм.

Но Григорий бежит из монастыря.

В феврале 1602 года он бежит из Москвы с двумя спутниками — иеромонахом Варлаамом Яцким и клирошанином Мисаилом Повадиным. Достигнув Новгорода-Северского, они на время нашли приют в тамошнем Спасском монастыре, откуда при содействии архимандрита отправились в Путивль, а затем из Путивля в Киев.

Перед отъездом из Новгорода-Северского Григорий оставил в своей келье записку на имя архимандрита, в которой обещал не забыть его своей милостью, когда сядет на престол своего родителя, царя Ивана Васильевича.

Испуганный архимандрит не довел об этой записке до сведения Годунова. Это сказание Никоновской летописи служит доказательством того, что Григорий бежал не из страха перед наказанием за свои дерзкие речи, но именно с целью свои слова привести в исполнение; у него был план, была разумно составленная программа действий, которой он придерживался. Мысль выдать себя за царевича Дмитрия созрела в уме

Отрепьева, укоренилась в нем и развилась, питаемая отвагой и самонадеянностью.

Григорий отправился в местечко Брагин, где и поступил в услужение к князю Адаму Вишневецкому. Старый князь, человек умный и заслуженный, но по-ребячески легковерный, полюбил Отрепьева за его расторопность, молодцеватость и видел в нем, основываясь на его загадочных речах, какую-то таинственную личность. Из толпы многочисленной княжеской челяди расстрига действительно выделялся особенно ярко. Почтительный к князю, он в обхождении с сослуживцами держал себя с чувством собственного достоинства, не допускавшего ни малейшей фамильярности. При такой благоприятной обстановке расстриге не трудно было разыграть комедию, благодаря которой он в князе Вишневецком нашел себе покровителя. Григорий, притворясь опасно больным, потребовал духовника для исповеди и напутствия в жизнь вечную. Призванный к больному ксендз был иезуит. Рассказав ему обо всех своих прегрешениях, вольных и невольных, мнимый больной попросил патера похоронить его с почестями, приличными царским детям. «Кто я, — продолжал самозванец, — ты узнаешь из бумаг, которые спрятаны в изголовье моей постели... Не показывай их никому, не выдавай тайны человека, которому Господь не судил жить и умереть прилично его высокому происхождению!..»

Иезуит не замедлил сообщить об этом таинственном признании княжеского слуги самому Вишневецкому. Князь, добыв тихонько заветные бумаги, узнал из них, что слуга его не кто иной, как угличский царевич Димитрий, спасенный от рук подосланных убийц дьяками Щелкаловыми и многими другими верными боярами.

С 1599 года представителем Римского престола в Кракове был папский нунций Клаудио Рангони.

1 ноября 1603 года Рангони был принят Сигизмундом. Король заговорил о странных слухах, распространяющихся по всему государству. По его словам, в Польше появилась какая-то загадочная личность. Это пришелец из Московского государства, который называет себя Дмитрием, сыном царя Ивана IV. Некоторые из русских людей будто бы уже признали царевича и стали на его сторону. Дмитрий находится в Волыни у князя Адама Вишневецкого. Он мечтает вернуть себе престол при помощи казаков и татар. Всю эту затею король признавал чистым безумием: ему казалось невозможным возлагать надежды на наемников, которые ищут не столько чести, сколько добычи. Что касается самого Дмитрия, то король выражал желание узнать его поближе. Он приказал Вишневецкому привезти новоявленного царевича в Краков и представить об этом человеке особое донесение.

К той же теме обратился в своей беседе с нунцием и вице-канцлер Петр Тылицкий. Он дополнил сообщение короля новыми подробностями. Разумеется, Рангони не замедлил известить Рим о столь сенсационных событиях. Ватикан несколько скептически воспринял донесения своего уполномоченного. Сам Климент VIII сделал на полях его депеши следующую насмешливую пометку: «Sara un altro Re di Portogallo resuscitate». Это было намеком на тех самозванцев, которые до смерти дона Себастьяна мистифицировали Португалию.

Конечно, Рангони постарался раздобыть себе копию донесения Вишневецкого. После перевода польского текста на латинский язык он отослал его в Рим. Этот документ имеет для нас первостепенную важность: в нем содержится биография Дмитрия, записанная с его слов. Собственно — это автобиография. Рангони свидетельствует, что князь Вишневецкий лишь изложил то, что сообщил ему «царевич»; таким образом, сущность донесения всецело принадлежит самому герою всей этой истории. Между тем Дмитрий переживал самый критический момент своей судьбы. Все будущее зависело от его показаний, которые должны были убедить окружающих в подлинности его царского происхождения. Таким образом, мы можем предположить, что в своей автобиографии Дмитрий изложил все, что мог, исчерпав все свои ресурсы. Донесение Вишневецкого касается главным образом угличских событий. Оно представляет собой попытку раскрыть тайну, окружающую это темное дело.

Главный виновник злодеяния назван здесь собственным именем. Это, конечно, Борис Годунов. Дмитрий характеризует его как человека, не боящегося ни железа, ни крови. По его словам, Годунов мечтал о престоле тотчас после смерти

Ивана IV. Во имя этой цели он готов был пожертвовать чем угодно. Царь Федор не мог оказать ему никакого противодействия: Годунов живо спровадил бы его в Кирилло-Белозерский монастырь и по-своему расправился бы с его советчиками. Таким образом, оставался лишь царевич Дмитрий. Чтобы очистить дорогу к престолу, Годунову нужно было устранить этого единственного законного наследника царской власти: в противном случае он мог бы со временем заявить свои притязания. Как же можно было достигнуть этого? Не иначе как посредством преступления. И Борис не колебался: его злодейство было тем более гнусно, что оно было задумано и подготовлено заранее с поистине адским расчетом. Царевича окружали верные слуги. Все они были отравлены каким-то медленно действующим ядом. На их место были поставлены предатели, которым было приказано отравить самого Дмитрия. Однако живым препятствием для осуществления этого плана явился воспитатель царевича. Этот энергичный и наблюдательный человек разведал о странном заговоре и помешал его исполнению. Тогда Борису волей-неволей пришлось прибегнуть к иным средствам. К делу были привлечены подкупные убийцы. С наступлением ночи они должны были пробраться во дворец. Здесь им приказано было напасть на царевича, уже лежащего в постели, и заколоть несчастного ребенка. Но неусыпная бдительность воспитателя разрушила и этот план; желая спасти царевича от злодейства, он придумал жестокую хитрость. Дмитрия уложили спать на новом месте, а на его постель положили одного из «двоюродных братьев» — приблизительно того же возраста. Как было условлено, убийцы прокрались во дворец. Не подозревая ничего, они умерщвляют злополучного младенца в полной уверенности, что перед ними — царевич. Весть о злодействе с быстротой молнии облетает дворец. Прибегает мать Дмитрия. Она в отчаянии бросается на труп ребенка; в своем горе она не замечает подмены и горько оплакивает сына, которого считает погибшим. Сбежавшийся народ точно так же ничего не видит. Он вне себя от ярости; хочет насытить свою месть кровью и в исступлении избивает до 30 других детей. Таким образом, исчезновение двоюродного брата царевича проходит незамеченным и не возбуждает никаких подозрений.

Борис Годунов был обманут, как и все другие. Теперь его единственной заботой было скрыть истинную цель преступления. Для этого нужно было придумать более или менее правдоподобную версию, объясняющую событие. Такой версией явилась мнимая болезнь царевича. Смерть Дмитрия была приписана несчастной случайности, а жителям города Углича пришлось поплатиться жизнью за свое излишнее рвение. Между тем царевич, живой и невредимый, находится под охраной своего воспитателя: никто не знал о нем, и никакая опасность не угрожала его жизни. Когда спаситель царевича почувствовал приближение смерти, он доверил своего питомца одному верному человеку, которому предварительно раскрыл всю тайну. Последний охотно согласился исполнить все. Но и этот верный человек в свою очередь умер. Перед смертью он советовал Дмитрию искать себе убежище в монастырях. И вот потомок Рюрика облекается в монашескую рясу. Скитаясь по Русской земле, он стучится в двери ее обителей и, как нищий, выпрашивает себе кусок хлеба. Злая судьба лишила его всего, кроме одного: его царственной внешности. Но эта внешность и выдала его: в конце концов, какой-то монах по всей его повадке признал в нем царского сына. Это открытие было роковым для Дмитрия. Отныне пребывание его в Русском государстве становилось опасным. Приходилось опять спасаться от Бориса Годунова. Дмитрий перебирается в Польшу. Некоторое время, неведомый никому, он живет в Остроге и Гоще. Но затем не выдерживает и, проживая у Адама Вишневецкого, открывает князю тайну своего высокого происхождения.

Какие впечатления должен был вынести король Сигизмунд, читая донесение Вишневецкого? Мы вполне можем допустить, что на миг Сигизмунд был ослеплен необычной судьбой Дмитрия. Но, конечно, очень скоро в душу его должны были закрасться сомнения. Ведь было видно с первого взгляда, что «царевич» не хочет посвятить короля во все подробности своего прошлого, напротив, он старался распространяться об этом возможно меньше. Прием его оказался весьма удачным. Еще и теперь, по прошествии трех столетий, перед загадкой происхождения Дмитрия обнаруживает свою беспомощность наука, вооруженная всеми современными средствами. В его биографию она не может внести ни одного имени,

ни одного нового факта, как будто жизнь этого человека протекла, не оставив нигде никакого следа.

С великим трудом мы настигаем Дмитрия в Киеве. Здесь он появляется, вероятно, около 1601 года. Одетый в грубую монашескую рясу, он теряется в толпе себе подобных. Он посещает святыни города, а затем идет к воеводе Константину Острожскому. Несмотря на свое мирское звание, этот вельможа был патриархом юго-западного православия: вообще он не оправдал тех надежд, которые ранее возлагались на него. Под снегом своих седин он хранил страстную ненависть к Брестской унии и вел против нее неустанную борьбу. В его острожском замке находили себе убежище все противники католического влияния: для князя было безразлично, являлись ли эти враги Рима лютеранами или кальвинистами, тринитариями или арианами. Если же паломник называл себя православным, то, разумеется, он мог тем вернее рассчитывать на самое радушное гостеприимство вельможного хозяина. Может быть, Дмитрий и прибег к этому средству. Однако впоследствии он благоразумно о том умалчивал. По его словам, он проник к князю Острожскому, не будучи никем замеченным. Со своей стороны, и князь упорно отрицал свои отношения с бродячим монахом. Когда король спросил его об этом, князь заявил, что ничего не может сообщить за полной своей неосведомленностью. Он уверял Сигизмунда, что даже не знает, жил ли Дмитрий у него самого или в подчиненных ему монастырях. Он даже не решается высказать какие бы то ни было предположения: так он далек от всего этого дела. Письмо князя королю датировано 3 марта 1604 года. Однако как раз накануне сын Константина Острожского, Ян, сообщал королю то, что было ему известно о загадочной личности, проявил либо меньшую осторожность, либо большую доверчивость. «Я знаю Димитрия уже несколько лет, — писал этот краковский кастелян, — он жил довольно долго в монастыре отца моего, в Дермане; потом он ушел оттуда и пристал к анабаптистам, с тех пор я потерял его из виду».

Слухи, ходившие по Кракову, имели еще более определенный смысл; как всегда, нунций Рангони собирал их самым тщательным образом. Здесь передавали друг другу по секрету, что Дмитрий попытался было открыть свои намерения

киевскому воеводе, т. е. обратился к нему за помощью. Однако старый князь выпроводил его самым бесцеремонным образом: рассказывали даже, будто бы один из гайдуков вельможи позволил себе «грубые насилия» над смелым просителем и вытолкал его за ворота замка. Впрочем, Дмитрий не впал в уныние от своей неудачи. Постигла она его в действительности или нет, во всяком случае, он не потерял своей бодрости и из Острога отправился в Гощу.

Этот город был центром арианства. Местные школы пользовались самой широкой известностью. Кастелян киевский и маршал острожского двора Гавриил Хойский действовал здесь с неутомимой энергией. Что влекло Дмитрия в Гощу? Что собирался он здесь делать? Преподавать русский язык — говорят одни; самому поучиться кое-чему — утверждают другие. Может быть, последнее мнение и не заключает в себе ошибки: по крайней мере, в глазах компетентных судей, теоретические познания Дмитрия всегда выдавали в нем приверженца арианства. Однако Поссевин, черпавший свои сведения у польских иезуитов, уверяет, что в Гоще будущий московский царь выполнял более чем скромные обязанности: попросту говоря, он служил на кухне у Хойского. Трудно сказать, какую версию из трех следует предпочесть другим. Во всяком случае, ни кухонный слуга, ни учитель, ни молодой питомец местных школ не убили в Дмитрии претендента на русский престол. Напротив, он только ждал удобного момента, чтобы заявить свои права.

До той поры Дмитрий, можно сказать, одиноко носился в пространстве. Но в 1603 году ему наконец улыбнулось счастье. Это было в Брагине, у князя Адама Вишневецкого. Этот высокородный кондотьер только и мечтал, что о сражениях. Русский по крови, но подданный польского короля, бывший питомец виленских иезуитов, но горячий сторонник православия и по-своему человек религиозный, князь Вишневецкий питал непримиримую вражду к русскому правительству. Между ним и Москвой были давние счеты. Огромные владения князя расположены были по обоим берегам Днепра; они тянулись вплоть до самой русской границы. Нередко на этом рубеже возникали споры о правах или происходили столкновения: очень часто сабля являлась судьей в этой тяжбе двух

соседей. В 1603 году русские соблазнились двумя зажиточными местечками, которыми, на том или другом основании, владел Вишневецкий. Без всякого предупреждения московские войска вторглись в земли князя и завладели желаемым. Дело не обошлось без кровавых схваток, в результате которых с той и другой стороны оказались убитые и раненые. Князю Острожскому, по его должности воеводы Киевского, было предписано произвести следствие по этому поводу. В своем докладе, представленном королю, он высказывался за необходимость решительных действий и за возмещение понесенных Вишневецким потерь. Но дело затянулось. Однако князь Адам отнюдь не думал отступаться от своих требований. Таков был этот воинственный магнат. Разумеется, он не мог равнодушно думать о своем поражении и не забывал удара, нанесенного его интересам. Может быть, не ему первому поведал Дмитрий о своих наследственных правах на русский престол; во всяком случае, встреча с князем Вишневецким была началом его сказочной карьеры.

Нельзя не признать, что смелый «царевич» сумел выбрать человека, вполне пригодного для своих целей. Вишневецкий первым признал Дмитрия.

Мы помним, что князь мечтал о реванше; легко предположить, что он надеялся извлечь личную выгоду из всего этого темного дела. Все это могло сделать более доверчивым человека, чувствительно задетого в своих интересах и по натуре своей склонного к военным приключениям.

Перемена, произошедшая в положении Дмитрия, была настолько же радикальна, насколько она была и внезапна. Человек, бывший еще вчера никому не известным и нищим бродягой, стал сегодня высокой особой. Монашеская ряса была сброшена, если только Дмитрий не изменил ей раньше; перед изумленным светом выросла фигура претендента, который смело заявлял о своих притязаниях на одну из самых блестящих корон мира. Могущественный магнат готов был поддержать его. Что же оставалось? Немедленно приступить к делу: собрать армию, привлечь на свою сторону казаков — другими словами, выполнить тот план, который подвергся столь убийственной критике со стороны короля. И вот в днепровские и донские степи полетели гонцы, чтобы вербовать там

добровольцев. По слухам, дошедшим до Сигизмунда, сам Дмитрий ездил к беспокойному казачеству, всегда готовому взяться за оружие. К сожалению, история никогда не расскажет подробнее об этих переговорах: они должны были вестись устно, под открытым небом. Конечно, казаки обнаружили немало дикой простоты и много своеобразной гордости. Они писали свою историю саблей, и не на страницах древних книг, но на полях битвы оставляло это перо свой кровавый след. Для казачества было привычным делом доставлять троны всевозможным претендентам. В Молдавии и Валахии периодически прибегали к их помощи. Для грозной вольницы Днепра и Дона было совершенно безразлично, подлинные или мнимые права принадлежат герою минуты. Для них важно было одно: чтобы на их долю выпала хорошая добыча. А можно ли было сравнивать жалкие прйдунайские княжества с безграничными равнинами русской земли, полной сказочных богатств? Так или иначе, несомненно, что связи Дмитрия с казаками и, может быть, даже с татарами происходили именно в эту пору; далее вполне достоверно, что, по крайней мере, с первыми был заключен договор на известных условиях. Возбуждение, вызванное Дмитрием на Украине, приняло такие размеры, что обеспокоенный король счел нужным вмешаться. 12 декабря 1603 года Сигизмунд издал суровые указы, запрещая казакам образовывать вооруженные отряды, а мирным гражданам — продавать этой опасной вольнице оружие и амуницию. Конечно, как и всегда, все эти распоряжения оказались совершенно бездейственными. Казаки не обратили на них ни малейшего внимания.

Вскоре после этого произошел эпизод, который должен был еще более убедить Вишневецкого в правильности избранного пути. Король не счел возможным удовлетвориться благоприятным донесением князя Адама: ему представлялось необходимым произвести тщательное расследование по поводу объявившегося претендента на московский престол. Это было поручено Льву Ивановичу Сапеге[1]. В свите этого вельможи находился один уроженец Ливонии, который прекрас-

[1] Сапега Лев Иванович (1557—1633) — королевский секретарь, литовский канцлер, виленский воевода и великий гетман литовский.

но знал Дмитрия. Еще в бытность последнего в Московском государстве он состоял при его особе. В январе 1604 года этот человек был отправлен к Вишневецкому. Дмитрию грозила ловушка. Посланный Сапеги назвался чужеземцем и ничем не выдал своих чувств при встрече с «царевичем». Но Дмитрий не растерялся. Он признал своего бывшего слугу и с большой придирчивостью стал его расспрашивать. Тогда и шпион Сапеги изменил своей роли: он громогласно заявил, что тот, с кем он встречался, есть подлинный сын Ивана IV. По его словам, он видел царевича слишком часто, чтобы ошибиться. Наконец, он ссылался и на внешние доказательства тождества Дмитрия с царским наследником: при этом он указывал на бородавку около носа и на неравную длину рук у его бывшего господина. Это событие было признано немаловажным доводом в пользу претендента. Понятно, что и папский нунций Рангони получил о нем все эти новые сведения.

Успех Дмитрия все возрастал. Скоро Брагин уже начал казаться ему тесным. Теперь действие переносится в Самбор, в резиденцию Мнишеков.

Прежде чем представить царевича польскому королю, Мнишек разыскивает трех людей, служивших в Кремле, и предлагает им опознать царевича. Только убедившись в том, что Дмитрий не самозванец, Мнишек начинает интригу по свержению ненавистного всем Бориса.

Прознав о кознях поляков, Борис рассылает предупреждения всем королям. Русский посол, а им оказывается П. Басманов, приезжает к польскому королю Сигизмунду, где встречает и Дмитрия. «Ты кто?» — спрашивает царевич у Басманова, успев, видимо, забыть того, кого встречал постоянно в царских палатах Кремля. «Твой свойственник», — отвечает Басманов и переходит к нему на службу.

В решающем сражении на поле боя встречаются Дмитрий и Борис Годунов. Дмитрий долго сражается с дядей-злодеем и, наконец, закалывает его мечом.

Вот как погиб Борис Годунов — а вовсе не после плотного обеда в кремлевских апартаментах.

Жена злодея, узнав о гибели мужа, сначала заставляет детей — сына и дочь — выпить яд, а затем и сама отпивает из смертоносной чаши.

Путь в Кремль для Дмитрия открыт. Народ встречает его ликованием, и благородный великодушный царевич всех прощает.

Почему же Западная (преимущественно католическая) Европа связывала такие радужные надежды с восшествием на престол Дмитрия, которого большинство русских историков считает самозванцем?

Почему книги, написанные в то время монахами-иезуитами в Италии, Испании и других странах, были переполнены пафосом якобы восторжествовавшей справедливости?

Почему все так радовались восстановленной власти династии Рюриковичей в лице внука Ивана Грозного?

Этому есть простое объяснение. И оно содержится в брачном контракте, подписанном беглым монахом в Самборе 25 мая 1604 года с Мариной Мнишек. Это, может быть, самый удивительный документ за всю историю человечества.

По условиям брачного контракта тот, кто называл себя императором Дмитрием II (а первым был якобы Дмитрий Донской), был обязан привести всю православную Россию в католичество в течение года. И Россия стала бы европейской страной.

В случае отказа выполнить обещание и в случае несоблюдения срока выполнения обещания Марина получала право развестись, сохранив в качестве удельных княжеств все земельные пожалования, а именно — Новгородскую и Псковскую земли. По условиям тайного соглашения Дмитрий II обязан был уступить Речи Посполитой Чернигово-Северскую землю и оказать Польше военную помощь в овладении шведской короной.

20 июня 1605 года новый царь торжественно въехал в Москву. Народ падал ниц перед ним. Дмитрий медленно ехал на превосходном белом коне в превосходных царских одеждах и с дорогим ожерельем на шее. Со всех сторон раздавались здравицы в его честь.

— Здравствуй, отец наш, государь всероссийский! Даруй тебе Боже многие лета!

— Солнышко ты наше! Взошло ты над землей Русской!

Царь отвечал благодарно:

— Боже, храни мой народ! Молись Богу за меня, мой верный и любезный народ!

Молодой царь был статно сложен, хотя и не отличался красотой: с виду неказистый, худощавый, со смуглым лицом, рыжеватыми волосами, с приплюснутым носом и бородавками на лбу и на носу. Но в голубых глазах его светился ум.

День был ясный, солнечный. Когда царь вступил на Москворецкий мост, неожиданно поднялся страшный вихрь. Суеверные люди крестились: это был дурной знак.

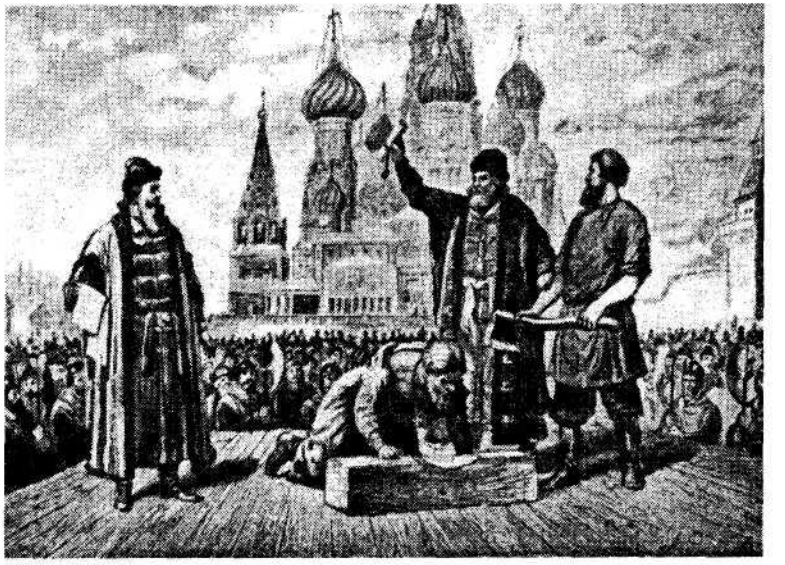
Дмитрий остановился около собора Покрова, снял шапку, взглянул на народ, на Кремль и со слезами на глазах стал благодарить Бога: «Господи Боже, благодарю Тебя! Ты сохранил меня и сподобил увидеть город отцов моих, народ мой возлюбленный!» Люди, видя слезы царя, принялись также рыдать. Звонили во все колокола. Духовенство благословило царя. Многие заметили, что к образам он прикладывался не совсем так, как это делал истинно русский человек. В Кремле Лжедмитрий обошел с молитвою храмы. В Архангельском соборе он припал ко гробу Грозного с такими искренними слезами, что никто не мог допустить мысли, будто пред ними ненастоящий сын Ивана.

Все с нетерпением ждали встречи царя с матерью, Марией Нагой (в иночестве Марфой), за которой он послал в монастырь. Дмитрий даже отложил венчание на царство до ее приезда.

В Москве тем временем поймали несколько человек, распространявших по указанию Василия Ивановича Шуйского слух о том, что царь вовсе не Дмитрий, а самозванец Гришка Отрепьев. По какой причине лукавый Шуйский говорил еще недавно обратное — неизвестно. Вероятно, он хотел сначала избавиться руками Дмитрия от ненавистного Годунова, а затем, изобличив самозванца, самому сесть на трон. Но заговор открылся. Суд, в котором царь не принимал никакого участия, приговорил Шуйского к смертной казни.

Когда голова боярина уже лежала на плахе, было объявлено о его помиловании.

Помилование Шуйского было первой грубой ошибкой Дмитрия. В России можно управлять страной страхом, но



доброта и всепрощение воспринимаются как слабость и неуверенность в себе. В свое время Шуйский отомстит Дмитрию за его глупость, ибо давно известно, что ни один добрый поступок не должен остаться безнаказанным.

18 июля царь встретился с матерью, которую привезли в Москву. Свидание их проходило наедине, в шатре, раскинутом близ дороги. Народ с радостью увидел счастливых мать и сына, выходящих обнявшись из шатра. Любезный сын под радостные слезы народа посадил мать в великолепную колесницу, а сам шел рядом пешком несколько верст с непокрытой головой.

31 июля 1605 года состоялось венчание и помазание Дмитрия на царство. Этот обряд явился высшим завершением всех усилий самозванца; разумеется, в глазах народа царевич поднимался отныне на недосягаемую высоту. Нужно было возможно быстрее восстановить в Московском государстве нормальный порядок; все жаждали увидеть, наконец, на престоле такого государя, который был бы осенен благодатью церкви. Что такое царь московский? Это то же самое, что византийский базилевс: это — священная особа, окруженная орео-

лом сверхчеловеческого величия. Подобно императорам Востока, он приемлет свою власть от Вседержителя Бога; понятно, что самый акт передачи этой власти должен быть обставлен самым торжественным образом. Так возникают священные узы между царем и народом, между избранником Всевышнего и всем православным миром.

С этого момента кем бы ни был претендент на российский престол — чудесно спасшимся царевичем или самоуверенным самозванцем, — но он становится законным царем и помазанником Божиим.

Торжество было ознаменовано царскими милостями. Многие, кого сослал Борис, были возвращены из ссылки. Вернулись Нагие, оставшиеся в живых Романовы. Филарет (Федор Никитич Романов), вернувшийся из заточения, был возведен в сан ростовского архиепископа. Бывшей супруге его были возвращены вотчины, и она с сыном Михаилом поселилась в Ипатьевском монастыре близ Костромы.

Государственная деятельность Дмитрия во многом была реформаторской, необычной и непонятной россиянам. Каждый день он присутствовал в Думе, преобразованной им в Сенат, где сам разбирал дела. Поражала легкость его мышле-

ния и действий в решении сложных вопросов, над которыми члены Думы часто бились в долгих бесплодных спорах. Два раза в неделю царь принимал челобитные, и всем предоставлялась возможность объясниться с ним. Вместо давней русской традиции укладываться спать после сытного обеда, царь ходил пешком по городу, запросто заглядывая в разные мастерские, где беседовал с мастеровыми людьми. На улицах свободно общался со встречными. В беседах с боярами убеждал их в необходимости дать народу образование, самим путешествовать по Европе, посылать туда учиться своих детей.

Во всяком деле чувствовалась прежде всего доброта царя.

Есть два способа царствовать, говорил он, милосердием и щедростью или суровостью и казнями; я избрал первый способ. Я дал Богу обет не проливать крови подданных и исполню его.

Он старался ладить и с католиками, и с иезуитами, чем оскорблял русских православных попов, всегда с ненавистью относившихся к любым христианам неправославного толка. Дмитрий же осуждал тех, кто проповедовал исключительность православия. «Зачем вы презираете иноверцев? Что же такое латинская лютерская вера? Все такие же христиане, как и греческие. Пусть всякий верит по своей совести. Я хочу, чтобы в моем государстве все отправляли богослужение по своему обряду».

Проповедь свободы совести в России! И это в начале XVII века!

Много заботился царь о жизни подданных. Всем служилым и приказным людям было вдвое увеличено содержание и жалованье; были увеличены поместья помещикам; была несколько облегчена участь крестьян. И хотя Дмитрий не решился отменить крепостное право, он постановил, что в случае отказа крестьянам в помощи в голодные годы помещики теряют на крепостных свои права. Была отменена потомственная кабала: в случае смерти хозяина холоп становился вольным и не передавался по наследству.

Всем подданным царь предоставил возможность свободно заниматься промыслами и торговлей. Были уничтожены все ограничения на выезд и въезд в государство. «Я никого не хочу стеснять, — говорил царь, — пусть мои владения будут во всем свободны. Я обогащу торговлей свое государство».

Царь, казалось, всей душой хотел блага своей земле, но все это было для россиян как-то неожиданно и поспешно. Многие бояре и сановники весьма недоверчиво встречали его новшества, приписывая их молодости, неопытности и легкомыслию. Им не нравились образ жизни и привычки молодого царя. Они осуждали его за то, что он ведет себя с подданными слишком просто, не по-царски; вводит в соборную церковь иноверных; смеется над суевериями набожных россиян; не крестится перед иконами; не велит кропить святой водой царские палаты; не думает следовать русским обычаям; садится за обед не с молитвой, а с музыкой; любит ездить верхом на диких жеребцах и т.п.

Но простому люду молодой и веселый царь был по душе. Только недовольны были они тем, что благодушный Дмитрий был слишком падок до женщин и позволял себе в этом отношении слишком многое. В особенности осуждали царя за то, что он сначала сделал Ксению Годунову своей наложницей, а потом отправил ее в монастырь.

2 мая 1606 года невеста царя Марина Мнишек с отцом приехала наконец в Москву. С ней вместе приехало около двух тысяч гостей — знатных польских панов со своей челядью. Для их размещения были изгнаны из своих домов купцы, дворяне и лица духовного сана.

8 мая Марина была коронована, а затем обвенчана с Дмитрием по старому русскому обычаю. Ревнители старины отметили, что Марина не была крещена в православную веру. Кроме того, свадьба состоялась накануне пятницы и святого праздника, что недопустимо по церковному уставу.

Венчание Марины на царство 18 мая 1606 года

Патриарх Игнатий, окруженный епископами и архимандритами, вышел навстречу процессии и принял ее у дверей собора. Дмитрий и Марина взошли на приготовленный для них помост. После этого приступили к коронации невесты. Обряд сопровождался благословениями, молитвами и церковными песнопениями. Патриарх помазал Марину священной миррой, возложил на ее голову корону и царские регалии на плечи. Дмитрий предоставил ему совершить все эти действия. Позже императоры присвоили себе право собственноручно

возлагать корону на императриц. После коронования царь и царица, воссев на троне, прослушали обедню. В конце ее протопоп Федор дал им брачное благословение. Таково было заключение самборского романа.

С этого дня Марина Мнишек стала богопомазанной русской царицей.

Дни с 9 по 14 мая были свадебными празднествами, и казалось, им не будет конца. В эти дни крайне непристойно вели себя хвастливые пьяные польские гости. Бесчинствуя, они врывались в дома москвичей, творили насилия, оскорбляли людей. Среди кремлевских соборов, где ранее царила благоговейная церковная тишина, гремела польская музыка, шел озорной перепляс, пьяный разгул. Во время свадьбы, венчания Мнишек на царство, празднеств и приемов было сделано много оскорбительного для русского национального достоинства, что и без того накалило неспокойную обстановку до предела. Москва волновалась. Против поляков зрела тайная смута. Этим решил воспользоваться Василий Шуйский.

Представитель знаменитого еще со времен Рюрика рода, он с трудом сносил над собой власть «незнатного татарина Годунова», а затем и вовсе безродного самозванца. Тайное собрание сторонников Шуйского разработало тактику действий. Учитывая любовь москвичей к самозванцу, решили действовать обманно: поднять чернь на ненавистных поляков и, пользуясь суматохой, самим расправиться с Дмитрием.

Дмитрию докладывали о готовящемся заговоре. «Я и слышать не хочу об этом! — отвечал он. — Я не терплю доносчиков и наказывать буду их самих». И с непонятным легкомыслием продолжал он беспечно веселиться.

На рассвете 17 (27) мая Шуйский приказал выпустить из тюрьмы преступников и раздать им топоры и мечи. В три часа

утра во всех церквах ударили в набат. Людям, сбегавшимся на Красную площадь, Шуйский с соратниками кричали: «Литва собирается убить царя и перебить бояр, идите бить литву!» Народ кинулся к домам поляков и стал беспощадно убивать их.

Тем временем в Кремль въехал Шуйский. В одной руке у него был меч, в другой крест. За ним следовала большая толпа заговорщиков, вооруженных топорами, бердышами, ружьями и рогатинами. Приложившись в храме Успения к иконе Владимирской Богоматери, Шуйский воскликнул: «Во имя Божие, идите на еретика».

Набатный звон разбудил царя. Верный Басманов пытался защитить царя от толпы, но был убит. Спасаясь, Дмитрий выпрыгнул в окно, но неудачно: вывихнул ногу, разбил грудь и голову. Его схватили, потащили во дворец; затем сорвали с него одежду и нарядили в какое-то рубище. Дикая толпа забыла человеческое чувство, издеваясь над несчастным.

- Говори, кто ты, кто твой отец и откуда ты родом?

Измученный Дмитрий проговорил слабым голосом:

- Вы знаете, я царь ваш Дмитрий. Вы меня признали и венчали на царство. Если теперь не верите, спросите мать мою; вынесите меня на лобное место и дайте говорить народу.

Два выстрела прекратили допрос и жизнь Лжедмитрия. Толпа бросилась терзать мертвого.

Изуродованный труп потащили веревками из Кремля. Возле Вознесенского монастыря остановились, вызвали инокиню Марфу и потребовали, чтобы она объявила перед всем народом, ее ли сын убит.

- Не мой, — сказала Марфа. Она винилась, что признала в самозванце своего сына из-за страха.

Тело царя выволокли на Красную площадь и положили на стол. У ног его бросили труп Басманова. Один из бояр бросил на тело маску, волынку, а в рот воткнул дудку.

- Долго мы тешили тебя, обманщик, — сказал он, — теперь ты нас позабавь.

Целых шесть часов длилась дикая расправа черни над поляками, и целых шесть часов гремел набат под призывные крики: «Секи, руби поляков!» Ярость и злоба заглушали человеческие чувства. Дом, где заперлись польские послы, родные царицы и вооруженные поляки, москвичи чуть было не

расстреляли из пушек. Шуйскому и его соратникам удалось предотвратить расправу над ними и над Мариной.

Толпа три дня издевалась над трупом Дмитрия. Вдруг пронесся слух, что рядом с телом ночами стал появляться какой-то таинственный свет. Тогда самозванца похоронили за Серпуховскими воротами. Но судьба не дала ему мирного убежища в земле. С 18 по 25 мая были сильные морозы, и суеверный народ приписывал их волшебству Дмитрия. Тело достали из земли, сожгли и, смешав пепел его с порохом, выстрелили из пушки (в устье реки Котловки) в ту сторону, откуда самозванец пришел в Москву.

Вот такой необычный конец в судьбе этого необычного человека. Н.И. Костомаров пишет: «Кто бы ни был этот названный Дмитрий и что бы ни вышло из него впоследствии, несомненно, что он для русского общества был человек, призывающий его к новой жизни, к новому пути. Он заговорил с русскими голосом свободы, настежь открыл границы прежде замкнутого государства, объявил полную веротерпимость. Его толки о заведении училищ оставались пока словами, но почва для этого предприятия подготовлялась именно этой свободой. Объявлена была война старой житейской обрядности. Царь собственным примером открыл эту борьбу, как поступил впоследствии и Петр I, но названный Дмитрий поступал без того принуждения, с которым соединялись преобразовательные стремления последнего...

Повторяем, что бы впоследствии ни вышло из Дмитрия — все-таки он был человек нового, зачинающегося русского общества».

Всенародное ликование, связанное с восшествием на московский престол Димитрия, длилось всего один год — злосчастия последнего Рюриковича завершились трагическим финалом.

Вчера любили, подымали из грязи в князи, а сегодня те же москвичи радостно пляшут на трупе любимого вчера царя! Уважение к мертвым — не наша национальная черта.

Ну а что же с Григорием Отрепьевым? Ведь Шуйские отождествляли Дмитрия с Григорием.

В январе 1605 года московское правительство, напуган-

ное призраком самозванца, поручило патриарху Иову провести о нем официальное расследование. Результатом этого явилась известная версия, утверждавшая, что мнимый царевич есть не кто иной, как Гришка Отрепьев. Нашлись и свидетели, которые восстановили всю биографию этой загадочной личности; эти данные оказались весьма интересными. Сведущие люди говорили, что когда-то Гришка служил у Романовых; затем, желая избегнуть грозившей ему смертной казни, он постригся в монахи и после долгих странствий из одной обители в другую поселился, наконец, в московском Чудовом монастыре. Здесь он был посвящен в дьяконы и исполнял обязанности писца при дворе патриарха. Однако скоро в нем опять пробудились его порочные влечения, и, спасаясь от кары, он вновь бежал — на этот раз в Польшу. С ним ушли Варлаам Яцкий и Мисаил Повадин; оба они были монахами того же самого Чудова монастыря. Всех этих беглецов видели в Киеве, где они посетили князя Острожского. В конце концов, Гришка Отрепьев оказался в Брагине; тут он и объявил себя царевичем Дмитрием.

Выводы следствия, произведенного патриархом Иовом, были утверждены Борисом Годуновым.

Однако порой Годуновым овладевали, по-видимому, смущение и тревога. Он задавался мучительным вопросом — да умер ли в самом деле Дмитрий? Вот почему он заявлял императору Рудольфу, что если бы даже претендент был подлинным сыном Ивана IV, он все же не имел бы никаких прав на московский престол, ибо это противно каноническим требованиям.

Очевидно, Годунов признавал одно из двух: претендент, объявившийся в Польше, или Гришка Отрепьев, или Дмитрий. Впрочем, такую альтернативу царь допускал только в своих отношениях с иностранцами, в целях самозащиты, да и то изредка. При этом он избегал точно формулировать ее и вообще старался представить ее в виде курьезного и невероятного предположения.

Если забыть об этих колебаниях Годунова, то окажется, что, по мнению всех русских источников, Дмитрий был не кем иным, как расстригой, Гришкой Отрепьевым. Возникнув при Борисе Годунове, эта версия благополучно дожила до наших

дней. Среди памятников, где она воспроизводится, особого внимания заслуживает так называемый «Извет Варлаама». Он относится уже к эпохе Шуйского.

Но кто же такой этот Варлаам? Это был монах, и вместе с Мисаилом Повадиным он сопровождал Гришку Отрепьева, когда последний переходил московскую границу. Так говорит, по крайней мере, патриарх Иов; Варлаам, со своей стороны, подтверждает это свидетельство: все трое отправились вместе. После Киева первая их остановка была в Остроге у князя Константина.

Оказывается, что путешествие Отрепьева с Варлаамом и Мисаилом и посещение ими Острога есть несомненный факт. Неоспоримое свидетельство в пользу этого имеется в Загоровском монастыре на Волыни; к счастью, этот документ время пощадило. Здесь хранится славянский перевод книги св. Василия, архиепископа Кесарийского. Издание это напечатано в Остроге в 1594 году. Оно украшено гербами князя Константина; помимо того, на нем можно прочесть драгоценную для нас надпись следующего содержания: «Лета от сотворения мира 7110 месяца августа в 31 день, сию книгу Великого Василия дал нам, Григорию с братьями Варлаамом да Мисаилом, Константин Константинович, нареченный во св. крещении Василий, Божиею милостью пресветлое княже Острожское Воевода Киевский». Под словом «Григорий» приписано другой рукой —очевидно, в позднейшие времена: «Царевичу Московскому».

Конечно, нельзя придавать этой вставке особенно важное значение; однако если даже оставить ее в стороне, указанная надпись имеет для нас большую ценность. Мы узнаем из нее, что Варлаам действительно совершал паломничество с Гришкой и Мисаилом и что в августе 1602 года все трое были у князя Острожского.

Еще большую важность представляют те выводы, которые вытекают из сопоставления «Извета Варлаама», с донесением князя Вишневецкого королю Сигизмунду. В самом деле, несомненно, что Дмитрий — одно лицо с тем человеком, который, побывав в Гоще и Остроге, объявил себя царевичем в Брагине. Опираясь на показания самого Дмитрия, Вишневецкий совершенно определенно отмечает эти три этапа на

его пути. По-видимому, также не подлежит спору, что странник, побывавший в Гоще, Остроге и Брагине, — не кто иной, как Гришка Отрепьев. На этот счет свидетельство «Извета» в достаточной мере категорично. Нам кажется, что согласие между Варлаамом и Дмитрием по вопросу о трех важнейших этапах на их пути имеет исключительную важность. Таким образом устанавливается связь между историей Дмитрия и судьбой Григория Отрепьева. Восполняется чувствительный пробел загадочной «одиссеи» будущего московского царя; Дмитрий II оказывается на одно лицо с монахом-расстригой. Здесь — соединительное звено, в котором переплетаются обе биографии. До сих пор этому обстоятельству не придавали должного значения. Зависело это от недостаточного внимания к донесению Вишневецкого. Отмеченное нами совпадение покажется еще более разительным, если мы вспомним, что оба свидетельства исходят от диаметрально противоположных сторон. Как известно, Варлаам считал Дмитрия Гришкой Отрепьевым; сам Дмитрий выдает себя за настоящего царевича. И тот, и другой, совершенно независимо друг от друга, отождествляют загадочную личность претендента на московский престол со странником, побывавшим в Остроге, Гоще и Брагине. Конечно, когда Варлаам писал свой «Извет» в 1606 году, он и не подозревал, что его показания подтверждаются свидетельством самого Дмитрия, данным еще в 1603 году. По крайней мере, ничто не говорит о том, что Варлааму было известно донесение Вишневецкого. Нельзя не согласиться, что в таком случае совпадение обоих источников имеет для нас чрезвычайную важность.

Отметим далее еще одно обстоятельство, которое увеличивает в наших глазах значение «Извета», придавая ему самостоятельную ценность. По словам Варлаама, он сам предупредил Годунова о замыслах мнимого царевича. Тогда Борис отправил его в Самбор вместе с неким Яковом Цыхачевым. Дмитрий догадался, что это убийцы, подосланные Борисом. Якова казнили. Что касается самого Варлаама, то он будто бы был посажен в тюрьму, откуда его освободила Марина лишь после отъезда Дмитрия. Конечно, весь этот рассказ во многом не ясен. Однако в основе своей он подтверждается свидетельством самого Мнишека. 18 сентября 1604 года

сандомирский воевода пишет Рангони, сообщая ему, что Борис подослал было убийц к царевичу. Кто-то из русских открыл заговор и был казнен в Самборе. Фраза Мнишека построена крайне неудачно. Разумеется, никто не казнил доносчика; ясно, однако, что этой жертвой был русский человек. По этому поводу необходимо заметить следующее. Русские летописи ничего не говорят о казни. Не упоминают о ней и польские свидетели, за исключением Мнишека. Почему же знает о том Варлаам? Очевидно, в распоряжении его были источники, недоступные для других.

Впрочем, можно быть хорошо осведомленным и в то же время недостаточно беспристрастным свидетелем. Как раз с этой стороны Варлаам внушает некоторые подозрения: его аргументы зачастую неубедительны, к тому же у него были вполне определенные связи с правительством. Вот почему мы ссылались лишь на те его показания, которые могут быть проверены. Но оставим этого единомышленника Шуйских и обратимся к свидетелю другой стороны. Мы подразумеваем князя Катырева-Ростовского. Как известно, он был в родстве с Романовыми и разделял их политические взгляды. Официальное положение его было блестящим. Князь Катырев-Ростовский подписывал избирательную грамоту Бориса Годунова. Он же играл видную роль при бракосочетании Дмитрия с Мариной в 1606 году; два года спустя в такой же роли ему пришлось выступать на венчании Василия Шуйского с одной из своих родственниц. Однако все это нисколько не изменило образа мыслей Катырева-Ростовского. Он остался верен своим прежним убеждениям, за что впал в немилость и после целого ряда испытаний вернулся в Москву только в 1613 году, когда на престол взошел его шурин, Михаил Романов. Князь Катырев-Ростовский оставил после себя записки, которые имеют для нас чрезвычайную важность. Отличительной особенностью этого документа является уже сам его стиль. Он серьезен и строг. Изложение ведется в умеренном тоне; автор, очевидно, старался быть выше пристрастий. Во всяком случае, перед нами — свидетельство интеллигентного и многоопытного человека, которому отлично известна закулисная сторона событий. Его трудно заподозрить в недобросовестности или сознательном извращении фактов. Только однаж-

ды Катырев-Ростовский дает волю чувствам и разражается длинной и страстной тирадой, когда оценивает деяния Дмитрия. Князь осыпает Самозванца проклятиями. В его глазах новый царь — не кто иной, как монах-расстрига из Чудова монастыря Гришка Отрепьев... Вообще, в суждениях своих о Дмитрии Катырев-Ростовский выражает господствующие взгляды противников Самозванца.

Обращаясь к русским летописям, мы должны отметить, что при всех своих различиях в области политических и всяких иных симпатий они сходятся в вопросе о личности Самозванца.

Еще один документ: «Записка» Льва Сапеги.

Документ адресован Сапегой королю. В ней подробно излагается вся история Дмитрия. Сапега отождествляет Дмитрия с неким Григорием Богдановичем Отрепьевым. По его словам, последний был монахом не столько по призванию, сколько поневоле. Во всяком случае, в течение двух лет он состоял дьяконом Чудова монастыря и одновременно служил у патриарха Иова. И тут же канцлер добавляет, что Отрепьев был из сыновей боярских; таким образом, вопреки утверждению некоторых лиц, он не имел ничего общего с простонародьем. О донесении Вишневецкого Сапега прямо не упоминает. Однако, несомненно, он имеет в виду именно этот документ, говоря о «грубых ухищрениях», которыми Дмитрий подтверждает свои наследственные права на русский престол. По мнению канцлера, сами русские создали ореол вокруг личности претендента. Из ненависти ли к Борису Годунову или же в силу слепой преданности своей прежней династии, но они радостно приветствовали в его лице Дмитрия подлинного сына Ивана IV. Далее Сапега приводит ряд фактов, изобличающих самозванство Лжедмитрия. Он напоминает, что еще до вступления мнимого царя в столицу, еще, может быть, в Туле, некоторые из русских людей уже признали в нем беглого монаха и бывшего дьякона Гришку Отрепьева. Затем, уже когда Дмитрий утвердился на престоле, кое-кто из духовенства и мирян открыто говорил о нем как о воре и обманщике. В числе этих лиц был родной дядя царя.

Что касается дяди, то царь попытался привлечь его на свою сторону соблазнительными обещаниями. Когда же это не помогло, Дмитрий отправил его в отдаленную ссылку, где несчастный и пропал бесследно.

Но!.. Иезуит Ян Рывоцкий отмечал особую заслугу Сапеги в том, что тот был постоянным противником Дмитрия. По свидетельству этого писателя, Лев Иванович все время старался противодействовать его замыслам и советовал правительству ни в каком случае не оказывать ему поддержки. Упомянем, кстати, что историк иезуитского ордена в Литве отец Ростовский точно так же считает, что царь Дмитрий и Григорий Отрепьев — одно лицо.

Что же можем мы противопоставить столь единодушным показаниям поляков и русских? Одно из самых веских свидетельств в защиту Дмитрия исходит от двух капелланов, отцов Николая и Андрея. 8 марта 1605 года они сообщают главе польских иезуитов Стривери следующую новость: «Сюда привели Гришку Отрепьева. Это — опасный чародей, известный всей Московии. Годунов распространяет слух, будто царевич, явившийся из Польши с ляхами и стремящийся завладеть московским престолом, — одно лицо с этим колдуном. Однако для всех русских людей теперь ясно, что Дмитрий Иванович совсем не то, что Гришка Отрепьев».

Капелланы рассказывают об этом эпизоде с полнейшим спокойствием. Тон их свидетельствует о том, что они нисколько не сомневаются в достоверности сообщаемого ими факта. Вероятно, все дело происходило на их глазах... Об Отрепьеве упоминает и Маржерет[1]. И он отнюдь не считает его одним лицом с Дмитрием. По его свидетельству, Отрепьев был сослан в Ярославль, а потом и совсем исчез со сцены. На первый взгляд, эти показания достаточно убедительны. Однако... Дело в том, что сам Дмитрий будто бы выдал кого-то за Гришку Отрепьева. Таким образом, и капелланы, и Маржерет могли, вполне естественно, стать жертвой обмана со стороны хитрого самозванца. Справедливость требует, впрочем, известной оговорки. Сами летописи не вполне согласны между со-

[1] Маржерет Исаак (ок. 1550 или 1560 — после 1618) — французский авантюрист. Служил у Бориса Годунова, Лжедмитрия I и Лжедмитрия II. Автор «Состояния Российской державы...с 1590 по сентябрь 1606». — *Примеч. ред.*

бой относительно того лица, которым сумел воспользоваться Дмитрий. Здесь самый темный пункт всего вопроса, впрочем, и не единственный.

С другой стороны, истинный Дмитрий мог носить в монашестве имя Григорий, т.е. быть и Гришкой Отрепьевым, и законным наследником трона.

Допустим, однако, что тождество Дмитрия и Гришки Отрепьева является окончательно доказанным фактом. В таком случае неизбежно возникает вопрос — каким образом беглый монах, против которого был сам патриарх, мог увлечь за собой всю Россию и возложить на голову царский венец? Мы уже отметили выше некоторые общие условия, облегчающие понимание этого феномена: повторим здесь, что самозванство было продуктом социального распада. Гораздо труднее установить точно, кто, собственно говоря, руководил Дмитрием, стоял за ним. Несомненно, дело самозванца явилось следствием обширного и искусно выполненного заговора. Кто же был его душой? Вожаки так ловко замели свои следы, что волей-неволей нам приходится ограничиться одними догадками. Впрочем, имеется еще один источник сведений о Дмитрии; к сожалению, им пользовались пока еще слишком мало. Мы говорим о собственных признаниях «царевича». Правда, данные эти не очень обширны, но, во всяком случае, на их стороне непосредственность и подлинность. Как мы знаем, Дмитрий умел и любил поговорить. Однако при этом он прекрасно владел собой. Ни разу он не выдал себя. Только в Кракове в 1604 году он позволил себе некоторую откровенность с нунцием Рангони. Наступал самый благоприятный момент для начала кампании против Москвы. Между тем Сигизмунд сам не спешил принять в ней участие и не давал действовать претенденту. Дмитрий сгорал от нетерпения. Желая выяснить у нунция, какие печальные последствия может иметь политика короля, он заговорил с ним о своем критическом положении. По словам царевича, в Москве за него была целая партия, и она уже давно и настоятельно, хотя и тайно, призывала его к себе. Дальше уклоняться от исполнения этих просьб невозможно. Иначе случится одно из двух: либо сторонники царевича устанут от напрасного ожидания и охладеют к делу, либо замысел их будет раскрыт правительством и участники его подвергнутся наказанию. Еще более заботила Дмитрия возможная смерть Бориса Годунова. «Если царь умрет в то время, пока я еще нахожусь в Польше, — рассуждал претендент, — кто-нибудь другой может занять мое место». Поэтому необходимо торопиться. Нужно предупредить события, не дожидаясь, пока явятся соперники. Чем скорее действовать, тем лучше... И Дмитрий уже мечтал о том, как он идет на Москву, вступает в Кремль и принимает венец и скипетр своих отцов. Эти картины преследовали его неотступно; они приобретали яркость настоящей галлюцинации. Претендент говорил о своем будущем торжестве с совершенной уверенностью, как о деле уже решенном. Он предусматривал все подробности и заранее проигрывал в уме предстоящие мероприятия. Он был убежден, что стоит только кликнуть клич и развернуть свое знамя — и все свершится само собою. Словом, он твердо надеялся, что победа ему обеспечена и достанется почти без жертв.

Рангони в своих донесениях курии добросовестно сообщал все то, что передавал ему Дмитрий. Однако нунций не слишком вникал в слова претендента на российский престол и даже, по-видимому, не мог проверить их должным образом. Конечно, здесь не следует заходить чересчур далеко и приписывать «царевичу» то, чего он не говорил сам. Но, сопоставляя некоторые его намеки с дальнейшими событиями, можно невольно прийти к заключению, что вся деятельность Дмитрия развивалась по заранее выработанному плану. Этот план, очевидно, составлен был скорее в Москве, нежели в Польше. Недаром в его выполнении русские принимали гораздо большее участие, чем поляки.

В самом деле, обратимся к необыкновенной истории претендента, как рассказывает ее Вишневецкий. В ней слишком ясно чувствуются внушения, идущие из Москвы. Но урок заучен плохо и рассказан неудачно. Отсюда это смешение правды с вымыслом, это сочетание исключительной осведомленности с грубыми фактическими ошибками. Конечно, настоящий автор биографии царевича отлично знал, что можно и чего нельзя сказать. Вот почему он обходит молчанием всю историю правительственного следствия по угличскому делу. По его словам, участники известной комиссии были отправ-

*Печать государственная малая царя Дмитрия.
Эта печать приложена к наказу, данному от Дмитрия в ноябре 1605 года секретарю Яну Бучинскому, отправленному к воеводе сендомирскому Юрию Мнишеку с предложением о делах, касающихся невесты его Марины Мнишек*

лены в Углич для присутствия на погребении царевича. Характерно, что при этом он называет только Геласия и Клешнина. Что касается Василия Шуйского, который, как мы знаем, играл главную роль, то его имя совсем не упоминается. Естественно задать вопрос: что это, невольное упущение или сознательная попытка оставить в тени истинного вдохновителя всей интриги?

Мы помним, какова была первоначальная мысль Дмитрия. Она была весьма проста, даже элементарна. Царевич намеревался набрать казаков и татар и с ними идти на Москву. В этом плане чувствуется русский дух; тем самым обнаруживается и его происхождение. Претендент не имеет в виду ни поляков, ни единения церквей; он отталкивается от чисто политической, если угодно, даже династической идеи. Разумеется, король Сигизмунд и канцлер Замойский не могли сразу понять, в чем дело. Естественно, что в их глазах весь замысел Дмитрия был чем-то химерическим и даже нелепым. Поэтому польские «друзья» «царевича» постарались раздвинуть рамки его проекта. Мы уже видели, в чем заключалась эта переработка. Несомненно, только поляки могли внести в программу Дмитрия принципы общеевропейской политики. Только благодаря их влиянию претендент заговорил о рас-

*Печать государственная малая царя Дмитрия.
Эта печать приложена к записи, данной Дмитрием 15 мая 1604 года за собственноручною его на русском и польском языках подписью сандомирскому воеводе Юрию Мнишеку о выдаче ему, по вступлении самозванца на российский престол, миллиона злотых польских, о бракосочетании с дочерью его Мариною и о предоставлении ей в вечное владение государств Новгородского и Псковского с дозволением свободного там богослужения по католическому исповеданию*

пространении истинной веры на Востоке и о крестовом походе против турок. Но лишь только он решает от слов перейти к делам, поляки оказываются в стороне. Их проекты остаются в области утопии. Напротив, то, что ранее признавалось безумием, осуществляется на глазах у всех при содействии русских. Далее все происходит так, как предвидел Дмитрий. Его осторожные намеки оказываются настоящими пророчествами... При первом же известии о «царевиче» народ приходит в движение. Почти никто не сопротивляется «претенденту». В это же время Борис Годунов умирает. Путь на Москву открыт. Наконец, самозванец торжественно венчается на царство в Кремле. Все эти сказочные успехи были предсказаны заранее и дались «царевичу» без всякого труда. Не значит ли это, что между ним и Москвой уже давно установились связи?

У Дмитрия было два двойника: Борковский и Мосальский. Они были как две капли воды похожи на царя, только без бородавок. Дмитрий, уходя по своим делам, приклеивал одному из них бородавку, и тот играл роль царя. В день убийства с бородавкой ходил Борковский.

Это дает повод утверждать, что в Кремле мог быть убит не сам царь, а его двойник Борковский. Но об этом мы поговорим позже, в главе, посвященной Лжедмитрию II.

Итак, прах то ли царя Дмитрия, то ли его двойника был рассеян по ветру.

Юрий Мнишек с дочерью и со свитой в 375 человек были размещены в Ярославле, где их охраняли три сотни стрельцов, причем у Марины были отобраны все драгоценности, взятые Дмитрием из царской сокровищницы. Царица отнеслась довольно безучастно к ужасной смерти своего мужа (если это был он), но очень заботилась о том, чтобы ей возвратили бывшего при ней маленького арапчонка. Юрий Мнишек, готовый на все, чтобы вернуть себе и дочери положение и деньги, стал пытаться поправить дело посредством брака Марины с новым царем, но Василий Иванович уже выбрал себе невесту — княжну Буйносову-Ростовскую.

Парь Василий Иванович Шуйский (1552—1612)

Еще окровавленное тело Дмитрия II лежало на Красной площади, а уже 19 мая 1606 года бояре и знатное духовенство под звон колоколов, звуки литавр и труб приветствовали при живой царице Марине нового российского царя: Василия Ивановича Шуйского.

Архиепископ Арсений сообщает, что возникла мысль о чисто политическом браке Василия Шуйского на Марине, вдове Дмитрия. Но этого не произошло.

По настоянию самого Шуйского он был избран, вернее, «выкрикнут» царем своими сторонниками перед собравшейся на Красной площади толпой бояр, духовенства и московского люда. Шуйский, как главный организатор заговора против Дмитрия, мог рассчитывать на русский престол, но все-таки его избрание было слишком поспешным. Вероятно, надо было собрать Земский собор, как было при избрании Годунова, но Василий Иванович не был уверен, что изберут именно его. Он спешил воспользоваться моментом, спешил унять начавшуюся в государстве смуту.

Затем Василий Иванович стал рассылать грамоты о своем избрании на царство. В одной из них подданным сообщалось, что он учинился царем и великим князем на отчине прародителей своих «молением всего Освященного собора и по прошению всего православного христианства». А во благо христиан в ней говорилось следующее: «...я, царь и великий князь Василий Иванович всея Руси, целую крест всем православным христианам, что мне, их жалуя, судить истинным праведным судом, и без вины ни на кого опалы своей не класть, и недругам никого в неправде не подавать, и от всякого насильства оберегать».

Другая грамота от имени бояр, окольничьих, дворян и московских людей извещала о гибели самозванца; в ней говорилось: «Мы узнали про то подлинно, что он прямой вор Гришка Отрепьев; да и мать царевича Дмитрия, царица инокиня Марфа, и брат ее Михаила Нагой, с братиею всем людям Московского государства подлинно сказывали, что сын ее царевич Дмитрий умер подлинно и погребен в Угличе, а тот вор называется царевичем Дмитрием ложно; а как его поймали, то он и сам сказал, что он — Гришка Отрепьев и на государстве учинился бесовскою помощью и людей прельстил чернокнижеством...» Грамота эта заканчивалась оповещением, что «после злой смерти Гришки все духовенство, бояре и всякие люди Московского государства избирали всем Московским государством, кому Бог изволит быть на Московском государстве государем; и всесильный в Троице славимый Бог наш на нас и на вас милость свою показал, объявил государя на Московское государство великого государя, царя и великого князя Василия Ивановича всея Руси самодержца...»

В следующей грамоте новый царь объявлял от своего имени, что в хоромах Гришки были взяты «его грамоты многие ссыльные воровские с Польшей и Литвою о разорении Мое-

ковского государства», и сообщал затем, что самозванец хотел перебить всех бояр, а своих подданных обратить в люторскую и латинскую веру.

Наконец, была разослана грамота, в которой царица Марфа отрекалась от Лжедмитрия: «Он ведовством и чернокнижеством назвал себя сыном царя Ивана Васильевича, омрачением бесовским прельстил в Польше и Литве многих людей, и нас самих и родственников наших устрашил смертью, — писала несчастная старица,— я боярам, дворянам и всем людям объявила об этом прежде тайно, а теперь всем явно, что он не наш сын, царевич Димитрий, вор, богоотступник, еретик...»

Марфа свидетельствовала Богом, что ее сердце успокоено казнью обманщика.

Грамоты эти, конечно, произвели сильнейшее впечатление во всех концах государства, тем более что в каждой из них, по словам В.О. Ключевского, «заключалось, по крайней мере, по одной лжи».

Про самозванство Отрепьева и про насилия, чинимые поляками, могли знать хорошо в одной только Москве, да и то далеко не все ее обитатели. Для большинства же областных жителей Дмитрий оставался «нашим солнышком праведным», недавно торжественно признанным законным царем всею Москвою и боярами во главе с тем же князем Василием Ивановичем Шуйским, который тайком от земли сел теперь на царство и объявлял, что Гришка Отрепьев прельстил всех ведовством и чернокнижеством, за что и погиб злою смертью.

О том, что в Москве произошло какое-то злое и нечистое дело, явно свидетельствовало лживое оповещение в разосланных грамотах об избрании Шуйского на царство «всякими людьми со всего Московского государства», тогда как в областях хорошо знали, что ни один выборный от них не был вызван в Москву для избрания царя. Наконец, крестоцеловальная грамота, в которой царь обязуется никому не мстить и судить всех судом праведным, тоже должна была показаться всем весьма странной, так как и без нее русские люди привыкли видеть в своих государях отцов земли, справедливо относящихся ко всем своим подданным и всегда строго смотревших за тем, чтобы суд защищал правого и осуждал виноватого.

«И устройся Россия вся в двоемыслие», — писал Авраамий Палицын[1]. Началась Смута.

Шуйского не любили многие. Его знали как изолгавшегося льстивого царедворца, интригана, скупого до скряжничества, завистливого, недоверчивого и подозрительного человека. «Он гнул шею перед силой; покорно служил власти, пока она была могуча для него, но изменял ей, когда видел, что она ослабела, и вместе с другими топтал то, перед чем прежде преклонялся». Да и в самой внешности Шуйского не было ничего царского: это был худенький, приземистый, сгорбленный 54-летний старичок с больными подслеповатыми глазами, с длинным горбатым носом, большим ртом и морщинистым лицом.

1 июня 1606 года Шуйский венчался на царство, а на патриарший престол был поставлен казанский митрополит Гермоген. Надеясь успокоить россиян и исключить возможность появления нового самозванца, Шуйский приказал, чтобы мощи убитого царевича, св. Дмитрия были доставлены из Углича в Москву и установлены в Архангельском соборе.

Итак, одним из первых распоряжений Шуйского было торжественное перенесение мощей царевича Дмитрия, тело которого было обретено нетленным, из Углича в Москву. За мощами отправился из столицы заступавший место патриарха Филарет Никитич Романов с другими лицами высшего духовенства и бояре — князья И. М. Воротынский, П. Н. Шереметев и двое князей Нагих. Мощи царевича были доставлены в Москву 3 июня и были перенесены с большим торжеством в Архангельский собор. Сам царь нес гроб, а инокиня Марфа всенародно каялась над мощами в своем грехе, что признала самозванца своим сыном.

[1] Палицын Авраамий (?— 1627)—келарь Троице-Сергиева монастыря в 1608 — 1619 годах, организатор его обороны (1618), писатель. Его историческое сочинение «Сказание» — ценный источник по истории России начала XVII века, в том числе о Смутном времени. — *Примеч. ред.*

Образ с изображением торжественного перенесения мощей святого царевича Дмитрия в Москву (из собрания икон Н. П. Лихачева)

Вся эта процедура со святыми мощами царевича Дмитрия возымела, конечно, большое влияние на жителей Московского государства, но при этом невольно каждый должен был вспомнить, как Шуйский несколько лет тому назад, находясь во главе следствия, свидетельствовал, что царевич закололся сам, играя в «тычку».

Между тем еще до прибытия мощей в Москве уже высказывалось неудовольствие и крамольные мысли против царя. В народе тотчас же после убийства Дмитрия пошли толки о том, что он спасся. Его слуга, поляк Хвалибог, клялся всем,

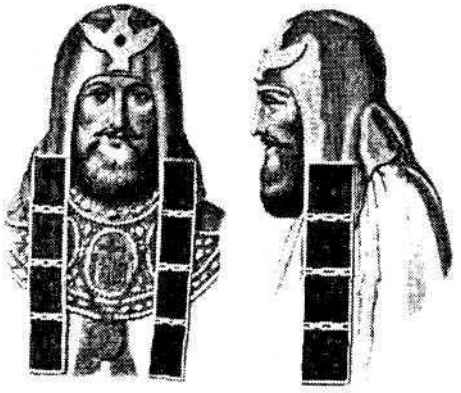
что на Красной площади с дудкой, волынкой и маской был положен другой человек — обросший волосами дюжий малый с бритой бородой. А его господин был худ и на теле и лице не имел волос. Какой-то француз тоже распускал слух, что у трупа, лежавшего на Красной площади, он видел следы сбритой густой бороды.

25 мая, по рассказу приятеля секретаря Дмитрия, аугсбургского купца Паэрле, приехавшего вместе с Мариной Мнишек в Москву, в городе было страшное волнение; народ восстал против стрельцов, бояр и великого князя, обвиняя их, как изменников, в умерщвлении «истинного государя Дмитрия», и Шуйскому с приближенными стоило больших хлопот, чтобы успокоить это волнение и уверить народ, что он скоро увидит своими глазами мощи царевича, которые уже везут из Углича.

Через несколько дней Шуйский, идя к обедне, вновь увидел большую толпу народа, которую кто-то собрал, уверив, что царь хочет с ней говорить.

Шуйский заплакал от досады; он отдал боярам свой царский посох и шапку и, полагая, что это дело их рук, сказал, что если он им неугоден, то пусть попросту, не прибегая к коварству, они сведут его с престола и выберут другого царя. Но окружающие поспешили его уверить в своей преданности, а крикуны из толпы были высечены кнутом и сосланы. Тем не менее царь заподозрил, что все это было подстроено

Образ святого царевича Дмитрия убиенного (из собрания икон Н. П. Лихачева)



Филарет Никитич в патриаршем клобуке (с изображения, находящегося в Теремном дворце)

князем Мстиславским и его родными, из которых более всех улик было против П. Н. Шереметева. Его послали воеводой в Псков. Тогда же Шуйский приказал отправить в Соловки из Кирилло-Белозерского монастыря недавно принявшего постриг князя Симеона Бекбулатовича за то только, что он был женат на сестре Мстиславского.

Подозрительность Шуйского не ограничилась и этим: считая опасным пребывание в Москве Филарета Никитича, уже назначенного патриархом, он послал его митрополитом в Ростов, а для занятия патриаршего стола вызвал сосланного при Дмитрии в свою епархию знаменитого казанского епископа Гермогена.

Прямодушному Гермогену был не по сердцу Василий Иванович. Тем не менее он во всем поддерживал царя, но добрых отношений между ними не было. Не установились добрые отношения у Василия Ивановича и со столичным населением. Московская чернь, привыкшая к буйству и участию в решении государственных дел, при каждом тревожном слухе тотчас же собиралась на Красной площади, и уже в июне новый царь вынужден был расставить по стенам Кремля пушки и разобрать постоянный мост.

Но гораздо хуже, чем в столице, шли дела в других частях государства.

В тот же день, 17 мая, когда был убит царь Дмитрий, некий Молчанов, один из убийц семьи Годуновых, бежал в Польшу, направляясь в Самбор, к матери Марины — Ядвиге Мнишек, всюду распуская слух, что Дмитрий спасся, а вместо него был убит другой человек.

И опять же 17 мая другой сторонник самозванца — князь Григорий Шаховской тотчас же вслед за убиением выкрал из дворца государственную печать, полагая, что она может ему пригодиться. Когда же он был сослан Шуйским воеводой в Путивль, то немедленно собрал там жителей и объявил им, что царь Дмитрий чудесно избежал смерти от своих врагов, но должен от них временно скрываться. Путивлевцы тотчас же отошли от Шуйского, и их примеру последовали остальные северские города во главе с Черниговом, где воеводой сидел князь Телятевский, не пожелавший год тому назад, под Кромами, переходить на сторону самозванца.

Вслед за Северской Украиной за царя Дмитрия поднялось и все *поле*. Восстали все те, кто был на стороне Отрепьева: «...вси мятежницы иже во время власти расстригины лакнувши крови христианския». Шаховской тотчас же уведомил об этих успехах Молчанова и потребовал, чтобы он во что бы то ни стало срочно прислал кого-нибудь для замещения убитого.

Но со скорым исполнением такой просьбы были отпределенные затруднения. Самого Молчанова многие знали слишком хорошо, чтобы он мог сам изображать Дмитрия. Тем не менее он очень ловко воспользовался встречей с одним человеком, которому представился в качестве спасшегося царя, и отправил его к Шаховскому своим большим воеводой. Человек этот был некий Иван Болотников, бывший холоп князя Телятевского. В молодости он попал в плен к туркам, испытал там тяжкую неволю, затем очутился в Венеции и после многих скитаний, возвращаясь через Польшу на Русь, встретился с Молчановым; последний, познакомившись с этим отважным холопом, тотчас же решил им воспользоваться и отправил его в Путивль с письмом к Шаховскому. Шаховской встретил Болотникова как царского посланника и вверил ему воинский отряд.

Появление Ивана Болотникова придало уверенности восставшим против Шуйского. К Болотникову толпами стекались все беглые холопы, разоренные крестьяне, воры, разбойники — словом, все попавшие в число обездоленной голытьбы вследствие ряда тяжелых экономических потрясений, ко-

торые испытало Московское государство еще со времени Ивана Грозного, когда он начал свою знаменитую «земельную переборку», чтобы перестроить систему старого боярского землевладения. Теперь Болотников именем царя Дмитрия призывал всех под свои знамена не только против «боярскаго царя Шуйского», или «Шубника», как его презрительно называли, но также и против всех бояр и помещиков, посылая «воровские листы» с приглашением избивать их, захватывать имения и имущество и жениться на их женах и дочерях. «Велят боярским холопам, — писал про эти «воровские листы» патриарх Гермоген,— побивати своих бояр и жены их, и вотчины и поместья им сулят; и шпыням и безымянником вором велят гостей и всех торговых людей побивати и животы их грабити; и призывают их воров к себе и хотят им давати боярство и воеводство и окольничество и дьячество». К шайкам Болотникова не замедлили пристать отряды казаков и стрельцов, и скоро все сколько-нибудь зажиточное население южных частей государства подверглось ужасающим насилиям: «и начаша по градом воеводы имати и сажати по темницам, бояр же своих домы разоряху, и животы грабяху, жен же их и детей позоряху и за себя имяху».

Кроме Путивля одним из главных опорных мест разбойных отрядов стал Елец, куда Дмитрий приказал свезти всякого рода запасы для задуманного им похода против татар. Шуйский пытался уговорить ельчан отстать от воров и отправил им несколько грамот вместе с иконой новоявленного святого царевича Дмитрия и посланием его матери инокини Марфы. Но это не помогло. Болотников же, устроив свои войска, выступил с ними в направлении на Москву по тому же пути, как шел и Отрепьев, через Комарницкую область, и двинулся к Кромам.

Тогда Шуйский послал против непокорного Ельца князя Воротынского, а против Болотникова князя Трубецкого. Но Болотников, имея всего 1700 человек, наголову разбил при Кромах пятитысячное войско Трубецкого, а Воротынский, узнав про это, снял осаду Ельца.

Этот успех сторонников еще не объявившегося нового царя Дмитрия имел серьезные последствия: в царских войсках стали обнаруживаться шатания и служилые люди начали самовольно разъезжаться по домам. Восстание же распространялось по областям.

Худородный боярский сын Истома Пашков возмутил Тулу, Венев и Каширу, собрав вокруг себя всю «мелкоту» из боярских детей, естественных соперников крупных землевладельцев-бояр, посадивших теперь своего царя на Москве и забравших власть над государством в свои руки.

Одновременно поднялось против Шуйского и бывшее княжество Рязанское; здесь во главе движения стал воевода Сунбулов и крупные дворяне Ляпуновы. Эти Ляпуновы, из которых особенно выделялись братья Захар и Прокофий, были очень заметными людьми, отважными и беспокойными, которые уже проявили себя во время московской смуты, начавшейся после смерти Грозного. Захар отличался при этом, как увидим, большой дерзостью и грубостью, а Прокофий был настоящий богатырь: красавец с виду, умный и храбрый, знаток воинского дела, но при этом порывистый и страстный, готовый принять решение раньше, чем обдумает все его последствия. Очевидно, не зная толком, жив ли Дмитрий или нет и самозванец ли он или истинный царь, а также не принимая во внимание, что воровской сброд, собранный Иваном Болотниковым, прямо враждебен всякому порядку и собственности, Прокофий Ляпунов объявил себя царем Дмитрием и поднял Рязанскую землю. Нет сомнения, что в поступке этом им руководила, так же как и Пашковым, нелюбовь к боярству, заслонявшему дворянам доступ к первым местам в государстве.

Таким образом, побуждения Ляпуновых и Сунбулова, Истомы Пашкова с товарищами и разношерстного сброда Болотникова были совершенно различны, но они объединялись в одном стремлении: каждый, пользуясь смутой, хотел добыть себе высшее положение, нежели то, которое он занимал в Московском государстве. «Всяк же от своего чину выше начаша всходит, — писал Авраамий Палицын, — раби убо господне хотяще были, и невольнии к свободе прескачуще...»

Примеру Рязани последовало 20 городов в нынешних губерниях: Орловской, Калужской и Смоленской. В Поволжье

также встали за царя Дмитрия многие крестьяне и холопы. К ним присоединилась мордва, и скоро Нижний Новгород был осажден мятежными толпами под началом Ивана Доможирова; наконец, смута пришла на Вятку, Каму и в далекую Пермь; всюду чернь держала сторону Дмитрия. А в Астрахани изменил Шуйскому царский воевода князь Хворостинин.

Усилившись дружинами Истомы Пашкова и Ляпунова, Болотников не мешкая двинулся из Кром на Москву; переходя Оку, он взял и разграбил Коломну.

Молодой царский племянник, князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский, разбил один из отрядов Болотникова на реке Пахре, но зато главная московская рать, во главе которой стоял князь Мстиславский, потерпела полное поражение от мятежников в 80 верстах от Москвы. После этого Болотников, как и Отрепьев год тому назад, занял село Коломенское под самой столицей, которую с середины октября 1606 года он держал в осаде.

Население Москвы, ошеломленное осадой войсками «царя Дмитрия», начало скоро терпеть нужду, цены на хлеб страшно поднялись; в церквах стали служить просительные молебны, и был установлен покаянный пост по видению одного святого мужа; всем казалось, что царствованию Шуйского скоро наступит конец. Но его спасли раздоры, возникшие в стане осаждающих.

Ляпунов, Сунбулов, Истома Пашков и приведенные ими дворянские дружины, сойдясь с Болотниковым, скоро поняли, с кем они имеют дело. Последний не переставал рассылать грамоты, призывавшие чернь на грабежи и убийства всех, кто стоит выше ее по положению. Обсудив положение дел и решив, что выгоднее держаться «боярского царя» Шуйского, чем Болотникова и других сторонников неизвестно где скитающегося Дмитрия, 15 ноября Григорий Сунбулов и Прокофий Ляпунов со своими рязанцами ударили челом Василию Ивановичу, осознав свою вину, и были, конечно, им прощены, причем Прокофий Ляпунов получил звание думного боярина. Шуйский послал затем уговаривать и Болотникова отстать от самозванца, но тот отказался. «Я дал душу свою царю Дмитрию, — отвечал он, — и сдержу клятву, буду в Москве

не изменником, а победителем». Тогда 2 декабря из Москвы вышел с войском князь М. В. Скопин-Шуйский; он вступил в бой с мятежниками и разбил их у Данилова монастыря; казаки и холопы бились с большим ожесточением, но Истома Пашков во время сражения перешел на сторону Шуйского и тем принес царскому войску победу.

Болотников еще три дня упорно оборонялся в своем укрепленном стане у села Коломенского; затем он отступил на Серпухов, а оттуда на Калугу, где заперся, так как калужане объявили, что будут кормить его рать в течение года.

Шуйский же, не теряя времени, выслал свои войска к югу для осады Калуги и других городов, державших сторону царя Дмитрия.

В это же время Шуйский получил ряд благоприятных сведений и с северо-запада. Когда в тверских местах появились грамоты от имени Дмитрия, то тверской епископ Феоктист поспешил укрепить все духовенство, детей боярских, всех посадских и черных людей в верности Шуйскому; сторонники же Дмитрия были перебиты. Другие города Тверской области, присягнувшие было самозванцу, не замедлили последовать примеру Твери, и служилые люди отправились в Москву на подмогу Шуйскому. Нашел себе сторонников Василий Иванович и в смолянах. Смоленские служилые люди также укрепились по примеру тверских, выбрали себе в старшие Григория Полтева и пошли помогать царю. По дороге они присоединили к себе служилых людей Дорогобужа, Вязьмы и Серпейска. Затем они сошлись в Можайске с воеводой Колычевым, успевшим выбить мятежников из Волоколамска.

Царские войска действовали так же удачно и на Волге: взяли Арзамас и освободили от осады Нижний; жители Свияжска, когда казанский митрополит отлучил их от церкви, тоже перешли на сторону Шуйского.

Тем не менее Болотников держался крепко. Царский брат, князь Иван Иванович Шуйский, несколько раз приступал к Калуге, но все безуспешно. Неудача постигла под Калугой и главные силы царя во главе с князьями Мстиславским, Скопиным-Шуйским и Татевым. Болотников отбил все их атаки,

несмотря на то что в городе был страшный голод. Венев и Тула тоже не сдавались, и только боярину Ивану Никитичу Романову с князем Мезецким удалось разбить князя Рубец-Мосальского, шедшего к Калуге на помощь Болотникову; сам Мосальский был убит, а его ратные люди, не желая сдаваться, сели на бочки с порохом и взорвали себя, так как знали, что им не будет пощады от Шуйского: всех взятых в бою пленных он «сажал в воду», т. е. топил.

Наступил 1607 год. Конец зимы и начало весны прошли в деятельных приготовлениях Василия Ивановича к подавлению смуты и в сборе возможно большого количества войск. Для усмирения мятежа в далекую Астрахань был послан особый отряд князя Ф.И. Шереметева. Вместе с тем царь принимал также меры для нравственного воздействия на население: так, был составлен и разослан известный уже нам «Извет старца Варлаама», «Повесть 1606 года» и другие произведения, подробно рассказывавшие, как неправдой и ведовством Гришка Отрепьев овладел царским престолом.

Тела Бориса Годунова и его семьи были торжественно перенесены из Варсонофиевской обители в Троице-Сергиеву лавру; за гробом родителей и брата шла, громко рыдая, инокиня Ольга, в миру несчастная Ксения Годунова.

Но эти церковные торжества, конечно, мало помогли Шуйскому, все отлично помнили, как он свидетельствовал, что царевич Дмитрий сам закололся в припадке падучей, и как он же предал семью Годуновых, как только Дмитрий стал подходить к столице, и первый поспешил выказать самозванцу свою преданность.

Не удалась и попытка Шуйского избавиться от Болотникова другим способом: он послал к нему немца Фидлера, который поклялся страшной клятвой отравить бунтовщика. «Во имя Пресвятой и Преславной Троицы, я даю сию клятву в том, — клялся Фидлер, — что хочу изгубить ядом Ивана Болотникова; если же я обману моего государя, тогда лишит меня Господь навсегда участия в небесном блаженстве, да отрешит меня навеки Иисус Христос, да не будет подкреплять душу мою благодать Святого Духа, да покинут меня все ангелы, да овладеет телом и душой моей дьявол. Я сдержу свое слово и

этим ядом погублю Ивана Болотникова, уповая на Божью помощь и Святое Евангелие». Но, приехав в Калугу, Фидлер тотчас же открыл все Болотникову. А между тем к последнему весной 1607 года подошли подкрепления: из Путивля пришел в Тулу князь Г. П. Шаховской, «всей крови заводчик», как его называли современники, с северскими отрядами и казаками с Сейма и Днепра. Туда же шел и самозваный царевич Петр, ведя с собой казаков с Терека, Волги, Дона и Донца. Свой путь с Дона на усиление Болотникова «царевич Петр» ознаменовал страшными зверствами: он замучил до смерти нескольких воевод, оставшихся верными Шуйскому, и силой взял себе в наложницы княжну Бахтеярову, убив ее отца. Затем и князь Телятевский выступил из Тулы на выручку Болотникову и при селе Пчелне наголову разбил войска Шуйского, которые вынуждены были снять осаду Калуги; при этом 15 000 человек царской рати перешли на сторону бунтовщиков, а остальные московские войска отошли к Серпухову.

Болотников же перешел из Калуги в Тулу, где соединился с «царевичем Петром» и другими своими приспешниками.

Понесенная неудача заставила Шуйского бросить все силы на продолжение борьбы. Он собрал стотысячное войско и 21 мая выступил во главе его «на свое государево и великое земское дело», как оповещалось об этом в грамотах патриарха. Сидевшие в Туле «воры» вышли против него под начальством князя Телятевского и обрушились в количестве 30 000 человек на левое крыло царской рати, но после упорного боя на реке Восме близ Каширы были 5 июня наголову разбиты и бежали обратно в Тулу. За ними следом шел Шуйский. Под Тулой произошло новое сражение, удачное для царских войск, и все «воры» — Болотников, Шаховской и «царевич Петр» — вынуждены были обороняться в осажденном городе. Это, конечно, был успех Шуйского. Осажденные опять начали испытывать нужду в продовольствии и стали слать гонцов к Молчанову и к старой пани Мнишек в Польшу, чтобы они прислали скорей какого-нибудь Лжедмитрия для спасения их дела. Шуйский же спешил жестоко наказать все восставшие против него города, занятые теперь его войсками: «...по повелению царя Василия татаром и черемисе велено украинных и

северских городов и уездов всяких людей воевать и в полон имать и живот их грабить за их измену и за воровство, что они воровали, против Московского государства стояли и царя Василия людей побивали». Кто хотел сохранить свое добро от разорения, должен был просить о выдаче ему особой охранной грамоты. Вместе с тем царские воеводы, по приказанию Шуйского, всех взятых в плен осуждали на казнь, иногда их целыми тысячами «сажали в воду».

Такая беспощадная жестокость со стороны Шуйского заставляла, конечно, сидевших в Туле «воров» сражаться с отчаянной храбростью. Только в октябре 1607 года царским войскам удалось взять Тулу, и то благодаря хитрости боярского сына Кравкова. Он посоветовал затопить город, устроив ниже ее запруду на реке Упе. Это оказалось действенным средством. Вода начала заливать город и отрезала его от всех окрестностей; скоро настал страшный голод, и Болотников с лже-Петром вступили с Шуйским в переговоры. Тот обещал им помилование, и бунтовщики сдались ему. 10 октября Иван Болотников приехал в царский стан, стал перед Василием Ивановичем на колени, положил себе на шею саблю и сказал ему: «Я исполнил свое обещание — служил верно тому, кто называл себя Дмитрием в Польше, — справедливо или нет, не знаю, потому что сам я прежде никогда не видывал царя. Я не изменил своей клятве, но он выдал меня, теперь я в твоей власти, если хочешь головы моей, то вот отсеки ее этой саблей, но если оставишь мне жизнь, то буду служить тебе так же верно, как тому, кто не поддержал меня». Шуйский не внял этим словам и нарушил свое обещание помиловать сдавшихся: Болотников был сослан в Каргополь и там утоплен; лже-Петр погиб на виселице, князь же Шаховской, «всей крови заводчик», отделался ссылкой на Кубенское озеро, а Телятевский, кажется, был только подвергнут опале.

Что до людей, взятых в Туле царскими войсками, то с ними поступили различно: казавшиеся наиболее опасными были утоплены, а те, у которых отыскались прежние господа, возвращены им по старым крепостным записям. Всем дворянам и боярским детям царской властью было разрешено взять военнопленных себе на «поруки», то есть, другими словами,

брать их себе в кабалу. Таким образом, холопы, бежавшие в поле и приставшие к шайкам разных атаманов в поисках лучшей доли, вернулись опять к своему прежнему состоянию. Лучше других было положение тех «тульских сидельцев», которые сами добровольно целовали крест царю Василию и выдали своих военачальников. Их оставили на свободе и отпустили восвояси. Но куда могли идти эти голодные и бездомные люди? Они вновь потянулись в свои же украинские места с тем, чтобы тотчас же, при первом подходящем случае, поднять вновь восстание.

Взяв Тулу и казнив Болотникова и лже-Петра, Шуйский торжествовал полную победу. Полагая, что со смутой покончено, и не придавая значения Северской Украине, он не послал свои войска, по словам современника, под «Путивль, под Бренеск и под Стародуб... пожалев ратных людей, чтоб ратные люди поопочинули и в домех своих побыли». Это была, как увидим позже, крупная ошибка.

Таким образом, взятие Тулы Шуйский признал как окончательное торжество над врагами и не считал нужным делать побежденным какие бы то ни было уступки: крепостной порядок не только оставался в прежней силе, но получил еще большую непреложность.

Прибыв в Москву, Василий Иванович отметил 7 января 1608 года благополучное окончание похода и подавление смуты браком своим с княжной Марией Петровной Буйносовой-Ростовской.

А между тем в это время в пределах Московского государства уже находился новый самозваный царь Дмитрий, появления которого так страстно ждали многие.

Не в добрый час и не тот человек взял российский скипетр в свои руки. Не было у Шуйского ни государственного ума, ни поддержки бояр и армии. С самого начала его откровенно слабое царствование грозило ввергнуть Россию в пучину бед. Тревога чувствовались повсюду. Народ выходил из повиновения. В его сознании, потрясенном быстрым чередованием царей, откладывалось определенное вольнодумство и шатание в мыслях. Дисциплины не было. На этой почве вполне логичным было явление нового самозванца.

И вскоре новые тревоги навалились на несчастного царя. Целый рой всяческих самозванцев взбудоражил истерзанную Россию. Нежданно-негаданно они появлялись и так же неожиданно исчезали. Вместо повешенного лже-Петра (Илейки) явилось несколько его подобий. В Астрахани появился царевич Август, назвавшийся сыном Ивана Грозного от Анны Колтовской; там же явился царевич Лаврентий, назвавшийся сыном царевича Ивана Ивановича. В украинских городах явилось целых восемь царевичей, якобы сыновей царя Федора Ивановича.

А в Северской земле явился, наконец, Лжедмитрий II, которого давно ожидали мятежники.

Лжедмитрий-II, «Тушинский вор»

Не успело государство оправиться от удара, испытанного 27 мая, не смолкли еще церковные проклятия против Гришки Отрепьева, как Русь поражена была новой вестью: царь Дмитрий не убит. Он жив и здоров и собирается вернуться в Москву... При таких условиях, раз Дмитрий продолжал существовать, вопрос о его происхождении вновь стал предметом усиленного внимания. Что же было известно обо всем этом? 12 августа 1606 года усердный корреспондент Поссевина отец Босгравен в одном и том же письме сообщал ему и об убийстве Дмитрия, и о его воскресении. Последний слух только начинал распространяться. По словам Босгравена, русские люди относились к этим толкам с явным недоверием. Что касается поляков, то они разделились на два лагеря. Одни были такими же скептиками, как и русские. Другие, напротив, утверждали, что Дмитрий был своевременно предупрежден о заговоре и успел спастись под покровом ночи; погиб же кто-то другой, кого убийцы приняли за царя. Поэтому будто бы так и старались они уничтожить останки убитого; конечно, сожжение его трупа лучше всего отвечало их целям, ибо после этого никакая проверка личности погибшего была уже невозможна. Босгравен заканчивает письмо следующими словами: «Только что прибыли двое иезуитов из Вильно; они самым

решительным образом утверждают, что убит был не кто иной, как Дмитрий. Таким образом, на этот счет не может быть уже никаких сомнений».

К сожалению, не все были так добросовестны и требовательны, как отец Босгравен. Особенно легко поддавались соблазну чудесной легенды люди маленькие, неспособные критически относиться к чужим словам. Живой пример подобного увлечения мы находим в лице одного итальянского купца, Франческо Таламио. Вернувшись с ярмарки из Голиции, он привез своим обычным покупателям свежий товар и последние новости.

История Дмитрия, естественно, была у него на первом плане. По словам Таламио, русский царь жил здрав и невредим в Самборе, в монастыре бернардинцев. Там его заботливо скрывали и тщательно охраняли. О приключениях Дмитрия рассказывают следующее: шли каких-то трое неизвестных. К одному из них спутники относились с чрезвычайным почтением. Вдруг подъехал экипаж. Таинственный незнакомец сел в него и уже не выходил. Затем этот экипаж видели в Самборе. Его сопровождали двое всадников. После этого путешественники как в воду канули. Но в замке все сразу преобразилось. До того времени воевода Мнишек был погружен в печаль. Теперь он не плачет больше, и на лице его играет улыбка. Одна из служанок замка разболтала тайну на базаре: оказалось, что причиной радости воеводы является возвращение Дмитрия в Самбор. Таламио уверял, будто на его глазах один заклятый враг царя, мечтавший видеть его на виселице, вынужден был признать, что Дмитрий ускользнул от смерти. Что касается сторонников мятежа, то они открыто говорили об этом. Все это убедило простодушного итальянца, что московский царь действительно жив. Разумеется, нашлись еще более наивные люди, которые охотно слушали его и верили басням.

Все эти толки, ходившие в народе, варьировались самым причудливым образом. Мало-помалу они проникли и в высшие сферы общества. В этом пришлось убедиться, между прочим, и отцу Барчу; в известном смысле он даже сам содействовал распространению подобных слухов. Как раз в это время через Киев проезжала депутация из Северска, разыскивая бе-

жавшего Дмитрия; представители ее были твердо уверены, что отыщут царя в каком-нибудь замке.

Об этом сообщил Барчу местный епископ Казимирский; надо заметить, что сам он был убежден в гибели Дмитрия. С этим ни за что не хотели соглашаться некоторые из бывших офицеров армии самозванца. Особенно горячо доказывал обратное некий Валевский со своим слугой Сигизмундом Криноским. По их словам, им лучше всего все известно. И действительно, они, ничтоже сумняшеся, передавали все подробности событий, называя их участников по именам. Отец Барч подверг их допросу. Оба показали, что у Дмитрия было два двойника. Одного звали Борковский, а другой был племянником Мосальского. За исключением знаменитой бородавки, во всем остальном они очень походили на Дмитрия. Поэтому, как мы уже сообщали, когда у царя являлось желание сбросить с себя узы этикета, он налеплял кому-нибудь из своих двойников искусственную бородавку и одевал его в свое платье. Этот маскарад всегда удавался Дмитрию: никому и в голову не приходила мысль о мистификации. Таким-то образом и 27 мая Дмитрий нарядил царем Борковского. Несчастный испустил дух под ударами заговорщиков. Сам же царь бежал из Москвы на лихом скакуне. Дальнейший ход событий вполне соответствует столь необыкновенному началу. Немудрено, что порой в душу отца Барча закрадывались сомнения. Впрочем, во всей этой необыкновенной истории было нечто такое, что представлялось ему знаменательным, даже провиденциальным указанием. «Пока Дмитрий сохранял признательность к своему великому благодетелю, т. е. польскому королю, — рассуждал он, — судьба посылала ему успех; как только он стал обнаруживать неблагодарность по отношению к его величеству, счастье от него отвернулось». Не в силах больше сам разобраться в своих противоречивых впечатлениях, отец Барч посчитал своим долгом сообщить папскому нунцию все подробности переданного ему рассказа, но при этом вносил некоторые оговорки. Во-первых, всю ответственность за достоверность приводимых фактов он возлагал на самих свидетелей. Во-вторых, очевидно, из-за соображений безопасности он просил никому не говорить, откуда нунций почерпнул все эти сведения.

Сообщение отца Барча окончательно сбило Рангони с толку. Россказни Франческо Таламио были уже ему известны. С другой стороны, ни Савицкий, ни Анзерин, живописуя московские события, почему-то ни словом не упомянули о судьбе Дмитрия. Это обстоятельство казалось нунцию в высшей степени знаменательным. 21 октября 1606 года он получил от отца Андрея торжествующее письмо. Глубоко удрученный катастрофой, разразившейся в Москве, бывший духовник царя отправился было в Самбор. Очевидно, он надеялся отыскать здесь Дмитрия здоровым и невредимым. Но, увы, его ожидало горькое разочарование. Однако горе отца Андрея скоро сменилось живейшей радостью. К нему во Львов явился некий офицер, который показал ему письмо от супруги сандомирского воеводы. Мать Марины категорически заверяла, что Дмитрий жив; в военных кругах будто бы господствовало то же самое мнение.

Все эти толки были настолько упорны, что в конце концов из Кракова в Самбор был командирован один из наиболее видных представителей бернардинского капитула; ему было дано официальное поручение — произвести основательное расследование по поводу распространяющихся слухов. Уполномоченный привез в Краков заявление, скрепленное подписями его самборских собратьев: они свидетельствовали, что Дмитрия нет в их монастыре и что со времени его отъезда в Россию его больше не видели в Самборе. Однако чем более неуловимым был царь, тем усерднее старались некоторые воскресить его из мертвых. 5 января 1607 года, накануне праздника Богоявления, во Львов прибыл из Ярославля бывший секретарь Дмитрия Ян Бучинский. Между прочим он посетил и отца Андрея, который был когда-то его духовным отцом. Бучинский клялся, что Дмитрию удалось спастись. По его словам, дело царя не только не проиграно, но приобретает все более и более шансов на успех. Марина знает об этом и с нетерпением ждет возвращения мужа. В заключение Бучинский подробно рассказал о своем пребывании в доме Мнишеков... Сердце доброго отца Андрея опять преисполнилось светлых надежд; в голове его вновь зародились планы дальнейшей деятельности среди русских.

Колебания, переживаемые Рангони, отражались и на настроениях Ватикана. Краковский нунций пересылал в Рим все документы, попадавшие в его руки. Он сообщал все новые данные и слухи... В зависимости от того, какой тон господствовал в этой корреспонденции, кардинал Боргезе переходил от сомнения к вере и обратно. Во всяком случае, он не хотел, чтобы события застали его врасплох. Больше всего интересовал его вопрос, почему, если царь жив, он так долго пребывает в неизвестности? В ответ на это сторонники Дмитрия осторожно намекали, что, может быть, причиной этого являются опасения царя, как бы ему не поплатиться за свою неблагодарность по отношению к польскому королю. Слыша это, кардинал начинал заранее обдумывать, какими бы мерами примирить обе стороны. Он уже сочинял соответственные послания к Сигизмунду и обращался к Дмитрию со словами напутствия, дескать, пусть царь выкажет раскаяние, пусть отдалит от себя еретиков, пусть во всем стремится к славе Божьей. Но уже в инструкциях от 18 ноября 1606 года, данных преемнику Рангони, чувствуется новый упадок духа. В них с прискорбием констатируется, что со смертью Дмитрия все мечты на союз с Москвой рухнули... Но в заключительных словах этого любопытного документа еще слышится какая-то робкая надежда.

Впрочем, не было ничего удивительного в том, что современники всех этих событий в Польше или Риме терялись перед множеством разноречивых известий о Дмитрии. Вопреки мнению отца Босгравена, сами русские не знали, какого берега держаться. По-видимому, одним из первых начал распространять волнующие толки о спасении Дмитрия любимец этого царя Михаил Молчанов. Молва, подхваченная итальянцем Таламио на ярмарке, была лишь слабым эхом тех рассказов, что ходили в то время среди русских. Все это возбуждало умы; легенда распространялась с поразительной быстротой. Роковой промах, допущенный Василием Шуйским, ускорил приближение взрыва, который готовился уже давно. Немедленно по вступлении на престол новый царь разослал по отдаленным областям самых горячих сторонников Дмитрия. Для того чтобы смягчить тяжесть этой кары, некоторых из них

назначили на ответственные должности по местной администрации. Так было, между прочим, с князем Григорием Шаховским. Этот человек был искренне предан Дмитрию. По натуре он был весьма энергичен и предприимчив. Правительству Шуйского пришла в голову несчастная мысль — назначить его воеводой в Путивле. В сущности, это значило поставить Шаховского во главе самых горячих приверженцев самозванца и вооружить его всеми средствами для организации восстания. Конечно, Шаховской не преминул воспользоваться случаем. Подняв знамя царя Дмитрия, он объявил о скором возвращении бежавшего государя и начал призывать к оружию всех русских людей. Клич путивльского воеводы оказал магическое действие. Народная масса заколебалась.

Дальнейшие события проливают яркий свет на общественные отношения в тогдашней России. Наступала пора расплаты за политические ошибки и злоупотребления властью, допущенные при Иване IV и Борисе Годунове... Шаховскому оставалось только следовать примеру Дмитрия. На призыв его откликнулись казаки и холопы, беглый и бродячий люд. Все они собрались под его знамена. Очень часто династический вопрос служил для них только предлогом; на самом же деле они стремились лишь к наживе и воле. Во главе этого грозного движения шли пасынки судьбы, обездоленные элементы всякого рода. Когда-то правительство пользовалось ими как передовой силой в борьбе с татарами. Теперь они поднялись против этого правительства. Бедный восстал на богатого, гонимый — на гонителя. Готовился социальный реванш. Может быть, правитель с железной рукой и орлиным взором сумел бы сдержать это стихийное движение. Но Шуйский не был таким правителем, и его окружали предатели.

Полякам было отлично известно все, что происходит у соседей. То, что совершалось в Русском государстве, интересовало их тем более, что теперь вмешательство в эту внутреннюю борьбу было для них удобнее, чем когда-либо. Бунт в Польше доживал последние дни. Ливония была успокоена...

Профессиональные вояки остались без дела. Как должна была соблазнять их при таких условиях военная «прогулка» в Россию! Предлог для вторжения был налицо. Ведь сколько

соотечественников было убито русскими и сколько их еще томилось в плену. Разве можно было найти лучший повод для отмщения? Наградой рыцарям должна была служить богатая добыча от грабежа. В Польше немедленно стали организовываться вооруженные отряды. Во главе их стали опытные воины, которые и повели армию к русским рубежам. Первое место среди этих храбрецов занимал Александр Лисовский. Отважный, выносливый, быстрый как молния, он не знал соперников по части организации набегов. Одно имя его наводило ужас на врагов, на которых он обрушивался всегда неожиданно, как гром среди ясного неба. Князь Роман Рожинский и Ян-Петр Сапега также приняли участие в этом вторжении. К ним присоединились и казаки, готовые на все. Стоило атаману Заруцкому подать знак, и рубаки с Дона и Днепра тотчас откликнулись на его зов. Словом, со всех сторон в Россию слетались хищники; дух мятежа и анархии усиливался с каждым днем.

Рано или поздно, но лицо, во имя которого поднялись массы, должно было перестать быть призраком и обрести плоть и кровь. Вожди движения не могли дождаться, когда же наконец явится герой, вокруг которого они объединятся. С каждым днем положение становилось все более и более затруднительным. Конечно, Дмитрий не мог воскреснуть из пепла; люди, посвященные в истину, отлично понимали это. Но где найти смельчака, который сумел бы принять на себя роль царя и послужить орудием в руках мятежников? После ряда безуспешных попыток желанное лицо было, наконец, найдено. Относительно этого человека ходили самые необыкновенные рассказы. По словам Велевецкого, это был бывший секретарь Дмитрия. Оставшись без дела после смерти самозванца, он нашел себе приют в доме одного священника, в Могилеве. Но здесь он отплатил своему покровителю самой черной неблагодарностью. Им увлеклась хозяйка дома. Оскорбленный муж сперва насытил свою месть ударами плети; затем он выгнал своего гостя, возвращая ему свободу... нищенствовать, где угодно. Чуть не умирая с голоду, злополучный любовник добрался до Пропойска.

Объявившись в августе 1607 года в тюрьме небольшого

северского городка, носившего незавидное название Пропойск, Лжедмитрий начал свой путь к трону.

Каково было происхождение этого человека, совершенно неизвестно, некоторые современники считали его поповским сыном Матвеем Веревкиным, другие — сыном князя Курбского. Исследовавшие его происхождение иезуиты пришли к выводу, что Лжедмитрий II являлся крещеным евреем Богданкой, который недолгое время был писцом у Дмитрия II. Эту версию происхождения Лжедмитрия пропагандировало в массах и правительство Михаила Федоровича Романова. Михаил Федорович Романов в письме своем к принцу Морицу Оранскому говорил, что «Сигизмунд послал жида, который назвался Дмитрием-царевичем». Об этом самозванце известно, что он был школьным учителем в городе Шклове в Белоруссии, затем слугой у нескольких священников, за плохое поведение был высечен и выгнан со службы. Во всяком случае, своей внешностью он вовсе не походил на первого самозванца, но был человеком вполне подходящим, чтобы разыгрывать лже-царя: когда умным, ловким и наглым, а когда трусливым и лишенным всяких нравственных правил.

В пропойской тюрьме, куда его засадили, приняв за лазутчика, он объявил себя первоначально родственником убитого царя Дмитрия, Андреем Андреевичем Нагим, скрывающимся от мести Шуйского. Ему поверили и по его просьбе перевезли в Стародуб. Отсюда он послал своего товарища, подьячего Рукина, разглашать по северским городам, что царь Дмитрий жив и скрывается в Стародубе. Известие это было встречено во всей «преждепогибшей Украине» с величайшей радостью, и из Путивля отправилось в Стародуб несколько боярских детей вместе с Рукиным повидать новоявленного государя. Рукин привел их к мнимому Нагому. Тот вначале запирался и начал говорить, что ничего не знает про Дмитрия, но когда жаждавшие узреть царя стародубцы стали грозить ему пыткой и хотели его уже схватить, то он вдруг выпрямился, взял в руку палку и грозным голосом крикнул: «Ах вы, такие-сякие дети, еще меня не знаете, я государь». Этот окрик подействовал, простодушные стародубцы тотчас же повалились ему в ноги со словами: «Виноваты, государь, пе-

ред тобой» — и тут же стали собирать для него деньги и рассылать во все стороны грамоты по городам, чтобы высылали людей и казну так счастливо отыскавшемуся царю.

Насколько велико было ослепление людей, что новый самозванец — истинный царь Дмитрий, показывает следующий случай: один боярский сын из Стародуба вызвался сам поехать в стан Василия Ивановича Шуйского под Тулу и по приезде спросил его, зачем он надел себе на голову царскую корону при живом государе, за что был, конечно, подвергнут мучительной казни; Шуйский приказал его поджарить на медленном огне, но тот до конца оставался при убеждении, что принимает мученическую смерть за своего законного государя.

Вокруг второго самозванца начала собираться дружина, этим озаботился некий поляк Меховецкий, который, по современным сведениям, и раздобыл нового царя. «На сей раз Дмитрия воскресил Меховецкий и потом, хотя или нехотя, должен был помогать ему, ибо твердо знал все обычаи и дела первого Дмитрия», — говорит С. И. Маскевич[1] в своем дневнике. Однако войско новоявленного царя собиралось на первых порах довольно медленно, почему он и не мог поспеть на выручку к Болотникову в Тулу; поэтому также Шуйский слишком легко отнесся к его появлению и не счел нужным тотчас же после взятия Тулы направить свои войска в Северскую Украину, чтобы сразу покончить с новым Дмитрием.

В сущности, Лжедмитрий II ровно ничего не смыслил в военном деле. Но возле него были сведущие люди, которые помогали ему своими советами и указаниями. После нескольких неудач и целого ряда испытаний в 1608 году Лжедмитрию II посчастливилось дойти, наконец, до села Тушина, расположенного в нескольких километрах от Москвы. Здесь он и учредил свою резиденцию. Сначала Тушино превратилось в укрепленный лагерь; затем это место, приобретшее впоследствии столь печальную известность, приняло вид настоящего

[1] Маскевич Самуил Иванович (ок. 1580 — 1642) — белорусский шляхтич, участник польской интервенции в Россию 1609—1612 годов. Автор записок с ценными сведениями о восстании Наливайко и о событиях в России в 1609 — 1613 годах. — *Примеч. ред.*

города. Постепенно в нем сконцентрировались значительные военные силы. Конечно, чтобы прокормить их, сюда стекалось множество народа. Тут были купцы, предлагавшие свои товары; сюда же приходили и те, кто торговал своей честью. Тушино самым серьезным образом угрожало Москве. Недаром прозвище Тушинский вор так и осталось за Лжедмитрием И.

Теперь в России воцарилась анархия. Напрасно одержал Василий Шуйский несколько побед. Тщетно в борьбе со своими врагами потопил он одного из вождей смуты, Болотникова, и повесил лже-Петра, мнимого сына царя Федора. Все эти удары были мимо цели. Страна была охвачена пламенем. Смута раздирала государство. Ничто не мешало теперь вторжению врагов. Народ не верил своему царю и был во власти искателей приключений.

Василий ясно видел опасность своего положения. И раньше он не хотел войны с Польшей. Теперь он тем более был склонен к мирному решению всяких споров с ней. Сами обстоятельства помогли ему в этом.

Мы знаем, что в Краков был отправлен из Москвы князь Волконский. Но ему ничего не удалось добиться в Польше. Разумеется, его расспрашивали о том, что произошло в Москве. Чуть ли не с первых слов Волконский заявил с досадой, что Дмитрий действительно убит, но это ничего не значит: поляки сумеют воскресить его из мертвых. Такое начало не предвещало ничего хорошего. Немудрено, что единственным результатом этих отношений было отправление в Москву польского посольства. Уполномоченными короля явились Друцкий-Соколинский и Витовский. Оба они прибыли в Кремль 22 октября 1607 года. Обстоятельства требовали от русского правительства энергичных мер. Однако и на этот раз оно осталось верно своим традициям. К великому огорчению Олесницкого и Гонсевского, переговоры затянулись. Мучимые тоской и изнемогая в напрасных ожиданиях хоть какого-нибудь исхода, несчастные пленники пригрозили, наконец, своим тюремщикам, что прибегнут к силе, чтобы пробиться к польской границе. Для того чтобы эти слова не остались пустым звуком, они принялись за приготовления к побегу. По-

требовалось вмешательство бояр, чтобы хоть сколько-нибудь успокоить злополучных пленников.

Между тем положение Василия Шуйского с каждым днем становилось все труднее. Это не могло не сделать его более покладистым. Так или иначе, 23 июля 1608 года с поляками был заключен мирный договор на три года и 11 месяцев. И мир был заключен на условиях Польши.

Самозванец осаждал Москву 21 месяц. В 1608 году в лагерь Тушинского вора, как стали называть его в народе, приехала Марина Мнишек, которая, желая сохранить за собой титул русской царицы, «признала» в новом самозванце Дмитрия и стала его женой. Этот шаг Марины был для самозванца большой поддержкой, многие города присягнули ему. По сути, в России стало два царя: в Москве — Василий Шуйский, в Тушине — Лжедмитрий II. У самозванца сформировалась своя Боярская дума, был свой патриарх — Филарет (Федор Никитич Романов, отец будущего царя Михаила Романова).

Своим приверженцам самозванец щедро раздавал земли и крепостных. Многие москвичи никак не могли определиться, кому служить: уверяли в верности Василия, а затем перебегали в Тушино; побывав в Тушино, возвращались в Москву. Таких перебежчиков русские люди стали называть «перелетами».

Не надеясь собственными силами справиться с самозванцем, Шуйский обратился за помощью к шведскому королю Карлу IX. Шведская рать вступила на территорию России.

В мае 1609 года родственник царя М. В. Скопин-Шуйский выступил с русскими и шведскими войсками из Новгорода Великого против

самозванца. Ему удалось освободить от захватчиков целый ряд волжских городов.

Но новая беда свалилась на царя Василия. Польский король Сигизмунд, активно вмешался в русские дела. Союз России со Швецией был тому причиной. Сигизмунд не мог допустить, чтобы Карл IX, его злейший враг, мог поживиться за счет России. Он решил сделать это сам и 21 сентября 1609 года напал на Смоленск. Польским наемникам, воевавшим на стороне самозванца, был дан приказ присоединиться к своему королю.

М. В. Скопин-Шуйский

В 1609—1610 годах многие польские отряды, находившиеся на службе у самозванца, ушли под Смоленск. Между тем и у Лжедмитрия II дела не ладились. Его воинство, погрязшее в разгульной жизни, пьянстве и разбоях, не только не смогло взять Москвы, но и настроило против себя россиян. Успешно действовали против тушинцев и шведы. Города, прежде признавшие Тушинского вора, снова стали переходить под власть Шуйского, который уже надеялся на скорую победу над самозванцем.

Испугавшись возможной расправы над ним со стороны поляков, Лжедмитрий тайно бежал в Калугу. Туда к нему перебралась и Марина. Вскоре тушинский лагерь совсем опустел: польское рыцарство вышло из него; остальные поехали с повинной или в Москву, или в Калугу. Осада Москвы была снята. Однако после поражения русских войск под Клушином 24 июня 1610 года Лжедмитрий вновь дошел до Москвы и встал лагерем в селе Коломенском. После подхода к Москве польского войска гетмана Жолкевского самозванец вновь ушел в Калугу.

Положение Шуйского в Москве было самое жалкое. Ухудшающаяся жизнь грозила москвичам голодной смертью. Было предпринято несколько попыток сместить Шуйского, но каждый раз на его защиту вставал патриарх Гермоген.

В сложном положении оказались бояре и служилые люди, находившиеся в тушинском лагере. Для них неразумны были и бегство в Калугу к теряющему силу самозванцу, и просьба о пощаде у Шуйского. Они решили искать милости у Сигизмунда. Польский король 4 февраля 1610 года принял посольство тушинских россиян из 42 именитых бояр, дворян и купцов, возглавляемое боярином Михаилом Салтыковым. В посольстве были князья Рубец-Масальские и князь Хворостинин, Лев Плещеев, дьяк Грамотин, купец Андронов и другие. Они предлагали московский престол королевичу Владиславу и выработали условия относительно династической унии Москвы с Польшей под его властью.

Договор об этом был подписан 4 (14) февраля 1610 года. В соответствии с договором Сигизмунд соглашался дать на русский престол своего сына, королевича Владислава. При этом Владислав непременно должен был принять православие от русского патриарха и венчаться на царство в Москве. В договоре были оговорены и другие условия[1].

С двумя противниками Шуйскому необходимо было вести теперь борьбу: с польским королем и Лжедмитрием П. Польский отряд под началом гетмана Станислава Жолкевского нанес поражение русским и шел к Москве, провозглашая царем уже королевича Владислава. С другой стороны из Калуги к Москве спешил самозванец, не потерявший надежды на престол. 1 июля он остановился в селе Коломенском.

Москва волновалась. По улицам разбрасывались польские грамоты, обещающие Русской земле мир и благодать, если царем будет признан Владислав. С другой стороны, люди, преданные самозванцу, призывали к признанию царя Дмитрия. Время царя Шуйского истекало. Перед его престолом разверзлась бездна.

[1] Договор 4(14) февраля напечатан в Сборнике Муханова № 104; в «Записках Жолкевскаго, прилож. 20 и 26», в Актах Западной Руси IV, 180; у Голикова, Деян. Петра В. XII, 274.

17 июля на сходке бояр и дворян было сказано: «Наше государство доходит до конечного разорения. Там поляки и Литва, тут калужский вор, а царя Василия не любят. Он не по правде сел на престол и несчастен в царстве. Будем бить ему челом, чтобы он оставил престол, а калужским людям пошлем сказать, пусть они своего Вора выдадут; и мы сообща выберем всею землею иного царя и встанем единомысленно на всякого врага».

В тот же день бояре отправились к царю с приговором сходки. Шуйскому ничего не оставалось, как покориться. Он положил свой царский посох и переехал из царских палат в свой княжеский дом. На другой день москвичи послали в Коломенское сказать: «Мы свое клятвенное слово совершили — Шуйского свели; теперь ведите к нам своего вора».

Но из Коломенского ответили: «Дурно, что вы не помните крестного целования своему государю; а мы за своего помереть рады».

Многих в Москве такой поворот событий отрезвил, многим стало жаль Шуйского. Патриарх Гермоген, и до этого осуждавший свержение царя, требовал возврата Шуйского к власти. Опасаясь, как бы этого не случилось, Захар Ляпунов (один из самых активных участников свержения царя) с сообщниками, взявши с собой монахов из Чудова монастыря, насильно постригли Шуйского в монахи. Патриарх негодовал, заявляя, что насильственное пострижение не имеет силы. Но Василия свезли в Чудов монастырь. Жену его, царицу Марию, также насильственно постригли и отправили в монастырь.

После присяги бояр и Жолкевского, в соблюдение условий договора, 17 августа присягнуло на верность Владиславу 10 000 человек.

В ночь с 20 на 21 сентября поляки были впущены в столицу и заняли Кремль.

В 1611 году бывший русский царь Василий Иванович Шуйский в качестве пленника был привезен в Польшу к королю Сигизмунду.

29 октября 1611 года в Варшаве состоялась процессия.

За польским войском ехала шагом роскошная золотая коляска, запряженная шестеркой белоснежных турецких ко-

ней. В коляске сидел, держа в руке жезл, гетман Станислав Жолкевский.

За коляскою гетмана следовали опять конница и пехота, а за ними — открытая королевская золотая карета, в которой на главном месте сидел, сгорбившись, с грустно опущенной головой, лысый, подслеповатый старичок, с маленькими красными глазами, с подстриженной редкой, седоватою бородою, с лукавым, угрюмым взглядом. Одет он был в роскошный белый, вышитый золотом, длинный кафтан московского покроя, с серебряными вызолоченными пуговицами и высоким, шитым золотом, воротником, в котором старик словно старался скрыть лицо. На голове его была большая шапка из черной лисицы.

— Смотрите, смотрите! — кричали в толпе. — Это царь московский, это царь Василий Иванович Шуйский!

Толпа все свое внимание сосредоточила на сгорбленном старике и сидевших напротив него двух русских боярах, одетых в расшитые золотом кафтаны.

Это были Дмитрий и Иван Шуйские.

Полякам приходилось видеть у ног своего короля знамена многих побежденных народов, но плененного царя довелось видеть в первый раз.

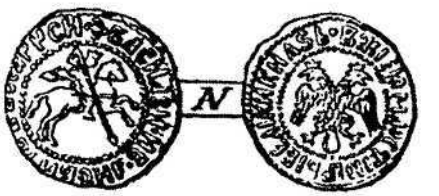
Воевода Юрий Мнишек

Большинство вельмож вполне соглашалось, что пленники достойны сожаления и милосердия и заслуживают гуманного с ними обращения. Были, однако, и такие, которые хотели опереться на них за заговор против Дмитрия и неудачи польских его приверженцев Дмитрия. Указывая на Шуйского как на инициатора и главного виновника избиения в Москве поляков, сопровождавших царскую невесту, «ясновельможную панну Марину Мнишек», они требовали казни пленника. Во главе этих жаждавших мести стоял воевода Сандомирский, Юрий Мнишек. Он громогласно требовал наказания Шуйского, напомнив о коварном убийстве Дмитрия, «царя коронованного и всеми признанного»; жаловался на оскорбление своей дочери, царицы Марины.

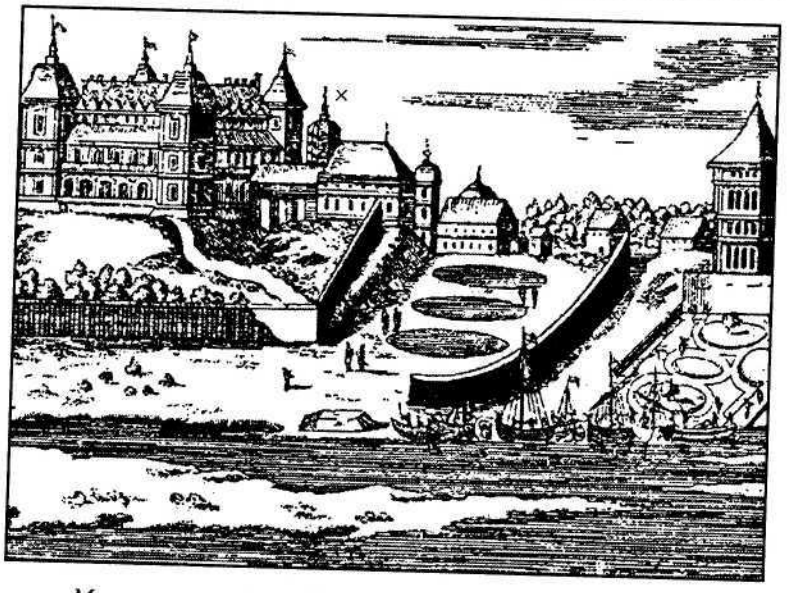
Изображение Василия Ивановича Шуйского

Но «великодушный» король Сигизмунд не нашел справедливым мстить пленному царю; его мнение разделяло большинство панов Речи Посполитой. Правда, король не решился отпустить пленных на свободу и назначил им местом жительства небольшой замок близ Варшавы, но едва ли пленники и воспользовались бы свободою, если бы она и была им дана. Не возвращаться же им было в Москву, где их ненавидели и где их теперь ожидала неминуемая смерть!..

Неволя и тоска свели Шуйского в могилу на следующий год. Там, на чужбине, несчастный русский венценосец кончил 12 сентября 1612 года свою бедственную жизнь. Чтобы увековечить свое торжество и унижение русских, Сигизмунд воздвигнул над могилой Шуйского мраморный памятник с надписью: «Во славу Царя Царей,



Золотой царя Василия Ивановича Шуйского



Московская каплица в Варшаве и окружающие ее здания. По плану, изданному в первой половине XVIII века Бекком (знаком X отмечена каплица)

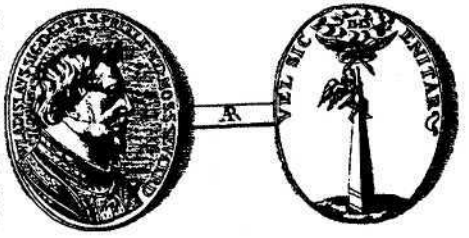
одержав победу в Клушине, заняв Москву, возвратив Смоленск Республике, пленив Великого князя Московского, Василия с братом... по их смерти велел здесь честно схоронить тела их в доказательство, что во дни его царствования не лишались погребения и враги, Венценосцы беззаконные!»

В 1635 году Польша вернула России прах пленного царя и его родных. Тело Шуйского погребено было в Архангельском соборе.

Печально закончилась и судьба второго царя — Лжедмитрия II.

Одним из «перелетов» был касимовский царь. Вскоре, однако, он вернулся в Калугу, надеясь навербовать там новых перебежчиков и вместе с ними возвратиться в столицу. Но когда он появился в Калуге, Лжедмитрий II приказал его схватить и утопить. Тогда начальник охраны самозванца крещеный татарин Петр Урусов решил отомстить за смерть касимовского царя. Он заманил Лжедмитрия II на охоту, где тот был убит своей же охраной.

Медаль на избрание королевича Владислава Сигизмундовича в московские цари (из коллекции гравюр на меди, находящейся в Императорской Академии художеств)



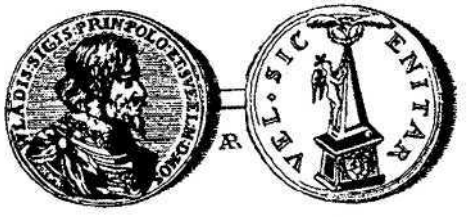
На престол был возведен Владислав Сигизмундович.

Именно гетман Жолкевский требовал выдачи ему Шуйских и отправления их в Польшу. Но он не предвидел, для кого расчищает путь к престолу. Ему казалось, что, увезя Шуйских, он окончательно устранит все препятствия к воцарению на московском престоле польского королевича.

Исследователи доказали, что об этой кандидатуре шла речь между московскими боярами еще в 1605 году. Во всяком случае, несомненно одно: кандидатуру Владислава и бояре и народ восприняли с облегчением, как исход из утомивших всех смут и раздоров. Надеялись, что королевич положит конец кровопролитию и разорению страны, вызванному появлением Тушинского вора, а также и вражде боярских родов и их приверженцев и сплотит вокруг себя все партии.

Впоследствии, после битвы под Клушином, жители и духовенство Можайска, Ржева и других мест при приближении Жолкевского, выходили к польскому гетману навстречу с хлебом-солью и присягали Владиславу. Весть о присяге королевичу успела проникнуть в Москву и там встретила огромное сочувствие.

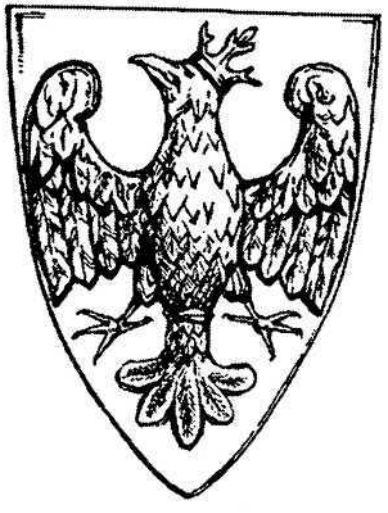
После свержения Шуйского созванный временным правительством «совет всей земли» окончательно избрал Владислава в цари. На съезде, уст-



Медаль (вторая) на избрание королевича Владислава Сигизмундовича в московские цари (из коллекции гравюр на меди, находящейся в Императорской Академии художеств)

роенном 2 августа под Девичьим монастырем, были московским правительством выработаны и подписаны условия, на которых Владислав принимает престол, и бояре торжественно присягнули на подданство Владиславу. В переговорах по поводу избрания представители временного московского правительства нарочно подчеркивали, что Москва по доброй воле сама пришла к мысли о Владиславе, и говорили, что Владислав избран «всем государством». В числе лиц, особенно желавших видеть Владислава на московском престоле, стояли наиболее видные представители московской знати. В числе других — думный дьяк Анастас Безобразов, тот самый, который, по преданиям, упросил первого Дмитрия простить осужденного на смерть Василия Шуйского и который считался одним из приверженцев Шуйского.

Сочувственно относился к кандидатуре и митрополит Филарет, о чем свидетельствуют его грамоты. Как близко было воцарение Владислава, доказывает, между прочим, факт, что в последних числах августа 1610 года стали уже приводить жителей Москвы к присяге королевичу. Присягнуло в первый же день, 27 августа, 10 000 человек, но присяга не ограничилась одним только днем.



Герб первых польских королей

Присягали открыто в Успенском соборе. После того от временного правительства разосланы были по городам известительные грамоты о выборе в цари Владислава, с приложением крестоцеловальных записей, по которым должна была совершаться ему присяга. Даже подозрительный к полякам и не сочувствовавший воцарению иноземца патриарх Гермоген соглашался

признать Владислава царем под условием, если от выбранного в цари королевича не будет никакого нарушения православной церкви. Были отчеканены медали на избрание королевича, печатались его портреты с надписью: «Владиславъ, принцъ польски, королевичъ московски», чеканили монеты с надписью: «Великій князь Владиславъ Зігмонтовичъ» и т. д. Имя новоизбранного царя поминалось в церквах, печаталось в церковных книгах.

Польская медаль 1636 года на победы короля Владислава IV в Московском государстве

Провозглашение Владислава царем московским объясняется взаимною завистью бояр и убеждением, что никто из бояр не удержится на престоле и не сумеет внушить к себе уважение.

Правившая в Москве боярская дума тем временем снарядила великое посольство к королю Сигизмунду под Смоленск, с поручением вручить ему официально подписанный всеми членами правительства «договор» об избрании королевича и просить Сигизмунда дать сына на московский престол. Это «великое посольство» состояло почти из тысячи лиц, представителей всех сословий. Во главе посольства стояли митрополит ростовский Филарет и князь Голицын, а в числе многих другим видных московских деятелей, входивших в состав посольства, находился также и Авраамий Палицын. Вопрос о том, кто будет царем московским, казался уже окончательно решенным. В Москве со дня на день ожидали прибытия королевича, но тут неожиданно явился новый претендент на московский престол в лице самого короля Сигизмунда. Подстрекаемый недальновидными католическими своими советниками, мечтая о соединении Польши и Москвы в одно государство под одним, общим скипетром и опасаясь, как бы москвичи не уговорили Владислава принять православие, Сигиз-

мунд отстранил кандидатуру королевича и потребовал престол для себя, без всяких уступок в пользу русской церкви.

Решение короля Сигизмунда явилось второй услугой, оказанной Московскому государству, — услугой, правда, невольной; с точки же зрения соблюдения польских интересов это была великая, роковая историческая ошибка. Она частью возбудила, частью усилила настроение против поляков как со стороны бояр, так и народа, а в особенности духовенства; она дала толчок тем событиям, которые поляки предвидеть не могли и которые завершились избранием на царство Михаила Федоровича Романова и возвышением Москвы. Польша же с той поры стала постоянно утрачивать свои позиции сильной державы.

Так русские не образовали великого общеславянского государства и не вошли в семью европейских народов.

Оставшись азиатами, мы пошли по пути рабовладельческого строя, надолго отстранившего нас от европейского прогресса.

Но мир на русской земле не устраивал извечных недругов Московского государства — казаков, которые вознамерились посадить на трон «Маринкина паньина сына». Против этого выступал Гермоген, проклявший юного царевича.

Против казаков и поляков стал мутить народ некий Козьма Сухорук, прозванный Мининым по имени своего отца.

Кузьма Минин Сухорук и Дмитрий Михайлович Пожарский

Кузьма Минин, который был всего лишь торговцем в Нижнем Новгороде, почему-то посчитал, что установление мира и спокойствия в Москве под властью царя Владислава для него неприемлемо. Чтобы изменить положение дел на московском престоле, он решил сам включить-

ся в борьбу, создавая свое собственное ополчение. При этом Козьма не останавливался и перед принуждением: «Уже волю взем над ними по их приговору, с Божиею помощью и страх на ленивых налагая». «В этом отношении, — по словам С. Ф. Платонова, — он следовал обыкновенному порядку мирской раскладки, по которому окладчики могли грозить нерадивым и строптивым различными мерами взыскания и имели право брать у воеводы приставов и стрельцов для понуждения ослушников».

Обвиняли Минина в исключительной жестокости и крутости и даже в том, что он «пустил в торг бедняков», т.е. продавал бедняков в рабство... на благо отчизны! В России всегда благо Отчизны считалось выше блага какого-то работяги.

Лица, взявшиеся за образование нового ополчения из «последних людей» Московского государства, отнюдь не желали повторять ошибок Ляпунова и поэтому решили совершенно отделить свое дело от казаков, занимавшихся в нашей стране разбоем и насилием. Решение пользовалось общим сочувствием всей земщины. На призыв нижегородцев о сборе ратников первыми откликнулись смоленские дворяне, лишенные своих имений Сигизмундом; они получили было земли в Арзамасском уезде, но Заруцкий изгнал их и оттуда. Нижегородцы послали смолян бить челом Пожарскому, чтобы он немедленно прибыл.

Дмитрий Пожарский[1] приехал в Нижний в конце октября 1611 года, ведя с собой дорогобужских и рязанских служилых людей, также изгнанных Заруцким из их новых поместий.

Ясное дело, что весь Нижний встретил князя Дмитрия Михайловича с великой честью, причем для ополченских дел им было составлено особое от городского управления правительство, которое должно было заменить как московское боярское правительство в осажденном Кремле, так и подмосковное казацкое.

[1] Князья Пожарские ведут свой род от седьмого сына великого князя Всеволода Юрьевича Большое Гнездо, князя Ивана Всеволодовича, получившего в 1238 году в удел город Стародуб.

Прежде всего князь Пожарский распорядился об обеспечении ратных людей жалованьем, назначив им от 30 до 50 рублей в год, что по тем временам составляло весьма большие деньги. Затем он завел усиленную пересылку с поморскими и понизовскими городами о помощи для очищения Московского государства ратниками и казной и предлагал им прислать в Нижний Новгород выборных людей для Земского совета, причем в рассылаемых грамотах неизменно высказывалось твердое желание отделить свое дело от казаков: «А однолично быть вам с нами в одном совете и ратным людем на полских и литовских людей идти вместе, чтобы казаки по-прежнему Низовой рати своим воровством, грабежи и иными воровскими заводы и Маринкиным сыном не разгонили...»

Между тем в конце января 1612 года боярскому правительству, сидевшему в Кремле под надзором поляков, осажденных в свою очередь казаками, удалось отправить грамоту в Кострому и Ярославль, увещая жителей оставаться верными царю Владиславу и не иметь никакого общения с казаками.

Образовалась новая сила — недовольные московским правительством князья, лишенные своих поместий, возглавили новые отряды для пролития русской крови.

22 октября казаки взяли приступом Китай-город. Поляки заперлись в Кремле и держались в нем еще месяц. Но ввиду крайней нужды в продовольствии они «повелеху бояром своих жен и всяким людем выпущати из города вон».

Сильно озабоченные судьбой своих семей, бояре отправили к Пожарскому и Минину просьбу, чтобы они их приняли под свою защиту. Те, конечно, обещали. «Князь Дмитрей же повеле им жен своих выпущати и пойде сам и прият жены их чесно и проводи их коюждо к своему приятелю и повеле им давати корм. Казаки ж все за то князь Дмитрея хотеша убити, что грабить не дал боярынь».

Во второй половине ноября «литовские ж люди, видя свое неизможение и глад великой, и град Кремль здавати начата». Они вступили в переговоры с Пожарским, прося о даровании им жизни, а также «полковником же и рохмистром и шляхтам чтобы идти к князю Дмитрею Михайловичу в полк Пожарскому, а к Трубецкому отнюдь не похотеша идти в полк».

Затем последовала сдача Кремля. Сначала из него были выпущены бояре, в том числе князь Ф.И. Мстиславский и совершенно больной Иван Никитич Романов, хромой и с отнятой рукой, что с ним случилось еще во времена Годунова; вместе с Иваном Никитичем вышел из Кремля и его юный племянник Михаил Федорович, сын Филарета. Мать и сын тотчас же отправились в Кострому, свою вотчину[1].

Казаки хотели разграбить Москву, но им этого не дали сделать, но «каждый казак получил деньгами и ценными вещами восемь рублей».

Но казаки быстро спустили все полученное. «Казацкого же чина воиньство, — говорит Авраамий Палицын, — многочисленно тогда бысть и в прелесть велику горше прежняго впадошя, вдавшеся блуду, питию и зерни[2], и пропивше и проигравше вся своя имениа, насилующе многим в воиньстве, паче же православному христьянству. И исходяще из царьствующего града во вся грады и села и деревни, и на путех грабяще и мучаще не милостивно сугубейши перваго десяторицою... И бысть во всей Росии мятеж велик и нестроение злейши перваго (прежнего); боляре же и воеводы, не ведуще что сотворити...»

Между тем в Москву пришли тревожные сведения, что к ней идет король Сигизмунд. Действительно, часть поляков, узнав, что дела Струся пошли дурно с подходом к столице нижегородского ополчения, стали требовать на сейме в Варшаве, чтобы король поспешил ему на выручку, однако средств ему на сбор войска не дали. Сигизмунд отправился в Вильну, набрал с большим трудом 3000 немецких наемников и в октябре прибыл к Смоленску. В Смоленске «рыцарство», т. е. польская конница, находившаяся здесь, несмотря на все мольбы короля, наотрез отказалась следовать с ним к Москве, и он выступил один со своими немцами на Вязьму; однако по

[1] Михаил, мать его и отец были при осаде на стороне поляков. Потом создадут сказку о том, что поляки, уже разбитые и взятые в плен, пошли убивать Михаила в деревню Домнино, чтобы дать прославиться Ивану Сусанину.

[2] Зернь — игра в кости.

Печать стольника князя Дмитрия Михайловича Пожарского-Стародубского. Эта печать приложена к грамоте князя Пожарского к германскому императору, писанной в Ярославле в 1612 году июня 20

дороге его нагнали 1200 конных из Смоленска, которые устыдились своего отказа, а в Вязьме он соединился и с Хоткевичем. Из Вязьмы Сигизмунд пошел осаждать Погорелое Городище; сидевший здесь воеводою князь Юрий Шаховской послал сказать королю: «Пойди в Москву, будет Москва за тобою, а мы тоже твои». Тогда король отошел от Погорелова и стал осаждать Волок-Ламский.

Из-под Волока Сигизмунд послал на Москву отряд молодого Жолкевского (сына гетмана), а с ним князя Данилу Мезецкого, бывшего с послами под Смоленском, и дьяка Ивана Грамотина «зговаривати Москвы, чтобы приняли королевича на царство. Они же придоша внезапу под Москву. Людие же все начальники были в великой ужасти и положиша упование на Бога».

Действительно, кроме описанного выше «разброда»- казаков из-под Москвы для грабежа многие ратные люди к этому времени также уже разъехались, а запасов продовольствия к столице, чтобы сесть в долгую осаду, свезено не было. Тем не менее, когда молодой Жолкевский подошел к Москве, то вся рать мужественно вышла ему навстречу и вступила в бой, решив помереть или победить, — и победила. Жолкевский был отбит.

Для избрания нового царя был созван собор.

В первую голову был поставлен вопрос об избрании государя из иностранных царствующих домов. Как мы видели, чтобы не иметь лишних врагов при освобождении Москвы от поляков, летом 1612 года завязались переговоры о выборе

шведского королевича Филиппа; кроме того, Пожарский сносился и с германским императором о возможности выбора его родственника, Максимилиана Габсбургского. Затем был поднят вопрос и о татарских царевичах, бывших в Московском государстве, но все же было решено выбрать государя только из «своих», русских, людей.

Затем на соборном совещании было порешено: «литовского и шведского короля и их детей и иных немецких вер и никоторых государств иноязычных нехристианской веры греческого закона на Владимирское и Московское государство не избирать, и Маринки и сына ее на государство не хотеть, потому что польского и немецкого короля видели на себе неправду и крестное преступленье и мирное нарушенье: литовский король Московское государство разорил, а шведский король Великий Новгород взял обманом».

После этого приступили к выбору «из своих»; в этих выборах весь январь и начало февраля 1613 года прошли в большом беспокойстве. «И тако бысть, — по словам князя И. М. Катырева-Ростовского, — по многи дни собрание людем, дела же толикие вещи утвердити не возмогут».

Шла ожесточенная борьба за власть.

После рассказывали, что сильно домогался царского престола князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой. А затем создалась сплетня, что даже и князь Д. М. Пожарский добивался избрания, но впоследствии сам сплетник, дворянин Сумин, торжественно отказался от нее, хотя, конечно, как вождь нижегородского ополчения, совершивший великий подвиг очищения государства от врагов, Пожарский в умах многих и мог являться желанным избранником.

Но этому, писал А. Нечволодов, прежде всего препятствовала врожденная скромность самого князя Дмитрия Михайловича, что запечатлено и в современной народной песне: «Выбираем мы себе в цари, из бояр боярина славного князя Димитрия Пожарского сына», на что последний отвечает: «Недостоин я такой почести от вас».

Князь Пожарский был Рюрикова дома, но силы не имел. Мавр сделал свое дело... Романовы вовсе не собирались уступать кому-либо трон.

В другом современном сказании, «Хронографе», рассказывается, что на соборе Пожарский стал говорить: «Теперь у нас в Москве благодать Божья воссияла, мир и тишину Господь Бог даровал: станем у Всещедрого Бога милости просить, дабы нам дал Самодержателя всей России. Подайте нам совет благий. Есть ли у нас Царское прирождение». На это все умолкли. Затем духовные власти держали такое слово: «Государь Димитрий Михайлович! Мы станем собором милости у Бога просить. Дай нам сроку до утра».

На следующий же день, 7 февраля, когда собрался весь собор, какой-то дворянин из Галича выступил вперед и представил письменное мнение, что последнему государю из племени Иоанна Калиты — Феодору Иоанновичу — ближе всех по родству приходится Михаил Федорович Романов, почему он и является прирожденным царем.

Памятник Кузьме Миничу Сухоруку и Дмитрию Пожарскому в Москве

На это послышались голоса: «Кто прислал такую грамоту, откуда?» Но в то же время вышел и донской атаман и также подал грамоту. «Что это ты подаешь, атаман?» — спросил его Пожарский. «О прирожденном царе Михаиле Федоровиче», — послышался ответ.

Таким образом, и земщина и казачество, всегда между собой враждовавшие, произнесли одно имя, которое должно было их всех примирить.

Романовы победили!

«Тако благослови Бог и прослави племя и сродство царское, — говорит летописец, — достославного и святого и блаженные памяти государя царя и великого князя Федора Ивановича всея Руси племянника, благоверного и Богом избранного и Богом соблюдаемого от всех скорбей царя государя и великаго князя Михаила Федоровича всея Руси самодержца сына велика боярского роду боярина Федорова сына Никитича Юрьева».

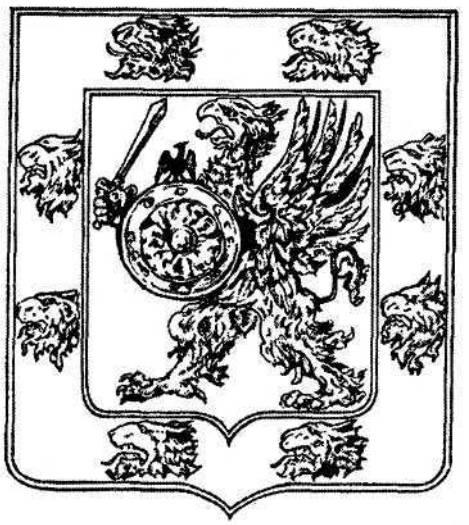
Князь Пожарский попал в опалу, Минин же, не представлявший для Романовых никакой опасности, был возведен в дворянское сословие.

«Археологические известия и заметки» (М., 1897. Т. 5. С. 9) сообщают в хронике, что «Волгарь» пишет о находке, обнаруженной в сарае при старой колокольне кафедрального собора в Н.-Новгороде. Среди разного хлама там оказалась старинная надгробная плита с могилы Минина.

Так с давних пор мы чтим своих героев. Официальный памятник — положено! А могила... Да кому она вместе с самим ее владельцем нужна? Русский солдат достоин мемориала, но не уважения к его могиле. На Руси всегда было так.

Новая династия — Романовы

1 февраля 1613 года выборщики единодушно назвали имя Михаила Федоровича Романова. Именитые люди взошли на лобное место и не успели еще задать вопроса, как раздался громкий крик собравшегося на площади народа: «Михаил Федорович Романов будет царь-государь Московскому государству и всей Русской державе!»



Герб рода Романовых

Через несколько лет Смуты к власти пришли Романовы. Подозрительно спокойно и чинно. Именно в их эпоху началось создание первой версии русской истории. И эта история пришла в противоречие со свидетельствами европейцев — многих достойных и уважаемых людей.

Какова была истинная роль Романовых в деле свержения династии Рюриковичей? Этот вопрос не

изучен. Возможно, им было что скрывать, и они внесли свою лепту в то, чтобы сделать эту темную страницу нашей истории еще темней?

Известно предание, что первый из этого рода, кого мы знаем по имени, Андрей Кобыла, был выходцем на московскую службу «из прусс», т.е. литовского племени.

Летопись знает Андрея Кобылу среди бояр великого князя Симеона Ивановича: в 1347 году он ездил по невесту великого князя, тверскую княжну Марью Александровну.

Один из предков Романова — Федор Кошка так был охарактеризован Эдигеем: «Добрая душа к Орде была от Федора от Кошки,- писал Эдигей в. к. Василию Дмитриевичу, — и то ся минуло; нынтча же у тебе сын его Иван, казначей, твои любовник и старейшина, и ты из того слова и думы не выступаешь и старцев земских ни думы, ни слова не слушаешь».

Потомки Кобылы и Кошки получили прозвище Захарьиных-Юрьевых.

Михаил Юрьевич был среди бояр, которых великий князь Василий III перед кончиной призвал к себе для наказа, «како без него царству строитися». Но в борьбе боярских партий по смерти Василия III Захарьины роли не играли.

Их звезда взошла высоко с того момента, когда юный царь Иван Васильевич «смыслил женитися и выбрал себе невесту, дщерь окольничего своего Романа Юрьевича — Анастасию».

Роман Захарьин, вероятно, умер в молодых годах, так как не успел достигнуть боярского звания. Эта женитьба царская — 3 февраля 1547 года — выдвигала семью Захарьиных вне местнических счетов, возвышала нетитулованный род в первые ряды боярства. Среди княжат она вызвала тревогу и недовольство. С другой стороны, Захарьины не примкнули к правительственному кругу «избранной рады», который образовался около царского духовника протоиерея Сильвестра и А. Ф. Адашева.

Влиятельные лица московского двора почуяли в них опасных соперников, за которыми может быть будущее. Эта вражда к Захарьиным вскрылась в той смуте, какую царский дво-

рец пережил в 1553 году. Царь Иван так тяжко заболел, что ожидали его смерти. Больной распорядился составлением духовной и повелел привести бояр к крестному целованию на имя царевича Дмитрия, родившегося во время возвращения царя из казанского похода. Бояре ближние, в том числе Захарьины, присягнули беспрекословно, но когда царь созвал «бояр своих всех», раздались возражения: «Сын твой еще в пеленках, и владеть нами будут Захарьины, Данил с братьею».

Царь выздоровел, но князьям обиды не забыл.

Князья жаловались, что царь теснит великие роды, а приближает к себе «молодых» людей. «Да и тем, — говорил князь Ростовский, — нас истеснил, что женился — у боярина у своего дочерь взял, робу свою, и нам как служить своей сестре?»

«И от того времени, — говорит запись современника в летописи, — бысть вражда промеж государя и людей, а в боярах смута и мятеж, а царству почала быти во всем скудость».

Народная память в исторических песнях о Грозном царе выделила из всего боярства именно Никиту Захарьина как защитника страдавших от царской опалы и противника Малюты Скуратова. Однако он сохранил расположение Грозного и влияние на дела до конца дней и правления царя Ивана. Боярин Никита стоял в центре той группы правительственных дельцов, с которыми царь осуществлял свою программу уничтожения политического значения крупного землевладения и традиционных привилегий бояр-княжат, объединения всех служилых сил и платежных средств страны в распоряжении центральной власти, единой и самодержавной. И когда по смерти царя Ивана власть перешла к Федору, неспособному править государством, Н.Р. Юрьев-Захарьин и по родству и по положению оказался главою фактического регентства. Но уже к осени того же 1584 года болезнь его сломила, а в апреле следующего он умер. Правительственная среда, объединенная его бесспорным первенством, раскололась на враждебные кружки. Шуйские, связанные с Никитой Романовичем свойством, при нем, видимо, держались на втором плане; теперь они потянулись к своей братии, княжатам, ища опоры против возвышения Годунова. К Годунову, правой руке Никиты Захарьина и царскому шурину, перешло правительственное первенство. По преданию, ему Захарьин завещал «соблюдение» своих детей, пяти братьев Никитичей Романовых, связав их клятвенным союзом дружбы. Никитичи были еще молоды, ни один из них не носил боярского сана.

Этим устранялось их соперничество с Годуновым, и проявление розни между ними не видим за все царствование Федора. Но постепенно Никитичи Романовы вошли в силу.

Старший, Федор, отличался среди них даровитостью и энергией. Смолоду он приобщился к популярности отца. Молодого боярина — щеголя, приветливого и радушного, в Москве хорошо знали. Но не такой известности нужно было Федору. Большое честолюбие, политический темперамент и неукротимая энергия влекли его к видной государственной роли. С 1587 года Федор Никитич стал боярином, старшим в своей большой семье, к которой тянуло, по родству и свойству, немало других боярских фамилий. Родство с царским домом, богатство и широкие связи, семейная традиция влияния и власти — все сулило боярину быстрое возвышение. Немудрено, что по мере укрепления позиции правителя Годунова нарастало чувство недовольства и недоверия, колебавшее прежний «союз дружбы» и разразившееся по смерти царя Федора прямой борьбой за престол угасшей династии. По Москве ходили слухи, что царь Федор завещал престол двоюродному брату своему Романову, что Годунов связан клятвой, данной отцу Никитичей, быть их «царствию помогателем». На избирательном соборе 1598 года у Федора была своя партия, как и во дворце. Но соперник стал царем по «единодушному» избранию собора. Федор Никитич не смирился. Разрыв с Годуновым был полный. Рассказывали о резких сценах между ними, причем Романов будто даже с ножом на Бориса кидался. Его сторонники не сдерживались в приемах агитации; из их среды поднялись обвинения против Бориса в убиении царевича Дмитрия и царевны Феодосии, в отравлении самого царя Федора. В Романовском круге возникла мысль противопоставить Годунову Симеона Бекбулатовича, будто имевшего право на престол по своей роли «государя московского» в эпоху опричнины; тут же, в горячке избирательной борьбы, мелькнула впервые мысль о самозванце — Дмитрии,

правда, еще в форме обвинения Бориса в такой затее, на случай неудачи. Но помешать избранию Годунова не удалось. И царь Борис, на первых порах, ищет примирения с Романовыми. При венчании на царство он велел «сказать боярство» двум Никитичам, Александру и Михаилу, и их родне, князьям Черкасскому и Катыреву-Ростовскому. Но глухая вражда и взаимное недоверие остались в силе. Романовы и их друзья окружены шпионами и доносчиками. По доносу их человека, Бартенева Второго, разразилась над ними опала в 1601 году. Гласно обвинили их в волшебстве и будто за какое-то «коренье», найденное у Александра Никитича. Но суровость расправы показывает, что дело было политическое. Романовых схватили, допрашивали, даже к пытке водили, хотя и не пытали. Розыск тянулся добрых полгода и захватил ряд боярских семей, связанных с обвиняемыми родством и дружбой. Все пять Никитичей с семьями и кое-кто из их родни разосланы были в ссылку. На истинный смысл всего дела указывает дошедшее до нас упоминание одного из приставов, стерегших Романовых в ссылке, что они «злодеи, изменнически хотели царство достать ведовством и кореньем». Федора Никитича сослали в Антониев-Сийский монастырь и там насильно постригли, под именем Филарета. Но и этот испытанный способ устранять неудобных людей с политического поприща в данном случае не достиг цели. Монашеский клобук не укротил Федора-Филарета.

Из Москвы внимательно следили за ссыльными, приказывая приставам «дослеженье держать большое, чтобы им нужды ни в чем отнюдь никакой не было и жили бы и ходили бы свободны», но в то же время постоянно доносить об их поведении. Первое время инок Филарет сильно тосковал, но к 1605 году его настроение круто изменилось, и пристав доносил с недоумением: «Живет старец Филарет не по монастырскому чину, всегда смеется неведомо чему и говорит про мирское житье, про птицы ловчия и про собаки, как он в мире жил, а к старцам жесток, лает их и бить хочет, а говорит старцам Филарет-старец: увидят они, каков он вперед будет!»

Это было время, когда шла борьба царя Бориса с самозванцем. Годунов обвинял бояр, что появление самозванца

«их рук дело» и, объявляя его Гришкой Отрепьевым, указывал, что тот «жил у Романовых во дворе»; и позднее царь Василий Шуйский пояснял польскому правительству, что самозванец был Отрепьев, который прежде «был в холопах у бояр, у Никитиных детей Романовича». Сопоставление этих заявлений с обстоятельствами ссылки Романовых дает основание предположить прямую связь между боярской интригой против Бориса и появлением самозванца.

Царь Борис, видимо, не ошибся. А он знал, кого обвиняет, потому что не колебался доверить борьбу с самозванцем боярам-княжатам Шуйским, Голицыным, Мстиславскому, соперникам Романовского круга. Но если враги Годунова думали найти в самозванце только орудие свержения, то на первых порах жестоко ошиблись. Неожиданная кончина царя Бориса и смута в войсках привели к воцарению Лжедмитрия I. Разбитая опалами Годунова, придворная знать лишь постепенно стала оправляться при новом царе. Филарет возвращен из ссылки, но не занял видного положения в Москве, а был назначен на митрополию в Ростов; брат его Иван, единственный из братьев, переживший ссылку, стал боярином. При дворе царя Дмитрия влияние досталось новым людям, и это сблизило против него прежних недругов.

Родовитое боярство поспешило свергнуть самозванца; Романовы и их друзья поддерживали заговор, но не руководили им. Союз двух кругов московского боярства не мог быть прочным: инициаторы заговора прочили на престол одного из своих, а в то же время по Москве пошли слухи, записанные иноземцами, что власть перейдет к одному из Романовых.

Царем стал Василий Шуйский. И он пытается примирить партию Романовых со своим воцарением, наметив Филарета на патриарший престол. Бояре в переговорах с польскими послами уже называли Филарета патриархом. Нареченный, но еще не поставленный, Филарет тотчас по воцарении Шуйского послан был в Углич для перенесения в Москву мощей царевича Дмитрия. В его отсутствие в Москве разыгрались какие-то уличные беспорядки, направленные против нового царя и возбужденные подметными листами, в которых говорилось о спасении Дмитрия. Польские послы записали слух,

что эти листы приписывали Филарету, которого-де за это и низложили с патриаршества. Дело это темное, известия о нем сбивчивы, но несомненно, что в конце мая 1606 года лиц Романовского круга постигла опала, а Филарет вернулся из Углича, не выполнив поручения, на свою Ростовскую митрополию. Тут он и живет до октября 1608 года как «верный богомолец» царя Василия. В октябре 1608 года отряды Тушинского вора взяли Ростов, потому что тут «жили просто, совету и обереганья не было», и увезли Филарета в Тушино. Здесь пленника встретили с почетом, дорожа им для роли нареченного патриарха московского при Тушинском царьке: Известия о положении Филарета в Тушине противоречивы. По одним — он жил тут «не своею волею», его «блюли всегда крепкими сторожами»; по другим — он добровольно играл роль главы того духовенства, которое «вора» признало царем Дмитрием. Последнее лучше согласуется с дальнейшими событиями. Все, кто был враждебен Шуйскому, видели во втором самозванце орудие против него. И.Н. Романов, князья Катырев и Троекуров, женатые на Романовых, князь Трубецкой подверглись опале за то, что чуть было не увлекли войска на его сторону. А потом Троекуровы, Трубецкой, Черкасский и другие лица Романовского круга собираются в Тушине вокруг Филарета. Когда Тушино распалось, то в его «станах» осталась группа русских людей с Филаретом во главе, которая порешила к царю Василию не ехать, Шуйских и иных бояр на государство не хотеть и завела переговоры с королем Сигизмундом об избрании на московский престол королевича Владислава. Филарет в сношениях с королем продолжает титуловать себя патриархом. Проект выработанных ими условий воцарения Владислава показывает, что составляли его сторонники того порядка, который создался при Грозном и Годунове, был выгоден служилой знати и служилым людям вообще и вызывал вражду родовитых князей, сторонников Шуйского. В то же время они устанавливали прочные гарантии независимости русской государственной жизни, православной церкви и национального быта. На попытку Сигизмунда склонить их под свою власть тушинские политики ответили, что все дело не может быть решено без совета всей земли, а Филарет, по-

ехавший было к королю, был «отполонен» у поляков и вернулся в Москву. Здесь его приняли с честью, и он, сохраняя Ростовскую митрополию, остался жить в столице. О личном его участии в низложении царя Василия известий нет, но там действовали близкие ему люди. После падения Шуйского выдвинулись две кандидатуры на престол: князя В.В. Голицына и М. Ф. Романова, за которого стояли большинство горожан московских и сам патриарх Гермоген. Но опасное положение Москвы, теснимой, с одной стороны, шайками самозванца, снова подступившего к столице, а с другой — польским войском гетмана Жолкевского, заставило бояр впустить в Москву польские войска и присягнуть Владиславу на условиях несколько измененного тушинского договора. Жолкевский, однако, понимал, что русские претенденты на престол опасны для польской политики, и принял против них меры. Князя В. В. Голицына он убедил стать во главе посольства к королю, а так как Михаил Романов был слишком юн для роли посла, то гетман постарался, чтобы послом назначили его отца, митрополита Филарета. В сентябре «великое посольство» отправилось под Смоленск, в польский лагерь. Оно ехало за утверждением договора об избрании Владислава от того совета всей земли, какой устроили для присяги королевичу из имевшихся на Москве представителей «всех чинов Московского государства».

Эпилог «московской трагедии» разыгрался без участия Филарета. Но семена, посеянные им и в Москве, и в Тушине, взошли и без него. Земщина, поднявшись на защиту государства, не искала царя вне той среды, которая сама сложилась в процессе его строения при старой династии, являлась естественной носительницей традиции этого строительства. Отец Филарета почти полстолетия стоял близко к центру всей государственной работы и занял в нем руководящее положение. Всю жизнь боролся его сын за сохранение этого значения себе, объединяя вокруг себя разбитые налетавшими бурями элементы московской правительственной среды. Злая судьба подвела его под монашеский клобук, но это не лишило его большой политической роли. Путь к престолу, который при новых условиях не минул бы Федора Никитича, был закрыт по-

стрижением. Но выдвинулась кандидатура его сына, окрепла и осуществилась. Личность Михаила рисуется в исторической традиции крайне туманными, неопределенными чертами. Взоры искателей царя остановились на нем, конечно, не ради него самого. В годину избрания ему было всего 16 лет, и заявить себя он ничем не мог. Но и позднее, в течение всего продолжительного царствования, облик Михаила остается бледным. По-видимому, крутая энергия родителей, как это часто бывает, наложила печать мягкой пассивности на его натуру; не выходил он до конца из их воли, а «властительного отца боялся почтительным страхом. К тому же здоровье, по-видимому, часто ему изменяло; ходьба и езда утомляли, а «от многого сиденья» ослабевал весь организм».

Избран был Михаил и царствовал как представитель определенного правительственного круга, какой образовался при нем и правил его именем.

Михаил Федорович (1596—1645)

Михаил Федорович — первый царь (с 1613 г.) из династии Романовых. Сын патриарха Филарета (Ф. Н. Романова), двоюродный племянник царя Федора Иоанна Годунова. Избран на царский престол собором 1613 года. Его правление посвятилось главным образом преодолению последствий Смутного времени. Россия завершила войну со Швецией, вела войны с Польшей за присоединение Смоленска и некоторых других земель, отражала набеги крымских татар, занималась освоением Сибири. Михаил Федорович был тихим и кротким

человеком, очень здоровым физически и относился к числу царей, которые «царствуют, но не правят».

Вплоть до 1633 года настоящим правителем России был отец Михаила — патриарх Филарет, но и после смерти «родителя» Михаил ничего не решал в одиночку, без согласования с боярами.

Царствование Михаила началось с того, что прежние правители страны были устранены из политической жизни. Ревностный защитник интересов Марины — Заруцкий — посажен на кол. Законная царица Марина в 1614 году была задушена в тюрьме, а ее малолетний сын трех лет от роду (Иван родился в январе 1611 года) был повешен на Спасской башне Московского Кремля.

Так с петли вокруг шейки трехлетнего младенца началось правление династии Романовых.

Со сменой власти порядок не наступил. Казаки, пришедшие в Москву «за зипунами», вовсе не собирались сидеть просто так. Начались грабежи, погромы и убийства. Все как положено.

Вот что пишет о вакханалии разбойников А. Нечволодов: «Особенно сердился государь на непрекращавшиеся грабежи и разбои. Сопровождавшие его Феодорит и Шереметев послали 28 апреля следующую грамоту собору: «Писал к вам государь много раз, чтобы у вас в Москве, по городам и по дорогам убийств, грабежей и никакого насильства не было, а вот 23 апреля приехали к государю на стан в село Сватково дворяне и дети боярские разных городов переграблены донага и сечены... на дороге, на Мытищах и на Клязьме, казаки их перехватили, переграбили, саблями секли и держали у себя в станах два дня, хотели побить, и они у них, ночью развязавшись, убежали... Писали к государю из Дмитрова приказные люди, что прибежали к ним из сел и деревень крестьяне жженые и мученые огнем; жгли их и мучили казаки».

За два дня до этого, 26 апреля, в обители Живоначальной Троицы государь и мать его, великая старица Марфа, призвали митрополита Казанского Ефрема и других членов собора, присоединившихся к «походу», и говорили «с великим

гневом и со слезами, жалеючи о православных крестьянах, что грабежи и убийства на Москве, и по городам и по дорогам встали воры великие и православным крестьянам, своей единокровной братье, чинят нестерпимые смертные муки и убийства и кровь крестьянскую льют беспрестани... И государь и мать его, видя такое воровство, из Троицкого монастыря идти не хотят, если всех чинов люди в соединение не придут и кровь христианская литься не перестанет».

Это крепкое слово государя, сейчас же всецело вставшего после своего избрания на защиту сирого и убогого люда, подействовало. 30 апреля собор приговорил отправить посольство с выборными из всяких чинов бить челом царю, чтобы «он умилосердился над православными христианами, походом своим в Москву не замешкал; а про воровство про всякое митрополит и бояре заказ учинили крепкий, атаманы и казаки между собой уговорились, что два атамана через день осматривают каждую станицу и чье воровство сыщут, тотчас про него скажут и за воров в челобитчиках быть не хотят».

Период великого разбоя отразился в одном из распространенных мифов, посвященных начальному периоду династии Романовых.

Миф об Иване Осиповиче Сусанине

Иван Сусанин — русский национальный герой. Крестьянин села Деревенька Костромского уезда. Якобы в марте 1613 года отряд польских интервентов шел в село Домнино Костромского уезда, чтобы захватить и убить находившегося там избранного на русский трон Михаила Федоровича Романова. В качестве проводника интервенты избрали Сусанина. Однако вместо того чтобы вести поляков в Домнино, Сусанин завел их в непроходимые болотистые дебри, где они погибли, предварительно подвергнув мучительной смерти проводника.

Этот подвиг русского крестьянина воспет Кондратием Рылеевым в стихотворении «Иван Сусанин». Михаил Глинка написал оперу «Жизнь за царя». На родине героя, в Костроме, ему установлен памятник.

Памятник Ивану Сусанину в Костроме

Некоторые весьма настырные исследователи провели расследование: откуда взялись польские интервенты?

Увы! Никаких интервентов не было. Да и царь в это время не в деревне сидел. Выяснилось, что шайка казаков-разбойников просто грабила все, что могла. При одном таком неприятном происшествии от рук разбойников и погиб Иван Сусанин. Узнав о том, что погибшим от рук поляков будет выдаваться денежное пособие, зять Ивана Сусанина написал просьбу на имя матери Михаила, уверяя, что его тесть погиб при защите интересов царя Михаила. Естественно, это оказалось неправдой, однако мать Михаила ходатайствовала об оказании помощи семье Сусаниных хотя и не за заслуги, но «из милосердия».

Впоследствии легенда обросла вымыслами и была признана полезной для воспитательных целей в духе преданности царю и отечеству. После просмотра оперы «Жизнь за царя» царь выразил пожелание включить эту легенду в книгу для чтения в гимназиях. Так вымысел попал сначала в книгу для чтения (литературу), а затем и в учебник истории. И по сю пору находятся писатели, у которых Сусанин все еще жертвует жизнь за царя.

В жалованной грамоте от 30 ноября 1619 года зятю Сусанина, Богдану Сабинину, говорится так: «В те поры приходи-

ли в Костромской уезд польские и литовские люди и тестя его, Богдашкова, Ивана Сусанина в те поры литовские люди изымали и его пытали великими немерными пытками. А пытали у него где в те поры мы великий государь царь и великий князь Михаиле Федорович всея Руси были и он, Иван, ведая про нас, великого государя, где мы в те поры были, терпя от тех польских и литовских людей немерные пытки про нас, великого государя, тем польским и литовским людем, где мы в те поры были, не сказал, и польские и литовские люди замучили его до смерти».

На основании данных этого единственного документа А. Нечволодов строит рассказ: «По-видимому, дело спасения Михаила Феодоровича Сусаниным произошло следующим образом: близ села Домнина рыскала одна из многочисленных польских шаек, которая уже проведала, что престол предназначается молодому сыну Филарета Никитича Романова, и решили будущего царя захватить.

Шайка эта шла мимо Железноборовского монастыря, куда в это время как раз приехал из Домнина набожный Михаил Феодорович. Иноки издали увидели движение поляков и тотчас же предупредили его об этом.

Тогда Михаил Феодорович вскочил на лошадь и поскакал в Домнино. Путь его лежал мимо селения Деревеньки, где в ту пору случилось быть Сусанину, у которого накануне сгорел овин. Увидев государя, Сусанин уговорил его не ехать в Домнино, так как поляки несомненно отправятся искать его туда, зная, что это Романовская вотчина, и затем спрятал Михаила Феодоровича в сарае, зарыв в сено.

Сам же Сусанин, сняв с Михаила Феодоровича его боярские сапожки, надел их на себя, разрезав вдоль по переду, и побежал в лес, по течению замерзшей речки Кобры. Отбежав несколько верст, Сусанин взлез на дерево, снял с себя сапожки и затем, заметая насколько возможно свои следы, вернулся назад в Деревеньки, где стал у ворот своего двора.

Скоро подъехали поляки и стали допрашивать его, как старосту, «где боярин — мы знаем, что он здесь был». На это Сусанин отвечал им, что был, да ушел на охоту, и указал

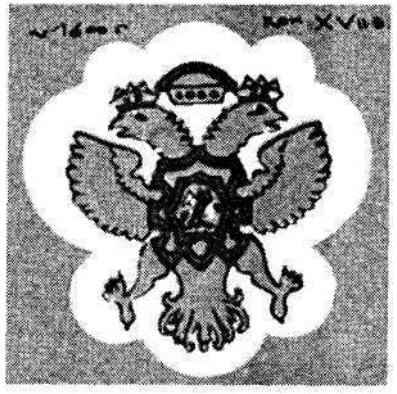
на снегу следы боярских сапожков. Тогда поляки потребовали, чтобы он вел их в лес; Сусанин согласился на это и завел их в самую чащу, а взятого с собой Богдана Сабинина незаметно послал сказать Михаилу Феодоровичу, чтобы он спасался в Костромской Ипатьевский монастырь. Долго шли поляки, и, когда наступила ночь, им стало ясно, что Сусанин их обманывает. Тогда они стали требовать, чтобы он их вывел на большую дорогу, но Сусанин отказался от этого, несмотря на угрозы, и даже объявил, что нарочно завел их в непроходимую чащу. Поляки должны были сами выбираться из леса; после многих плутаний и невзгод они вышли к деревне Исупово; здесь, как говорится в указе Конюшенному приказу от 19 мая 1731 года, они его «пытали разными немерными пытками и, посадя на столб, изрубили в мелкия части».

По преданию, изрубленное тело Сусанина было найдено только на третий день и доставлено в Деревеньки, где Михаил Феодорович оставался спрятанным. Когда государь услышал громкий плач, то, еще не зная в чем дело, он вышел из своего убежища, затем сам обмыл останки верного слуги, положившего за него жизнь, и во время похорон рыдал над ним, как над родным отцом.

После своего спасения Михаил Феодорович отправился к матери в Кострому, откуда они проследовали, несмотря на опасности от польско-литовских людей, в Макарьевский на Унже монастырь, основанный святым Макарием Желтоводским и Унженским, и провели в нем несколько дней в посте и молитве, благодаря преподобного за освобождение от врагов и дав обет вновь прибыть на богомолье в обитель, если Господу угодно будет освободить от польского плена отца Михаила Феодоровича — Филарета Никитича.

Затем сын с матерью, взяв с собой из Деревенек оставшуюся сиротой дочь Сусанина Антониду, бывшую тогда невестой Сабинина, вернулись в Кострому и поселились в Ипатьевском монастыре в палатах, принадлежавших боярам Романовым».

О ценности такой истории читатель может судить сам.



Государственный герб Российской империи

Костомаров писал, что воображать себе Сусанина героем — спасителем царя и отечества мы привыкли со школьной скамьи; но может ли он указать время, когда началась эта привычка? Он указывает на географический словарь Щекатова (1804 года), где впервые рассказан был подвиг Сусанина с подробностями, которых нет в грамоте царя Михаила. Костомаров находит противоречие между рассказом Щекатова и грамотою, именно: в грамоте сказано, что царь жил в Костроме, а у Щекатова говорится, что он был в селе Домнино.

Костомаров находит новые искажения, т. е. новые подробности, в рассказах Глинки и князя Козловского, и эти новые подробности приписывает выдумке названных писателей; но сам автор приводит примечание князя Козловского о Назаровской рукописи, находившейся у Свиньина, в которой заключаются новые подробности, не внесенные, однако, князем Козловским в свой рассказ.

«По случайному сближению то, что выдумали про Сусанина книжники наши в XIX веке, почти в таком виде в XVII веке случилось действительно на противоположном конце русского мира, в Украине. Когда в мае 1648 года гетман Богдан Хмельницкий гнался за польским войском, один южнорусский крестьянин, Микита Галаган, взялся быть вожатым польского войска, умышленно завел его в болото и лесные трущобы и дал возможность козакам разбить врагов своих» (Костомаров).

Но в летописи Величка сказано: «Войска польские и обозы их, ведомые каким-то неверным или и неприязненным к ним человеком, подходят к оврагам и крутизнам».

Так что легенды о болотах, куда поляков заводят герои, были широко распространены не только на Руси, но и на Украине. Чем им поляки-то не угодили?

В царствование Михаила происходит постепенное восстановление народного хозяйства, потерпевшего большой урон в первое десятилетие XVI1 века. В 1617 году был подписан мирный договор со Швецией в Столбове, по которому шведы возвратили России захваченную ими Новгородскую область. Однако за Швецией остались города Ивангород, Ям, Копорье, Карела с прилегающими районами. Поляки предприняли два похода на Москву, а в 1617 году польский королевич Владислав со своим войском дошел до стен Белого города. Но вскоре интервенты были выбиты из предместий столицы. В 1618 году между Польшей и Россией было заключено Деулинское перемирие на 14,5 лет, по которому польский король отзывал свои войска с территории России, но за Речью Посполитой оставались Смоленская, Черниговская и Северская земли. Поляки не признали прав Михаила на русский трон. Сын Сигизмунда III Владислав величал себя русским царем.

Выход царя Михаила Федоровича и царицы после венчания

Вышла из подчинения России Ногайская Орда. Ногайцы стали опустошать пограничные земли. В 1616 году с ними удалось заключить мир. Несмотря на то что правительство Михаила ежегодно посылало в Бахчисарай дорогие подарки, крымские татары совершали походы в глубь русской территории. Их к этому подталкивала Турция. Фактически Россия в 10—20-е годы XVII века находилась в политической изоляции. Чтобы выйти из нее, была сделана попытка женить молодого царя на датской принцессе. Но переговоры о женитьбе успехом не увенчались. Тогда Михаила попытались женить на шведской королевне. Русские потребовали от шведской принцессы перехода в православие и получили отказ.

Главной задачей, которую пыталось решить правительство Михаила, было присоединение Смоленской земли. В 1632 году русская армия осадила Смоленск, взяла Дорогобуж, Серпейск и другие города. Тогда Польша договорилась с крымским ханом о совместных действиях против России. Крымские татары прорвались в глубь русской территории, дошли до Серпухова, ограбив населенные пункты, расположенные на берегах Оки. Многие дворяне и дети боярские, имевшие поместья в южных районах, ушли из-под Смоленска защищать свои земли от татар. Польский король Владислав IV подошел к Смоленску и окружил русское войско. 19 февраля 1634 года русские капитулировали, отдав полякам все имеющиеся у них пушки и сложив свои знамена у королевских ног. Владислав IV двинулся далее на восток, но был остановлен под крепостью Белой. В марте 1634 года был заключен Поляновский мирный договор между Россией и Польшей. По нему Польша возвратила России город Серпейск, за который пришлось уплатить 20 тысяч рублей. Владислав IV отказался от русского трона и признал Михаила русским царем.

После всех этих событий началось восстановление старой и строительство новой засечных черт на юге страны. Москва стала активно использовать донских казаков для борьбы с Турцией и Крымским ханством. В царствование Михаила установились хорошие отношения с Персией, которая оказывала России помощь деньгами во время русско-польской войны

1632—1634 годов. Территория России увеличилась за счет присоединения к ней ряда сибирских регионов.

Обстановка внутри страны была сложной. Смута и длительные войны вконец расстроили хозяйство. Вынужденные меры правительства — чрезвычайные «сборы пятой деньги» — вряд ли способствовали росту популярности правительства. Народ голодал. К тому же Смутные времена не только разорили хозяйство страны, но и привели к деградации населения. Бандитизм и разбои стали отнюдь не редкостью. К тому же за время Смуты и слабости власти, при наплыве в Центральную Россию огромного количество иностранных войск, не отличавшихся великой культурой, по Руси распространилась привычка к употреблению самогона — горилки. Трезвый образ жизни ушел в прошлое.

В 1616 году произошли народные движения, в которых приняли участие крестьяне, холопы и нерусские народности Поволжья. В 1627 году вышел царский указ, разрешивший дворянам передавать свои поместья по наследству при условии службы царю. Таким образом, дворянские поместья были приравнены к боярским вотчинам. После прихода Михаила к власти был установлен пятилетний сыск беглых крепостных. Это не устраивало дворянство, которое требовало продления срока сыска. Правительство пошло дворянам навстречу: в 1637 году оно установило срок поимки беглых до девяти лет, а в 1641 году увеличило его еще на год, а тех, кого вывезли другие владельцы, разрешалось искать в течение пятнадцати лет.

В правление Михаила была предпринята попытка создания регулярных воинских частей. В 30-е годы появилось несколько «полков нового строя», рядовой состав которых составляли «охочие вольные люди» и беспоместные дети боярские; офицерами в этих полках были иностранные военные специалисты. Под конец царствования Михаила возникли кавалерийские драгунские полки для охраны внешних границ.

Царь Михаил Федорович похоронен в Москве в Кремлевском Архангельском соборе.

Но истории царей династии Романовых надо посвятить отдельную книгу.

Эта книга состоит, собственно, по большей части из цитат других авторов, более знающих и более грамотных, чем я. Так как авторов, у которых я «заимствовал» иногда достаточно крупные куски текстов, весьма много, то я решил не сообщать об этом каждый раз отдельно. Признаюсь честно, я уже и сам не помню, что, где и у кого я списал и присвоил. Поэтому заранее прошу извинения у тех писателей и историков, о которых я не упомянул в книге, но чьими трудами беззастенчиво воспользовался. Надеюсь, что получившееся от совмещения их текстов будет интересно и им самим.

Содержание

Вместо предисловия ... 3
Где ты, исконно русская земля? ... 4
Наши южные предки. О государстве Русь Ясская ... 6
Великая Сарматия ... 6
Дунайская прародина ... 10
Великая Сарматия ... 11
Кто такие славяне и росы и один ли это народ?
Чем отличались росы от русов? ... 15
Об острове россов ... 17
Руссия ... 23
«Баварский географ» о стране городов — Гардарики ... 23
Отступление 1.
Спорная глава, объясняющая, как евреи сделали нас русскими ... 28
Антисимитская история ... 29
Израиль, Ханаан и Аравия ... 29
Древние тюрки ... 44
О тюркской рунической письменности ... 51
Финноугорские предки северорусского народа ... 53
Жизнеописание святотатца Стефана Симеоновича, епископа Пермского ... 55
Колбягия — Гардарики ... 61
Русский крокодил ... 74
Владимиро-Суздальская земля ... 78
Христианские письмена ... 85
Монгольское нашествие ... 89
Империя потомков Девы Марии ... 105
Сказание о Дубин-Баяне и Алан-Гоа ... 109
Религиозная политика Великой Орды ... 111
Знал ли Чингиз-хан монгольский язык ... 116
Образование Империи ... 118
Темучин ... 118
Чингиз ... 124
«Татаровя» ... 142

Об отношении татар к наукам ... 147
Татары ... 148
Русь ... 150
Русские княжества и шведы ... 151
Ледовое побоище и его трактовка ... 153
Ледовое побоище 1242 г. ... 157
Великая или Белая Орда ... 164
Улус Джучи ... 164
Правление Бату Саин-хана и его сыновей ... 165
Правление Берке ... 176
Литовские племена в XIII веке ... 177
Об Исе-Ногае ... 182
Золотой век Белой Орды ... 187
Русско-литовские дела ... 194
Москва и Московия ... 200
О городе Москве ... 200
Москва ... 201
Московия и ее князья ... 203
Исследование русской истории Яковом Рейтенфельсом ... 204
Основатель Москвы — Юрий Долгорукий ... 208
Андрей Боголюбивый (1112—29.06.1174) ... 214
Иван 1 Калита (?—1340) ... 229
Откуда взялась калита у Калиты? ... 234
Москва — царство изгоев ... 234
Рыцари процента и векселя ... 237
Московский след тамплиеров ... 239
Симеон Гордый ... 241
Хан Джанибек и «великая замятия» ... 242
Дмитрий Донской (1350—1389) ... 246
Пьяна ... 249
Битва на Воже ... 250
Куликовская битва ... 250
Рассказ о Куликовом поле и о сражении на нем ... 255
Побоище за Доном ... 256
О чем рассказывает «Сказание о Мамаевом Побоище» ... 257
Донские князья ... 259
Задонщина (Кирилло-Белозерский список) ... 260
После сражения ... 277
Монеты как источник информации ... 281
Иго ... 286

Татарское иго — военный союз Великой Орды и великорусских княжеств ... 287
Василий I Дмитриевич (1371—1425) ... 288
Политика Василия I по отношению к «агентам влияния» ... 289
Василий II Темный (1415—1462) ... 291
Иван-Тимофей III Васильевич Великий, Грозный, Святой (1440 —1505) ... 295
Дмитрий Иванович Внук (1483—1509) ... 299
Миссия государства ... 307
Софья (Зоя) Фоминична Палеолог (40-е годы XV в. — 1503) ... 312
Походы в Сибирь ... 314
Иван Иванович Салтык-Травин и Федор Семенович Курбский Черный ... 314
Холмский Даниил Дмитриевич (? — 1493) ... 317
Василий III Иванович (1479—1533) ... 321
Борьба с зеленым змием ... 328
Елена Глинская ... 334
Иван IV Васильевич Грозный ... 337
Вторая жена Ивана — Кученей ... 346
Державный растлитель ... 349
Царь Симеон Бекбулатович ... 352
О государственной символике ... 360
Орел на Гербе России ... 363
Ермолай Тимофеев сын, по прозвищу Токмак (ок. 1540—1585) ... 363
Борьба за трон ... 366
Федор Иванович «Блаженный» (1557—1598) ... 366
Царь Борис Федорович Годунов (1551—1605) ... 383
Федор Борисович Годунов ... 390
Царь Дмитрий II Иванович ... 394
Царь Василий Иванович Шуйский (1552—1612) ... 426
Лжедмитрий-П, «Тушинский вор» ... 442
Новая династия — Романовы ... 470
Михаил Федорович (1596—1645) ... 478
Миф об Иване Осиповиче Сусанине ... 480

Научно-популярное издание

Алексей Александрович Бычков

МОСКОВИЯ

Редактор *О. С. Равданис*
Компьютерная верстка *М. С. Ананко*
Корректор *И. И. Попова*

ООО «Агентство «КРПА «Олимп»
121151, Москва, а/я 92
www.rus-olimp.ru
E-mail: olimpus@dol.ru

ООО «Издательство Астрель»
129085, г. Москва, пр. Ольминского, д. 3а81

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва,
г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 28
www.ast.ru
E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии
ФГУП «Издательство «Самарский Дом печати».
443086, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.